11384

С. А. ПЛЕТНЁВА

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД В КОЧЕВОЙ СТЕПИ

С. А. ПЛЕТНЁВА

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД В КОЧЕВОЙ СТЕПИ:

историко-стратиграфическое исследование

Издательство
Воронежского государственного университета
2006

ББК 63.4
П38

Ответственный редактор —
доктор исторических наук, профессор *А. З. Винников*

Плетнёва С. А.

П38 Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование : монография / С. А. Плетнёва; отв. ред. А. З. Винников. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2006. — 392 с.

ISBN 5-9273-0825-2

Книга посвящена одному из уникальных памятников (IX—XII вв.) Юго-Восточной Европы — Левобережному Цимлянскому городищу, находившемуся на берегу одной из стариц поймы Нижнего Дона (сейчас памятник лежит на дне Цимлянского водохранилища). Неоднократные упоминания хазарского города-крепости Саркел и древнерусской Белой Вежи в письменных источниках и большие раскопочные работы, проведенные на городище, позволили ученым уверенно локализовать Саркел-Белую Вежу на Левобережном городище. Поскольку книга о Саркеле уже издана, в данной монографии представлены археологические источники, относящиеся только к Белой Веже. Восстановлена стратиграфия беловежского культурного слоя, в результате чего выделено несколько периодов в жизни этого небольшого ремесленного и торгового городка, связанного внешней торговлей с Закавказьем, Крымом, Тмутараканью и через них — с Византией.

Для археологов и историков-медиевистов. Может вызвать интерес у читающей интеллигенции России.

ББК 63.4

На обложке:

Руководители Волго-Донской археологической экспедиции
М. И. Артамонов и *О. А. Артамонова* на раскопе Саркела-Белой Вежи
в 1951 году (полевой набросок художника *М. Девятова*)

ISBN 5-9273-0825-2

© Плетнёва С. А., 2006
© Издательство Воронежского
государственного университета, 2006

ВВЕДЕНИЕ

Хазарский крепость-город Саркел и возникшие на его развалинах поселение и затем город Белая Вежа уже давно и убедительно локализованы на месте Левобережного Цимлянского городища. Подробно останавливаться на истории открытия, изучения и интерпретации этого уникального памятника не представляется необходимым, поскольку еще в 1935 году М. И. Артамонов (1935, с. 6—25) подвел итоги всех исследований, которые публиковались в местных изданиях. В них, как правило, давалось общее описание городища и находок, полученных при его визуальном обследовании и небольших раскопках. В 1884—1885 годах на городище провел раскопки В. И. Сизов — один из наиболее крупных археологов того времени (1889, с. 278). Однако большое количество заложенных им на городище траншей и шурфов не дали принципиально новых сведений о памятнике. Правда, было установлено, что по периметру холма всюду прослеживались следы кирпичных оборонительных стен, но их ширина и техника кладки практически остались невыясненными. Не разобрался он и в назначении некоторых открытых в шурфах объектов. Массовый керамический материал не анализировался автором, а индивидуальных находок ему попалось немного (все они были переданы в ГИМ). Вслед за В. И. Сизовым, в 1887 году приехал на городище другой известный российский археолог Н. И. Веселовский. Он пробыл на памятнике три дня, вскрыл несколько траншеек, в которых были обнаружены блоки кирпичных кладок, собрал небольшое количество предметов, которые

сейчас хранятся в Гос. Эрмитаже, и затем уехал, заключив, что городище погибло для науки.

Такой вывод не был лишен основания. Дело в том, что параллельно археологическим раскопкам, не всегда проводившимся профессионально, памятник многие десятилетия подвергался разрушениям местным населением, добывавшим на нем кирпичи на продажу и для собственного строительства. К сожалению, археологические изыскания способствовали активизации уничтожения кирпичных сооружений, поскольку археологи обнажили куски кладок и установили их направление. Это было весьма *творчески освоено* местными жителями, участвовавшими в раскопках в качестве рабочих. Особенно широко развернулись хищнические разработки кладок после В. И. Сизова, открывшего, как говорилось, направление главных (наиболее массивных) оборонительных крепостных стен.

Разоренным, буквально разобранным "по кирпичику" дошел до археологов XX века этот замечательный памятник, исследование которого позволило, несмотря на постигшие его бедствия, открыть интереснейшие страницы средневековой истории двух восточноевропейских государств — Хазарии и Руси.

Это, после предварительного обследования изрезанной грабительскими ямами поверхности городища, понял М. И. Артамонов, заложивший на нем в 1934—1936 годах несколько довольно больших раскопов. Фактически это было первое научное исследование культурного слоя, керамических и иных находок в нем, следов и остатков разрушенных построек. Анализ полученных материалов дал ему возможность сделать ряд важных наблюдений и выводов. Главным из них является отождествление городища с неоднократно упоминаемыми в письменных источниках хазарским Саркелом и древнерусской Белой Вежей. Попытки такого отожествления высказывались и даже были опубликованы в центральной печати еще в конце XIX века энтузиастом-краеведом Х. И. Поповым (1895). Но, несмотря на совершенно верные соображения и материалы, приведенные этим автором, доказательность их была еще весьма слабой, вызывала возражения и была принята как одна из вероятных гипотез.

М. И. Артамонов превратил гипотезу в исторический факт (1935, 1940). Конечно, в науке бывает, что и факты ставятся под сомнение и возникают возражения и новые построения. Так было и с этим памятником. Спустя почти десятилетие после выхода нескольких фундаментально аргументированных работ М. И. Арта-

монова, специалист по исторической географии К. П. Кудряшов поместил Саркел на берегу Дона в месте наибольшего сближения его с Волгой (у переволоки), основываясь при этом на свидетельствах всего одного письменного позднего (XIV века) источника — "Хождение Пименово в Царьград" и на весьма спорные предположения о равномерности отрезков пути плавания Пимена вниз по Дону (Кудряшов, 1948, с. 9—41). О том, что крепость-город Саркел уже обнаружен и исследовался археологами более 10 лет назад, К. П. Кудряшов упомянул в своей работе, но фактически игнорировал не соответствовавшие его гипотезе хорошо известные и признанные всеми медиевистами данные. Тем не менее следует признать, что тогда изучение Саркела-Белой Вежи было только начато. Предстояло решать множество вопросов о культурном слое города, о планировке кирпичных сооружений, о планировке поселения внутри городских стен, о конструкции жилых и производственных комплексов, об этническом составе населения, об экономике и культуре этого небольшого города и т.д. А для этого нужно было обладать значительно бóльшим материалом, чем удалось получить экспедиции М. И. Артамонова в 30-х годах. Развертывание дальнейших работ на этом памятнике могло быть осуществлено только при достаточном финансировании и наличии рабочей силы. Возможность получить их появилась у М. И. Артамонова благодаря развертыванию работ по строительству Волго-Донского канала и созданию искусственного Цимлянского моря. Волны последнего должны были залить всю широкую левобережную пойму Дона. Для исследования дна будущего моря и трассы канала было привлечено много специалистов разных профессий, в том числе и археологов.

Руководителем археологической Волго-Донской экспедиции был назначен М. И. Артамонов, направивший основные силы и средства на изучение Саркела-Белой Вежи.

Городище находилось почти в центре моря, в 7 км от станицы Цимлянской на землях хут. Попова. Вся пойма Дона была изрезана десятками протоков и стариц, бывших в разные периоды основными руслами реки. На берегу такой старицы стояли и развалины Саркела-Белой Вежи. Саркел был выстроен, согласно сведениям письменных источников, на берегу Дона, следовательно, 1000 лет назад здесь проходило главное русло. Река протекала по этому руслу, очевидно и в XIV веке, когда епископ Пимен со своего корабля видел необитаемые развалины города Серклии

(Терклии) и записал: “град минухом пловуще, не град же убо, но точно городище...” (Кудряшов,1948, примеч. 2, с. 158).

Напомню, что на низком, в основном заливном Левобережье, крепость Саркел была поставлена на одном из глубоко вторгшемся в низину отроге Ергеней, довольно заметно возвышавшемся над поймой. Это обстоятельство способствовало тому, что почти трехметровый культурный слой городища, заметно возвышавшийся на ровной поверхности степи, не был размыт ежегодными весенними паводками, затоплявшими левобережье Дона.

Раскопки Волго-Донской экспедиции дали достаточно весомые факты и очень трудоемкие материалы для изучения остатков обоих городов — Саркела и Белой Вежи.

Несмотря на некоторые трудности в издании материалов этого памятника, удалось подготовить к публикации и издать три сборника “Трудов Волго-Донской экспедиции”, вышедших под редакцией М. И. Артамонова в период с 1958 до 1963 года (МИА, № 62, 75, 109). Тогда же (в 1962 году) была опубликована фундаментальная монография М. И. Артамонова “История хазар”. В ней он отводит значительное место не только истории хазарского Саркела, но и Белой Веже, материалы которой количественно представлены более полно, чем в саркельском слое, поскольку вокруг Белой Вежи и даже на территории города образовалось несколько кладбищ. В ряде захоронений в целом было обнаружено довольно много находок, позволяющих уточнить датировки не только вскрываемых захоронений, но и наслоений беловежского времени.

В первом томе “Трудов” помещена большая обобщающая статья редактора издания об археологических открытиях на городище и на окружающих его могильниках. В нем также подняты многие вопросы интерпретации сделанных открытий, в частности, вопросы этнического состава населения Саркела и Белой Вежи. Могильникам посвящен третий том “Трудов”: описание захоронений, особенности обрядности, наиболее яркий вещевой датирующий материал, антропологические данные сотен погребенных людей. Значительный интерес для всех археологов-мидиевистов представляет второй том “Трудов”. Он составлен почти полностью из статей сотрудников экспедиции — коллег и учеников М. И. Артамонова. Несомненно лучшей из них является работа П. А. Раппопорта (1959) о строительстве и архитектуре Саркела. Весьма важны для исследователей средневековой металлургии краткие

"металловедческие" заметки о составе железных предметов, обнаруженных в культурном слое городища. Очень интересна небольшая блестящая статья А. В. Банк о византийском резном костяном гребне и в наше время представляющая для специалистов профессиональную значимость. Следует признать, что ряд статей молодых археологов, исследовавших массовый материал, благодаря накопившимся за прошедшие полстолетия новым данным несколько устарели и требуют частичного, а иногда и полного пересмотра и, что важнее, новой, более аргументированной интерпретации. В дальнейшем мы еще не раз будем возвращаться к материалам, опубликованным в "Трудах Волго-Донской экспедиции".

После выхода в свет последнего из них как Саркел, так и Белая Вежа почти перестали интересовать археологов. Возможно, сложилось мнение, что все уже сказано об этом памятнике. А между тем обширная коллекция необработанных материалов Саркела-Белой Вежи, совсем не тронутая исследователями, пылилась в солидных хранилищах Гос. Эрмитажа.

Вновь интерес к Саркелу возник только в конце 80-х годов прошлого столетия. Этому, вероятно, способствовали раскопки на известном Маяцком городище, широкие работы на котором велись в течение семи сезонов и были закончены в 1982 году. Памятник оказался насыщенным самыми разнообразными находками, позволяющими судить об архитектурных и строительных приемах, о ремеслах и хозяйственных навыках, о религиозных обрядах и о громадном количестве граффити, покрывавших белокаменные блоки стен полуразрушенной крепости. Наиболее существенным открытием являются надписи — граффити, прочерченные древнетюркским алфавитом. Руководители экспедиции энергично начали готовить сборники и монографии о результатах работ на этом памятнике (Маяцкое городище, 1984; Маяцкий археологический комплекс, 1990; Кызласов, 1990; Винников, Афанасьев, 1991; Флёров, 1993; Винников, Плетнёва, 1998).

Пожалуй, особый интерес и научную значимость среди открытий на городище имеют пока еще не прочтенные надписи-граффити. Серьезный их палеографический анализ провел И. Л. Кызласов. Сотни знаков, рисунков и целых композиций были тщательно обработаны В. Е. Флёровой в великолепной книге "Граффити Хазарии" (1997). Именно с этой книги и начался новый цикл исследовательского интереса к залежавшимся и почти забытым коллекциям Саркела-Белой Вежи. Дело в том, что после оконча-

ния Волго-Донской экспедиции все кирпичи с рисунками и знаками, а также их обломки с остатками прочерченных знаков (иногда почти полностью сохранившихся) были полностью вывезены с места раскопок в хранилище Гос. Эрмитажа. До нас дошла коллекция, состоящая почти из 300 знаков. К этому следует добавить еще разнообразные знаки на астрагалах, рисунки на различных костяных предметах, в том числе сложные резные художественные композиции на реликварии и декоративной пластинке. Кроме того, более 300 знаков было обнаружено на обломках керамических сосудов, преимущественно амфорной тары. Эта весьма представительная коллекция позволила автору составить стратиграфическую таблицу типов граффити, что дает дополнительный материал для работы над общей стратиграфией этого сложного памятника.

Не менее ценной для исследования Саркела-Белой Вежи является и вторая книга В. Е. Флёровой, написанная по материалам этого памятника — предметам, изготовленным из резной кости и рога (Флёрова, 2001). Помимо предметов, обнаруженных на городище, автор учитывает и находки на соседних могильниках, а также широко пользуется аналогиями, известными ей по изданиям и частично музейным коллекциям. Весь этот обширный материал автор подверг серьезнейшей обработке, привлекая в случаях неясного назначения обнаруженного в слое предмета этнографические параллели. Однако наиболее важными для моей работы представляют стратиграфические и, главное, топографические таблицы, так же, как и материалы первой ее книги, давшие большой и информативный фактический материал для решения ряда сложных вопросов, касающихся этнического состава населения и заселенности города в разные периоды его жизни. В то же десятилетие (в 1996 году) в свет вышла моя книга “Саркел и «шелковый путь»”. Я попыталась в ней дать более полную и “единую” картину жизни в сравнительно небольшой крепости, по возможности объединив все сведения, которые были открыты и опубликованы до написания этой книги. Существенным для дальнейшего исследования памятника фактом явилось завершение мной в 1995 году Отчетов о раскопках в Саркеле-Белой Веже за сезоны 1950—1951 годов. Кроме того, мной был расширен Отчет, написанный в 1949 году А. Л. Якобсоном.

Разумеется, было бы целесообразно опубликовать все их, присовокупив к ним материалы, частично сохранившиеся от работ на

городище в 1934—1936 годы. К сожалению, сейчас это вряд ли возможно. Не представилась возможность и полностью издать монографию о Саркеле-Белой Веже, так как ее объем превышал бы все приемлемые в издательствах размеры. Поэтому я написала и издала сначала книгу о Саркеле (о кирпичной крепости, о первых жилых постройках и первых культурных наслоениях этого города). Работа небольшая — всего 15 печ. л. Данная книга о Белой Веже, толщина культурного слоя которой превышает саркельский примерно в 5—6 раз, естественно, значительно превысит объем "Саркела".

А это значит, что объем вещевого комплекса, количество строительных приемов, использованных жителями при сооружении и планировке домов, четко зафиксированный процесс постоянного и постепенного разрушения кирпичных построек внутри крепости с целью использования кирпича для собственного строительства — все это в беловежском слое прослеживалось десятки и даже сотни раз.

Исследование материалов Белой Вежи, прежде всего выяснение возможности разделения культурного слоя городища на хронологические пласты, было продолжено в статье о стратиграфии Белой Вежи (Артамонова, Плетнёва, 1998).

Эта работа была начата О. А. Артамоновой на раскопах самого крупного участка городища с перепутанными многочисленными перекопами, пластами культурного слоя. Разобраться в их очередности ей удалось благодаря наблюдению над конкретным "живым" материалом, который она ежедневно имела перед глазами. В главы данной книги эта статья войдет с некоторыми изменениями и станет эталоном для построения стратиграфических схем других участков городища. Еще одна статья посвящена вопросу о времени появления славян в крепости (Плетнёва, 2000). В статье сделана попытка отделения "славянского слоя" как от более раннего — хазарского слоя, так и от слоя Белой Вежи, стремительно выросшего на захваченной полуразрушенной крепости Саркеле. Этот вопрос уже давно дискутируется (с перерывами) в археологической литературе. Мы вернемся к нему в главе о следах завоевания Саркела Святославом и славянском заселении сожженного города.

Загруженность М. И. Артамонова большой административной работой (директор Гос. Эрмитажа), смертельная болезнь его жены и помощника О. А. Артамоновой лишили их возможности занять-

ся написанием фундаментального Отчета о работах экспедиции в Саркеле-Белой Веже, ограничившись его сокращенным вариантом. Фактически только Отчет о работах на могильниках был сдан в ОПИ ИА РАН полностью. Затем этот Отчет в сопровождении работ высококвалифицированных антропологов, а также моей статьи о кочевническом подкурганном могильнике был издан, как говорилось, в третьем томе "Трудов".

К сожалению, краткие предварительные Отчеты, сданные в ОПИ ИА РАН, вызвали многочисленные толки о поверхностном изучении памятника, об уничтожении верхних слоев (беловежских) скрепером, о слабой профессиональной подготовке экспедиционного коллектива, в подавляющем большинстве состоявшего из студентов и аспирантов. Но "критики" не учитывали, что руководителями работ были крупные ученые, многие из которых только что вернулись из ГУЛАГа живыми и на работе трудились не только с энтузиазмом, но и с огромной тщательностью, обучая при этом своих молодых коллег.

Следует помнить также, что работу приходилось вести в крайне тяжелых условиях, поскольку экспедиция подчинялась начальнику лагеря заключенных, 100 человек из них (женщины) были предоставлены археологам. Жили заключенные за колючей проволокой с вышками по углам, примерно в 500 м от нашего лагеря. Охранниками были солдаты-узбеки, почти не понимающие русский язык. Всё это производило тяжкое впечатление, тем более что мы, как и рабочие-заключенные, обязаны были работать по девять часов под ошеломляюще жгучим солнцем, а осенью — на знаменитом ледяном степном ветру (норд-осте).

К тому же было ясно, что данные нам сроки работы нереальны. Площадь городища (исключая срезанный половодьями значительный участок восточного угла — 3000 кв.м) равнялась примерно 22000 кв.м. При всем желании раскопать этот уникальный памятник полностью было невозможно. За три сезона с громадным напряжением было вскрыто 8700 кв.м, т.е. 40 % всей площади. Притом на многих участках (не менее 2000 кв.м) верхний культурный слой, а иногда и весь слой до материка, снимался скрепером: в последние недели работ на городище М. И. Артамонов стремился как можно полнее доследовать кирпичные стены, а в северо-западной части крепости обнаружить остатки христианского храма.

Для проведения планомерных поисков и исследований времени не осталось — поздней осенью 1951 года работы были прекра-

щены. Весной городище оказалось на дне начинающего наполняться Цимлянского моря.

Необходимость создания полноценного Отчета о Саркеле-Белой Веже была очевидной. Приведение в порядок чертежей (с частичной перебелкой) заняло особенно много сил и времени. То же можно сказать и о разборке сотни студенческих дневников и сопоставление их с дневниками руководителей больших участков. Я отмечаю это потому, что вся работа в совокупности с написанием подробного текста Отчета (около 20 печ. л.) была растянута почти на четверть столетия. При написании Отчета и сопровождающих текст иллюстраций значительную роль сыграли полевые описи материала, в которых были указаны место (квадрат) и, что особенно важно, глубины находок, данные от общего для всего городища "0". Описи с точными глубинами, сопоставимыми друг с другом и вскрываемыми объектами, во многом способствовали созданию стратиграфии памятника. Следует подчеркнуть также громадное значение дневниковых записей, ведшихся ежедневно и нередко сопровождаемых небольшими чертежиками деталей и рисунками. Конечно, не все студенты вели добросовестные и профессионально грамотные записи, но дневники руководителей участков вполне дополняли упущения, сделанные молодыми коллегами. Наконец, наиболее существенным и зримым источником при написании книги были несомненно сами вещи, хранящиеся, как говорилось, в фондах Гос. Эрмитажа. Многие из них стали прекрасным датирующим материалом. Однако, помимо хронологических данных, они нередко служили и неоспоримыми источниками при определении этносов, занимавших определенные участки на территории крепости, или же, преобладая примерно на одной глубине, они позволяли сделать ряд предположений о жизни и занятиях населения в данный хронологический период.

Сведения о Белой Веже после учиненного Святославом погрома можно получить, только тщательно анализируя археологический материал, который, как правило, дает объективные факты. Письменных источников об этом городке практически нет. Сохранились только в древнерусской летописи два беглых упоминания, на которых мы остановимся в соответствующих главах.

Работа состоит из семи глав, четыре из которых (2—5) посвящены исключительно описанию и стратиграфии обнаруженных в беловежском слое остатков жилых и хозяйственных построек. Все

они сопровождаются чертежами (рис. 8—68), точно скопированными с полевых чертежей и зарисовок. В результате выявлены особенности четырех хронологических пластов или периодов, что позволяет в дальнейшем говорить о развивающейся истории этого необыкновенно "живучего" города: возрождение из праха, расцвет, затухание и гибель получат более или менее (в зависимости от материала) подробную характеристику.

В шестой главе рассматриваются возможности "распластования" культурного слоя по открытым в нем на разных глубинах вещевым комплексам. Это весьма существенное дополнение к тем выводам, которые были сделаны в предшествующих главах.

Следует подчеркнуть, что многие категории материалов были уже обработаны исследователями и изданы, о чем говорилось выше. Однако сравнительного анализа-сопоставления этих категорий не производилось. Я попыталась сделать это и параллельно заполнить некоторые лакуны и недоработки как уже изданных, так и до сих пор недостаточно или совсем не известных археологам материалов.

В заключающей главе дана история этого небольшого ремесленно-торгового городка, "затерянного" в необозримых степях. Фактически основными материалами для написания этой главы явились обработанные археологические факты, ставшие полноценным историческим источником.

Изобилие археологического материала в данной работе вряд ли заинтересует широкий круг читателей. Тем не менее надеюсь, что многочисленные установленные археологами связи Белой Вежи с Тмутараканью (бывшей хазарской Таматархой), Корчевом и Херсоном привлекут внимание специалистов прежде всего общностью судеб, а также культурной и этнической близостью этих наиболее экономически развитых городов и регионов.

Глава 1

САРКЕЛ

О крепости Саркел в средневековых рукописях упоминается неоднократно, причем даже тогда, когда она уже перестала существовать. Вплоть до XII века авторы, переписывая более древние источники, иногда добавляя в них кое-какие подробности, писали о строительстве Саркела, о его значении для Хазарского государства: оборонном, торговом, таможенном (Плетнёва, 1996б, с. 4).

Саркел — пока единственный памятник, который уверенно можно связывать с хазарами и с их верховным правителем — каганом. Об этом наиболее подробно написал император Византии Константин Багрянородный в своем сочинении "Об управлении империей". Очевидно, он поместил в свой труд отрывок о построении Саркела, использовав более древние хроники, поскольку сам он жил и творил в первой половине X века, а рассказ о событиях, связанных с Саркелом, относится к 30-м годам IX века. Однако сведения, переданные Константином, изложены четко и достаточно подробно. Прежде всего он сообщил, что хазары просили василевса Феофила помощи в постройке крепости: "...известно, что хаган и пех Хазарии, отправив послов к этому василевсу Феофилу, просили воздвигнуть для них крепость Саркел". При этом он дает и перевод-кальку тюркского названия крепости: "Белый дом" или "Белая гостиница" (Константин Багрянородный, изд. 1989, с. 171; Плетнёва, 1996б, с. 143). Поскольку Феофилу, видимо, было выгодно поддерживать с Хазарией союзнические отношения, он пошел навстречу пожеланиям хазарских властителей и послал в каганат отряд строителей-архитекторов во главе с крупным чиновником-спафарокандидатом Петроной Камати-

ром. Судя по тексту, византийцы прибыли точно на место сооружения крепости, указанное им каганом (рис. 1). Характерно, что они не имели права изменить по своему усмотрению место постройки и поэтому вынуждены были из-за отсутствия подходящего для строительства стен камня сильно усложнить себе работу, так как "соорудив печи и обжегши в них кирпич, он (Петрона. — *С. П.*) сделал из них здание крепости, изготовив известь из мелких речных ракушек". Несмотря на трудности, крепость была построена в нужном месте на берегу реки Танаис (Дона).

Однако следует помнить, что крепость ставили не только сами византийцы. Так, Продолжатель Феофана, писавший в XI веке, явно пользуясь данными Константина Багрянородного, немного сокращает их и добавляет интересный факт (взятый, вероятно, из другого источника) об участии хазар в строительных работах: "...с многими трудами, благодаря множеству рабочих рук закончив порученное дело..." (Продолжатель Феофана, изд. 1992, с. 56—57). Ясно, что "множество рук" принадлежало местным рабочим-каменщикам. Кроме того, представляется очевидным, что среди местного населения были и специалисты-строители со своими архитектурными навыками, которые, по-видимому, по их настоянию были приняты византийцами и использованы в строительстве. Это, во-первых, сооружение широкого проточного рва как бы искусственной протоки, превращающей часть берега в довольно крупный остров, большую часть которого занимала строившаяся, вероятно, одновременно с выкапыванием рва крепость (рис. 3). Во-вторых, византийцы ставили свои крепости на мощные фундаменты, а Саркел выстроен бесфундаментной кладкой, широко распространенной по всей территории Хазарии. Византийцы вынуждены были, опасаясь возможных перекосов стен, отнивелировать поверхность до материка как под внешними стенами, так и под внутренними постройками крепости. Стены за прошедшее тысячелетие были разобраны до основания, но на поверхности чистого материка нижний ряд кирпичей под тяжестью вышележащей толщи четко на нем отпечатался, предоставив археологам возможность проследить планы почти всех крепостных сооружений. Иногда в раскопах попадались блоки из нескольких рядов кирпичей, и это дало некоторые сведения о конструктивных особенностях стен. Помимо блоков, тысячи целых кирпичей и их обломков были обнаружены в культурном слое и ямах, врезанных в материк.

Все вместе позволило архитектору П. А. Раппопорту сделать

интересное открытие о двух периодах строительства этого сложного, конструктивно разнообразного сооружения (Раппопорт, 1959, с. 14—19, рис. 11). Измерив дошедшие до нас кирпичи, их обломки и даже отпечатки кирпичей на наиболее четко сохранившихся участках, он установил, что кирпичи в Саркеле использовались разные. К первой группе относились кирпичи размером 24×24 см, 24×12 см, 36×24 см, т.е. с устойчивым кратным 4. Толщина кирпичей этой группы одинакова — 5 см. Все они отличаются четкой геометрически правильной формой и красным или красно-коричневым цветом обжига, придающего им значительную прочность. Вторая группа кирпичей характеризуется размером 27×27 см, иногда попадаются в ней кирпичи 30×30 см и даже 34×34 см. Толщина этих кирпичей 7 см. Обжиг и формовка их заметно хуже кирпичей первой группы. В замесе глины хорошо прослеживаются включения каких-то выгоревших органических добавок (травы или навоза). Замечено также, что в кладках из кирпичей первой группы известь лучшего качества, а кирпичи второй группы укладывали на известь с большим процентом песка, а значит, известь была так же, как и кирпичи, худшего качества.

Интересно, что в кладках из второй группы встречались кирпичи первой группы, а кирпичи второй группы ни разу не обнаружены в кладках из кирпичей первой группы. П. А. Раппопорт сделал логический вывод: кладки второй группы появились позже кладок, сложенных полностью из кирпичей первой группы. Далее ему удалось установить, что наружные стены, внутренняя поперечная стена, три комплексные постройки внутри крепости (1, 4, 5), а также стена, отделявшая в цитадели южную часть от юго-восточной, сложены из кирпичей первой группы, а все остальные кирпичные здания, в том числе и донжон, — из кирпичей второй группы.

Строго прямоугольная планировка наружных стен, ворота с пилонами, башни, расположенные на равных расстояниях друг от друга, свидетельствуют, что все постройки из кирпичей первой группы сложены под непосредственным руководством византийских архитекторов, хотя и с участием хазарских мастеров. О последнем свидетельствует не только бесфундаментность всех кладок, но и размеры обеих групп кирпичей, не употреблявшиеся ни в Византии, ни в Халифатах. Очевидно, это были хазарские кирпичи, но изготовленные под присмотром византийцев и потому резко отличающиеся хорошим качеством от кирпичей

второй группы. На кирпичах первой группы значительно меньше прочерченных по сырому тесту знаков, рисунков, следов случайно пробежавшей собаки и пр., чем на кирпичах второй группы, на которых хазарские мастера и рабочие оставили свои тамги, знаки и рисунки (Флёрова, 1997, табл. VI, 297).

Таким образом, П. А. Раппопорту удалось зафиксировать "двуэтапность" строительства Саркела. Видимо, византийцы считали, что работы в целом закончены и можно уезжать из этой варварской страны, фактически оставив, может быть, намеченные на плане, но даже не начатые объекты.

Хазары справились с достройкой, правда, допуская не только ряд небрежностей в изготовлении стройматериалов, но и небольшие нарушения в укладке стен (четкость в соблюдении прямых углов, в направлении стен и пр.). Наиболее существенное строительство они развернули в южном углу крепости, где поставили донжон с довольно обширной платформой перед ним, вымощенной двумя слоями кирпича, а также длинное, возможно, двухэтажное помещение вдоль юго-западной стены ("казармы"), конюшни и два глубоких выложенных кирпичом погреба, вероятно, служивших арсеналами (Плетнёва, 1996б, с. 18, рис. 5).

Северо-восточная часть цитадели размыта половодьями и сильным течением Дона на довольно резком повороте его русла. Разрушен был множеством перекопов и культурный слой этого участка. Несмотря на это, слой был насыщен находками — обломками керамики конца IX—XI веков, среди которых попадались и отдельные предметы обихода и производства. На большом раскопе 1951 года на уровне материка были обнаружены остатки большой площадки, великолепно вымощенной кирпичом первой группы (в основном сохранились только их отпечатки). На площадке и рядом, вплотную примыкая к ней, прослежены остатки двух кирпичных зданий, от которых также остались только отпечатки с редкими "вкраплениями" красно-оранжевых кирпичей.

Разделяющая крепость поперечная стена была снабжена двумя неширокими воротцами или калитками, весьма сильно укрепленными, судя по сохранившимся остаткам порога, окованного листом железа. Кроме того, хазарами во второй период строительства у этих калиток были выстроены из кирпичей второй группы небольшие благоустроенные караульни для одного-двух человек. Калитки обеспечивали связь цитадели с гражданской частью крепости, которую византийцы обустроили намного внимательнее

и лучше. Прежде всего, они отстроили на одном из самых безопасных от нападений врагов или грабителей участке здание, дошедший до нас план которого, как представляется, свидетельствует о принадлежности его "караван-сараю" (рис. 4, *1*). Особенный интерес представляет наличие в одном из углов двора "караван-сарая" сложного жилого и производственного комплекса, состоящего из пяти полуземлянок, поставленных по древнему обычаю "куренем" (Плетнёва, 1995, с. 311, 372; 1964, с. 311—312). Обычай ставить жилища куренем, т.е. по кругу, в центре которого помещался дом (или юрта) главы данного небольшого поселка, четко прослеживается в "караван-сарае": четыре полуземлянки окружают центральную — пятую. Все они ориентированы углами по странам света, и квадрат, который образуют окружающие полуземлянки, тоже ориентирован по странам света — каждая из четырех поставлена на углу квадрата, причем все они как бы "привязаны" углами к углам центрального жилища (рис. 4, *1*).

Такой вариант куреня встречен впервые, и потому открытие его дает возможность получить дополнительные сведения о ритуальном значении этого построения. Следы языческих древних представлений выявляются в нем в каждой постройке. Во всех очаги помещены по обычаю кочевников в центр пола, почитая его как покровителя и защитника дома. Оседающие и даже уже вполне осевшие кочевники еще долгие столетия помнили обычай и верили в необходимость его исполнения.

В полуземлянках со следами производственной деятельности (гончарной и кузнечной) на порогах были положены вытащенные из кладок кирпичи, игравшие важную роль оберегов, преграждающих злым силам "огненных" производств выход из помещения наружу. Сакральность этих кирпичей связана с абсолютной сакральной властью кагана. Только он, согласно закону Хазарии, имел право на использование для строительства обожженного кирпича. Саркел был каганской крепостью. Жители крепости не были единственными людьми, желавшими получить драгоценный оберег-кирпич. Кирпичи в жилищах попадались в Карнаухове и на Правобережном Цимлянском городище, входивших в округу Саркела и в конечном счете — в домен кагана, который именно поэтому смотрел на такое "воровство" снисходительно. Так и началось растаскивание великолепной крепости "по кирпичику".

При разрушении куреня два гончара из полуземлянки, расположенной на северном углу куреня, были, вероятно, убиты и

погребены в своей мастерской. Обряд погребения их языческий, фактически не отличающийся от сотен открытых в южнорусских степях праболгарских погребений: в неглубоких ямах с небольшим подбойчиком в одной из стенок, с очень скромным сопровождающим инвентарем. Ориентация их головами на запад. Это важно отметить, поскольку часть праболгар хоронила покойников с северной ориентацией. Захоронения в заброшенных жилищах и хозяйственных постройках очень редко встречаются на поселениях. В настоящее время они обнаружены еще в одной из построек в Саркеле (на участке у юго-западной стены), на Маяцком поселении (Винников, Плетнёва, 1998, с. 118, 127 и др.) и на одном из селищ у с. Дмитриевки (Плетнёва, 1989, с. 66). Пока объяснить это явление из-за недостатка данных вряд ли можно. В каждом отдельном случае причины изолированности захоронения следует рассматривать конкретно, исходя из материала.

Гибель куреня сопровождалась и более беспощадными жертвами. Очевидно, самыми опасными его членами были кузнецы. Котлован их разрушенного жилища заполнен смешанной с землей золой, шлаками и крицами, предметами, видимо, выкованными в этой мастерской. Представляется, что ничего из нее не было взято — все выброшено и зарыто. При этом для полной безопасности была принесена и кровавая жертва в виде расчлененного брошенного в заполнение трупа, от которого сохранились разбросанные кости женского скелета.

Языческие ритуалы прослежены не только в курене, но и в выстроенных византийцами помещениях "караван-сарая" (рис. 3). В частности, поперек входа в одну из комнат (5) была выкопана небольшая овальная яма глубиной 1 м (рис. 4, *2*). Яма прорезает известковый пол, а в ее золистом заполнении и на полу были обнаружены остатки расчлененного трупа женщины (череп и часть костей скелета), череп ребенка, обломки характерных хазарских горшков и лощеного кувшина. Жертва была принесена уже после окончания строительства здания и, возможно, отъезда византийцев. Она служила своеобразным оберегом — закладной жертвой помещения.

Кроме этого жертвоприношения две небольшие ямы были обнаружены в соседнем помещении (6) при подчистке известкового пола, частично сохранившегося в ней от перекопов и более поздних ям. Обе были перекрыты полом, который немного осел

над ними. Расположены они в углах помещения, справа и слева от входа (рис. 4, *1, 3*). Яма справа — с ровными стенками и дном глубиной около 0,4 м. На ее дне уложены череп и кости передних ног коня и брошено бронзовое крупное ботало. Все это было обильно засыпано углем. Поверх угля положено полкирпича, и затем яму "забили" несколькими плотными слоями глины и перекрыли подмазкой пола. Вторая яма (слева от входа) значительно меньше первой. Она заполнена зольно-углистым слоем, обломками костей животных и рыб, а на дно, в слой темной земли, перемешанной с золой и кусками извести, были брошены кости рыбы, птицы и кошки. Яма, как говорилось, была засыпана и перекрыта слоем известкового пола, заметно осевшего в нее из-за рыхлости заполнения.

Золисто-углистое заполнение объединяет все три ямы в ритуальную группу жертвоприношений, оберегающих построенное здание от разрушений, а людей в нем от гибели.

Таким образом, раскопки "караван-сарая" в целом дали нам уверенность в широком распространении среди строителей и жителей Саркела разнообразных языческих верований и ритуалов, несмотря на то, что владелец крепости — каган уже принял тогда иудейскую религию (Артамонов, 1962, с. 266—268; 2002, с. 276—277).

Материалы, свидетельствующие о язычестве хазар времени постройки и первых десятилетий жизни в крепости, не ограничиваются находками жертвенников и оберегов-кирпичей в "караван-сарае". До нас дошел еще один интереснейший участок, буквально "начиненный" язычеством. Он расположен снаружи у юго-западной стены между западной угловой башней и башней "В" (рис. 2). В беловежское время он был полностью перекрыт толстым слоем материковой глины и освоен беловежцами в качестве христианского кладбища, в котором было обнаружено более 200 захоронений.

Поскольку при раскопках этого кладбища у исследователей не возникло сомнений, что могилы выкопаны в материке и под ними ничего не может быть, то исследование участка считалось полностью завершенным. Только благодаря инициативе О. А. Артамоновой на следующий сезон здесь был заложен контрольный шурф, и в нем примерно на уровне подошвы стены был обнаружен тонкий светло-серый явно культурный слой, поскольку в нем было обнаружено несколько мелких обломков хазарских горшков

и косточек животных. В результате этого открытия между стеной и оплывшей границей рва (на берме) был убран весь насыпной слой и при подчистке материка (с сохранением местами "натоптанной" серой прослойки) открыт участок, заполненный круглыми и овальными темными пятнами ям различного назначения и прямоугольными пятнами построек (Артамонова, 1963, с. 11—25; Плетнёва, 1996б, рис. 20). Три постройки оказались обычными полуземлянками с очагами в центральной части пола. Одна из них явно погибла в пожаре, ее котлован на треть был срезан рвом, а при подчистке края рва котлован был почти до пола уничтожен строителями крепости. На полу рядом с очагом был обнаружен необожженный хазарский горшок. Почти рядом с этой постройкой находилась небольшая гончарная обычная двухярусная печь. Оба факта свидетельствуют о принадлежности данного жилища гончарам. Почти вплотную к соседней полуземлянке стояла еще одна гончарная печь той же конструкции, но следов производства в помещении не было, поэтому утверждать наличие в нем гончарства вряд ли возможно. Третий котлован представлял собой остатки наиболее полно выраженного типа хазарской полуземлянки: квадратная, ориентированная углами по странам света, с плотным ровным материковым полом без подмазки и входом в северо-восточной стенке. Тарелкообразный, заполненный золой и угольками очаг, расположенный в центре жилища, хорошо сохранился. По обе его стороны четко прослеживались ямки от приочажного устройства для подвешивания котла. Поблизости от очага находилось, по-видимому, мельничное устройство: круглая ямка с квадратным колом, вбитым в ее центр. Эта конструкция практически аналогична основанию гончарных ручных кругов, но на чистом полу жилища и около ямки с колом нет никаких следов гончарного производства. Зато на дне большой хозяйственной ямы с россыпью зерен карликовой пшеницы лежали два прекрасно выточенных круглых жернова (нижний и верхний). В северном углу была сооружена глинобитная круглая в плане печь с двумя отделениями: топкой и отделенной от нее двумя кирпичами (неиспользованными в кладках) "чистой" частью, под которой был выложен кирпичами. Создается впечатление, что это "хлебная" специализированная печь. Ни в Саркеле, ни в других памятниках Хазарии аналогии ей нет. Вполне вероятно, что ее сложили еще во времена строительства крепости по

советам или даже под руководством византийцев, которые, очевидно, не привыкли к лепешкам, испеченным в тандырах.

К этому гнезду жилых комплексов примыкало и крепко поставленное хозяйственное полуземляночное сооружение, служившее, видимо, своеобразным амбаром. Необычным в нем является внутренняя довольно массивная перегородка из крупных стояков-столбов, делящая помещение на две неравные части: в меньшую вел вход, расположенный в углу постройки, а в перегородке была дверь, на пороге которой уложены два кирпича-оберега. Во внутреннем помещении в северо-западной стенке был вырублен подбой, а в полу под ним и вдоль него вырыта могила глубиной 10—15 см. В могиле погребена пожилая женщина, ориентированная головой на юго-запад (европеоид-мезокран). Типологически захоронение аналогично мужским погребениям в гончарной мастерской "караван-сарая", описанным выше. Как и там, постройка была частично разрушена, затем в ней совершили обычное безынвентарное захоронение: покойница уложена вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками. После завершения погребения котлован полуземлянки был засыпан материковой глиной.

Синхронны постройкам и все остальные сооружения на участке, сильно разрушенном при выкапывании рва, проходившего по его территории. Именно тогда, когда начали трассировку рва, его углубление и одновременно укладку первого ряда кирпичей юго-западной стены, фактически кончилась активная жизнедеятельность в данном небольшом поселке строителей крепости. Как уже говорилось, помимо пятен построек вся вскрытая археологами площадка покрыта пятнами от врытых в материк ям, которые в самом начале строительства стены и рва были тщательно засыпаны. В основном пятна круглые, а ямы слегка конусовидные, глубина их колеблется от 0,4 до 1,8 м. Исследования показали, что половина ям были обычными хозяйственными: зернохранилищами или погребами. Другая половина ям, нередко овальных, сдвоенных, иногда непонятно расплывчатых контуров, оказалась остатками производственных сооружений, ритуальных комплексов, а круглые ямы служили для захоронений в них животных (собак) и людей (мужчин и женщин). Почти все они несут в себе несомненные особенности ритуальных языческих действ. Остатки производственных сооружений — пяти плавильных горнов — сохранились настолько плохо, что их исследователи даже не связывали с железоплавильным делом. С большим трудом удалось,

как мне представляется, доказать, что сдвоенные ямы, заполненные золой и углем, были остатками горнов и "предпечий" (Плетнёва, 1996а, с. 69—75). В одной из горновых ям на самом дне сохранились следы поддувала. Стенки и дно горнов прокалены до красного цвета и даже кое-где ошлакованы, в предпечьях стенки не обожжены. Особенно интересны обнаруженные в каждой из горновых ям или в предпечье остатки ритуальных жертвоприношений: черепа коня или собаки, а чаще — нижние челюсти лошадей или ног с копытами. Это была, очевидно, охрана от злых духов огненного кузнечно-плавильного дела.

Сооружение рва и стены не сразу прекратили использование саркельцами этого уже хорошо обжитого участка. Значительное количество ям еще функционировало при постройке стены, а некоторые были вырыты рядом с ней, прорезав ее известковую отмостку. Здесь по-прежнему производили погребения людей и животных и совершали жертвоприношения в больших прямоугольных ямах с обожженными до красно-оранжевого цвета стенками и дном, покрытым слоем золы и углей. В одной из ям на этом слое обнаружены кости ног и ребра лошади и коровы, а также неполный скелет собаки. В другой яме на подсыпке из углей и золы было брошено большое количество овечьих ножек и две ноги коровы. Следов обгорелости на костях в этих прокаленных ямах не было: их бросили в яму после прекращения какого-то огненного ритуала. Поскольку состав костей относится явно к несъедобным частям животных, данный обряд сопровождался ритуальной совместной трапезой при свете пылающих костров, специально опущенных в ямы, выкопанные рядом со рвом и даже врезаясь в его внутренний край, т.е. рядом с водой для предотвращения возможного пожара. Сакральный смысл этих трапез неясен, так же как размещение их на территории уже заброшенного поселка с засыпанными котлованами жилищ и ям. После завершения ритуального действа огненные ямы тоже были засыпаны слоем земли с включениями угольков и золы, а сверху утрамбованы слоем глины, как и все размещенные здесь постройки и ямы.

Представляется весьма вероятным, что это самый ранний участок городища, заселенный местными строителями Саркела. Впрочем, окончание работ не сопровождалось бурным заселением крепости хазарами или болгарами, по существу, бывшими в значительной степени ее реальными строителями. Из рассказа

Константина Багрянородного известно, что там поселили гарнизон из 300 воинов — "таксеотов, сменяемых ежегодно" (изд. 1989, с. 171). Крепость была необходима как таможенная застава, поставленная на скрещении нескольких караванных дорог на границе каганского домена. Очевидно, гарнизон исполнял обязанности не только охраны крепости, караванов и дорог, к ней подходивших, но и более сложную таможенную службу.

Гражданское население необходимо было только для обслуживания караванов и гарнизона. Об одном из таких гражданских гнезд — "курене", расположенном в углу двора первого "караван-сарая", уже говорилось выше. Еще одно гнездо полуземлянок с очагами в центре пола было обнаружено также по инициативе О. А. Артамоновой, настоявшей на продолжении раскопок в западном углу крепости. Все три вскрытые полуземлянки представляли собой единую компактно расположенную на небольшой площади группу жилищ, типологически близких постройкам "куреня" в первом "караван-сарае". Никаких следов производственной деятельности в них не было. Представляет интерес только их расположение в углу двора предполагаемого "караван-сарая" (второго), как можно дальше от кирпичных помещений, в которых, возможно, останавливались гости или жили солдаты гарнизона. В полуземлянках обитала, вероятно, обслуга этой части крепости. Несмотря на скромность общественного положения, они нередко пользовались весьма дорогими и красивыми вещами. В частности, в срединном, наиболее удобно расположенном жилище в заполнении наряду с обломками прекрасно сделанной на круге посуды был найден великолепный роговой реликварий, покрытый сложным сочетанием рисунков древа жизни, оленя, птиц, цветов и, вероятно, гор (Плетнёва, 1996б, рис. 16).

Столь же неожиданной была находка шахматной фигурки слона в одной из полуземлянок "куреня". Предмет сделан с большим вкусом и датируется значительно более ранним временем (VI век), но это явно не амулет. Хотелось бы думать, что обитавшие в полуземлянке гончары в свободное от работы время играли древними шахматами. Одна из фигурок случайно осталась в заброшенном жилище.

Если реликварий свидетельствует об искусстве костореза и о высоко почитаемом предмете, хранившемся в нем, то шахматная фигурка из Согда является подтверждением проходивших через Саркел из Согда караванов и об осведомленности рядовых сар-

кельцев о сложной игре, широко распространявшейся с Востока по всему цивилизованному миру. Хазария не была чуждой ему.

Однако благоустроенная и упорядоченная жизнь в оборонно-таможенной крепости неожиданно была прервана. Можно предполагать, что она длилась примерно до конца IX века. Поскольку во всех помещениях и на всех участках крепости поддерживалась чистота, а все отбросы и мусор бросали в заброшенные хозяйственные ямы, культурный слой за сравнительно долгий срок существования крепости (60—65 лет) почти не накопился. Конечно, следует учитывать и то, что при разрушении построек в их котлованы сгребали прежде всего накопившийся вокруг мусор и тем самым как бы уничтожали культурный слой. Затем эту засыпь перекрыл слой утрамбованной глины.

Этот стерильный слой глины разделил жизнь в крепости на два периода. Первый был уничтожен, стерт и забыт.

Представляется вполне обоснованным разрушение только производственного поселения, остатки которого обнаружены на берме у юго-западной стены: продолжение его существования между рвом и стеной было невозможно и небезопасно. Зафиксированное разрушение двух исследованных "гнезд" рядового населения видится совершенно бесцельным, а потому и не вполне понятным. Казалось бы, что гибель внутри прекрасно укрепленной крепости можно было бы объяснить настолько опасной эпидемией, что не только жившие в домах люди, но и сами дома и земля вокруг них были уничтожены и как бы закрыты глиняными покрывалами и обезопасены человеческими жертвами. Если бы разрушения в крепости этим ограничились, предложенная гипотеза была бы весьма реальной.

Однако кроме жилых комплексов рядового населения были разрушены и перестали существовать несколько наиболее важных для активной жизни крепости-таможни кирпичных зданий, в частности, караульни у Главных ворот (рис. 2). Существенно, что после этого погрома кирпич в Саркеле стал широко использоваться как обычный стройматериал при сооружении новых построек. Не исключено, что в его сакральную силу перестали верить.

"Караван-сараи" были уничтожены. Прямо на их развалинах стали ставить дома, используя при этом еще нерастащенные кирпичные стены. Полы в них не были углублены, т.е. это были неплохо обустроенные кирпичные наземные дома с печами в углах, сложенными из кирпича. Рядом с ними, окаймленные как

"забором" сильно разрушенными стенами, ставились обычные немного углубленные юрты с очагом в центре.

Бывший двор "караван-сарая" был полностью освоен новыми поселенцами (рис. 5, *2*). Почти рядом с прежней кузницей была построена юртообразная, немного углубленная в насыпной глиняный грунт относительно хорошо сохранившаяся кузница (рис. 5, *1*). В центральной части пола находился горн с наковальней, у стены — деревянное корыто для воды, в углу — яма с крицами. Постройка сгорела, поэтому все обугленные деревянные детали дошли до археологов. На месте засыпанного котлована старой кузницы выстроили большой (16 кв.м) наземный дом, от которого сохранились местами следы от сгоревших стен, а в южном углу бывшего "караван-сарая", также на месте прежнего жилища, соорудили какое-то хозяйственное квадратное в плане помещение, от которого осталась только сильно обожженная глиняная подмазка. Характерно, что в постройках этого периода полы подмазывались тонким слоем глины. Между кузницей и домом был выкопан довольно глубокий погреб с приступкой, в котором хранился значительный запас криц. Таким образом, на месте прежнего "куреня" был создан новый производственный центр, в котором жили и работали только кузнецы. Остальная вскрытая территория двора была изрезана большими и малыми хозяйственными ямами и двумя погребами, величина которых позволяет предполагать, что они могли быть и жилыми помещениями, хотя следов очага в обоих котлованах не обнаружено. Особенностью подавляющего большинства ям этого времени являлась обмазка стенок и дна слоем зеленой глины, по твердости почти не уступающей извести византийского замеса. Следует отметить, что зеленой глиной был обмазан внутренний край рва, вероятно, постепенно разрушавшийся текущей по нему водой.

На глиняной засыпи жилого "гнезда" в западном углу крепости также были прослежены остатки и следы новой застройки этого участка. Относительно хорошо сохранился развал жилища, "вписанного" в угол крепости, две кирпичные стены которой были его стенами, облицованными досками. К ним были пристроены две остальные стены — досчатые, с двух сторон обмазанные глиной. Постройка наземная, пол подмазан слоем глины, обожженной во время пожара. Отопительного устройства в ней не обнаружено, но можно предполагать, что это был открытый очаг в центре пола, который заметно осел в более раннюю яму. Дру-

гое жилище в западном углу, остатки которого также дошли до нас в доступном для исследования состоянии, представлено довольно большой полуземлянкой (16 кв.м). Она расположена тоже у юго-западной стены примерно на расстоянии 7—8 м от первого жилища (Плетнёва, 1996б, рис. 40). Стены полуземлянки облицованы досками, в углу находилась сооруженная из каменных плит и камней печь явно "славеноидного" типа. Однако в дополнение к ней в центре пола находился небольшой очажок, вокруг которого прослежены ямки от приочажного устройства. Пол, как и у предыдущего жилища, покрыт глиняной подмазкой, сильно обожженной во время пожара.

Помимо этих двух жилищ на участке в углу крепости были обнаружены остатки какой-то небольшой квадратной постройки, от которой сохранился только покрытый золой слой глинобитного пола, а у северо-западной стены рядом с первым жилищем находилось еще одно, подобное ему, от которого сохранились ямки от столбиков и жердей. Следы этого сооружения не позволяют представить его конструкцию. Весь участок заполнен ямами, врезанными в материк. В целом они однотипны, но глубина их различна, поскольку они опущены в материк с разных уровней культурного слоя. Ямы саркельского времени, как правило, наиболее глубокие (до 2,5 м). Заполнение их насыщено обломками керамики хазарского комплекса.

Рассмотрим изменения, которые произошли в этот период на территории цитадели. Прежде всего невероятным представляется разрушение "казарменного" длинного здания, выстроенного хазарами после отбытия византийцев. Неширокая внутренняя стена этой постройки была разобрана почти до основания именно в то время: от нее местами не осталось даже отпечатков кирпичей. Существенно, что от всего этого крупного сооружения сохранились только "арсенальные" погреба, очевидно, необходимые обитателям цитадели. На остальной его территории было сооружено несколько наземных построек с глинобитными стенами. Пол у них материковый, неровный, на нем лежали слой рухнувших стен, угли и обломки крупных плах от кровли. Возможно, эти явно нежилые строения в какой-то степени заменили управителю крепости прежнюю конюшню. Следует сказать, что и сам правитель крепости, видимо, сильно изменился. Он уже не столь ревностно относился даже к охране своего собственного жилища: на кирпичной вымостке перед входом в донжон он позволил по-

ставить небольшое квадратное строение с глинобитными стенами. Постройка погибла в пожаре и была сильно разрушена, поэтому неясно, что представляла собой глинобитная обожженная груда в северном углу помещения — печь или тандыр. В полу вырыты две большие цилиндрические ямы, возможно, зерновые. Вполне вероятно, что это строение служило хозяину донжона пекарней или кухней. Сооружение постройки прямо на кирпичах, частичное разрушение кирпичного настила ямами особенно выразительно свидетельствует о полном отказе саркельского населения от сакрализации кирпичей, а значит, и самого кагана. Вдоль остатков стены разрушенной казармы и поблизости от донжона располагались разнотипные жилища, принадлежавшие, вероятно, наиболее близким хозяину крепости воинам охраны. В раскопе открыто шесть построек, сильно пострадавших не только от пожарища, но и от множества перекопов. Однако можно констатировать, что пять из них были полуземлянками разных размеров и планировки: квадратная большая с выделенным входом и развалом печи у одной из стен, обычные квадратные с очагами в центре, овальная с каркасными стенами. В последней было обнаружено в глубокой яме жертвоприношение в виде черепа коня, обращенного мордой на Запад.

Характерно, что во всех остальных жилищах, открытых в саркельском слое цитадели, включая даже наземную постройку на кирпичной вымостке перед донжоном, нет глиняной подмазки на полу, что типично для строений хазарского времени. Помимо жилых помещений на раскопанном участке было открыто множество ям, из которых удалось исследовать только два небольших погребка и две обычные круглые немного конусовидные хозяйственные ямы. В одной из них прекрасно сохранилась обмазка стен и дна зеленой глиной, аналогичная обмазке ям, выявленной на бывшем дворе "караван-сарая".

В 3—4 м к северо-западу от кирпичной платформы донжона исследователи обнаружили громадный завал обожженной глины, смешанной с золой, углями, обломками кирпичей и целыми кирпичами. К сожалению, основной массив завала остался нераскопанным, но вскрытая часть была расчищена насколько это было возможно. В ней наметились очертания явно юртообразных построек, квадратный погребок, вероятно, находившийся внутри одного из жилищ, северо-западная стена которого четко выявлена благодаря двум смыкающимся дугообразным рядам ямок от жер-

девого каркаса. Интерес в этом развале представляют два наиболее ранние на данном памятнике очажка, сооруженные из четырех поставленных на ребро кирпичей с подом из пятого кирпича, положенного плашмя. В обоих сохранился значительный слой чистой светло-серой золы без включения угольков. Это позволяет говорить о том, что в них сжигалась хорошо просушенная солома. Кроме этих очажков в завале было обнаружено еще не менее трех разваленных и затоптанных в пожарище очажков.

Аналогичный очажок находился рядом с одним из жилищ-полуземлянок, относящихся к хазарскому второму периоду. Существенно, что именно в котловане этой полуземлянки были обнаружены обломки нескольких лепных сосудов, венчики и стенки которых украшены пышным орнаментом, характерным только гузо-печенежской посуде X века. Находки позволяют говорить о первом проникновении представителей этих кочевых народов в строящийся в пределах крепости городок. Представляется, что очажки тоже являются признаком появления в Саркеле нового, ранее не допускавшегося в него чуждого этнически и культурно населения. Наличие его следов в цитадели свидетельствует о значительных изменениях в гарнизоне, занявшем территорию, первоначально предназначенную для размещения каганского гарнизона.

Разрушению подвергся не только особенно укрепленный участок цитадели, в котором был поставлен донжон, но и северо-восточная ее часть, в которой находилось сложное сооружение. Практически от него сохранились только отпечатки кирпичей с оставшимися кое-где кирпичами, уложенными на известь в два слоя. Несмотря на незначительность остатков, размеры и форма в плане этого сооружения была выявлена полностью (рис. 2.5; рис. 3). Это была выложенная кирпичом площадь, точно ориентированная в соответствии с направлением всех остальных кирпичных зданий и оборонных стен крепости. Размеры ее 32×16 м, юго-западный конец немного сужается. На этом конце было поставлено довольно большое, видимо, квадратное здание. Рядом с ним на специально сделанной отмостке находилось второе здание — небольшое с массивными стенами. Что представлял собой этот абсолютно разрушенный комплекс, не выяснено. Судя по размерам, это было какое-то общественное сооружение.

Внешние оборонные стены и район главных ворот крепости, судя по отсутствию следов перекрытия их постройками саркельского времени, остались нетронутыми разрушительной деятельно-

стью жителей Саркела во второй период его существования. Было, видимо, даже кое-что сделано для укрепления обороноспособности. В частности, внимания заслуживают остатки "странных" пристроек около башен "В" и "Г" на юго-западной стене крепости, сооруженных на берме (Артамонова, 1963, рис. 27). Так, у первой от западного угла крепости башни "Г" была поставлена большая постройка из мергелевых блоков, уложенных всухую (без раствора глины). Она почти квадратная в плане (6×5,3 м), ориентированная углами по странам света, т.е. соответственно крепостной башне (рис. 6). В середине северо-восточной ее стены находился широкий вход (не менее 2 м), соединяющий это основное помещение с небольшой пристройкой (3,1×2,7 м), примыкавшей к крепостной стене. Вероятно, это был проход от стены в каменную башню, дополнявшую или полностью заменившую башню "Г". Мергелевые блоки новой башни были уложены без фундамента, на слое материкового суглинка, перекрывавшего развалины находившегося здесь ранее поселка. Строили здание достаточно опытные специалисты, что подтверждается хорошо обработанными сохранившимися in situ блоками. Размеры их 60×35 см, 80×40 см (в отчетных материалах нет упоминаний об их толщине).

Существенно, что юго-западная сторона здания находилась на расстоянии 3 м от края рва и, следовательно, ров был еще не засыпан и, возможно, оставался проточным. Пространство, отделявшее стену постройки от рва, было достаточным для сохранения ее устойчивости.

Перечисленные факты свидетельствуют о строительстве здания в хазарское время, во второй период существования Саркела — в первой половине X века. Берма была тщательно заровнена, а ров еще функционировал. По-видимому, это сооружение в какой-то степени увеличивало обороноспособность стены и полуразвалившейся разрушенной кирпичной башни, пострадавших во время смут и значительных изменений в Саркеле.

Однако новое укрепление использовалось недолго. Князь Святослав не только разорил и сжег Саркел, но довольно сильно разрушил наиболее слабые места внешних стен крепости.

Засыпь бермы и обмелевшего рва новыми выбросами суглинка началась только после появления в крепости нового населения — славян, а также бежавших из горевшего городка и вернувшихся на развалины саркельцев и, вероятно, кочевников (печенегов и гузов). В конце X века ров почти сравнялся с поверхностью,

а толщина засыпи достигла 1 м. С этого времени и появились на участке бывшей бермы у юго-западной стены крепости первые беловежские погребения (Артамонова, 1963, с. 101). Могильник стал стремительно разрастаться.

Что касается мергелевой башни, то стены ее, видимо, какое-то время возвышались над поверхностью и могилы рыли вдоль них, не нарушая кладок. Это были наиболее ранние захоронения, относящиеся к началу XI века. Позже блоки верхних сохранившихся рядов кладок были разобраны для строек в городе, но нижний ряд остался, хотя был разрушен могилами, верхний горизонт которых был на 1 м и более выше этого последнего ряда. Нередко могильщики, прорезав набросанный и слежавшийся суглинок, доходили до камней и выбрасывали их из кладки, прокапывая слой почти до материка. Могилы были вырыты и внутри бывшего белокаменного здания. Все это свидетельствует о полном исчезновении его остатков с поверхности.

Рассмотрим вторую дополнительную предбашенную постройку, сооруженную вплотную к юго-восточной стороне башни "В" (рис. 6). Основное помещение этого здания квадратное (4,7×4,7 м). От него сохранились сильно разбитые остатки нижнего ряда мергелевых блоков, а большая часть ее юго-западной стороны была разобрана полностью: остался in situ только один угловой блок, размеры которого совпадали с крупными блоками предыдущей аналогичной постройки. Прослеживался и второй блок этой стены, примыкавший к первому, но он раздроблен и развалился на части. Блоки на двух других сторонах также разбиты и разбросаны, но общее направление стен они дают. Одна из стен явно перекрывала почти полностью разобранный край башни "В". Четвертая стена была засыпана суглинком, на котором сохранились остатки более позднего сооружения. Судя по упиравшийся в крепостную стену отрезок мергелевой кладки, квадратная постройка, как и первая башня, была соединена с юго-западной стеной проходом.

В целом эта мергелевая постройка сохранилась намного хуже первой: ее разрушили до основания, а затем засыпали суглинком и плотным глинистым слоем. На нем сохранились остатки еще одной почти квадратной пристройки к башне "В" (3×3,5 м) — это аккуратно сложенный на глиняном растворе нижний ряд кирпичной кладки.

Под глиняной подсыпкой, на которую опиралась кирпичная

кладка, было обнаружено погребение, что позволяет определить время сооружения данной пристройки (попытки реставрации башни "В") примерно серединой XI века. Других следов реставрации или усиления обороноспособности крепостных стен обнаружить не удалось. Отметим только, что Речные ворота, которые были значительно меньше Главных, хотя и не были разрушены, но потеряли значение входа в крепость, возможно, их заложили, сделав непроходимыми. Об этом косвенно свидетельствует наличие следов характерного для второго периода наземного жилища с подмазкой пола и развалом печи в углу (Плетнёва, 1996б, с. 33, рис. 12). Угол этого дома занимал половину ширины входа и практически исключал движение через воротный проем.

Подводя итоги этого очерка, в основе которого лежит исследование архивных данных о раскопках предматерикового слоя городища, следует констатировать, что у нас есть веские основания говорить о двух периодах жизни в Саркеле. Культурные напластования обоих периодов сгребались в помойки — заброшенные хозяйственные ямы. Однако факты перекрытия одних построек другими, нередко чуждыми ранней хазарской домостроительной культуре, свидетельствуют о правомерности как предложенного метода исследований, так и выводов, сделанных из них, в частности, наиболее существенного — о двух совершенно разных периодах жизни в крепости. Первый — военно-таможенный стабильный период. Второй, значительно более бурный, характеризуется полным уничтожением прежнего назначения крепости, которая начала превращаться в хорошо укрепленное поселение, т.е. в небольшой по занимаемой площади городок.

Совершенно очевидно, что данные, полученные в результате раскопок, и их анализ не позволяют говорить о мирном переходе населения Саркела во второй период. Выше я попыталась подчеркнуть не только различия в планировке и домостроительстве периодов, но и ряд наиболее ярких фактов, свидетельствующих о нарочитом разрушении как жилых небольших построек, так и почти всех кирпичных зданий внутри крепости.

Существенно, что во второй период произошли заметные изменения в керамическом комплексе. Так, в первом периоде преобладающей тарой были привозные из Крыма и Тамани амфоры, датированные IX веком. Во втором периоде их заменяют амфоры X века и красноглиняные высокие кувшины с плоскими ручками (тмутараканского типа), производство которых на Тамани и в

Крыму началось в IX веке, но особенное распространение они получили в X веке (Плетнёва, 1963, с. 52—59). Следует отметить, что поскольку культурного слоя Саркела фактически нет и то, что осталось, уничтожено многочисленными перекопами, мы можем говорить только о преобладании той или иной категории посуды как в первом, так и во втором периоде. Однако преобладание это настолько стабильно, что у нас есть все основания говорить о разновременности вскрытых раскопками саркельских комплексов не только при явном перекрытии ранних строений поздними перестройками, но и по массовому керамическому материалу.

Дата разрушения кирпичных зданий может быть определена не позже первого десятилетия X века.

Кто же ворвался тогда в крепость, уничтожив основу ее первоначального назначения — пункта, связывавшего несколько сухопутных караванных путей с водными дорогами по Дону, Северскому Донцу и (переволокой) с Волгой?

Из ряда источников (византийских и арабо-персидских) хорошо известно, что в это время в степях севернее Саркела хозяйничали печенеги: грабили и жгли поселения, вытаптывали стадами пашни, сады и бахчи.

Однако характер разрушений в Саркеле не соответствует обычным результатам печенежского вторжения. Во-первых, целенаправленное уничтожение кирпичных зданий внутри крепости крайне трудоемкое дело и заниматься им в течение нескольких недель или даже месяцев не было никакой необходимости. Во-вторых, крепкие стены захваченной крепости по непонятной причине сохранились целыми, несмотря на то, что именно они мешали захватчикам владеть поселением в последующее время. В-третьих, кочевники, судя по данным письменных источников, редко осаждали и не умели брать крепости.

Все сказанное представляется мне достаточным для того, чтобы не принимать версию захвата Саркела печенегами в рассматриваемое время. Кажется более убедительной гипотеза о взятии и разгроме крепости с уничтожением ее широкой торгово-пошлинной деятельности, доходы с которой шли в казну кагана, взбунтовавшимися подданными последнего. О бунте в Хазарском каганате писал Константин Багрянородный: "Да будет известно, что так называемые кавары произошли из рода хазар. Случилось так, что вспыхнуло у них восстание против власти, и, когда разгорелась междоусобная война, эта прежняя власть их (все-

таки) одержала победу. Одни из них были перебиты, другие, бежав, пришли и поселились вместе с турками (так называл император венгров. — *С. П.*) в земле пачинакитов, сдружились друг с другом и стали называться каварами..." (изд. 1989, с. 163). Это сообщение представляет интерес не только упоминанием междоусобицы в каганате, но и косвенным подтверждением довольно поздней даты этого события. В нем упоминаются венгры, обитавшие тогда в земле печенегов. Хорошо известно благодаря сведениям того же Константина Багрянородного и ряда других источников, в частности древнерусской летописи (ПСРЛ, т. 2, с. 32), относившей первое появление печенегов на Русской земле к 915 году, о захвате южнорусских степей в конце IX — начале X века. Венгры, возможно, в то время еще оставались на старых кочевьях Ателькузы (междуречье Днепра и Днестра), хотя в начале X века основная их масса пришла в Среднее Подунавье (Шушарин, 1997, с. 157). По-видимому, участвовавшие в смуте кавары, побежденные "прежней властью", бежали первоначально к венграм Ателькузы и затем в союзе с венграми отошли к Дунаю.

Таким образом, датировать смуту в каганате можно примерно рубежом IX—X веков или самым началом X века. Хронологически к этому событию в жизни каганата можно отнести некоторые известные в настоящее время археологические памятники. Прежде всего упомянем могильник воинов-всадников, открытый на Дунае в Сербии у дер. Челарево (близ г. Нови Сад). В подавляющем большинстве вскрытых погребений были обнаружены меловые довольно грубо обработанные блоки или плиты с одной гладкой поверхностью, на которой были процарапаны глубокими линиями знаки иудейской символики: семисвечник и сопровождающие его акцессуары (Bunardzic, 1980). Большинство исследователей считают, что этот могильник относится к хазарам-каварам (Эрдели, 1983). Если принять эту гипотезу, то очевидно, что поражение в междоусобице потерпели новые правители Хазарии — иудеи и их единомышленники и единоверцы (часть хазарского населения).

Не исключено, что крепость Саркел с его караванами, несшими помимо товаров чуждые народам каганата религии (не только иудейство, но и мусульманство), а также новый дух предпринимательства, раздражала хазарских и болгарских аристократов, не обращенных в иудейство. Поэтому Саркел с его иудейским гарнизоном из 300 воинов был разгромлен и сожжен, а на мес-

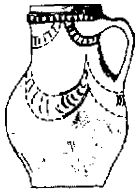
те пожарища и кирпичных развалин в крепости, стены которой почти не были затронуты разрушением, появились новые жители, нередко не только с иными домостроительными традициями, но и другим религиозным и политическим направлением.

Очевидно прав М. И. Артамонов, связывавший гибель хазарского укрепленного поселка на Правобережном Цимлянском городище с междоусобьем в государстве (Артамонов, 1962, с. 323; Плетнёва, 1995, с. 283). Интересно, что после полного разрушения и сожжения этого поселения по прошествии небольшого промежутка времени (5—10 лет) какой-то влиятельный болгарский или хазарский аристократ победившей партии решил поставить на этом весьма удобном для контроля за речной караванной дорогой месте свой замок. Стены замка должны были быть сложены из белых великолепно обработанных крупных блоков, подобных блокам стен столиц Дунайской Болгарии Плиски и Преслава. Однако, судя по сохранившимся in situ остаткам этого строительства (Плетнёва, 1995, с. 278—283), он не успел довести до конца начатые работы из-за активизации освоения нижнего Дона русами. Их ладьи заскользили по Дону, постепенно захватывая водный путь (через переволоку к Волге) на Кавказ и в более южные и восточные высокоразвитые государства и страны. Любые укрепления хазар по Дону мешали их движению и, видимо, они взяли недостроенное укрепление, прекратив работы на нем. Точно так же мешал проезду и Саркел, ставший во второй период, как говорилось, крепостью с отлично укрепленными стенами и новым гарнизоном, воины которого предпочитали не только служить, но и жить в цитадели. Находки ритуальных очажков на территории цитадели свидетельствуют о появлении здесь первых печенего-огузских воинов, вошедших в гарнизон, охранявший крепость.

Однако, пока не появился на Руси князь, способный к далеким завоевательным походам, Саркел стоял крепко, а его правитель брал пошлину за проезд по реке, как это делал каган в Итиле со всех судов из Каспия по Волге и обратно (Заходер, 1962, с. 169—170). Русским дружинникам и аристократии необходимы были походы на земли ослабленной печенегами Хазарии для сравнительно легкого обогащения, а начинающим собственную торговлю русским торговым людям нужны были непосредственные и беспрепятственные связи с богатым Востоком. Путь по Дону и Волге следовало очистить от пошлин и обезопасить от

налетов хазарских отрядов. Это сделал русский князь Святослав Игоревич в 965 году, взял сначала Итиль, наголову разбив войско самого кагана, а затем спустился по Дону к Саркелу, взял его, разграбил, как и Итиль, и сжег в громадном пожарище. Разрушив северо-западную стену и Главные ворота, он, оставив, по-видимому, небольшой гарнизон в цитадели, ушел на ладьях вниз по Дону. Его путь от Саркела многократно и разнообразно реконструировался различными авторами-историками, но эта тема нуждается в серьезной специальной работе, где были бы рассмотрены все предлагаемые учеными варианты пути Святослава, и, видимо, необходимо при этом попытаться привлечь некоторые археологические данные, до настоящего времени не учитывавшиеся.

Саркел, разоренный, сожженный, наполовину разрушенный, получил на Руси имя Белая Вежа (калька с тюркского названия Сар — кел) и почти сразу начал заселятья и застраиваться. Этому начальному периоду жизни строившегося городка будет посвящена следующая глава.



Глава 2

СЛАВЯНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ НА РАЗВАЛИНАХ КРЕПОСТИ

Почти полтора столетия жизни Саркела и его господства над сухопутными и водными путями и дорогами делятся на два примерно равных периода, между которыми кое-где прослеживаются остатки тотального разгрома и сожжения зданий и жилищ внутри крепости. Выделить следы пожарища и разрухи нам удалось только по угольно-золистому заполнению некоторых котлованов построек и последующей за разрушением "утрамбовке" сожженных развалин слоем глины. Кроме того, кирпичные здания были, как говорилось, перекрыты новыми постройками или частично использовались под жилье новыми поселенцами. Четко выраженного слоя разрухи не образовалось, поскольку все разрушенные жилища были тщательно заровнены, а кирпичи из разобраных стен (и даже их обломки) брались для строительства новых сооружений. Таким образом, несмотря на сравнительную длительность существования Саркела как крепости, а затем городка (100 с лишним лет), культурный слой строительства крепости и жизни в ней, слой разгрома и жизни второго периода отделить от верхних отложений практически не удалось. Причины этого заключаются не только в слабой заселенности крепости в первый период, но и в характерной особенности всех хазарских поселений широко пользоваться старыми хозяйственными ямами в качестве помоек, в которые сбрасывался обычно мусор, бывший основной составляющей частью культурных наслоений. Следует учитывать также множество спущенных из верхних слоев последующих веков ям и перекопов, в значительной степени разрушивших (перемешавших) все культурные наслоения городища (рис. 7).

Тем не менее на некоторых участках разрезов (профилей)

культурного слоя был прослежен нижний черный пласт, местами насыщенный золой и углями. Представляется, что этот пласт, толщина которого достигает от материка местами 0,6 м, образовался в очень краткий период взятия и разрушения городка Святославом. Огонь, грабеж и разруха, смешанные с тонкими отложениями Саркела, стали единым слоем, предельно набитым обломками посуды, которую не брали победители, а просто били ее в надежде найти в сосудах что-либо спрятанное от грабителей.

Один из таких сосудов со спрятанным в нем кладом удалось обнаружить и археологам. Довольно крупный лепной горшок был дополнительно и, очевидно, поспешно оставлен в неглубокой ямке, вырытой в слое разрушения. В клад входили диргемы, относящиеся к периоду от 907 до 954 года, а также гарнитуры двух воинских поясов: парадного — серебряного с позолотой и чернью и "рабочего" — бронзового и позолоченного. Оба пояса синхронны монетному кладу, судя по орнаменту их следует датировать не ранее середины X века (Макарова, Плетнёва, 1983; Плетнёва, 1996б, с. 139—141). Таким образом, клад дал дополнительные веские основания для датировки смешанного слоя 50—60-ми годами X века, что вполне соответствует времени похода Святослава на Хазарию.

Следует отметить, что ко времени осады Саркела относится подкоп под северо-западной стеной крепости, который велся изнутри для воина-лазутчика или даже небольшого отряда, посланного на вылазку в лагерь осаждавших. Видимо, лазутчику не удалось прорваться сквозь вражеские сторожевые посты: у самого выхода из подкопа археологи обнаружили полурастащенный зверьем труп мужчины, в руке которого был зажат обрывок бумаги самаркандского производства VIII—IX веков. В бумагу был завернут кусочек хны, но, к сожалению, надписи или хотя бы нескольких знаков на ней не сохранилось.

"Слой гибели" сохраняется на памятниках, где жизнь после разгрома не продолжалась или начиналась спустя некоторый срок, в который успевал образоваться над развалинами стерильный слой, как бы консервировавший следы прежнего поселения. В Саркеле новые поселенцы вместе с оставшимися в живых саркельцами начали активно осваивать площадь пожарища. В результате слой гибели был сильно перемешан со слоем нового строительства. Ошибочно его и ряд связанных с ним комплексов считали слоем жизни Саркела. Представляется более верной ги-

потеза о сильной смешанности в нем четырех периодов жизнедеятельности на территории, ограниченной крепостными стенами: двух периодов жизни Саркела, краткого периода взятия и разгрома городка, оставившего мощный слой пожарища, и периода застройки его новыми пришельцами.

О том, кто были пришельцы, свидетельствует керамический материал. В основном, как говорилось выше, он был насыщен обломками разбитой хазарской посуды: горшками со сплошным линейным или линейно-волнистым орнаментом, лощеными парадными — столовыми сосудами, небольшим количеством лепных горшков и тысячами больших и малых обломков тарной посуды — амфор и кувшинов тмутараканского типа. Вся эта масса керамики датировала слой в целом IX — первой половиной X века. Однако в этом же слое встречались обломки амфор и кувшинов, относящихся ко второй половине X века, и, что особенно важно, в нем вперемешку с ярко выраженным хазарским керамическим комплексом попадалось значительное количество обломков лепной славянской — боршевской посуды (горшков и сковородок) и кочевнической весьма разнообразной по форме и по орнаментике керамики (Плетнёва, 1959, с. 260—269, рис. 45—51; Белецкий, 1959, рис. 18, 23, 34). Это смешение совершенно чуждых керамических комплексов в нижнем пласте городища привело меня и В. Д. Белецкого к, казалось бы, логическому выводу о заселении славянами и кочевниками Саркела еще в первой половине X века. На самом деле прав был наш общий учитель М. И. Артамонов, не согласившийся с выводами своих учеников. Он уверенно писал о появлении новых этносов в Саркеле только после взятия крепости Святославом (Артамонов, 1958, с. 56). Следует сказать, что в "закрытых" хазарских комплексах никогда не встречались обломки славянской керамики, так же как и кочевнической. В ряде случаев, о чем подробно будет сказано ниже, полуземлянки со славянской — боршевской керамикой всегда перекрывали хазарские постройки.

Благодаря исследованиям археологов-славистов известно, что подавляющее большинство славянских полуземлянок углублялось в грунт не более чем на 0,7—1 м (Москаленко,1965, с. 216—238; Раппопорт, 1975, с. 27—42). Представляется, что по глубине котлованов боршевских полуземлянок, врезанных в материк, можно со значительной долей вероятности определять уровень, с которого они были спущены, т.е. уровень их строитель-

ства. Вычитая из общей, известной нам, глубины славянских котлованов глубину врезанных в материк боршевских котлованов Белой Вежи, мы получили данные об уровне начала строительства каждой полуземлянки. По полученным данным этот уровень в различных местах городища колеблется от +0,3 до +0,6 м. Это в целом совпадает с теми наблюдениями, которые удалось сделать по немногочисленным участкам профилей, на которых сохранились остатки почти всюду уничтоженного глубокими перекопами нижнего слоя.

Таким образом, нельзя считать нижние наслоения слоем жизни Саркела, это слой его гибели. Естественно, что он насыщен, как говорилось, обломками хазарской керамики, но наряду с ней в нем попадается большое количество обломков боршевской и кочевнической посуды. В этом же слое, прорезая его, выкапывались жилища первых поселенцев-боршевцев, а на его поверхности ставились юрты и "очажки" из пяти кирпичей (нередко кирпичный под в них заменялся толстым слоем глиняной обмазки). Повсеместное строительство, выкапывание хозяйственных ям, просто выравнивание поверхности пожарища превратили слой жизни и уничтожения Саркела в слой возрождения жизни на пожарище.

Поселение, огражденное полуразрушенными стенами, получило на Руси новое имя — Белая Вежа. Вполне вероятно, что в тюркоязычной степи в последующие почти два века существования это поселение (позднее переросшее в городок) сохранило свое первоначальное тюркское название — Саркел.

Перейдем далее к конкретной характеристике комплексов, относившихся к первому периоду заселения сожженного Саркела. Половина жителей этого периода по типу постройки и керамическому комплексу принадлежала славянам—боршевцам.

Подробные описания сохранившихся остатков беловежских боршевских жилищ опубликованы В. Д. Белецким и частично О. А. Артамоновой и мной (Белецкий, 1959, с. 74—91; Артамонова, Плетнёва, 1998, с. 555—564; Плетнёва, 2000, с. 82—98).

Тем не менее в данной работе необходимо дать характеристику всех славянских жилищ, которые можно отнести к группе боршевских, поскольку типологические особенности и количество комплексов этой группы жилищ не вполне совпадают с данными В. Д. Белецкого.

Начнем описание их с наиболее изученного участка — южного угла цитадели (рис. 8 и 9).

1.1. В кв. У11—Т12 расположена полуземлянка, котлован которой углублен в материк на 0,54 м (рис. 10, *1*). Форма его прямоугольная, размеры 3×3,5 м. Стенки котлована сильно изрезаны поздними ямами, поэтому и форма, и размеры установлены только благодаря сохранившимся ямкам от угловых столбов. Ориентировано жилище углами по странам света, соответственно направлению стен крепости. Пол материковый плотный, возможно, без глиняной подмазки. Помимо угловых ямок от столбов в полу прослежены ямки от четырех промежуточных аналогичных столбов в середине каждой стороны. Все ямки забиты тополевыми углями, а стенки полуземлянки "обшиты" тополевыми плахами, следы которых в нескольких местах отчетливо выявляются на стенах котлована.

Обугленные обломки жердей кровли попадались на полу и в заполнении котлована. Лежали они на полу в двух направлениях — крест накрест, т.е. из угла в угол. Очевидно, крыша была четырехскатная. В западном углу жилища находилась печь-каменка, сложенная из больших блоков песчаника, промежутки между которыми забиты мелкими камешками. Под печи глинобитный, прокаленный, засыпанный золой. При расчистке печи обнаружено несколько обломков боршевского горшка, а в заполнении котлована — обломки тмутараканских кувшинов (27), амфор (2), боршевских горшков (22), хазарских кухонных горшков (3), лощеных сосудов (2).

1.2. Котлован близкой типологически полуземлянки находился в кв. Т13—С14 (с частичным заходом на соседние квадраты) (рис. 9). Ориентирована полуземлянка углами по странам света и углублена в материк на 0,54 м. Форма ее прямоугольная, размеры 4×4,5 м. Котлован сильно изрезан поздними ямами, стенки его местами полностью уничтожены, но на сохранившихся участках остались следы деревянной обшивки. Пол глинобитный, в западном углу, на середине юго-восточной стенки и в центральной части пола сохранились ямки от крупных круглых столбов. У северо-восточной стены обнаружен завал сгоревшего дерева и камыша (куги) от рухнувшей крыши. От печи сохранился в северном углу развал обломков кирпичей и камней, смешанный с обожженной глиной. С северо-востока этот завал ограничен песчаниковой плитой и грудой прокаленной глины. Конструкция печи невосстановима, но, вероятно, это тоже была каменка, со-

оруженная с частичным использованием кирпичей и обмазанная глиной. В заполнении котлована обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (33), амфор (11), боршевских горшков (17), а в верхнем слое заполнения найдены один обломок древнерусского горшка и шиферное пряслице, попавшие в него из перекопов.

1.3. Полуземлянка расположена всего в двух метрах от южного угла предыдущей (рис. 9). Котлован углублен на 0,47 м, ориентирован углами по странам света: юго-западная его сторона вплотную примыкает к разрушенной, но еще возвышавшейся над поверхностью стеной кирпичного здания ("казармы" и конюшни). Форма полуземлянки прямоугольная, размеры 4×3,5 м (рис. 10, *2*). Котлован сильно изрезан поздними перекопами, однако в полу удалось проследить сегментовидные ямки от угловых и срединных столбов-горбылей. Стены облицованы деревом — у восточного угла сохранились следы истлевших досок. Остатков печи не обнаружено, видимо, она находилась в южном углу, полностью срезанном перекопом. Пол в полуземлянке неоднократно подмазывался глиной. В центре он немного осел. Оказалось, что под подмазкой лежал щит из пяти довольно массивных плах, перекрывавших яму хазарского времени, засыпанную смешанным с кусками глины грунтом. Он постепенно оседал, и поэтому пол в этом месте многократно подмазывался, но, несмотря на это, остался слегка вогнутым. Помимо этой ямы под полом полуземлянки находились еще три забитые грунтом ямы, также относившиеся к хазарскому времени: в их заполнении попадались обломки хазарских кухонных горшков и лощеной посуды, а одна из ям была обмазана распространенной в хазарское время зеленой плотной глиной. Находки из заполнения котлована были перемешаны с находками из перекопов, срезавших его южный и северный углы, поэтому судить о керамическом комплексе данной полуземлянки вряд ли правомерно.

1.4. Котлован полуземлянки находился в кв. У14—Т15 и У15—Т16, в материк углублен всего на 0,26 м (рис. 9 и рис. 11, *1*). Форма котлована квадратная, размеры 3,25×3,5 м. Полуземлянка ориентирована углами по странам света. Стены облицованы деревянными плахами, следы которых сохранились вдоль юго-западной и северо-западной стенок. Пол глинобитный, покрытый слоем золы и сажи. В углах и на середине каждой из сторон прослежены ямки от столбов — круглых, сегментовидных и прямоугольных. В западном углу находилась печь, обращенная

устьем на северо-восток. Под у нее, покрытый слоем сажи и золы, вымощен шестью кирпичами, а основанием стенок служили крупные блоки песчаника. Свод, как и под, выложен из кирпичей, завалившихся внутрь печи. Перед устьем вырыта квадратная предпечная яма глубиной 0,20 м. Она и частично стена жилища перекрывали яму, обмазанную зеленой глиной и относившуюся, судя по этому признаку и большому количеству обломков хазарских горшков и лощеной посуды, к саркельскому времени. Эта ранняя яма была углублена в материк на 0,65 м, верхний слой ее заполнения тщательно утрамбовали слоем глины и стали использовать в качестве предпечной. У северо-восточной стенки, рядом с промежуточным столбом был поставлен еще один массивный прямоугольный столб, возможно, служивший несущим косяком двери. При расчистке печи были обнаружены обломки разбитых хазарского кухонного и боршевского горшков, а в заполнении котлована — обломки тмутараканских кувшинов (70), амфор (4), боршевских горшков (5) и лощеных сосудов (3).

Все четыре полуземлянки представляют собой как бы единое "гнездо", удачно расположенное в одном из наиболее защищенных еще стоявшими, видимо, стенами цитадели от осенне-зимних ветров и даже от неожиданных грабительских налетов окружавших поселение кочевых отрядов.

Судя по углублению в материк, котлованы трех полуземлянок рылись почти одновременно и примерно с одного уровня: +0,20—0,25 м. Четвертая полуземлянка опущена в материк всего на 0,26 м, т.е. уровень ее строительства на 0,20 м выше трех первых построек. Этот факт не может быть доказательством ее более позднего возникновения, поскольку разница уровней невелика, а неровность поверхности слоя разгрома и пожарища кое-где на профилях хорошо прослеживается. Таким образом, с той или иной степенью вероятности можно все объекты, обнаруженные в перемешанном слое Саркела, отнести ко времени появления на пожарище первых поселенцев.

1.5. Еще одна боршевская полуземлянка обнаружена в кв. О18—Н19 на уровне +0,3 м. Ее котлован углублен в материк на 0,3—04 м (рис. 9; рис. 11, *3*). Он прямоугольный, ориентированный углами по странам света, размеры его 3,75×3,25 м. Кое-где на юго-западной и юго-восточной стенках сохранились следы деревянной облицовки, а в южном углу и вдоль северо-западной стенки в полу прослежены ямки от круглых столбов. Глинобитный пол перекры-

вал более ранние ямы, в которые подмазка немного осела. В восточном углу находилась печь, от которой остались только покрытый золой обожженный под и развал кирпичей и камней.

Находки в заполнении котлована: обломки хазарских кухонных и боршевских горшков, много обломков тмутараканских кувшинов, обломок черного стеклянного браслета и масса костей животных.

Котлован этого жилища прорезал слой пожарища хазарского наземного дома, следы которого выявлены в основном в кв. П18—О19. 1.6. В кв. Х17—Ф18 и Ф17—У18, на территории разрушенного здания III ("казармы"), на уровне +0,32 м была обнаружена необычная для боршевцев полуземлянка. Северо-восточной ее стеной служила, очевидно, еще не полностью разобранная на этом участке кирпичная стена (рис. 9). Котлован, углубленный в материк на 0,25 м, почти квадратный, со слегка закругленными углами и выгнутыми стенами. Размеры его 3×3,25 м. Пол жилища без подмазки (материковый), в центре находилось обожженное пятно костровидного открытого очага, а в нем — обрывок горелой веревки, завязанной узлом, и кусок льняной ткани. В заполнении котлована были обнаружены обломки амфор (9), тмутараканских кувшинов (28), лепных горшков (5), хазарских горшков (10), обломки лепной сковороды, венчик лепного котла с внутренним ушком, кость животного со следами обработки и зеленая плоская бусина. В заполнении ям, частично разрушивших стены котлована, были найдены обломки котла с внутренним ушками, сделанного на гончарном круге, и крышка от горшка, украшенная типичным кочевническим орнаментом (сочетание полукругов с наколами). Все особенности постройки и керамический комплекс в ней свидетельствуют о принадлежности данного жилища саркельцу (хазарину, болгарину) или, возможно, осевшему на поселении степняку.

Примерно в 8 м от полуземлянки № 6, в кв. Х20—Ф21 была открыта и исследована полуразвалившаяся печь, оригинальная как по форме, так и по назначению, сооруженная вплотную к юго-западной стене крепости (рис. 9). Она несомненно относится к первому беловежскому периоду — ее под находился на уровне +0,49 м.

Печь круглая в плане, стенки ее облицованы десятью немного наклонно поставленными кирпичами, снаружи и изнутри промазанными слоем глины (внутри сильно обожженной). Диаметр

прокаленного пода 0,80 м, кверху топка немного расширяется соответственно наклону кирпичей облицовки (рис. 12, *3*). В центре пода стоял земляной столб с уложенными на нем полукирпичами. Устье печи представляло собой канавку, дно и стенки которой были обмазаны глиной и обожжены.

Печь была завалена обломками шести толстых (10 см) глиняных, замешанных на просяной мякине лепешек, различных по величине, форме и составу теста. Очевидно, они служили перекрытием топочного помещения, одновременно являясь "подом" обжигательной части печи. Четыре из них опирались одним краем на центральный столб, другим на кирпичи стенок топочной камеры. Одна из лепешек сохранилась почти полностью: диаметр ее 0,50 м, толщина, как и всех остальных, 10 см, диаметр отверстия в центре также 10 см. Еще одна лепешка, судя по дошедшей до нас половине, была подобна первой. Обе они перекрывали заднюю, противоположную входу часть топки. Передняя ее часть была перекрыта меньшими по размерам лепешками, которые распались на мелкие куски. Обломки прямоугольных со скругленными углами лепешек прикрывали устье печи. Некоторые обломки лепешек сохранили своеобразную орнаментацию в виде отпечатков пальцев или прутиков в различных сочетаниях, чаще довольно беспорядочных.

Совершенно очевидно, что это сооружение не было ни обычной отопительно-хозяйственной печью, ни горном для обжига керамики, неясно даже, была ли у него отдельная обжигательная камера. Вероятно, что это была печь типа тандыра для выпечки или обжига каких-то специальных небольших изделий. Такие изделия — глиняные кружки 3—4 см в диаметре — встречались в ряде комплексов, относящихся к раннебеловежскому времени, хотя изредка их находили и в более поздних постройках (Плетнёва, 1994, с. 166—172). Подробнее мы остановимся на этих изделиях в последующем разделе данной главы. Здесь отметим только, что два глиняных кружка были обнаружены (в поздних перекопах) поблизости от этой своеобразной печи, выпекающей, вероятно, сакральные хлебцы-амулеты.

Особенный интерес представляют остатки построек, поставленные на развалинах донжона (рис. 9).

1.7. Одна из них расположена внутри его частично сохранившихся стен в южном углу. Кирпичный пол при ее сооружении был разобран, и котлован углублен в материк примерно на 0,3 м

(рис. 11, *2*). Юго-восточной стенкой служила стена донжона, северо-восточная была глинобитной шириной 1 м, высотой 0,4 м. Сверху стенка была выложена слоем кирпичей. Видимо, именно на эту высоту возвышалась в то время разрушенная стена донжона. Северо-западная и юго-западная стенки прослежены только на уровне материка. Верхние конструкции всех четырех стен и крыши постройки, очевидно, были деревянные, судя по тому, что пол был завален слоем угля. Размеры жилища небольшие — 3×2,77 м. Пол глинобитный, сильно обожженный. В его западном углу находилась овальная в плане печь, сложенная из блоков песчаника и обломков кирпича. Глинобитный и прокаленный под печи покрыт слоем золы и угля. На полу полуземлянки при расчистке обнаружены обломки хазарских кухонных горшков, а в заполнении попадались, помимо хазарских, и обломки боршевских сосудов. Наличие последних, а также конструкция печи и подмазка пола позволяют относить эту постройку к боршевским жилищам.

Следует отметить, что пол полуземлянки и остатки стен донжона изрезаны поздними, врезавшимися друг в друга весьма обширными ямами, не являвшимися "закрытыми комплексами", а поэтому за редкими исключениями заполнение их исследовалось частично или совсем не раскапывалось.

1.8. Такими же ямами была уничтожена аналогичная полуземлянка, расположенная всего в 2,5 м к северо-западу от предыдущей (рис. 9). При ее сооружении были прорезаны часть кирпичной платформы перед донжоном и, вероятно, край его северо-западной стены. Углубление котлована в материк не более 0,3 м. Его общие очертания удалось зафиксировать только благодаря ровному квадрату разрушенной кирпичной платформы и кое-где сохранившимся краям котлована, в северном углу которого находилась ямка от крупного круглого столба.

Вероятно, обе полуземлянки были построены и погибли одновременно, но во второй из них не сохранилось даже следов пожарища.

Столь же невыразительно и невосстановимо дошли до нас остатки еще одного комплекса, зафиксированные в основном с северо-восточной и северо-западной сторон первой полуземлянки. Это прежде всего вырытые в материке на глубину 0,5—0,7 м две ямы: круглая (диаметр 1,35 м) и прямоугольная (1,12×1,4 м). Круглая яма заполнена прокаленным слоем глины и углями с

включением большого количества костей животных. Прямоугольная яма почти полностью забита углем, среди которого также обнаружены кости животных (коров и овец). Обе ямы перекрыты слоем спекшейся глиняной массы с включением в нее углей и золы, кусков железа и слитков бронзы. Наиболее существенными находками в этом комплексе являются многочисленные тигельки и их обломки (рис. 11, *4*). В нижней угольной прослойке спекшегося массива на уровне материка обнаружено 13 тигельков, около круглой ямы — еще 8 целых и 30 обломков таких же тигельков, а немного выше — еще несколько тигельков со следами на них подтеков меди и бронзы. Видимо, развал был литейной мастерской с литейными горнами, от которых до нас дошли только врытые в материк части (ямы), прокаленная глина от их верхних наземных конструкций, скопления угля и наиболее убедительное доказательство атрибуции комплекса как литейной мастерской — многочисленные тигли.

Находки обломков керамики в завале глиняного массива немногочисленны: тмутараканских кувшинов (24), по одному обломку лощеного и поливного сосудов, хазарских горшков (5) и кочевнических с богатым орнаментом сосудов (17). Кроме того, в слое около круглой ямы был врыт лепной кочевнический горшок с насечками по краю венчика и ногтевым орнаментом на плечиках. Очевидное преобладание здесь кочевнической посуды позволяет предполагать, что мастерская принадлежала степняку — гузу или печенегу.

1.9. Буквально рядом с развалом сгоревшей мастерской был прослежен кусок сильно обожженного глинобитного пола на уровне +0,54 м, т.е. на самой поверхности слоя начала беловежского строительства (рис. 9). Дом был наземным и, видимо, сгорел одновременно с мастерской. Связь его с мастерской подтверждается находками на расчищенном сохранившемся участке пола обломков характерной кочевнической керамики. Вероятно, эта связь может быть косвенным доказательством более позднего возникновения мастерской в пределах донжона, где ранее находились боршевские полуземлянки, которые, возможно, насильственно были оставлены жителями, сожжены и засыпаны грунтом.

Однако одновременное заселение и сосуществование боршевцев, обосновавшихся в цитадели, с кочевниками подтверждается другими фактами. Так, на участке наибольшего скопления боршевских полуземлянок (рис. 9), выше материка на +40—50 см, было

обнаружено пять кирпичных очажков, сложенных из четырех поставленных на торец кирпичей, пятый кирпич, уложенный плашмя, был с четырех сторон окружен ими. Впрочем, в ряде случаев вместо кирпича пространство между кирпичами подмазывалось толстым слоем глины, иногда неоднократно подновлявшимся тонкими прослойками глины (рис. 12, *1, 2*). Кирпичи и глиняный или кирпичный под между ними сильно прокалены, очевидно, от частого использования этих не вполне понятного назначения маленьких очажков. Внутри они, как правило, заполнены до половины, а иногда и доверху слежавшейся голубоватой чистой от других примесей горения золой. Последнее обстоятельство и специфический состав золы, очевидно, от тщательно очищенной пшеничной, дотла сожженной соломы, позволяют предполагать, что очажками не пользовались в то время в хозяйстве, в частности, в приготовлении пищи, так как для этого нужны были более крупный очаг и топливо, дающее больший жар. Видимо, в то время они играли роль в каких-то ритуальных действах, которые производились неоднократно, чем и объясняются сильная прокаленность и нередкие ремонты очажков. Переполнившая очажок зола выгребалась, для чего один из торцовых кирпичей отодвигался в сторону. Отмечу, что в вышележащих горизонтах слоя около очажков нередко находили обломки кочевнической керамики и даже целые, богато украшенные орнаментом сосуды.

Следует сказать, что кочевники в то время начали занимать не только южный угол цитадели, но и ее северо-восточную часть, где их присутствие зафиксировано как обломками керамики, так и остатками трех кирпичных круглых в плане вымосток, правда, очень плохо сохранившихся (рис. 13, *3—5*).

1.10. От первой вымостки, расположенной в кв. Ж8—Е9, сохранился северо-восточный дугообразный край, выложенный двумя рядами кирпичей и позволивший установить диаметр вымостки — 3,5 м. Внутри круга кирпичи были уложены более или менее ровными рядами, местами сильно разрушенными (рис. 13, *3*).

1.11. Вторая вымостка находилась на расстоянии около 4 м от первой в кв. З10—Ж11. От нее осталась только юго-западная половина, другая часть срезана глубокими поздними перекопами (рис. 13, *5*). В дошедшей до нас половине кирпичи сильно разбросаны, однако первоначальную круглую форму вымостки можно предполагать, благодаря отдельным кирпичам, лежавшим по

краю in situ, а также укладке кирпичей рядами (как в первой вымостке). Интересно, что под этой вымосткой при выравнивании для нее поверхности был насыпан слой плотно слежавшейся золы (вероятно, пропитанной водой).

1.12. Северо-восточнее первого круга, всего на расстоянии 2 м от него находилась еще одна вымостка, но от нее остались только разрозненные кирпичи дуговидного края, которые и дают основание предполагать, что она была аналогична двум первым вымосткам (рис. 13, *4*). Все три вымостки сооружены на уровнях от +0,18 до +0,4 м, т.е. в первый период возрождения сожженного города.

Вымостки из кирпичей появились в Саркеле в первой половине X века. Но они были небольшие, обычно прямоугольные или квадратные. В боршевский период такие вымостки почти не выкладывались. Тем не менее опыт и традиции укладки, видимо, сохранялись и их начали использовать кочевники в качестве полов в жилых постройках типа юрт. Юрты были легкие решетчатые, войлочные, вероятно, разборные. На лето их снимали, и хозяева отправлялись в степь со стадами. Постепенно Белая Вежа стала играть роль зимника для окружавших ее кочевых аилов печенегов и гузов. Благоустроенные юрты на вымостках принадлежали скорее всего главам кочевых аилов, присоединившихся к Белой Веже после падения Саркела.

Не исключено, что сакральное значение кирпичей, освещенное могуществом кагана, было хорошо известно кочевникам, у которых древние обычаи сохранялись значительно более свято. Кирпичи не только почитались в степи в качестве защитных амулетов, но и символизировали власть и силу владельца — обитателя юрты на кирпичном основании.

Содержание культурного пласта, окружавшего и отчасти перекрывавшего разбросанные кирпичные основания юрт, конечно, не может считаться "закрытым комплексом" этих разрушенных полностью жилищ. Однако при расчистке вымостки 10 (кв. Ж8—Е9) на ее поверхности были обнаружены обломки хазарского кухонного горшка, лощеного кувшина и лепного светильника на высокой конической ножке, а в слое среди разбросанных кирпичей — игральная кость, кочевнический раздавленный кувшин, глиняная лепешка-амулет и несколько сломанных ножей.

В соседнем квадрате (Ж7—Е8), рядом с юртой состав находок тот же, что и над ней. Интерес представляет костяная овальная

пластинка с изображением двух кабанов и птицы между ними, обнаруженная в заполнении значительно более поздней ямы. Не исключено, что это была подвеска с отломанной петелькой (Флёрова, 2001, с. 100). Возможно и иное ее назначение — это была головка копоушки с отломанным стерженьком, оканчивавшимся лопаточкой. Костяные копоушки были известны и на других памятниках салтово-маяцкой культуры. Но головки их не были столь большими и украшенными таким сложным узором, семантику которого мы пока не можем понять. Форма пластины и в какой-то степени содержание (смысл) рисунка на нем, как мне представляется, подражают бронзовым копоушкам, широко использовавшимся кочевниками (гузами и печенегами) в X веке. Несмотря на более твердый материал, бронзовые копоушки тоже ломались у самого основания головки, т.е. так, как и излом у костяной пластины.

В слое над остатками вымостки юрты 12 (кв. Е8—Д9) были найдены два мергелевых и одно амфорное пряслица, две бусинки и небольшой шлифованный рог с рисунком-граффити ослика.

От юрты 11 практически ничего не осталось — уничтожен перекопом даже слой над ее остатками. Но между юртами 10 и 11 в слое попадалось довольно много обломков кочевнических сосудов и один целый (правда, раздавленный) сосуд, а также альчик (любимая игрушка детской игры) и лазуритовая подвеска. Возможно, это одна из самых ранних лазуритовых подвесок, большинство которых попадаются в слое, хорошо датирующемся XI веком (Макарова, 1962). Юрты могли быть поставлены здесь не позже конца X века.

Все эти факты свидетельствуют о вкусах и достаточной "состоятельности" обитателей юрт. Широкое использование дорогой лощеной посуды, лепной кочевнической богато украшенной керамики, несколько уникальных предметов из кости и высоко ценимая лазуритовая подвеска-амулет представляются вполне убедительными доказательствами принадлежности данного участка крепости богатой семье кочевника, занимавшей его, вероятно, в течение нескольких десятилетий.

Что касается славянских переселенцев, то они отнюдь не ограничивались в своем расселении в полуразрушенной крепости только цитаделью. Буквально рядом, всего в 4—5 м от первой, описанной выше полуземлянки, отделенное, правда, от нее стеной цитадели, было отстроено еще одно "гнездо" боршевских полуземлянок.

2. Двор "караван-сарая"

Наиболее интересным комплексом этого участка является колодец, расположенный почти в центре двора (кв. Т4—С5, Т5—С6) (рис. 14).

Колодезная яма была выявлена на уровне +0,25 м в виде квадратного с закругленными углами пятна размером 2,75×2,75 м. Края пятна были окаймлены зеленоватой и желтой глиной, заполнение ямы рыхлое, мусорное. На глубине 0,4 м четко выявился квадратный сруб, ориентированный углами по странам света (рис. 15, *1*). Его размеры 1,6×1,65 м. До глубины 0,8 м в заполнении ямы попадались обломки боршевских горшков и тмутараканских кувшинов, а также найдены подкова, обломки люстрового сосуда, бронзовой ложечки, стеклянного браслета с росписью, бронзовое кольцо, железные гвозди. Слой подстилался "заплывом" обожженной глины, в которой обнаружены обломки боршевского горшочка и желтоглиняного тонкостенного кувшина, кости животных.

Ниже этого слоя выемка грунта велась только из сруба колодца, глиняная утрамбованная забивка ямы между стенками котлована и срубом не раскапывалась. Сруб был заполнен рыхлым гумусированным грунтом. На глубине 1,7 м в нем снова прослежена прослойка обожженной глины. В ней у стенки колодца обнаружены бронзовый кистень и два обломка древнерусских горшков конца XI—XII веков.

Ниже этой прослойки заполнение колодца — плотная серая глина почти без находок. Только на глубине от 2 до 2,6 м встречались обломки древнерусских и боршевских горшков, амфор XI—XII веков, стеклянных браслетов. Слой серой глины прослежен до дна колодца. Следует отметить, что ко дну размеры колодца сильно сужаются — до 1×1 м. На дне были найдены деревянные льнотрепалка, ковшик-лопаточка и плоская лопаточка.

Сруб колодца сложен "в обло" из дубовых плах, среди которых попадаются тополевые и осиновые (рис. 15, *2, 3*). Стенки были укреплены вбитыми в дно массивными плахами, а в северный угол были забиты две тонкие жерди, служившие, вероятно, дополнительными креплениями сруба. Очевидно, что колодец ремонтировался. Уменьшение размеров колодца в нижней части, возможно, является результатом ремонта: в старый сруб "вставили" новый — тополевый, от которого остались только отдельные

части венцов и вбитые в дно плахи и жерди. В северном и восточном углах сруба между вертикальными плахами была обнаружена сухая плотная глиняная обмазка, видимо, предназначавшаяся для задержания притока воды в колодец во время ремонта.

Находки в колодце, среди которых абсолютно нет предметов или их обломков, связанных с хазарским слоем, позволяют предполагать, что он был сооружен в последующее время. Забивать колодец серой плотной глиной начали, судя по находкам керамики, в XI—XII веках. Затем оседающая яма многократно подсыпалась обычным рыхлым гумусированным слоем, отложившимся вокруг колодезной ямы. Естественно, что в верхнем заполнении довольно много боршевской керамики, попавшей в яму вместе с нижним беловежским (боршевским) слоем. Одним из косвенных доказательств сооружения колодца именно в боршевское время служит факт незастроенности двора в тот период. На свободном открытом месте легче было выявить близость воды к поверхности и возможность с любой стороны подходить к колодцу, вокруг которого всегда толпился народ.

Перейдем к характеристике синхронных колодцу славянских комплексов.

Как в цитадели, так и на территории бывшего "караван-сарая" славянские жилища и хозяйственные ямы сконцентрировались на уже обжитых в хазарское время местах, нередко прямо на пепелищах сгоревших построек (рис. 14).

1.13. Первой на этом участке в кв. У8—Т9 и Т8—С9 была поставлена полуземлянка, погибшая в пожаре (рис. 16, *1*). Она более чем наполовину срезана несколькими большими ямами, а с двух сторон — близкими ей по типу полуземлянками, выстроенными позднее. Глубина ее котлована в материке 0,25 м, ориентировка — углами по странам света. Форма в плане, судя по сохранившемуся южному прямому углу, была правильно прямоугольной. Пол необычный — утрамбованный черный грунт: видимо, глина была смешана со слоем пожара, который здесь был особенно сильным (рядом сгорела кузница). От печи, находившейся в южном углу, сохранились под, выложенный четырьмя кирпичами, и развал стен, состоявший из обломков кирпичей и камней. Устье печи было обращено на северо-запад. При подчистке покрытого золой пола обнаружены несколько обломков лощеных сосудов и распавшаяся на части проржавевшая дужка котла. Судя по расстоянию между концами дужки, ее диаметр не пре-

вышал 25 см. Утрамбованная подмазка пола и применение камня в кладке стен печи позволяют говорить о ее принадлежности к боршевцам.

1.14. Большая часть второго жилища, расположенного северо-восточнее первого пепелища, к сожалению, оказалась скрытой под бортом раскопа, но раскрытый и расчищенный участок постройки дает представление об ее общей конструкции (рис. 16, *2*). В отличие от предыдущего глинобитный пол жилища находился на уровне + 0,4 м, т.е. основание его почти не было углублено в материк. Жилище прямоугольное, ориентированное углами по странам света. Длина полностью открытой юго-западной стороны 3,6 м. В южном и западном углах прослежены массивные столбы (диаметр около 0,3 м). Такие же столбы были врыты на расстоянии 1—1,2 м от юго-западной стороны (в полу сгоревшего жилища № 13) и 1,6 м друг от друга (рис. 16, *2*). Возможно, они стояли в углах пристройки к жилищу, пол которой также был глинобитным, но был почти полностью срезан перекопами. В южном углу жилища находилась печь, по-видимому, аналогичная предыдущей. Под ее сложен из четырех кирпичей, покрытых слоем обожженной глины, стенки сооружены из обломков кирпичей и камней, скрепленных глиняным раствором. Вдоль двух сторон печи прослежены ямки от жердей, служившие основой плетня, обрамлявшего нижнюю часть печи.

1.15. Полуземлянка обнаружена в кв. Ф8—У9 и У8—Т9, юго-западнее сгоревшего жилища, краем врезаясь в пожарище (рис. 16, *3*). Котлован углублен в материк всего на 0,15—0,20 м. Размеры его 4×3,76 м. Пол глинобитный, плотный, фактически находился на уровне материка, а углубление его объясняется, видимо, стремлением строителей выровнять (подтесать) слегка наклонную материковую поверхность. У северо-восточной стены пол немного осел в большую раннюю яму. Оседание пытались выровнять выкладкой над ямой досчатого настила, от которого на полу сохранились отпечатки. Никаких следов столбовых конструкций стен в котловане не было, только у северо-западной стенки находилась овальная яма глубиной 0,4 м и такого же диаметра. Возможно, это была яма от массивного столба, несущего конек кровли, но второго аналогичного столба у противоположной стены не было, поэтому назначение этого столба как важнейшей части кровли вряд ли правомерно. В центральной части пола расчищена еще одна ямка глубиной 0,1 м, диаметром 0,15 м, сужающая-

ся ко дну. В нее был вставлен светильник — донце сосуда, сужающегося в верхней части. Рядом с ним положено донце лепного горшка, частично перекрывавшего светильник. В южном углу жилища находилась печь-каменка, сильно разрушенная. С двух сторон ее подпирали стены полуземлянки, с третьей она была ограничена, вероятно, досками, укрепленными двумя вбитыми в пол прямоугольными столбами. Устьем печь ориентирована на северо-запад, как и печи двух вышеописанных жилищ этого участка. Под печи — на уровне пола, покрыт слоем угля и золы, в котором были обнаружены обломки боршевских горшков с характерным веревочным орнаментом.

1.16. К этому "гнезду" относится и полуземлянка в кв. С7—Р8 (рис. 14). Стенки ее проследить в покрывавшем материк слое не удалось, но на уровне материка был выявлен и расчищен сохранивший первоначальную форму, хотя и изрезанный перекопами (ямами), глинобитный квадратный пол жилища, ориентированный углами по странам света. Его размеры 3,9×3,9 м. В западном углу сохранились остатки печи, сложенной из кирпичей и камней: северо-западная стенка — из трех кирпичей, поставленных на ребро, юго-западная — из одного кирпича и камней песчаника, а юго-восточная — из трех больших песчаниковых камней. Вероятно, вся эта конструкция была скреплена и промазана глиной, особенно стенки, примыкавшие к стенам полуземлянки, но обмазка не сохранилась. Никаких следов рухнувших деревянных конструкций на полу не зафиксировано. Не найдено на нем и в печи ни одного керамического обломка. Только печь, сложенная с использованием больших каменных необработанных блоков, дает основание считать это жилище боршевской полуземлянкой.

1.17. В то же "гнездо" следует включить и полуземляночную постройку, которая, несмотря на ряд нетипичных для беловежских и саркельских особенностей, также могла какое-то время служить жилищем. Расположено оно в кв. Ф6—У7. Овальный котлован выявился на уровне +0,2 м. Размеры его 3,9×2,1 м, глубина 0,8—1 м. Выкопан котлован небрежно, в плане он скорее "фасолевидный", а не овальный (рис. 14), на стенках видны следы мотыжки, которой он вырубался в материке, пол неровный, но хорошо утоптанный и немного закопченный, хотя эта постройка не погибла в пожаре. Заполнение котлована — плотная золистая земля. Вдоль стенок прослежена рыхлая темная полоса тол-

щиной от 2 до 30 см, вероятно, истлевших деревянных досок, а у юго-восточной стены прослежены ямки от столбиков, укреплявших облицовку. На полу лежал толстый слой глины, видимо, от рухнувшей кровли или стен. В южном углу постройки стояла печь, сложенная из кирпичей и частично из песчаниковых расколотых плит и блоков. Стенки ее из кирпичей, поставленных на ребро — по два на каждой из трех сторон. Задняя стенка печи стояла впритык к стенке жилища, а боковые стенки укреплены дополнительно стоявшими на ребре кирпичами и завалены обломками камней. Под печи глинобитный, покрытый слоем золы, размеры его 0,6×0,25 м, высота всего 0,2 м. Топка перекрыта массивным жерновом. Использование камней в строительстве печи — единственный признак, связывающий это странное строение с боршевцами. Находки в заполнении свидетельствуют более о принадлежности его к хазарскому (саркельскому) времени. Это прежде всего большое количество железных криц и шлаков (27 и 10), обломков хазарских кухонных горшков, лощеных сосудов. Кроме того, там найдены два костяных лощила, обломок костяной рукояти ножика, пряслице из стенки кухонного хазарского горшка. Ни одного обломка боршевской керамики не обнаружено.

После расчистки остатков этого жилища оказалось, что оно перекрывало хазарский небольшой срубный погребок, вероятно, заполненный крицами. Погребок вместе с находившейся рядом кузницей был сожжен и засыпан, а пожарище было заровнено. Жилище 17 было выкопано на месте погребка на участке, забитом остатками кузнечного производства. Видимо, поэтому при ликвидации этой уродливой постройки ее засыпали золистым грунтом пожарища. Следов боршевского пребывания за короткий период ее существования в ее засыпь не могло попасть.

1.18. Еще одна полуземлянка была помещена между жилищами 15 и 17, в кв. У7—Т8 (рис. 14). На уровне +0,3 м был расчищен хорошо сохранившийся участок глинобитного обожженного и покрытого золой пола (размеры его 2,6×2,65 м), ориентированного углами по странам света. В южном его углу прослежена ямка от массивного столба, отходящие от него стены обрамлены тонкой полоской сгоревших плах облицовки и частично упавшими на пол обожженными пластами обмазки. С двух других сторон пол срезан несколькими поздними ямами, однако большой кусок сгоревшего бревна, упавшего вдоль северо-восточного края

пола, и следы обожженной глиняной подмазки позволяют предполагать, что стена находилась довольно близко от выявленного края. На середине северо-западной стороны, у стены находился развал печи: несколько кирпичей и обломков от пода и одной из стенок и рухнувший глинобитный свод с подницей. Вокруг печи местами сохранились пол, также усыпанный золой, и, по-видимому, лежавший вдоль северо-западной стены обломок сгоревшего бревна или жерди. Находки остатков деревянных конструкций по обеим полностью уничтоженным сторонам постройки позволяют установить его примерные размеры — 4×3 м. Был ли этот дом наземным или полуземлянкой, спущенной с уровня не менее +0,6 м, по сохранившимся данным судить трудно. Находок на полу не обнаружено, поэтому о принадлежности жилища к периоду, следующему после гибели Саркела, свидетельствует только стратиграфия: пол перекрывает заровненные остатки пожарища саркельской кузницы. Следует также учитывать, что жилище было поставлено очень точно (на равных расстояниях) между двумя боршевскими полуземлянками.

Итак, почти все рассмотренные выше полуземлянки мало углублены в материк или совсем не углублены в него, а строители некоторых не довели их до плотного материкового уровня, ограничившись просто утрамбовкой и подмазкой рыхлого культурного слоя. Очевидно, они были выкопаны с самых верхних наслоений "слоя гибели и возрождения", т.е. датировать их можно не ранее конца X — начала XI века. Эта дата не противоречит и хронологии собственно боршевских памятников бассейна Среднего Дона, где население также долго сохраняло привычные укоренившиеся традиции строительства домов, лепки и орнаментации керамики (Москаленко, 1981, с. 105—106; Винников, 1995, с. 125).

Помимо полуземлянок в их окружении было расчищено несколько хозяйственных ям, в которых были обнаружены обломки боршевских сосудов. Однако большинство их многократно перекопано и перерезано поздними ямами и поэтому только две из них, сохранившиеся полностью, относятся, очевидно, к жилому комплексу № 17 (ямы в кв. У6—Т7). Обе круглые в плане, немного расширяющиеся ко дну (конусовидные), размеры стандартные: устье диаметром около 1 м, дно до 1,5 м. Поверхность стенок одной из них (54) сильно закопчена (так производилась стерильная обработка ям перед засыпкой в них зерна). Обломки

посуды в ямах однотипны: кроме боршевских в них преобладают, как и во всех заполнениях ям и котлованов, тмутараканские кувшины, хазарские кухонные горшки и кости животных (домашних и диких). В яме 25 были обнаружены обломок черного круглого стеклянного браслета X века, костяная рукоятка и глиняная лепешка-амулет с наколами на одной из поверхностей (диаметр его 3,5 см).

Остатки двух построек второго боршевского "гнезда" были обнаружены в пределах почти полностью разобранных стен помещения № 1 "караван-сарая" (рис. 14).

1.19. От полуземлянки, расположенной в кв. О2—Н3, сохранились только печь, небольшой участок глинобитного пола и несколько столбовых ям, которые с большей или меньшей степенью вероятности можно связать с этим жилищем. Интерес представляет тот факт, что боршевцы и здесь, следуя, видимо, какому-то важному для них правилу или наблюдению, поставили свою полуземлянку прямо на углубленное в материк на 0,45 м хазарское полуземляночное овальное жилище (Плетнёва, 1996б, с. 99—101). Боршевцы врезались в него до самого пола, т.е. до той же глубины: под печи и остатки глинобитного пола находились на уровне −0,42 м. От печи сохранились кроме пода три стенки из кирпичей, поставленных на торец, и перекрывавшие ее плоские камни, на которые опирался верх печи, полностью развалившийся. У трех углов печи прослежены ямки от столбов (четвертый срезан ямой). Вероятно, нижняя часть печи была облицована досками, укрепленными угловыми столбами. Ни обрывки пола, ни остальные столбовые ямки не дают возможности установить хотя бы приблизительные размеры этого жилища. Находок ни на полу, ни в печи не обнаружено. Считать, что жилище выстроено в боршевское время, позволяют только два факта: во-первых, его довольно сильная углубленность, практически до пола хазарской полуземлянки, часть которой она перекрыла и разрушила, во-вторых, использование при сооружении печи камней. Кроме того, следует учитывать и близко расположенную к этому жилищу яму (кв. Р3—П4), в заполнении которой обнаружены обломки боршевских горшков, а также еще одну яму, видимо, вырытую рядом с жилищем у его северо-западной стены. В ней, наряду с обломками хазарской посуды, попавшей туда из разрушенной ранее хазарской постройки, встречались и обломки боршевских сосудов.

1.20. Рядом с предыдущей полуземлянкой, в кв. П2—О3 был прослежен почти на уровне "0" (в материк углублен всего на 6—7 см) глинобитный пол квадратной полуземлянки размером 3,25×3,25 м, ориентированной углами по странам света (рис. 14). В северном ее углу находилась печь, от которой остались только глинобитная задняя стенка толщиной 25 см, часть пода (всего один кирпич in situ), один боковой поставленный на ребро кирпич и обломки края "подницы". В центральной части жилища прослежена довольно глубокая ямка от массивного столба, вероятно, поддерживавшего конек кровли. Пол в значительной степени разрушен поздними ямами, но на уцелевших участках он обожжен и покрыт золой и углем: очевидно, жилище погибло в пожаре. Заполнение жилища, вернее — слой над полом характеризуется смешением хазарских и боршевских обломков керамики.

Таким образом, присутствие боршевцев на этом участке "караван-сарая" представляется очевидным. Однако на всей обширной раскопанной площади бывшего двора "караван-сарая" больше следов боршевского пребывания обнаружить не удалось.

Существенно, что все открытые здесь боршевские постройки отличаются от исследованных полуземлянок в цитадели заметно меньшим углублением в материк и редким использованием в строительстве печей целых каменных блоков. Это можно объяснить только более поздним, сравнительно с цитаделью, освоением данного района славянским (боршевским) населением.

3. Западный угол крепости (участок А)

Скопление боршевских строений и хозяйственных ям, сильно разрушенных поздними перекопами, расположено в 8 м от западного внутреннего угла крепости. Три из четырех выявленных построек поставлены вплотную к крепостной стене (рис. 17).

1.21. В кв. З5—И6 и частично в кв. Ж6—З7 на уровне +0,7 м был открыт пол большого строения — 4×7 м. Оно было разделено стенкой, сооруженной, судя по сгоревшим остаткам, из плетня, с обеих сторон обмазанного глиной. Плетень держался на двух крупных столбах, врытых у противоположных длинных стен постройки. Кроме того, вдоль поперечной стенки были прослежены ямки от трех довольно массивных столбов (0,1 м в диаметре) и ямки от двух жердей, вбитых в пол. Разделенные стенкой части большого дома неравны по величине, в полу меньшей (северо-западной) части обнаружено всего несколько беспорядочно

расположенных ямок от жердей и в северном углу — небольшая квадратная ямка (0,25×0,25 м). Назначение их неясно, можно только предполагать, что это остатки сгоревших дотла широких лавок, поставленных вдоль двух или даже трех стен. У поперечной стены лавки не ставились, поскольку в центральной ее части находилась дверь в большое помещение этой постройки (между двумя крупными столбами примерно на середине ее длины). Пол в этой части постройки в значительной степени разрушен врезавшейся в него поздней ямой, полностью уничтожившей, по-видимому, печь, располагавшуюся в северном углу этого помещения. От нее в яме остались обломки и почти целые кирпичи, зола, угольки, смешанные с обычным "поселенческим" мусором. Вдоль юго-восточной стены четко прослежен ряд из четырех крупных жердей — вполне вероятно, что данная постройка была наземной с тремя турлучными внешними стенами и одной поперечной. Четвертой стеной служила юго-западная крепостная стена. Вдоль нее, возможно, также была поставлена лавка из очень массивной доски (шириной до 0,4 м). Сгоревшая ее часть осталась лежать in situ. Интересно, что рядом с остатками доски у самой стены была обнаружена ямка от квадратного столбика, аналогичная ямке, расчищенной в меньшем отделении этого дома. В обоих случаях они служили, вероятно, подпорой лавкам.

В большом отделении этого жилища помимо печи в центральной части пола находился тарелкообразный очажок. Турлучные стены и очажок свидетельствуют о близости этой постройки к жилищам хазарского времени, особенно к жилищу, сгоревшему в 965 году, которое также было мало углублено в материк и в нем сосуществовали два отопительных устройства: печь и очажок. Именно это жилище и было перекрыто подробно описываемым здесь большим двухкомнатным помещением, построенным буквально на его пепелище. Поскольку ни профиля, ни разреза наслоений этих двух сгоревших домов нет, мы можем только предполагать, что развал сгоревшего саркельского дома довольно сильно возвышался над поверхностью материка. Перед постройкой второго дома пожарище было, конечно, разровнено, а глинобитный пол покрыл развал толстым слоем. Следует добавить, что данная постройка неоднократно горела и после пожара восстанавливалась на том же месте. Пол при этом, естественно, подмазывался новым слоем. В результате пол данного жилища боршевского времени обнаружен на уровне около 0,7 м, т.е. постройка

жилища относится к самому позднему периоду пребывания на этом участке боршевцев.

Наконец, самым существенным для интерпретации этого жилища является, во-первых, отсутствие на его полу обломков боршевских сосудов, во-вторых, наличие в центральной части пола характерного для хазарского домостроительства тарелкообразного очажка и, в-третьих, несомненно турлучная конструкция стен. Все это связывает постройку с прежними жителями крепости, оставшимися после разгрома Саркела буквально на своих пепелищах саркельцами.

1.22. Однако вокруг этого дома вся территория была занята боршевскими постройками и ямами (рис. 17). Так, вплотную к дому почти на том же уровне выявлен квадратный участок глинобитного пола размером 4,3×4,4 м. Пол примыкает, как и предыдущий, одной стороной к стене крепости. В центральной части и в западном углу он прорезан двумя глубокими хозяйственными ямами. Печь находилась в северном углу этого жилища, от нее сохранились только прокаленный под с золой и угольками на нем и несколько обломков кирпичей. При подчистке пола и в обеих ямах были обнаружены в мусорном заполнении обломки боршевских горшков. Особенно выразителен керамический комплекс большой центральной ямы, глубина которой от "0" 1,57 м. Комплекс представлен 160 обломками боршевских горшков, среди них — маленький целый сосудик, 92 обломками тмутараканских кувшинов, 32 обломками хазарских кухонных горшков, 11 обломками лощеных сосудов, несколькими обломками амфор и обломком зеленого поливного сосудика. Кроме того, в яме обнаружены крица и два костяных наконечника стрел для охоты на мелкого зверька, так называемые обоймы или томары (Флёрова, 2001, с. 47—48, рис. 11).

К северному углу данного жилища примыкает еще одна большая яма, врытая в материк и частично врезавшаяся в стенку постройки. Интерес представляют находки в ее мусорном заполнении: помимо обломков боршевских сосудов и обычных амфор X века, в яме обнаружены обломок амфоры с воротничком, датирующийся не ранее XI века, и обломок круглого в сечении голубого браслета. Массовое распространение браслетов в Белой Веже началось также в XI веке (Львова, 1959, с. 323). Правда, наряду с этими "поздними" находками в яме была обнаружена серебряная позолоченная бляшка от воинского пояса, типологи-

чески близкая к поясу, обнаруженному в кладе, относящемуся к середине X века (Макарова, Плетнёва, 1983), а в мусорном слое рядом с ямой найдена византийская бронзовая монета императора Романа II (959—963) херсонского чекана. Эти находки могли бы удревнить яму, но следует учитывать, что яма врезалась не только в стенку боршевского дома, но и в пристройку (угловой вход) саркельского жилища, принадлежавшего, судя по величине и благоустроенности, богатому владельцу, которому мог принадлежать и закопанный поблизости от него клад (Плетнёва, 1996б, с. 114—116).

1.23. К описанным выше остаткам дома с юго-востока примыкает еще одно жилище, глинобитный пол которого прослежен на том же уровне (около +0,7 м). Он также вплотную пристроен к стене крепости и, возможно, к стене соседнего дома (рис. 17). Часть жилища перекрыта бортом раскопа, но некоторые черты строения выявляются довольно отчетливо — значительно лучше, чем предыдущего дома. В нем выявлен след глинобитной стены, отделяющей его от дома № 22 (полоса расплывшейся глины, серая полоса сгоревших досок или плетня и пять ямок от вбитых в пол жердей). Вдоль крепостной стены прослежен след оплывшей глиняной обмазки, служившей как бы штукатуркой. Печь находилась в западном углу — от нее остались покрытый золой и углем обожженный под, обломки кирпичей и три кирпича, видимо, от северо-восточной стенки, позволяющие определить ориентировку устья печи на юго-восток. Рядом с печью была расположена хозяйственная яма цилиндрической формы (диаметр ее и глубина 1 м). Она была перекрыта щитом, углубленным в пол на толщину досок — примерно на 3 см. След от щита хорошо выявляется на плоскости пола, местами сохранились даже обломки сгоревших тополевых досок. В яме, заполненной мусором, смешанным с золой, углем и силикатными шлаками, обнаружены обломки боршевских горшков (10), хазарских кухонных горшков (23 и один почти целый), амфор (3), тмутараканских кувшинов (45). При подчистке пола найдено 10 обломков боршевских горшков и несколько обломков тмутараканских кувшинов, а также тигелек с окисью меди внутри, бронзовая сильно окислившаяся пряжка, сланцевое пряслице и точильный брусок.

1.24. Постройка почти полностью скрыта бортом раскопа (кв. З7—И8). Расчищен только ее южный угол, уровень глинобитного пола этого помещения — "0", возможно, это была полузем-

лянка, выкопанная с уровня +0,5—0,7 м. Ориентирована она, как и все жилища этого участка и времени, углами по странам света. Постройка сгорела: обломки сгоревших плах и углей обрамляют стены. В углу и, вероятно, на середине юго-восточной стены были поставлены массивные круглые столбы, ямки от которых заполнены углем. Облицовка стен деревом и массивные столбы, держащие стены и кровлю, подтверждают предположение о принадлежности постройки к обычным полуземляночным жилищам. При расчистке пола было обнаружено несколько обломков боршевских горшков. Это единственное жилище, выстроенное во втором от крепостной стены ряду.

Помимо разрушенных перестройками и пожарами боршевских построек на этом участке, прорезая полы жилищ или рядом с ними размещались ямы с большим количеством обломков различной керамики, среди которой нередко преобладали боршевские.

Можно предположить, что жилища и синхронные им ямы, служившие владельцам домов для хозяйственных нужд, были заброшены и поверхность, как обычно, разравнивалась для нового строительства.

Весь боршевский керамический комплекс разбитой посуды остался на участке. В дальнейшем, при выкапывании здесь в рыхлом слое новых ям при осыпи стенок или засыпке полуразрушенных ям, заполнялся грунтом, в значительной степени насыщенным боршевской керамикой. Так, в поздние ямы попадали обломки боршевской и хазарской (саркельской) посуды. Поэтому большинство ям с находками обломков боршевской керамики мы не можем с уверенностью считать закрытыми археологическими комплексами. В частности, вдоль северо-западной стены крепости, т.е. на участке севернее рассмотренных выше остатков жилых комплексов боршевского времени, материк был изрезан более полусотней ям различной величины и глубины. Из крайне лаконичного и обобщенного их описания следует, что все они были цилиндрическими, а глубина не превышала 1,5—1,6 м. В заполнении ям обнаружено большое количество обломков костей животных и керамики.

Интересно наблюдение А. Л. Якобсона относительно распределения разных групп керамики в ямах: оказалось, что ямы, в которых попадаются обломки боршевских горшков, обломки лощеных сосудов, практически отсутствуют и, наоборот, с лощеными сосудами или их обломками никогда не встречаются облом-

ки боршевской посуды. Таким образом ему удалось выделить всего три ямы, которые он считал возможным связать с боршевским населением.

Две из них врезаются в край северо-западной стены, разрушая кирпичную кладку в кв. М5—Н6. Особенно заметно углублена в стену большая, немного овальная в плане яма (размеры ее 1,5×1,25 м, глубина 1,3 м). Дно ямы вогнутое, чашевидное. Вторая яма в плане почти вдвое меньше, но в ее стенке сделан подбой, значительно расширяющий ее "рабочую" площадь. Кроме того, к яме прирезана небольшая округлая приступка. Глубина ямы 1,9 м, размеры устья 1×1,2 м. Яма, так же как и предыдущая, врезается в кирпичную стену и частично в большую яму. Эти ямы привели А. Л. Якобсона еще во время полевых исследований к выводу об их более раннем возникновении сравнительно со стеной, которая их якобы перекрыла. Этого не могло быть, поскольку ямы относятся к боршевскому времени, а стена построена минимум на 120 лет раньше. Когда ямы были засыпаны, беловежцы даже попытались кое-где заложить кирпичной кладкой нанесенные ей увечья. Третья яма находилась на границе двух квадратов — Л6—Н7 и М6—Н7. Она цилиндрическая, диаметром 1,5 м, глубиной 2 м. К ней прирезана полукруглая приступка глубиной 1 м.

По-видимому, все остальные ямы на этой площади были уже засыпаны и заровнены. Часть из них, врезавшихся в материк на очень небольшую глубину (0,2—0,45 м), очевидно, была выкопана в более позднее время — с уровней от +0,7—1 м.

Одним из наиболее интересных и сложных объектов этого участка следует считать сооружение так называемого "подкопа" под северо-западную стену крепости (рис. 17).

В книге о Саркеле я, как и мои более квалифицированные в военном деле и архитектуре предшественники — М. И. Артамонов (1958, с. 53, рис. 33) и А. Л. Якобсон, кратко описавший подкоп в своем Отчете, только упоминали о нем, давая его основные размеры: длина 8,5 м, ширина 2,2 м, высота 0,7 м. Особое внимание исследователей обращалось на обнаруженный во внешнем конце подкопа на расстоянии 4,5 м от стены разрушенный скелет мужчины с обрывком бумаги среди костей кисти руки. В бумагу был завернут кусочек хны, благодаря консервирующим свойствам которой сохранилась бумага. Никаких следов надписи не было. Тем не менее эти находки — самаркандского производ-

ства бумага и хна, свидетельствующие об употреблении бумаги в Саркеле и о связях его с государствами Средней Азии, настолько информативны, что особенности самого подкопа не рассматривались исследователями.

Представляется очевидным, что этот подкоп не был "лазом" для одного воина, посланного с запиской о помощи в соседние укрепления, поскольку для одного человека не нужно копать широкий ход (ему достаточно было ширины 0,7 м). Не было необходимости и выдвигать его более чем на 4 м от стены: не заметить его даже ночью было невозможно. Вероятно, подкоп сооружался для вылазки осажденных в лагерь врагов. Но вылазка оказалась, видимо, неудачной, так как посланец был убит, не успев даже покинуть ход, — его останки не были погребенными, их только слегка засыпали землей.

Не исключено, что подкоп стимулировал разрушение стены. Все входы в крепость были, вероятно, предельно укреплены, и поэтому Святослав приказал создать новый проход на уже немного порушенном месте. Поставив на удлиненный выход тяжелое бревно-таран на колесах, слегка стесав дно для наклона его в сторону стены, осаждавшие стали разрушать стену, двигая таран по уже готовой неглубокой траншее. Вокруг сужающегося и немного закругленного конца этой траншеи было вкопано несколько столбов, служивших, возможно, дополнительной канатной регулировкой направления ударов тарана. Так была пробита брешь в стене. Крепость пала, и в первую очередь были ограблены и сожжены все постройки западного угла крепости.

Для поселившихся здесь после погрома жителей — славян и саркельцев эта брешь стала удобным выходом из крепости, поскольку Главные ворота, как мы увидим ниже, были плотно "забаррикадированы". Однако проход следовало основательно укрепить и обустроить. Новые поселенцы засыпали бывший подкоп битым кирпичом, перемешанным с грунтом, и утрамбовали заполнение. Кроме того, они навесили на проход с внешней и внутренней стороны крепкие полотнища ворот, поставив для этого массивные столбы (толщиной 0,5—0,75 м) на всех четырех углах бывшего подбоя, вплотную к стене (рис. 18). Перед проходом была оставлена разровненная площадь: все саркельские ямы на ней были засыпаны, а жилища не восстановлены. Строительство жилищ на пепелищах велось на расстоянии от 10 до 15 м от нового входа в крепость. Практически это был не вход, а въезд

в нее, поскольку ширина прохода позволяла проходить не только людям, но и крупным животным (верблюдам, лошадям) и проезжать тележкам с расстоянием между колесами не менее 1 м.

Возможно, на этой хорошо защищенной площади нередко останавливались продолжавшие ходить по торговым путям караваны.

4. У Главных ворот (участок Б)

Наиболее выдающимся памятником этого участка с самого начала существования Саркела был великолепный, сложенный из белокаменных блоков колодец, который после его расчистки в 1950 году вновь наполнился чистой родниковой водой (Артамонов, 1958, с. 15—16; Раппопорт, 1959, с. 24, рис. 18; Плетнёва, 1996б, с. 30—31). Однако разгром Саркела в 965 году в полной мере коснулся и колодца: от него сохранилось только 20 венцов блоков, верхняя его часть была разрушена полностью — осталась большая с неровными краями яма глубиной 1,95 м (до первого сохранившегося венца облицовки), диаметром до 3 м. Поскольку колодец не был завален упавшими (сброшенными) верхними блоками или их обломками, А. Л. Якобсон логично предположил, что верхняя часть колодца была сложена в виде деревянного сруба, который легко было растащить и сжечь в кострах захватчикам крепости. Последнее представляется вероятным потому, что в заполнении колодца совсем не было углей и головней от сгоревшего сруба, которые неизбежно попали бы в него при сгорании in situ. Заполнение верхней ямы сильно гумусированное, насыщенное обломками разнообразной керамики, в основном тмутараканских кувшинов и хазарских кухонных горшков, а также небольшим количеством обломков амфор IX—X веков, пифоса X века, лепных боршевских горшков, в том числе маленькой лепной чашечки. В целом комплекс уверенно можно отнести ко второй половине X века. Заполнение нижней (облицованной) части колодца состояло из слоев вязкой глины, перемежавшихся прослойками культурного слоя с обломками кирпичей, костями рыб и животных, и многочисленных керамических обломков: тмутараканских кувшинов, кухонных хазарских горшков, крупных лощеных сосудов, амфор IX века. Весьма существенной представляется для датировки засыпки колодца находка белоглиняного фаянсового блюда на высоком поддоне с треугольными прорезями, покрытого зеленой "рябоватой" поливой. Дата его конец IX — начало X века.

Казалось бы, состав керамики и вязкая слоистость заполнения (натёки) свидетельствуют о разрушении колодца уже в хазарское время. Но находки обломков боршевских сосудов и двух целых боршевских небольших горшочков (одного на глубине 1—2 м, другого — 3,4 м) позволяют с достаточной уверенностью предполагать, что попали они в колодец после его гибели в начале боршевского периода.

Следует отметить, что если нижняя часть колодца заполнялась постепенно — заплывами глины и выбросом мусора, то верхняя обширная яма была, видимо, засыпана единовременно культурным слоем второй половины X века при выравнивании площадки с полуразрушенными кирпичными постройками (в том числе и воротами) для нового строительства. Краткие сведения об уничтожении колодца включены в эту работу потому, что он являлся надежным репером между двух эпох на этом памятнике — хазарской и славяно-русской.

1.25. Одной из самых первых построек на этом участке и самой неожиданной для исследователей явилось жилище, поставленное в проеме ворот, разрушенных при взятии крепости (кв. В4—Б5). Хорошо прослеживался пол этого жилища, перекрывавший слой темной глины (грязи), толщина которого достигала 0,4 м. Этот слой образовался в проезде на известковой плотной заливке в результате постоянного натаптывания грязи, которую, видимо, никогда не очищали.

Жилище, занимавшее такое удобное место, не требовавшее при постройке ни двух стен, которыми были стены пилонов, ни фундаментальных подпорок и креплений, существовало довольно длительный срок (рис. 19, *1, 2, 3*).

Ширина первого, выстроенного здесь жилища равнялась ширине воротного проезда или была немного меньше — 4,3 м, поскольку кирпичные стены были облицованы деревянными досками, длина его 3,5 м. Глинобитный пол жилища отличается толщиной (около 10 см) — строители стремились по возможности сгладить и отнивелировать занимаемую ими в воротном проходе площадь. Сохранившийся полностью пол позволил определить размеры этой постройки и выявить вход в нее на северо-западной стороне. С юго-востока она задевает край колодезной, уже засыпанной ямы. По неясной причине западный угол пола как бы целенаправленно срезан и в нем выкопаны две столбовые ямы для больших столбов — овального и почти прямоугольного. По-

сколько оба столба слегка врезаются в край пола, есть основание полагать, что они входили в конструкцию дома, но назначение их осталось неясным. У входа прослежено много ямок от вбитых в пол жердей, наиболее крупные, расположенные у внутренних углов входа, видимо, служили дверными косяками. В полу прорезаны две хозяйственные ямы. Одна из них, расположенная в западном углу, небрежно выкопанная и небольшая (глубиной всего 0,5 м). Вторая яма — в восточном углу в два раза глубже, конусовидная (диаметры устья 0,9 м, дна 1,3 м). На краю ямы вырезана небольшая выемка-приступка. В центральной части пола находился большой овальный в плане открытый очаг, углубленный в пол не более 5—7 см, заполненный золой. В целом это жилище соответствует почти всем особенностям, характерным для построек хазарского времени. Оно наземное, поставленное на рыхлый грунт, и потому строителям необходим был глинобитный пол, который в хазарских жилищах IX века вообще не встречается, а в X веке попадается иногда в наземных саркельских домах. Несмотря на старания строителей выровнять пол, он оказался комковатым и мало пригодным для жилья. Очевидно, это была одна из причин перестройки дома. Фактически на месте старого разобранного жилища выстроили новый дом, засыпав все старые ямы, очаг, и, подровняв особенно заметные неровности прежнего пола, покрыли его свежей глинобитной подмазкой.

Это жилище было сооружено, судя по остаткам развала, довольно основательно. У края пятна колодезной ямы обнаружено обгорелое бревно, служившее основанием его юго-восточной стенки. Покрытый золой и углем пол и множество головней от больших бревен и различной толщины сгоревших досок свидетельствуют, что жилище погибло в большом, причем неожиданном пожаре, до которого не удалось вынести из дома необходимых вещей. Так, не успели выкатить из пожарища крупные тяжелые жернова, которые растрескались в огне, не вынесли никаких сосудов: все они побиты, так как явно упали на пол, по-видимому, с полок, прикрепленных к стенам, рухнувшим на пол вместе с кровлей. Стены были обмазаны глиной, которая толстым слоем перекрыла сгоревшее дерево и сохраняла его в течение тысячелетия. По этой же причине сохранились на полу среди углей и разбитые, но не разбросанные по всей площади пожара сосуды.

Следует сказать, что в этой массе горелого материала остатки

печи выявляются очень слабо. Возможно, она находилась в восточном углу, где сохранился кусок очень сильно обгорелого пола (или пода?). Здесь на определенном этапе расчистки были обнаружены разбросанные кирпичи и их обломки. Печь соорудили на засыпанной старой яме. Немного осевшая часть этой ямы могла служить предпечьем. Рядом располагалась ручная мельница (жернова). Связь этих двух важных составных частей любого хозяйства прослежена как археологически, так и этнографами вплоть до середины прошлого века.

Весьма интересен и показателен керамический комплекс, обнаруженный в завалах пожара, в котором, как и всюду, преобладают обломки тмутараканских кувшинов, в том числе один целый. Там же был обнаружен большой красноглиняный кувшин с линейным и волнистым орнаментом, нанесенным белым ангобом. В центральной части жилища стоял, видимо, большой лощеный пифос, раздавленный рухнувшей на него тяжестью кровли. Кроме этих трех сосудов еще девять целых и раздавленных сосудов — лощеных и кухонных хазарских горшков — были разбросаны по всему пожарищу. Многочисленны и отдельные обломки аналогичных сосудов. Однако среди них попадались наряду с обломками амфор IX века обломки типичных боршевских горшков с защипами по венчику и изредка с неровно проведенными полосами по плечикам. Среди находок следует особо отметить четыре обожженных лепных кружка диаметрами не более 5 см, толщиной 0,6 см. Одна сторона у них плоская и гладкая, другая немного выпуклая, орнаментированная кружками, нанесенными круглой полой косточкой, и простой насечкой по всему периметру (Плетнёва, 1994, с. 166—172). Подробнее на этих и подобных им находках остановимся ниже. Сгоревший дом не был более восстановлен, несмотря на выгодное расположение, его полностью забросили. Дальнейшая судьба проема ворот связана со следующим периодом жизни Белой Вежи.

1.26. Почти синхронно предыдущей постройке было поставлено жилище в развалинах юго-западной караульни, с предельным использованием остатков стен этого крепостного сооружения, разрушенного, вероятно, в год взятия крепости Святославом (рис. 17, *Б*). Тогда была значительно разобрана вся северо-западная часть крепости: стена, частично башни, Главные ворота и привратные кирпичные строения-караульни (Плетнёва, 1996б). Наиболее сохранившийся юго-восточный конец этого здания (три

разобранные почти до основания стороны) был использован при постройке жилого дома, ширина которого равнялась "внутренней" ширине караульни — 3,6 м. Четвертая стенка была поставлена на расстоянии 3,25 м от юго-западной стены караульни (рис. 20, *1*). Она стояла на широком цоколе (в три кирпича, как и стены самой караульни). Но, видимо, кирпичи были уложены насухо или на жидком глиняном растворе, и кладка разрушилась почти полностью. Стена была, очевидно, глинобитной или турлучной.

Жилище полуземляночное — его пол углублен немного ниже "0". С юго-западной и юго-восточной сторон, в остатках стен караульни были пробиты 7 гнезд для столбов, которые служили основным каркасом для верхней части стен полуземлянки. Помимо столбовых ям в юго-западной стенке выдолбили горловину хозяйственной небольшой ямы (диаметр устья всего 0,45 м). Полностью исследовать яму не удалось из-за развала стены, завалившего ее.

Пол в полуземлянке без подмазки, в южном углу помещалась печь, от которой сохранились остатки пода из 9 кирпичей, уложенных плашмя, и окружающие под поставленные на торец кирпичи, частично поваленные и разбитые. Кирпичи были основанием верхней части печи, сложенной из кирпичей или глинобита.

В центре пола среди частично разобранной кирпичной вымостки был сооружен кочевнический квадратный очажок с обожженным глинобитным подом и поставленными вокруг него с трех сторон кирпичами (четвертый, вероятно, упал и затерялся среди кирпичей вымостки).

Керамический состав этого жилища близок предыдущему. В нем также преобладают обломки тмутараканских кувшинов и хазарских кухонных горшков с характерным линейным орнаментом. Кроме того, обнаружены обломки одной разбитой амфоры, горло энохоевидного кувшинчика с ангобом и несколько обломков лепных боршевских горшков. При расчистке пола были найдены пряслице из обломка амфоры и обожженная косточка алычи.

1.27. Второе жилище, помещенное в развалинах той же караульни на расстоянии не более 1 м от первого жилища (почти стенка в стенку с ним), сохранилось значительно хуже, хотя построено оно было так же — между остатками трех кирпичных стен (рис. 20, *2*). Весь пол этого помещения почти сплошь изрезан поздними ямами, а кирпичные стены разобраны или также прорезаны ямами. Ширина его, как и у соседнего дома, равна

ширине бывшей караульни, длина 4,5 м определяется линией пола, замеченной только благодаря незначительному углублению его в материк. Никаких следов печи кроме одного кирпича, стоявшего на торце в южном углу пола, не сохранилось. При зачистке немногочисленных участков пола в глиняной обмазке рухнувшей стены был обнаружен кружок-амулет с узором, нанесенным круглой палочкой, а под завалом стены — скелет погибшей в пожаре старой женщины, при которой находился еще один глиняный кружок-амулет, орнаментированный наколами тонкой палочки.

Все ямы, окружавшие и врезавшиеся в эти уже полностью разрушенные жилища, были выкопаны значительно позднее. Интерес представляет только заполнение двух их них. Мусорный слой обеих содержит обломки преимущественно тмутараканских кувшинов, амфор, среди которых большая часть относится к XI веку, и обломки боршевских горшков. В одну из них попал кружок-амулет, тоже с узором, нанесенным палочкой. Очевидно, в яму с находками XI века кружок был сброшен, как и обломки боршевской посуды, которая в слой XI века могла попасть случайно: при постоянных перекопах и подчистках мусорного слоя. В ямы мусорный слой нередко ложился слоями: верхний более поздний слой заполнял низ ямы. В обеих ямах это было прослежено — в нижнем заполнении, кроме амфор с воротничком XI века, пуговка из лазурита того же времени, шиферное пряслице, обломок темно-красного стеклянного браслета. Верхний слой заполнения более ранний — это была просто подчистка площадки от развалов устаревших строений. В эту подчистку попадали обломки боршевских сосудов, хазарских кухонных горшков, лощеных сосудов, кочевнического горшочка, украшенного гирляндообразным орнаментом, и глиняный кружок-амулетик.

Северо-восточная караульня была разрушена основательнее первой, да и раскопана она была не полностью — примерно на половину ширины, поэтому обнаружить на ней какие-либо остатки жилых построек боршевского времени не удалось. Исключением являются только остатки печи, расположенные у южного угла пилона (кв. В5—Б6). Печь относилась, видимо, к полностью уничтоженному жилищу, поставленному вплотную к северо-западной крепостной стене, перекрыв при этом разобранную до основания стену караульни (рис. 17, *Б*).

1.28. Печь полукруглая в плане, глинобитная на деревянном

каркасе. Вокруг были разбросаны куски обожженной обмазки треугольные в сечении, со слегка вогнутыми сторонами. Обожженный глинобитный под печи был несколько углублен в пол, который удалось проследить только около печи. Углубление печи заполнено обломками большого бочковидного раздавленного кувшина светло-красного обжига, украшенного орнаментом в виде трех зон волны. Остальная керамика в печи и вокруг нее представлена обломками хазарских кухонных горшков и тмутараканских кувшинов, а также маленьким лепным необожженным и помятым горшочком — явно производственного брака, хотя более никаких следов гончарства здесь не обнаружено. В завале печи была найдена костяная пластина, изображающая коня. Для прикрепления к какой-то основе в ней просверлены две пары небольших отверстий. Особый интерес представляет находка пяти глиняных орнаментированных кружков-амулетов, аналогичных по форме, размерам и приемам орнаментации остальным, обнаруженным в районе Главных ворот.

Существенно, что именно в этом районе были сосредоточены почти все обнаруженные в Белой Веже глиняные кружки, явно имитирующие круглые хлебцы, выпекаемые, видимо, в то время на поселении (рис. 20, *а—р*). Всего их на раскопанных площадях обнаружено 17, из них 13 — у Главных ворот и только 4 — на остальных вскрытых территориях: один — в северо-западном отделении цитадели на полу жилища с кучей сгоревшей пшеницы (кв. Ж8—Е9), два — в ее юго-западном отделении цитадели, довольно близко от описанной выше необычной конструкции печи несомненно сакрального назначения — обжига глиняных хлебцев-амулетов (кв. Т15—С16, Х13—Ф14) и один — в бывшем "караван-сарае" в яме 25 (кв. Т6—У7). Кружки-хлебцы из жилища с пшеницей и из ямы 25, судя по сопутствующему материалу, вполне можно отнести к боршевскому времени, два других попали в верхние наслоения в результате перекопов.

Несмотря на количественную незначительность этой серии находок, она дает вполне определенное представление о внешнем их облике и о сложной, сакрально значимой орнаментации (Плетнёва, 1994).

Кратко остановимся на характеристике глиняных кружков, которая более всего и дала нам право считать эти предметы амулетами.

Кружки лепные, не более 5 см диаметром, плоские или плоско-выпуклые, обожженные до серого, коричневого или черного

цвета. Толщина подавляющего большинства кружков 5—7 мм. Одна сторона их гладкая, а другая орнаментирована узором, как правило, "солнечного цикла": изображение круга, концентрических кругов, креста, креста в круге и др. Иногда орнамент нанесен очень небрежно, но стремление отобразить на глиняной лепешке круг присутствует даже на явно бракованном экземпляре.

Глиняные лепешки, обнаруженные в жилище между двумя воротными пилонами, были украшены особенно "богато" (рис. 20, *г—ж*). Орудием для нанесения основного узора на трех из них служила, очевидно, полая птичья косточка, которой по сырому тесту были нанесены мелкими кружочками круг с крестом, крест, круг с беспорядочным разбросом кружков в нем. На сохранившихся обломках кружка орнамент был нанесен тоже по кругу, но не полой косточкой, а тонкой острой палочкой. Ею же, вероятно, декорированы косыми насечками по краю все пять кружков, что может быть свидетельством их одновременного изготовления одним автором. Во втором наборе кружков (из печи дома № 28) четыре кружка (рис. 20, *з—л*) также "штампованы" полой косточкой, но большего диаметра. Нанесены они довольно небрежно, на одном даже слегка "смазаны" (стерты), что подтверждает факт нанесения орнамента до обжига изделия. Пятый кружок этого набора (*м*) тоже с символом солнца (кругом), но прочерчен он как бы пунктиром плоской узкой палочкой.

В развале дома № 27 два кружка сделаны явно одной рукой и одним орудием (круглой в разрезе палочкой диаметром не менее 2 см). Оба кружка тонкие, вогнуто-выгнутые (рис. 20, *а, б*). На выпуклой стороне одного из них круг нанесен довольно ровно, внутри круга автор пытался что-то изобразить (разделение круга на сектора?). Второй кружок орнаментирован тремя концентрическими кругами, в целом правильно размещенными относительно друг друга. Третий кружок (*в*), обнаруженный в завале этого же дома рядом с погибшей женщиной, изготовлен, очевидно, другим мастером, который для орнаментации пользовался наколами очень тонкой палочкой, изобразив на глиняном кружке круг, разделенный на отдельные участки очень неумело вписанным в круг крестом.

Такой же очень неясный рисунок был нанесен на глиняный кружок, обнаруженный в жилище со сгоревшей пшеницей (рис. 20, *о*). Там неровные концентрические круги и ответвления, вероятно, были попыткой изобразить древо жизни. Остальные три кружка

не представляют интереса: они небольшие, небрежно сделанные и орнаментированные. Только на одном из них наколами тонкого острия намечен вдоль края неровный круг, внутри заполненный несколькими дополнительными разбросанными наколами.

Помимо жилищ, выстроенных в развалах кирпичных зданий с максимальным использованием сохранившихся остатков, на территории между двух караулен были обнаружены две круглые кирпичные вымостки, аналогичные открытым в цитадели.

1.29. Первая вымостка прослежена на расстоянии 1,25 м от юго-восточного края ямы, в которой находился колодец. Вымостка представляла собой правильный круг диаметром 3,3 м. Несмотря на то, что он был довольно сильно разрушен, удалось проследить, что круг обрамлен по периметру двумя рядами кирпичей, а во внутренней части круга кирпичи уложены строителями с очевидным желанием соблюсти радиальность. К северу от круга отходит небольшая квадратная вымостка размером 1,25×1 м (примерно 5×4 кирпича), служившая, вероятно, входом. На всех кирпичах вымостки хорошо виден известковый налет — очевидно, что они были вынуты из кладок кирпичных зданий крепости. После снятия части кирпичной вымостки оказалось, что под ней были местами насыпаны обломки кирпичей, щебень и уложены целые кирпичи, нивелировавшие поверхность. При расчистке поверхности вымостки были обнаружены обломок серпа, бронзовый перстень и массивное бронзовое кольцо. Керамические находки представлены разрозненными обломками тмутараканских кувшинов, хазарских кухонных горшков, крупных сосудов с лощением (пифосов). Рядом с входом выкопана цилиндрическая яма диаметром 1,2 м и глубиной от уровня вымостки также 1,2 м. В ее заполнении обнаружены обломки больших горшков с линейно-волнистым орнаментом, тмутараканских кувшинов, обломок каменного сосуда и обломок амфоры IX века. В верхнюю часть заполнения попал целый боршевский горшочек.

1.30. На расстоянии 3,5 м к юго-востоку от первой вымостки располагалась вторая, аналогичная ей вымостка, но значительно худшей сохранности (кв. Г7—В8). Однако дошедшая до нас часть позволяет уверенно говорить, что она была круглой, край ее обрамлен одним рядом кирпичей, а внутри круга строители пытались уложить кирпичи радиально, но делали это неумело и неровно. Диаметр этого круга тот же, что и первого, — 3,3 м. Обе вымо-

стки служили основанием таких же юрт, как и вымостки в цитадели, и тоже принадлежали, вероятно, богатым хозяевам аилов.

1.31. К этому же участку относятся по местонахождению и хронологически остатки еще одного жилища, расположенного вне стен крепости — в углу, образованном северо-западной стеной и воротным пилоном, использованным в качестве стен данного жилища (кв. Д3—Г4). С юго-запада граница постройки обрамлена широкой (0,7 м) немного дугообразной канавкой. Северо-западная стена также определяется остатками частично уничтоженной аналогичной канавки. Пол жилища покрыт слоем густо замешанной глины с песчаной подсыпкой под ней. Он засыпан золой и углем от сгоревших и рухнувших крыши и стен. Канавки, обрамлявшие пол, образовались, видимо, в результате выемки из них кирпичей, служивших основанием деревянных или глинобитных, облицованных досками, стен. Вдоль крепостной стены в полу удалось проследить несколько гнезд от столбиков — вероятно, кирпичная стена также была утеплена деревянными панелями. Размеры жилища 3,2×3,2 м. В его западном углу сохранились остатки печи: обломки кирпичей на полу и несколько стоявших на ребре целых кирпичей. Керамический материал, обнаруженный при расчистке этого жилища, представлен несколькими обломками хазарских кухонных горшков и котлов с внутренними ручками, обломками боршевских горшков, амфор (один обломок амфоры с воротничком XI века). Среди обломков посуды было обнаружено шиферное пряслице. При хронологическом определении этого жилища следует учитывать, что место над его развалинами не пустовало до конца жизни Белой Вежи и часть находок над полом, вероятно, попала на него при строительстве в последующие строительные периоды.

Подводя итоги, прежде всего отметим, что из 31 жилища, стратиграфически относимых нами к первому периоду освоения развалин Саркела, половина связана со славянским населением (табл. 1 приложения 1). В подавляющем большинстве это полуземлянки, заглубленные в материк на 0,2—0,54 м, хотя полы нескольких полуземлянок, вырытых с верхних наслоений боршевского слоя, т.е. с уровней +0,6—0,7 м, только доходят до материка. Полы некоторых из них не достигают его, прослеживаясь на уровне +0,45—0,7 м. Не исключено, что это были наземные постройки, которые постепенно почти полностью вытеснили полуземляночное строительство в Белой Веже.

Размеры полуземлянок колеблются от 8 до 18 кв.м, с преобладанием "средней" величины в 11—15 кв.м. В плане они прямоугольные или квадратные, ориентированы всегда углами по странам света, в соответствии с ориентировкой крепостных кирпичных стен. Полы с глиняной подмазкой, неоднократно подновлявшейся. Этой особенностью боршевские жилища отличаются от саркельских полуземлянок, в которых, как и на всей территории Хазарии, подмазка полов встречалась крайне редко. Постройка дома на рыхлом слое пожарища требовала особенной твердости полов, поэтому часто они были не просто подмазаны глиняным раствором. Это были гу́сто замешанные пласты глинобита, на который практически опирались стены и кровля полуземлянки.

Распространение в слое полов жилищ с боршевской керамикой достигает уровня + 0,5—0,6 м, а это означает, что боршевцы ставили свои домики и пользовались своей керамикой вплоть до начала XI века (Белецкий, 1959, с. 90; Артамонова, Плетнёва, 1998, с. 581).

В углах и на середине длины двух или (реже) всех четырех сторон полуземлянки в полы были вкопаны столбы, поддерживавшие соломенные или камышовые, пропитанные глиняным раствором крыши. Столбы служили также опорой досчатой облицовки стен. Изредка вместо дерева использовался плетень, о чем свидетельствуют ямки от жердевых каркасов вдоль стенок нескольких котлованов.

Входы в жилища относятся к типу "с внутренней лесенкой", поэтому их удавалось обнаружить только в тех редких случаях, когда в пол котлована у одной из стен был врыт дополнительный столб-стояк для двери. В зависимости от местонахождения таких стояков можно констатировать, что входы чаще располагали на северо-восточной или северо-западной стороне постройки.

Обнаруженные в жилищах остатки печей свидетельствуют о том, что печи, как правило (за редкими исключениями), помещали в западном углу. Все они квадратные или подковообразные (овальные) со сторонами от 0,7 до 1 м. Различаются печи характером и сочетанием разных материалов, использованных при строительстве печи: 1-й тип сложен из камней и глины, 2-й тип — из камней, кирпичного лома и глины, 3-й тип — из камней, целых кирпичей, их обломков и глины, 4-й тип — только из целых кирпичей и глины, 5-й тип представлен глинобитными печами на деревянном (жердевом или плетневом) каркасе. У нескольких печей отме-

чены некоторые конструктивные дополнения. Так, дважды вокруг печей-каменок (1-й тип) обнаружены остатки поставленной для прочности досчатой облицовки, укрепленной четырьмя столбиками, вбитыми в пол по углам печи. Перед устьем еще одной печи (2-й тип) была выкопана яма-предпечье. Иногда ямами-предпечьями служили старые (саркельского времени) полузасыпанные грунтом довольно большие ямы, перекрытые полом нового жилища, удачно попавшие в место расположения печи и использованные строителями нового дома в качестве весьма необходимого для нее дополнения.

Таким образом, абсолютно идентичные печи в боршевских полуземлянках Белой Вежи почти не встречаются. Подобное разнообразие наблюдается на всех славянских поселениях, как боршевских, так и роменских. И. И. Ляпушкин объяснял это явление различиями в имевшихся строительных материалах (1958, с. 168). Однако А. Н. Москаленко писала, что на поселениях боршевцев (на среднем Дону) материалы всюду одинаковые, а печки из них хозяйки складывали различные (1965, с. 44), поэтому вряд ли можно безоговорочно принять объяснение И. И. Ляпушкина. Оно может быть верно только при сравнении печей из поселений, расположенных в разных, нередко отдаленных сотнями километров друг от друга регионах, различавшихся по географическим, климатическим и иным объективным признакам.

Впрочем, печи в Белой Веже действительно сооружались из "подручных" материалов. Из них менее других был распространен камень, который надо было доставлять с правого берега Дона или разыскать в развалинах кирпичных зданий, что было в целом малопродуктивно, так как в строительстве крепостных сооружений камень не использовался и в Саркел мог попасть в исключительных случаях. Зато двух других материалов — кирпичей и глины — было достаточно.

Что касается хронологического, а вернее, эволюционного развития печного строительства, то, очевидно, мы можем с большой долей вероятности говорить о том, что печи-каменки (тип 1) были сложены первыми поселенцами, пришедшими со среднего Дона. Затем стали появляться печи типа 2, при строительстве которых использовался валявшийся по всей площади Саркела кирпичный лом. Возможно, наряду с ними или немного позднее в кладку печей типа 3 вместе с камнем и кирпичным боем начали включать и целые кирпичи. Следующим шагом изменения печей явилось выкладывание всей нижней части печи кирпичами, постав-

ленными на торец, и пода из 4 или 6 кирпичей, уложенных плашмя. С внешней стороны эту конструкцию, как говорилось, обкладывали камнями и покрывали слоем глиняной обмазки. Так появился у боршевцев самый поздний 4-й тип печи, получивший дальнейшее развитие и усовершенствование в последующее столетие. Что касается глинобитных печей на деревянном каркасе (тип 5), то они почти не получили распространения в Белой Веже.

Наряду с глинобитными полами, остатками деревянных облицовок стен, печами с непременным включением наружной каменной обкладки, очевидным признаком принадлежности комплекса к боршевскому периоду является характерная лепная боршевская посуда, представленная в основном обломками кухонных горшков. Нередко, в случаях очень сильного разрушения жилища, среди развала которого практически невозможно было обнаружить других определяющих признаков, она служила основным материалом, который позволял относить развалины к боршевскому времени.

Процент боршевской посуды от общей массы обломков керамики, обнаруженной в каждом комплексе, как правило, невелик — 5, 10, очень редко — 25. Остальная посуда, характеризующая этот период, представлена в основном обломками кувшинов тмутараканского типа (около 60 %), амфор (10—15 %), кухонных хазарских горшков (5—10 %). Следует отметить, что процент обломков лепных боршевских и гончарных хазарских горшков в боршевских комплексах нередко совпадает. Несмотря на заметное уменьшение саркельских типов посуды в верхних напластованиях слоя, относящихся к первому заселению славян на саркельском пожарище, кухонными хазарскими горшками продолжали пользоваться наряду с боршевскими. По-видимому, их производство было возобновлено в Белой Веже, а это позволяет высказать гипотезу о появлении на пожарище вместе с боршевцами саркельцев, уцелевших в погроме и успевших вовремя бежать из осажденного городка. Они вернулись на старые пепелища, видимо, нередко ставя дома на свои сгоревшие прежние жилища.

Весьма существенно и наличие в этом слое следов очевидного пребывания третьего компонента, активно вторгшегося в захваченную и разоренную крепость и органически вошедшего впоследствии в жизнь Белой Вежи. Присутствие этого компонента прежде всего прослеживается по значительному проценту обломков лепной керамики, разнообразной по формам, назначению, размерам и богатой "пышной" орнаментации. Обломки этой посуды

попадаются на всех раскопанных участках городища, но преобладают они безусловно на территории цитадели. Именно там, в цитадели, в пласте, синхронном боршевским жилищам, было обнаружено несколько скоплений очажков, как бы окружавших или оберегавших боршевские полуземлянки. В разрушенном донжоне славяне вначале попытались между полуразобранных стен разместить свои полуземлянки, но по неясной причине уступили это удобное для жилья место литейщикам, которые, судя по керамике, выразительно украшенной "пышным" орнаментом, принадлежали кочевому населению. О несомненном присутствии кочевников в цитадели и в районе Главных ворот свидетельствуют и остатки кирпичных круглых оснований благоустроенных юрт, принадлежавших, видимо, главам аилов, проводивших зиму под защитой стен полуразрушенной крепости.

Так почти сразу после разрушения крепости три основных этноса начали осваивать территорию пепелища и деятельно ее застраивать.

При этом довольно четко фиксируется факт некоторого разделения крепости на отдельные участки, каждый из которых принадлежал одному из трех выявленных этносов. Очевидно, что славяне-боршевцы первыми поселились в южном углу цитадели. Кочевники, также, вероятно, участвовавшие в походе Святослава, считали себя вправе занять эту же наиболее защищенную сохранившимися стенами часть крепости, несколько потеснив славян с уже освоенных ими участков, в частности из разрушенного донжона. В нем, засыпав славянские полуземлянки, они основали литейную мастерскую. Впрочем, не исключено, что в этой мастерской наряду со степными литейщиками работали и славянские мастера.

Разбросанные среди славянских жилищ кочевнические очажки-жертвенники также свидетельствуют о взаимопонимании и сближении этих двух этносов. Однако селиться "чересполостно" с боршевцами кочевники не захотели — хозяева аилов поставили свои юрты в северо-восточном отсеке цитадели, отделенном от юго-западной части неширокой кирпичной стенкой, сильно, видимо, разобранной, но все еще стоявшей, хотя бы в виде невысокого забора или межи.

Боршевцы, прожив практически бок о бок с весьма беспокойными соседями, предпочли уйти из цитадели на участок, отделенный от них мощной внутренней стеной цитадели — на террито-

рию бывшего "караван-сарая", где и образовали новое хозяйственное "гнездо" или двор.

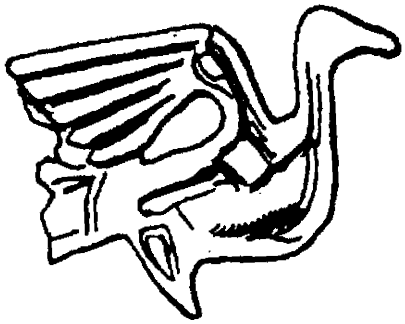
Примерно в то же время или немного позже боршевцы начали строиться в западном углу крепости — вдоль юго-западной и северо-западной стен. Судя по тому, что от всех боршевских построек сохранились только полы с более или менее разрушенными остатками печей, почти или совсем не углубленные в материк, полуземлянки выкапывались в культурном слое с уровня не менее +0,6 м. Это дает основание датировать их самыми последними годами боршевского времени, т.е. концом X века.

Весьма интересен факт единовременного существования, очевидно, саркельского весьма обширного жилища с очагом в центре пола и с обеих сторон (стена к стене) пристроенных к нему боршевских жилищ. По-видимому, в данном случае играло роль не простое доброжелательное соседство, но и какие-то близкие родственные отношения саркельца со славянами, начавшиеся еще в Саркеле. Новый дом был построен на сгоревших развалинах прежнего, отличавшегося от большинства саркельских домов сочетанием в нем двух отопительных устройств — печи боршевского типа и открытого очага в центре пола. Очевидно, хозяйкой в доме была славянка, привезенная со среднего Дона, а хозяином — хазарин или болгарин, для которого очаг был не только средством приготовления пищи, но и объектом поклонения домашним тенгри (Плетнёва, 1967, с. 57—58). Примечательно, что в боршевское время вернувшийся в крепость саркелец выстроил дом на месте старого, причем повторил сосуществование в нем печи и очага. Соседи-боршевцы приняли эту этнически смешанную семью в свое "гнездо". Так начиналось смешение двух этносов.

Еще большее смешение этносов наблюдается на участке у Главных ворот. Дом в проезде ворот первоначально выстроен саркельцем. Открытый очаг в нем был единственным отопительным устройством. Однако этот дом подвергся основательной перестройке и очаг уступил место печи, хотя весь керамический комплекс, открытый в развале этого второго дома, несомненно типично саркельский. При пожаре глиняная облицовка стен обрушилась на пол и в ней были как бы вмазаны, по наблюдению А. Л. Якобсона, четыре глиняных лепешечки-амулета. Возможно, они играли роль домашних оберегов. И в соседних домах — слева и справа от воротного проезда — аналогичные амулеты были обнаружены в глиняных завалах у стены или в облицовке печи (табл. 2 при-

ложения 1). Следует сказать, что во всех развалах домов, поставленных на остатки разрушенных кирпичных зданий, в керамическом комплексе абсолютно преобладали обломки характерных хазарских кухонных горшков, тмутараканских кувшинов и нередко встречались обломки лощеной посуды. Однако обломки боршевских горшков также попадались в этих комплексах. Очевидно, что слияние двух этносов в этом районе протекало весьма активно. Остатки двух круглых вымосток, буквально окруженных постройками и материалами, принадлежавшими славяно-саркельцам, свидетельствуют, видимо, о близких отношениях владельцев юрт с жителями данного микрорайона. Характерно, что типичная кочевническая керамика с "пышным" орнаментом встречается здесь в нижнем слое значительно реже, чем на участке во дворе бывшего "караван-сарая" и тем более в цитадели. Кочевники под влиянием соседей начали пользоваться более крепкой и красивой гончарной посудой (Белецкий, 1959, с. 73, рис. 23).

Заключая данную главу, подчеркнем, что каждый из трех этносов принес на возрождавшееся из пепла поселение свои традиции и навыки, бытовую культуру, вкусы. Особенно выразительно это проявляется при сравнительном анализе жилищ, керамики. К сожалению, так называемые индивидуальные находки, т.е. разнообразные предметы быта, украшений, оружия и орудий, в этом слое попадались редко (табл. 2 приложения 1). Саркел был разграблен, и от него нам остался только замечательный клад, поспешно спрятанный в неглубокую ямку, которая только чудом не была обнаружена при последующей застройке сожженного города. Пришедшие в Белую Вежу ограбленные саркельцы, редко пользовавшиеся украшениями и степным набором оружия боршевцы и кочевники, покидавшие поселение более чем на полгода, не могли оставить после себя имущество, дающее представление о возможном сложении каких-либо направлений в создании первых шагов синкретичной поселенческой культуры. Тем не менее домостроительство, керамика и начало формирования в значительной степени единого этнически беловежского населения дали мощный толчок перерастанию поселения в город.



Глава 3

НАЧАЛО ФОРМИРОВАНИЯ ГОРОДА

Благоприятные условия, сложившиеся на поселении к концу X века, способствовали превращению его в поселение городского типа. Началась тотальная перестройка-перепланировка на всех ранее освоенных участках, что, естественно, сопровождалось активным напластованием культурного слоя, нижний уровень которого на разных исследованных участках колебался от +0,5 до +0,7 м, а верхний горизонт не заходил выше +1 м. Эти уровни в значительной степени условны, однако своеобразие построек в совокупности с некоторыми изменениями в составе массовых находок позволяет выделить напластования этой части культурного слоя и датировать их концом X — первой половиной XI века.

1. Строительство и перепланировки в цитадели

Изменения, внесенные беловежцами на этом участке, весьма заметны. Частые пожары, неизбежные при сильной скученности построек, приводили к постоянным перестройкам как самих жилищ, так и их расположения на участке. Все это создает впечатление некоторой стихийности застройки на этой освобожденной от всех прежних сооружений площади.

2.1. В кв. Т13—С14 на уровне +0,5—0,6 м был расчищен прямоугольный глинобитный пол размером 4×2,3 м. В центральной части пола находились два очажных обожженных пятна, одно из них было обрамлено полукругом сильно обожженных камней. Рядом с очагом стоял сероглиняный лепной грубый горшок с орнаментом по венчику и у основания ручек. Вокруг вто-

рого очажка камни и обломки кирпичей были разбросаны по полу (рис. 21). При расчистке пола обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (5), лепных кочевнических сосудов (4), хазарских кухонных горшков (3), а также кости овец (20), коровы (10), лошади, птиц и рыб.

2.2. В кв. У12—Т13 на том же уровне (около +0,6 м) были раскрыты остатки жилища в виде "массива" частично обожженной глины, прослоенной пятнами угля, по-видимому, от рухнувшей кровли и обмазки трех стен, четвертой стеной или ее цоколем служила, вероятно, уже полуразобранная в то время кирпичная стена бывшей саркельской конюшни (рис. 21; рис. 22, *1*). Размеры завала 4,6×3,5 м, а толщина 0,3 м. Под ним был прослежен слегка обожженный глинобитный пол. Никаких следов очага или печи не было. В развале глины над полом обнаружены обломки хазарского кухонного горшка и лощеного столового сосуда, обломки кочевнических горшков с пышным орнаментом по венчикам и целый четырехугольный лепной светильник. Снаружи, вплотную к северо-западной стене, был сооружен обычный очажок из пяти кирпичей, но, видимо, им даже не успели воспользоваться до гибели дома, поскольку кирпичи в нем не были закопчены и сам он заполнен не золой, а мусорной землей без находок.

2.3. В кв. У12—Т13, всего в 1 м от северо-восточной стороны жилища на уровне +0,8 м находился еще один очажок, сложенный из четырех кирпичей с глинобитным подом. Вокруг него прослежены остатки глинобитного пола (рис. 21). При расчистке этого комплекса были обнаружены несколько обломков тмутараканских кувшинов, амфор X века, хазарского кухонного горшка, обломок горшка с вертикальными бороздками по тулову и нарезками по краю венчика, обломки кочевнических лепных сосудов, а также псалий из рога оленя, кости овец (38), коровы (11), лошади (4), собаки, кабана и рыб.

2.4. В кв. Х12—Ф13 на уровне 0,7 м был расчищен глинобитный пол большого сгоревшего жилища (4,25×4,6 м). Центральная часть пола уничтожена перекопом, но его края прослеживались четко (рис. 21; рис. 22, *2*). Остатки кирпичной стены отделяли его от предыдущего дома и служили основой (цоколем?) одной из его стен. Противоположной стеной была юго-западная стена крепости, а третья стена дома опиралась на сохранившиеся остатки стен арсенальных погребов, примыкая к ним вплотную. Четвер-

тая стена была, по-видимому, бревенчатой — вдоль нее сохранился обгорелый кусок массивного бревна. В северном углу находилась печь. Интересно, что ее поставили выше пола жилища, над почти разобранной кирпичной стеной "арсенала". Развал стены был обмазан глиной, на которую уложили четыре кирпича пода, сверху также обмазанного глиной. Под сильно прокален и покрыт слоем золы. От стенок печи ни кирпичей, ни глиняной обмазки не сохранилось. При расчистке пола обнаружены обломки сосудов: тмутараканских кувшинов (60), лепных кочевнических (24), боршевских горшков (3) и лощеного сосуда. Там же найдена заготовка янтарного крестика.

2.5. В кв. Х14—Ф15 на уровне +0,7 м открыт глинобитный обожженный пол еще одного небольшого жилища — 2,75×2 м (рис. 21). В южном углу пола помещена печь, от которой остался только один подовый кирпич, с двух сторон обрамленный двумя рядами кирпичей, поставленных на ребро. В отличие от трех описанных выше полов трех сгоревших жилищ, вокруг которых не было практически обнаружено никаких остатков стен, около этой постройки разбросано большое количество кусков замешанной на соломе глиняной обмазки, на которой сохранились отпечатки прутьев от деревянного каркаса. Пол был покрыт слоем сажи и гари, а вдоль северо-западной стороны остались куски сгоревших тополевых плах. В центральной части пола прослежены ямки от двух столбов, вероятно, поддерживавших конек крыши. На полу были втоптанный в обмазку обломок тмутараканского кувшина, обломок желтой бусины и шиферное пряслице.

2.6. В кв. У16—Т17 и У17—Т18 на уровне +0,9 м расчищены участки глинобитного пола и четко выявлены четыре ямки от угловых крупных столбов, что позволило определить размеры постройки (4×3 м) и ее ориентировку углами по странам света (рис. 21; рис. 23, *1*). В центральной части пола был поставлен очажок из пяти кирпичей, частично заполненный обычной для таких очагов светло-серой чистой и мягкой золой. Вокруг него пол обожжен, и на нем разбросаны обломки обгорелых плах, угли, слой золы. В южном углу расчищены скопление сгоревших плах и большой кусок глиняной обмазки стены. Вдоль юго-западной стены прослежены два ряда ямок от жердей и куски обожженной обмазки с отпечатками прутьев. Очевидно, стены были турлучные, угловые столбы предназначались для поддержки кровли и плетневой основы стен. При зачистке пола были обнаружены немногочислен-

ные обломки амфор, тмутараканских кувшинов, хазарского кухонного горшка, лепного кочевнического горшка, обломок бронзовой накладки, а также кости овец, коровы, птиц и рыб.

2.7. В кв. У16—Т17, у северо-западной стенки жилища № 6 на одном уровне с ним раскрыт небольшой участок сильно обгоревшего пола, на котором находились очажок из пяти кирпичей, остатки какой-то "конструкции" из поставленных на ребро кирпичей и углубления в полу, заполненного речным песком (рис. 21). При расчистке пола обнаружено довольно много обломков керамики: тмутараканских кувшинов (43), амфор (8), кочевнических сосудов (33), костей животных: овец (90), коров (51), лошади (4), кабана, сайги, рыб, а также непонятного назначения стеклянный литой конус, высота и "диаметр дна" которого 4 см.

В кв. У15—Т16 на уровне +0,9 м выявлены плохо сохранившиеся следы глинобитного пола. Только в северном углу были прослежены ямочки от жердей, а по полу кое-где разбросаны куски глинобитной обмазки от стен явно турлучной конструкции. В том же северном углу, на расстоянии 0,75 м от стены обнаружен очажок из пяти кирпичей. Внутри и вокруг него рассыпана зола. Никаких находок на полу не было.

Следует сказать, что остатки всех трех жилищ с очажками перекрывали более ранние постройки, уровень полов которых был немного ниже.

2.8. В кв. У17—Т18 и У18—Т19 обнаружена полуземлянка, котлован которой углублен в материк на 0,30—0,35 м. Ряд строительных приемов связывает ее с боршевскими жилищами. Но некоторые особенности, внесенные строителями в ее конструкцию, выделяют ее из серии полуземлянок, рассмотренных в предыдущей главе.

Котлован жилища прямоугольный, размеры его 4×4,3 м, ориентирован углами по странам света (рис. 21; рис. 24, *1*). Многослойный пол жилища, верхний уровень глиняной подмазки которого выше уровня дна котлована на 0,27 м, свидетельствует о длительности существования жилища и о его перестройке или ремонте. Под верхней подмазкой по всей площади жилища прослеживалась утрамбованная прослойка мусора, а под ней — нижняя глиняная подмазка дна котлована, толщина которой 3—5 см. В северном углу котлована и в середине двух стенок в нижней подмазке четко выделяются круглые ямки от массивных столбов. Вдоль северо-западной и юго-восточной сторон выявлены канав-

ки-желобки со следами лежавших в них тополевых плах. Параллельно юго-восточному желобку, вплотную к стенке котлована обнаружен ряд ямок от вбитых в дно жердей. По-видимому, эта сторона котлована начала сильно разрушаться и ее укрепили плетнем и плахами, а затем утрамбовали пространство между разрушившейся стенкой и креплением плотным грунтом, аналогичным по составу прослойке между двух разновременных прослоек пола.

Вполне вероятно, что данная полуземлянка, выстроенная боршевцами, была в связи с необходимостью восстановления одной из стен подвергнута основательному ремонту в более позднее время. Именно тогда на месте стоявшей в северном углу боршевской печи, на уровне верхнего пола соорудили печь нового типа (рис. 24, *2*). Она квадратная в плане, размеры ее 0,9×0,9 м. Кладка стен отличается тем, что использованные при строительстве кирпичи не поставлены на ребро вокруг пода, а уложены в несколько рядов плашмя. Подобные печи получили распространение в Белой Веже в последующий период. Устье печи обращено на юго-восток, перед ним в полу находилось полукруглое углубление предпечья, помещенное в более ранней засыпанной при строительстве жилища яме, заполнение которой немного осело. В центральной части полуземлянки вырыта неглубокая хозяйственная яма, состоявшая из двух отделений: 1×0,5 м и 0,7×0,5 м. Яма закрывалась деревянной крышкой (1×1 м), сбитой из нескольких плах, уложенных "заподлицо" с верхней поверхностью пола. Там же, в центре пола, расчищено несколько ямок от столбов и жердей, вероятно, от ножек какой-то мебели.

При зачистке этого пола были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (9), амфор (1), лощеных сосудов (3), мелкие обломки лепных горшков, железные ключ и нож, а также кости быка, овцы и свиньи. В заполнении котлована найдено помимо обломков тмутараканских кувшинов (20), лепных горшков (5), хазарских горшков и лощеных сосудов (14) шиферное пряслице. На нижней подмазке пола находок не было.

2.9. В кв. Т16—С17 на уровне +0,76 м сохранилась довольно значительная площадка пола размером 3,4×2,25 м, окаймленная с юго- и северо-востока узкой канавкой, заполненной древесной трухой — остатками деревянной облицовки стен (рис. 21; рис. 23, *2*). В двух сохранившихся углах постройки и на середине северо-восточной стороны в полу выявлены ямки от столбов. В юго-за-

падной части жилища находилась печь: под, сложенный из четырех кирпичей, окруженных с трех сторон поставленными на ребро кирпичами.

Это жилище, одно из немногих на городище, погибло не в пожаре, а было разрушено в процессе сооружения вышеописанных трех построек. Стены его были не турлучные, а досчатые, с обеих сторон обмазанные глиной. Находок при расчистке пола немного: обломки тмутараканских кувшинов (16), амфор (9) и один раздавленный хазарский кухонный горшок.

2.10. В кв. Ф16—Т17 и Ф17—Т18 на уровне +0,55 м обнаружены остатки квадратного в плане жилища, вплотную пристроенного к тогда еще не полностью разобранной стене "конюшни" (рис. 21; рис. 23, *3*). Почти половина его была перекрыта полом дома с очагом в центре. Однако, в отличие от предыдущего тоже перекрытого остатками жилища с очагом, эта постройка погибла в пожаре. От нее сохранились участки сильно обожженного глинобитного пола, покрытого золой и углями, и ямки от трех угловых столбов, что позволило установить размеры жилища — 4,25×3,75 м. Восточный его угол был срезан поздней ямой, в западном углу сохранились остатки печи: груда обожженной глины и три кирпича. Находки на полу немногочисленны: это обломки хазарского кухонного горшка, лепного кочевнического сосуда с гирляндообразным орнаментом, несколько мелких обломков лепных сосудов и тмутараканских кувшинов, а также кости сайги и овец.

2.11. В кв. Т16—С17 на уровне + 0,75 м обнаружена несколько необычной конструкции печь (рис. 21; рис. 24, *3*). Стенки ее были выложены из стоявших на ребре кирпичей — по три на каждой из сторон. От обычных печей она отличалась прежде всего "неподогнанными" углами, а именно кирпичи одной из сторон заметно выступали за линию перпендикулярной ей стенки. В южном углу кирпич был как бы нарочито надломлен. Устье печи обращено на северо-восток, кирпичный под перед устьем отсутствовал, но юго-восточная часть пода выложена шестью кирпичами. На этом поду лежала осевшая на него и треснувшая во многих местах, но сохранившая свою первоначальную форму глиняная, слегка обожженная верхняя часть печи с горловиной для выхода дыма. Изнутри печи во многих местах сохранились участки толстой глиняной обмазки стен. Кирпичи, из которых была сложена печь, двух размеров: 30×30 см и 25×25 см.

К сожалению, пол жилища, в которое входила эта уникальная печь, полностью уничтожен поздними перекопами.

2.12. В кв. Т17—С18 на уровне +0,47 м расчищены остатки обожженного глинобитного пола небольшого (3×3 м) квадратного в плане жилища (рис. 21; рис. 23, *4*), очевидно, погибшего в пожаре — на полу куски рухнувших обгорелых плах. Печь была расположена, видимо, в восточном углу, уничтоженном перекопом. На полу при расчистке помимо обгорелых плах были обнаружены раздавленный хазарский кухонный горшок и кости овцы и сайги.

2.13. В кв. Т18—С19 на уровне +0,81 м обнаружены остатки разрушенной печи и небольшого участка пола вокруг нее (рис. 21). От печи сохранились несколько кирпичей пода, кирпичи юго-восточной стенки и обломки их на северо-восточной. При расчистке развала были найдены обломки тмутараканских кувшинов (28), амфор (60), лепных сосудов неясного происхождения, лепной игрушечный горшочек, кости коровы, овцы, кабана, рыб.

2.14. В кв. Ф19—У20 на уровне 0,9 м были открыты остатки деревянной конструкции, состоявшие из нескольких широких плах: две уложены параллельно друг другу на расстоянии 1 м, остальные на них — перпендикулярно им (рис. 21). Можно только предполагать, что это настил пола какого-то нежилого и небольшого помещения хозяйственно-производственного назначения. Последнее в некоторой степени подтверждается фактом нахождения на плахах белого производственного песка и костяного лощила. Как и во всех остатках производственных помещений, здесь не обнаружено костей животных и почти отсутствовали обломки керамики — только отдельные мелкие, как бы "затоптанные" в деревянный пол кусочки тмутараканских кувшинов и лепных сосудов.

2.15. В кв. У19—Т20 также на уровне +0,9 м были расчищены остатки большой печи: часть кирпичного пода, куски кирпичей и обожженной обмазки. Под покрыт слоем золы (рис. 21). При зачистке завала найдены немногочисленные обломки керамики: амфор (3), хазарских горшков (2), мелкие обломки лепных сосудов (25), а также два точильных камешка, два обработанных рога оленя, кости кабана, коровы, лошади, оленя, сайги.

2.16. В кв. Х18—Ф19 на уровне +0,44 м, вплотную к крепостной стене было расположено жилище, от которого остался небольшой участок пола и на нем несколько кирпичей пода печи и завал кирпичных обломков от стенок. Пол был сильно обожжен

и покрыт слоем угля. При расчистке обнаружены два обломка керамики — хазарского кухонного горшка и лощеного сосуда (рис. 21).

2.17. В кв. Т20—С21 на разных уровнях данного пласта обнаружены участки неоднократно горевшего и отстраивавшегося заново дома. От верхнего пола на уровне +1,14 м сохранился участок пола (2,5×1,25 м), на котором прослежены ямки от кольев и довольно крупных столбов, куски сгоревших плах и остатки очажка: подовый кирпич и зола на нем и вокруг. Этот пол перекрыл пол уровня +0,54 м и участок пола на уровне +0,57 м с остатками на нем разрушенной печи, от которой сохранились под из четырех кирпичей, три кирпича стенок и несколько больших известковых блоков (рис. 21).

2.18. В кв. С19—Р20 на уровне +0,74 м, всего в 0,5 м к северо-востоку от предыдущего дома был поставлен еще один дом, от которого сохранилась площадка обожженного глинобитного пола размером 3,75×2,7 м (рис. 21; рис. 25, *1*). Границы пола условны, поскольку со всех сторон они нарушены перекопами. Только вдоль его юго-западной стороны прослежены два ряда ямок от жердей и один — от довольно крупного столба, что позволяет уверенно говорить о местонахождении здесь одной из стен, очевидно, турлучного жилища. Печь располагалась в западном углу дома — от нее остался развал кирпичей, который попал даже за границы дома. Возможно, что в центральной части жилища находился очаг, от которого сохранились только разбитые и разбросанные по полу кирпичи, угли и зола в центральной части пола и там же — ямка от столба диаметром не менее 0,15 м. При расчистке пола обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (53), амфор (9), лепных кочевнических сосудов (24), хазарских горшков (3), а также бронзовое колечко, железная скобочка и гвоздь, медная сильно стершаяся монета X — начала XI века. Кости животных немногочисленны, они принадлежали корове, лошади, овце и кабану.

2.19. В кв. С18—Р19 на том же уровне и рядом с предыдущим находилось еще одно жилище, размеры которого 4×4 м (рис. 21; рис. 25, *2*). Жилище явно сгорело — глинобитный пол сильно обожжен. Пол изрезан перекопами, однако в восточном углу удалось зафиксировать остатки печи: часть кирпичей пода, обмазанных глиной, три кирпича юго-западной стенки, поставленных на торец, завал обломков кирпичей и кусков обожженной глиняной

обмазки. Устье печи было обращено на юго-восток — почти вплотную к стенке жилища, от которой устье отделено небольшой предпечной ямкой (диаметром всего 0,5 м). Зато у задней стенки печи были размещены в чуть заметном углублении два кочевнических очага. Один из них сооружен из пяти кирпичей и до половины заполнен золой, второй — из четырех кирпичей, с плотно утрамбованным подом толщиной 5 см. Он неоднократно подновлялся: нижний под был перекрыт слоем золы и затем обмазан слоем глины. Новый под также засыпан слоем золы и вновь обмазан глиной. Общая толщина всех подмазок и слоев 0,2 м, т.е. они фактически занимали все внутреннее пространство очажка, оставленного в жилище "запечатанным" последней глиняной подмазкой. Не исключено, что это были не очажки, а остатки первых, самых ранних в Белой Веже дымовых труб, пристроенных к печи. "Запечатанная" труба вышла из употребления, и рядом с ней поставили новую, с более устойчивым основанием (из пяти кирпичей).

На середине юго-западной стены была зафиксирована еще одна не вполне обычная печь, выдававшаяся примерно на 0,6 м наружу (типа камина?). От нее остались задняя стенка из трех кирпичей, поставленных на ребро, и часть обожженного глинобитного пода с разбросанными по нему обломками кирпичей. С этой печью было связано какое-то деревянное прямоугольное устройство, от которого на полу жилища обнаружены остатки сгоревших толстых плах. Сохранность всего сооружения не позволяет определить его назначение.

Находки при расчистке жилища: обломки тмутараканских кувшинов (32), амфор (15), обломки пифоса, светильника и подвесного горшочка с отверстием в центре дна и шиферное пряслице.

2.20. В кв. П18—О19 на уровне +0,40 м, всего в 2 м к северо-востоку от предыдущего располагалось еще одно жилище (рис. 21). Глинобитный пол этого жилища не обожжен и занимает довольно большую площадь — 3,8×6 м. На полу в северо-восточной части находилась "грушевидная" в плане яма (1,4×1 м) глубиной 1 м. Яма была заполнена землей без находок. В непосредственной близости от этой ямы-погреба в незначительном углублении располагался очажок из четырех кирпичей с глинобитным массивным подом. В западном углу пола была сооружена печь, от которой сохранился завал кусков кирпичей и мергеля, перемешанных с обожженной глиной и золой. Остатки другой печи

были открыты в северном углу, причем ее глинобитный развал обнаружен как бы снаружи жилища — вне пола.

Видимо, жилище перестраивалось минимум дважды, смещаясь при этом на 1,5—2 м то к северо-востоку, то к юго-западу.

2.21. В кв. Р19—П20 на уровне +0,54 м находился глинобитный прокаленный пол постройки размером 3×3 м (рис. 21; рис. 25, *3*). Остатки сгоревших стен и крыши в виде кусков плах и жердей разбросаны по всему полу. Почти в центре пола прослежена ямка от массивного столба, видимо, поддерживавшего крышу. Печь, очевидно, располагалась в южном углу, где в полу расчищено сильно прокаленное пятно (под печи?). Других остатков печи не сохранилось, поскольку площадка сгоревшего дома была тщательно разровнена при сооружении нового срубного дома, тоже сгоревшего в последующем пожарище.

2.22. Остатки срубной постройки обнаружены на уровне +0,79 м. От сруба удалось проследить только канавки от бревен нижнего венца северо-западной половины этого дома (рис. 21; рис. 25, *4*). Юго-восточная часть полностью срезана перекопом. Поскольку северо-западная канавка от бревна сохранилась полностью, можно уверенно установить длину одной стороны сруба — 4 м. Вероятно, сруб был квадратным. Пол в доме не обожжен, хотя на нем местами попадались куски сгоревших плах. Печь располагалась в западном углу, устьем на юго-восток. Под печи, немного углубленный глинобитный и сильно прокаленный, завален углем, золой, обломками кирпичей и камней. Примерные размеры печи 1×1 м. Возле печи стоял боршевский горшочек, на полу разбросаны обломки тмутараканских кувшинов (22), хазарских горшков, много обломков лепных сосудов, в том числе и 50 боршевских. На полу было найдено три точильных камешка.

2.23. В кв. О19—Н20 на уровне +0,53 м сохранился участок глинобитного пола и на нем — очажок из пяти кирпичей, заполненный светло-серой золой (рис. 21).

2.24. В кв. О22—Н23 на уровне +0,7 м, в северной половине квадрата были прослежены остатки глинобитного утоптанного пола, в центральной части которого находился развал, видимо, печи: куски глиняной обмазки, уголь, зола и три ямки от тонких жердевых столбиков (рис. 21). Возможно, печь была глинобитной на жердевом каркасе. В завале этого комплекса были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (10), амфор (2), мелкие обломки лепных неопределимых сосудов (7), а также

обломки бронзовой "пронизки" в виде нескольких спаянных шариков (вероятно, стерженек от серьги), бусина, светильник, обломки тигелька. При подчистке пола найдены обломки железных предметов, светильник, бронзовая поясная бляшка, половина пряслица и кружок из стенки амфоры (пробка амфоры или заготовка для пряслица?). Диаметры аналогичных пробок совпадают с диаметрами горлышек амфор IX и X веков.

2.25. В кв. Н23—М24 на уровне +0,96 м обнаружен глинобитный пол, покрытый завалом обгорелых плах, жердей, угля и золы (рис. 21). Находок в этом завале немного: обломки тмутараканских кувшинов (9), амфор (6), лепных, видимо, кочевнических сосудов (28), хазарских кухонных горшков (14).

2.26. В этом же квадрате, но на уровне +0,4 м зафиксирован развал также сгоревшего жилища, перекрытого полом предыдущего (рис. 21). На сохранившейся части пола этого второго жилища тоже разбросаны куски жердей, плах, пережженной глины от кровли. При расчистке завала были открыты остатки печи с глинобитным прокаленным подом и несколькими кирпичами вокруг него. Рядом с полом этого жилища, т.е. вне его территории, была обнаружена куча желтой отмученной глины, вероятно, гончарный запас. В 1,5 м юго-восточнее пола этого жилища был обнаружен очажок из пяти кирпичей, наполненный золой.

2.27. В кв. О23—Н24 и О24—Н25 и юго-западнее их в двух соседних квадратах на уровнях +0,74 м и +0,61 м на сравнительно большой площади (3,75×3 м) прослежен глинобитный обожженный пол, сильно изрезанный поздними перекопами (рис. 21). Только вдоль юго-восточной стороны сохранился участок с восемью ямками от жердей и двумя — от столбов. Очевидно, стены были турлучные. Печь, вероятно, находилась в южном углу и была срезана глубокой большой ямой.

В тех же квадратах на втором уровне был расчищен другой пол, еще более изрезанный перекопами. Он тоже сильно обожжен. Создается впечатление, что оба пола относились к одному жилищу: сгоревшему, вновь отстроенному на пожарище и снова сгоревшему.

Находки были учтены исследователями с обоих полов вместе: это обломки тмутараканских кувшинов (32), амфор (27), кочевнических сосудов (17), хазарских кухонных горшков (4), а также кости животных: коровы (119), овец (174), лошади (14), кабана (7), сайги (7), козы (3), рыб и птиц.

2.28. В кв. П23—О24 на уровне +0,77 м открылась разрушенная стена донжона и на ней были прослежены ряд из шести ямок от вбитых кольев и параллельный ему ряд, состоявший из двух таких же ямок и трех столбовых (диаметрами 15—20 см) (рис. 21). Кирпичи стены были выровнены и покрыты налетом тонкой прослойки культурного слоя с вкраплениями кусочков глины, раздробленными костями животных, мелкими обломками керамики. Поверх этой прослойки лежал слой перегорелой глины рухнувшего перекрытия. Размеры завала 3,75×3 м. Очевидно, жилище было прямоугольным. Следов печи в развале этой постройки не обнаружено. Находок очень немного: обломки тмутараканских кувшинов (4), амфор (6), лепных мелких (5), два обломка поливных сосудов и бронзовое плоское колечко.

2.29. В кв. Р23—П24 на уровне +0,5 м выявлены остатки еще одной постройки (рис. 21). Размеры сохранившегося участка глинобитного пола 3×2 м. Пол покрыт слоем рухнувшей на него кровли — горелыми прутьями и кугой, кусками обожженной обмазки. Остатки печи или очага в центральной части пола не удалось выявить, поскольку края пола, особенно в углах и центральной его части, разрушены поздними ямами. При расчистке оставшихся участков пола были обнаружены большой нижний жернов (диаметр 0,45 м), три тигелька, много обломков криц и заготовленные для обработки 14 рогов сайги. Вполне возможно, что сгоревший дом принадлежал оружейнику, которому необходимо было сырье (кости, крицы) и уменье литейщика и костореза.

2.30. Рядом с этим помещением, очевидно, перекрывая его, находилась еще одна постройка на уровне +0,53 м (рис. 21). Ее северо-западной стенкой была сохранившаяся частично на очень небольшую высоту стена донжона. Пол был глинобитный обожженный, прослежен местами на площади 3×3 м. Следов рухнувших стен и кровли на нем не было, ни печи, ни очажка не обнаружено. Находок немного: целый, но раздавленный, лепной кочевнический горшочек с налепным валиком, врезными линиями ямочным орнаментом, а также пряслице из стенки сосуда и кости животных: коровы, лошади, овцы, рыб.

2.31. В кв. С23—Р24 выявлен еще один участок глинобитного обожженного пола на уровне +0,54 м. Размеры дошедшего до археологов пола всего 1,3×1,25 м. Поверхность покрыта сгоревшей соломой. Печь разрушена полностью, но ее развал явно перекрывал остатки юго-западной стены донжона (рис. 21).

Следует отметить, что все последние четыре рассмотренные нами комплекса практически не выходят за внутреннее сравнительно небольшое пространство донжона (4,8×6,2 м). Только в двух случаях, где кирпичная стена была разобрана почти до основания (№ 28 и № 31), они перекрывают его стену. Все это свидетельствует, во-первых, о том, что нижняя часть стен этого массивного и крепкого здания еще сохранялась и использовалась жителями. Во-вторых, представляется, что все четыре постройки, сгоревшие в пожарах, принадлежали одному хозяину (одной семье), работавшему постоянно с горнами на весьма ограниченном пространстве, и поэтому так часто сгоравшими, но неизменно восстанавливавшимися на том же участке. В-третьих, напомню, что участок этот стал использоваться литейщиками еще в начале заселения Белой Вежи. Причем его заняли кочевники — литейные мастера, попросив или изгнав боршевцев с уже занятого участка.

Материк на раскопанном участке цитадели изрезан громадным количеством ям, значительная часть которых осталась не исследованной из-за отсутствия времени. Однако три из них, врезанные в него с уровня данного слоя, удалось вскрыть полностью.

Одна из ям (кв. Т14—С15), расположенная рядом с кирпичной вымосткой, является частью какого-то производственного или хозяйственного комплекса (рис. 21). Яма цилиндрическая, диаметром 0,6 м, глубиной 1 м. В ее заполнении много костей животных и обломков кочевнической и боршевской посуды. Там же найдены лепной светильник и пряслице из лощеного сосуда. Рядом с этой ямой находилась небольшая (0,5×0,26 м) ямка глубиной всего 0,2 м с сильно обожженными стенками и дном, заполненная чистым белым песком. В непосредственной близости от этих ям (кв. Т15—С16), выше их на 0,25—0,4 м, обнаружен развал, состоявший из ивовых плах, соединенных друг с другом поперечными плахами и слоем обожженной глины. Возможно, это остатки сгоревшего и рухнувшего навеса, перекрывавшего в свое время обе ямы и ровную расчищенную площадку, на которой были обнаружены куча чешуи и обугленные куски невода, сплетенного из витой веревки. Кроме того, в этом развале найдены обломки бронзовой пластинки, люстрового сосуда, кусок янтаря, глиняная лепешка-амулет, бусина, бусина-пронизка, бронзовая пряжка, обломки тмутараканских кувшинов, амфор, кочевнических сосудов (в том числе крышка, орнаментированная ног-

тевым орнаментом), обработанный рог сайги (кочедык?) и медная монета Василия II и Константина VIII (976—1025).

Вторая яма, вероятно, относилась к постройке № 10, поскольку находилась вплотную к ее юго-западной стенке и на том же уровне +0,55 м (рис. 21). Яма конусовидная (диаметр ее устья 0,7 м, дна 1,2 м), глубиной 1,4 м. Она прорезала сохранившуюся здесь на высоте около 0,5 м стену кирпичного здания "казармы". В заполнении было много обломков тмутараканских кувшинов, амфор, лепных кочевнических сосудов, костей овец, коров, свиньи, бобра, птиц, и рыб. Там же были обнаружены шиферное пряслице и рукоятка из кости.

Третья яма находилась в кв. Ф18—У19. Она овальная (1,3×1м), глубиной 0,9 м (рис. 21). Заполнение ее сильно гумусированное с большим количеством чешуи и костей рыб, перемешанных с зеленоватой глиной и массой обломков керамики, преимущественно амфор (из них 11 с граффити) и кочевнических сосудов. Она, как и предыдущая яма, была частично врезана в остатки кирпичной стены "казармы" и связана с ближайшим к ней жилым помещением № 16.

Таким образом, есть некоторые основания говорить о том, что жилые постройки "сопровождались" разными хозяйственными дополнениями: очажками, вымостками, ямами. В первой половине XI века вымостки, как правило, выкладывали на толстых глиняных подмазках, выравнивавших поверхность.

Частые пожары и связанные с ними перестройки и перепланировки жилищ затрудняют выявление какой-либо устойчивой планировки в их размещении на раскопанном участке. Очевидна только одна общая для всех построек черта — ориентировка углами по странам света в соответствии с ориентировкой крепостных стен, служивших солидным оборонным рубежом для этого активно застраивавшегося района цитадели.

Несмотря на строго соблюдавшуюся ориентировку строений, не удалось проследить ни малейшего стремления к созданию "рядности" планировки или хотя бы свободных проездов между постройками или группами построек. Жилища были беспорядочно разбросаны по всей площади южного угла цитадели. Именно в этот период беспорядочная застройка и постоянные пожары привели к интенсивному напластованию культурного слоя, в результате которого слой почти полностью перекрыл остатки не только тонкой стены "казармы", но и массивные стены донжона. Местами они сравнялись, очевидно, с дневной поверхностью того времени.

2. Заселение двора "караван-сарая"

Расселение на этой весьма значительной площади полуразрушенной крепости также проходило очень интенсивно и, к сожалению, как и в цитадели, основным бедствием были пожары, а следовательно, постоянно менялись планировка жилищ, их размеры и в какой-то мере расположение на занимаемом ранее участке. При строительстве новых домов часто уничтожались следы старых сгоревших построек. Остатки жилищ, синхронных им ям, поздних ям, опущенных с верхних горизонтов, а также сплошных перекопов слоя, проводившихся казаками в поисках саркельского кирпича, дают представление только об общих приемах домостроительства, кладки печей и в отдельных случаях — о комплексах керамики и редких находках вещей, предоставляющих возможность с той или иной степенью достоверности относить остатки или следы жилищ к определенному периоду (рис. 26).

Характеристику этого раздела мы начнем с описания одной из немногих хорошо сохранившихся полуземлянок.

2.32. Жилище располагалось в кв. Х2—Ф3 и Ф2—У3, ориентировано углами по странам света в соответствии с направлением кирпичных построек крепости. Остатки кирпичных стен одного из участков "караван-сарая" с трех сторон окружают небольшую квадратную площадку размером примерно 64 кв.м (рис. 26). В центре этого прекрасно огражденного участка была сооружена полуземлянка (рис. 27, *1*). Очевидно, кирпичные стены здесь в период, когда строилось и функционировало жилище, не были еще полностью разрушены и могли быть оградой этого небольшого дворика.

Размеры жилища 3,45×3,45 м, в плане оно правильно квадратное, стены его удалось проследить с уровня +0,35 м, в материк котлован врезался всего на 0,2 м. Стены котлована были облицованы деревянными досками, уложенными горизонтально благодаря массивным столбам, врытым в углах и на середине каждой стороны помещения. По-видимому, концы досок были крепко прижаты к стене котлована всеми восемью столбами. Другой (основной) функцией столбов была поддержка кровли, вероятно, четырехскатной. Глинобитный пол покрыт слоем копоти и углями.

В западном углу располагалась сложенная из крупных кирпичей печь. Устье печи обращено на северо-восток, северо- и юго-западные стенки (пристенные) выложены двумя и тремя рядами поставленных на ребро кирпичей. Видимо, толстые стен-

ки сооружались для предохранения жилища от пожара. Стенка, открытая внутрь жилища, была сложена из одного ряда также поставленных на ребро кирпичей. Факт продуманности и тщательности при сооружении печи подтверждается и выложенным вокруг печи бортиком из половинок уложенных горизонтально кирпичей. Под печи ровно и умело вымощен крупными обломками кирпичей. Размеры печи 1,15×0,8 м (наружные) и 0,5×0,75 м (внутренние).

Помимо ямок от "несущих" столбов на полу были обнаружены ямки явно различного, но не всегда понятного назначения. Прежде всего, в центре пола была расчищена "пиалообразная" ямка диаметром 0,35 м, заполненная золой, но без следов обжига поверхности. Местоположение и форма как-будто не вызывают сомнения в том, что это обычный очаг, попадающийся, как мы видели, в саркельское и боршевское время в жилищах вместе с печами, поставленными в угол. Только отсутствие обжига свидетельствует о неиспользовании его в хозяйственных целях. Очевидно, он играл исключительно ритуальную (символическую) роль в данном жилище. Рядом с ним находились две глубокие ямки от вбитых в пол заостренных жердей. Аналогичные три ямки были открыты у восточного угла печи. Еще одна жердевая ямка расчищена в северо-западной части пола, а ямка от довольно массивной плахи находилась в 0,3 м от северо-восточной стены жилища. Определить их роль во внутреннем устройстве помещения не представляется возможным. Одна овальная довольно глубокая ямка размером 0,1×0,15 м была обнаружена вплотную у северо-западной стены на расстоянии 0,6 м от срединного столба этой же стены. По-видимому, это был один из косяков двери (вторым был срединный столб). Заполнение котлована полуземлянки состоит из мусорного слоя, насыщенного костями животных и рыб, обломками керамики — в основном, как и всюду, обломками тмутараканских кувшинов и изготовленных из той же глиняной массы, также обожженных и орнаментированных горшков с плоскими, как у кувшинов, ручками. Поскольку обломки таких горшков известны пока только в Белой Веже, мы можем уверенно говорить об их производстве и использовании именно в этом городе. Всего обломков кувшинов и горшков обнаружено более 60. Находки других сосудов единичны. Немногочисленны и находки вещей: бронзовая маленькая бляшка с рифленым бортиком, бронзовая пуговка, железный проржавевший крюк.

Вопрос датировки этого жилища или хотя бы принадлежности его к какому-либо определенному периоду решался полевыми археологами по-разному. Углубление его в материк, аналогично углублению наиболее ранних, появившихся в Белой Веже боршевских полуземлянок, глинобитный пол, обшитые деревянными досками стены и общая столбовая конструкция стен жилища позволяют сравнивать его с боршевскими полуземлянками. Тем не менее печь данного жилища резко отличается от печей в постройках боршевского времени. Многочисленные аналогии ей, к сожалению, значительно худшей сохранности, хорошо известны в жилых комплексах XI века. Интерес представляет "имитация очажка", имевшего сакральное значение объединителя семьи. Он по внешнему облику и расположению относится безусловно к хазарскому времени, но его практическая неиспользованность в хозяйстве (заполнение чистой золой, необожженность поверхности) свидетельствует об отмирании этого вида хозяйственного и отопительного устройства и в то же время о ритуальной значимости его в жизни владельцев жилища.

2.33. В кв. У2—Т3 северо-восточнее жилища № 32 были обнаружены отделенные от него кирпичной стенкой следы наземного дома, пристроенного к этой полуразрушенной стенке (рис. 26). От него сохранились часть большой кирпичной вымостки на уровне +0,5 м, лежавшее параллельно ей сгоревшее бревно (вдоль линии Т3—У3), вернее, глиняная обожженная обмазка, на которой оно отпечаталось, ямка у северо-восточного его конца и вторая ямка примерно в 2 м от первой. С северо-запада к вымостке вплотную примыкал участок глинобитного пола с двойной подмазкой, а в южном углу квадрата, у кирпичной стены были замечены остатки печи в виде обожженной глины, угля и золы. Находок при расчистке этого комплекса не обнаружено, относить его к первой половине XI века можно только стратиграфически: верхний слой подмазки пола и развал печи находились на уровне +0,70 м.

2.34. Аналогичные следы постройки были обнаружены в кв. Ф6—У7 на уровне от +0,53 до +0,80 м (рис. 26). Это также довольно большой участок кирпичной вымостки (2×2 м), разделенной двумя бревнами (отпечатками их в канавках) на три части, ориентированные по направлению юго-западной стены крепости. В северной и южной сторонах параллельно кирпичам вымостки расчищены завалы обожженных бревен. В северном завале найден череп кабана (остаток закладной жертвы?). Кирпичная вы-

мостка перекрыта обломками обожженной обмазки стен, золой и углями. Постройка, как и предыдущая, погибла в пожаре.

2.35. Рядом с этими остатками строения в кв. У7—Т8 на том же уровне находился завал обуглившихся бревен и тополевых плах (размер завала 3×2 м). Бревна лежали перпендикулярно друг к другу: очевидно, это были стропила крыши, перекрывавшиеся камышом или соломой (рис. 26; рис. 28). У линии Т7—Т8 был расчищен развал печи, сложенной из кирпича и обломков: сохранились только часть кирпичного пода, обмазанного толстым слоем глины, и четыре обломка кирпичей на северной стороне печи, стоявших на ребре. С восточной стороны печи в забитой золой ямке обнаружены два целых тмутараканских кувшина, донце третьего, а также обломки лепного горшка, неопределимого типологически.

Под завалом бревен открылся сильно обожженный глинобитный пол, покрытый золой и углем, границы которого хорошо прослеживаются на площади 3,5×2,5 м. На полу разбросаны крупные и мелкие обломки хазарских гончарных горшков, тмутараканских кувшинов, лепных сосудов.

2.36. В кв. У4—Т5 на уровне +0,9 м был расчищен глинобитный пол, окруженный оградой из плетня, от которого сохранились, кроме ям от боковых столбов, промежуточные заостренные ямки от кольев, глубоко вбитые в грунт (рис. 26). Стены этой постройки ориентированы по странам света. Печи в ней не было, очевидно, это было хозяйственное помещение: на полу были открыты ямки с запасами белого песка, груда рыбьей чешуи, кое-где перекрытые кусками сгоревших жердей, пол также был частично обожжен.

2.37. Почти на той же глубине в кв. Т4—С5 находились сгоревшие дотла постройки, остатки которых — две полностью разрушенные кирпичные печи и следы глинобитных полов вокруг них (рис. 26). Печи расположены рядом, что свидетельствует о разновременности их строительства. Представляется, что один из домиков сгорел и на его месте поставили другой. Ориентировка этих построек, судя по прослеживаемому направлению стенок и подов печей, была различной: один из них был ориентирован, как большинство строений в Саркеле-Белой Веже, углами по странам света, а другой — сторонами. Трудно сказать, какая из печей (построек) была более ранней: обломки керамики малочисленны, и по ним можно только судить, что жилища почти син-

хронны — пожары уничтожили оба одно за другим, возможно, на протяжении не более десятилетия.

2.38. В кв. Ф4—У5 рядом с предыдущей постройкой обнаружен развал печи (рис. 26), ориентацию стенок которой проследить не удалось, но рядом с ней, на небольшом участке пола были расчищены обрывки плетенной из камыша циновки, сильно истлевшие, но различимые.

2.39. В кв. Х6—Ф7 на уровне +0,63 м был расчищен участок глинобитного пола (2×2 м) с сильно разрушенной печью, от которой остались глинобитный под и развал кирпичей (рис. 26). С двух ее сторон прослежен слой оплывшей на пол глиняной обмазки, а у южного угла — куча чешуи. Жилище, видимо, было пристроено к крепостной стене.

В кв. Ф5—У6 и отчасти Ф4—У5 находилась открытая на уровне +0,54 м яма глубиной 1 м, облицованная срубом из дубовых плах (рис. 26; рис. 27, *4*). Сруб рублен "в обло", размеры сторон неравные — от 1,25 до 1,85 м. Дерево сохранилось в виде тонкого истлевшего слоя, но между ним и стенками ямы осталось пространство, позволяющее установить толщину плах — 5—14 м. В непосредственной близости от ямы лежали остатки ее квадратной крышки, сбитой из четырех неравной ширины досок. Дно ямы попытались углубить, но это не удалось, вероятно, из-за неожиданно выступившей на дне воды (описанный в предыдущей главе колодец находился всего на 6 м северо-восточнее ямы).

Следует отметить, что сохранность всех описанных жилых комплексов (исключая № 32) практически не дает почти никаких данных о конструкции и размерах не только самих жилищ, но нередко и о печах, по развалам которых можно предполагать, что вокруг каждой из них несомненно существовали и другие слагаемые жилого помещения.

Остановимся еще на двух объектах, открытых на этом участке "караван-сарая". Это большие кирпичные вымостки не вполне ясного назначения.

Первая обнаружена в кв. Р4—П5 и Р5—П6 на уровне +0,40 м, а значит, ее следовало бы отнести к предыдущему периоду. Однако такие крупные вымостки из кирпичей не были характерны ни для саркельцев, ни для ранних славянских поселенцев. Размеры ее 3×3 м, кладка без связующего глиняного раствора (рис. 26; рис. 29, *1*; рис. 30). Использованные в ней кирпичи большого размера — 30×30 см, уложены довольно правильными

рядами. Исследовавшие кладку в поле археологи предположили, что назначение ее — перекрытие громадной ямы, вырытой в материке, забитой грунтом и дополнительно выровненной кирпичной вымосткой для сооружения на ней печи. Вымостка ориентирована углами по странам света. Печь, поставленная в восточном углу, как выяснилось при разборке ее завала, только краем касается кирпичей вымостки. Печь сложена с некоторыми нарушениями принятых стандартов. Под ее, как обычно, выложен четырьмя плотно уложенными и сильно растрескавшимися кирпичами, покрытыми толстым слоем угля и золы, северо-восточная стенка сложена из двух рядов кирпичей, поставленных на ребро, юго-западная стенка состоит, помимо обломков поставленых на ребро кирпичей, в основном из кирпичей, уложенных плашмя в несколько рядов. Особенно отличается от обычных кладок задняя (северо-западная) стенка, сложенная из необработанных камней. Глиняная обмазка этого сооружения сохранилась местами — там, где она сильно обгорела. Остатки верхней части печи не сохранились. Внутри печь была забита прокаленными кусками песчаника и известняка. Вымостка перед устьем печи и частично сама печь сильно осели в засыпь бывшей под ними ямы. Однако другая половина вымостки (юго-западная), под которой ямы не было, сохранилась на уровне строительства этого сооружения +0,4 м: пять рядов ровно и плотно уложенных кирпичей, так же как и на изломанной оседанием в яму части этой общей замощенной площадки. Рядом с печью площадка покрыта тоже довольно плотно пригнанными друг к другу кирпичными обломками.

Таким образом, весьма вероятно, что кирпичом был покрыт пол квадратного в плане помещения, в восточном углу которого была помещена печь. Совершенно очевидно, что эта постройка была закрытым помещением. Возможно, это была полуземлянка, вырытая в культурном слое примерно с уровня +0,8—0,9 м. Конструктивные особенности печи позволяют предположить назначение этой постройки. Печь сложена довольно небрежно, но она часто ремонтировалась и была очень сильно прокалена. Задняя ее стенка, примыкающая к стене постройки, сложена из крупных камней, которые предотвращали перегрев стены и ее возгорание. Наконец, самым существенным отличием этой печи от всех печей Белой Вежи является заполнение внутренней ее части крупными и мелкими камнями. Не исключено, что это обычная банная печь, а вся постройка была баней. Сильный

провал в яму части вымостки, может быть, произошел от большого количества постоянно попадавшей в заполнение ямы воды, способствовавшей оседанию засыпанного в нее грунта.

Если все наши предположения относительно этого сильно разрушенного и не очень внимательно изученного комплекса верны, то следует признать, что это одна из самых уникальных находок русской бани, выстроенной к тому же в Белой Веже — в далекой от метрополии земле примерно в середине XI века.

Вторая большая вымостка находилась в 3 м от первой, в кв. Р6—П7 (рис. 26; рис. 29, *3*). Она более разрушена перекопами, чем предыдущая, — половина кирпичей вынута из вымостки, но некоторые из них, оставленные лежать по краям, дают возможность предположить ее первоначальные весьма значительные размеры — 3×3,2 м. В сохранившейся части кирпичи уложены правильными рядами (10 в каждом ряду). Размеры вымостки и кирпичей (30×30 см), правильная рядность их укладки и даже сильная вогнутость ее в центральной части из-за оседания грунта, заполнявшего большую яму, перекрытую почти половиной вымостки, типологически сближают ее с первой. Вполне вероятно, что она также была полом бани. К сожалению, восточный угол пола или печи, в котором она могла (по аналогии) находиться, полностью уничтожен более поздней ямой.

Что же касается ям под обеими вымостками, то не исключена вероятность их выкапывания в материковом полу полуземлянки и заполнения грунтом специально для поглощения стекавшей в нее "банной" воды. Ямы не были раскопаны, и их конструкция осталась не изученной.

3. Заселение территории северо-восточнее развалин "караван-сарая"

Участок между поперечной стеной цитадели и "караван-сараем" был довольно густо застроен — почти так же, как в саркельское время (Плетнёва, 1996б, с. 110—112, рис. 39). Постройки здесь были ориентированы соответственно направлению стены.

2.40. В кв. И3—34 на уровне +1 м обнаружены остатки наземного квадратного в плане жилища (3×3 м). Пол глинобитный, сильно обожженный, по его периметру прослежены отпечатки и куски сгоревших сосновых бревен (диаметры их 18—19 см). Скрещение бревен на углах свидетельствует о том, что постройка была срубной (рис. 26; рис. 25, *5*). В западном углу была по-

ставлена большая печь: ее под был сложен из шести кирпичей, стенки — как обычно, из кирпичей, поставленных на ребро. Между стенками и подом вдоль боковых сторон оставлены промазанные слоем глины "полосы" (шириной 5—10 см), обожженные и засыпанные золой, что в некоторой степени оберегало стены от перегрева, а дом — от пожара. Устье печи обращено на юго-восток. Справа от устья, на полу стояли два разбитых древнерусских горшка XI века. Пространство перед печью вплоть до стены было, видимо, отгорожено от остальной части жилища: в полу от этой загородки остались ямки от довольно толстых жердей и обломки двух сгоревших досок. В восточном углу пола была вырыта большая хозяйственная яма, диаметрами устья 1,1 м, дна 1,2 м, глубиной 0,9 м. В яму по горловину было засыпано конопляное семя, которое сильно осело, спрессовалось и обгорело в пожаре. В перекрывающей его мусорной засыпи были найдены обломки амфор (8), тмутараканских кувшинов (2), гончарных, судя по составу глиняного теста, очевидно, древнерусских горшков (2), лепных сосудов (3), а также кости животных: овцы (11), птицы (3), рыбы (17). При расчистке печи находок немного, и они маловыразительны: обломки амфор (2), тмутараканских кувшинов (4), лепных сосудов (17), лепная фигурка животного с отбитой головой и точильный камешек.

2.41. В кв. И9—310 на уровне +0,65 м прослежены остатки еще одного наземного жилого комплекса (рис. 26). Он тоже погиб в пожаре, но следов сгоревших стен здесь не обнаружено. Открыты два участка слегка обгоревшего глинобитного пола, вплотную одной стороной примыкающие к кирпичной стене цитадели, а это значит, что с этой стороны стена жилища была кирпичной. Размеры большого участка 1,6×3 м. Это один из размеров пола, совпадающий с размером пола предыдущего жилища. Второй участок пола намного меньше первого, но он важен для восстановления размеров всего жилища, поскольку показывает северный угол постройки, а следовательно, и общую площадь ее — 3,3×3 м. Пол на обоих участках довольно толстый — с двумя или тремя подмазками и прослойками камыша между ними. На обоих участках были выявлены ямки от массивных жердей и столбов. Две жердевые ямки, расположенные напротив друг друга (одна — у кирпичной стены, другая — у юго-западного края пола), явно относились к конструкциям стен. Ямка для наиболее крупного столба диаметром до 0,4 м и такой же глуби-

ны была укреплена дополнительно положенным на ее дно кирпичом и обломками вокруг него. Назначение этого столба, поставленного на расстоянии 0,3—0,6 м от стен и южного угла, не вполне ясно. Возможно, что на нем лежал брус перекрытия, другим концом опиравшийся на полуразобранную уже стену цитадели. В таком случае другой аналогичный столб должен был находиться на том же расстоянии от западного угла постройки. Но пол в этой части был очень сильно перекопан и сохранился фрагментарно. Перекоп разрезал постройку пополам и разрушил весь ее западный угол. Тем удивительнее, что печь, стоявшая в этом перекопе, не полностью разрушена. В отличие от всех остальных раскопанных домов и их фрагментов, в этом жилище ее соорудили на середине длины юго-восточной стороны, видимо, как и в предыдущем жилище, на некотором расстоянии от стены. От печи сохранился прямоугольный глинобитный сильно обгорелый под (0,6×0,8 м), покрытый золой, и остатки двух стенок из кирпичей, поставленных на ребро. Каким образом нижняя часть печи уцелела в перекопе, почти полностью срезавшем пол? Видимо, в результате неоднократных подмазок пола печь оказалась ниже его верхнего уровня и "поисковым зондом" была срезана только ее верхняя половина. Находки при расчистке обоих сохранившихся участков пола немногочисленны: это мелкие обломки амфор (2), тмутараканских кувшинов (13), лепных сосудов неясного происхождения (5), а также два обломка голубых стеклянных браслетов, бусина, каменное пряслице и странный полулинзевидный кирпич диаметром 20 см. Следует добавить, что в мусорном слое ямы, врезавшейся в юго-восточный край пола, находки керамики и даже их количество те же, что и на полу. В ней был найден третий обломок стеклянного голубого браслета, аналогичный найденным на полу, и обломки древнерусских горшков XI века (3).

2.42. В кв. К5—И6 на уровне +0,7 м находились остатки еще одного жилого комплекса: участок глинобитного обгорелого пола, частично покрытого сгоревшим плетнем и двумя плахами (рис. 26). Размеры участка всего 0,6×0,7 м. Вероятно, в восточном углу постройки стояла печь, от которой сохранились несколько кирпичей пода и упавшие кирпичи одной из стенок. На полу у северо-восточной стенки рассыпана куча обгоревшего ячменя.

Рядом с этим жилищем расположены две цилиндрические ямы с устьями на уровне +0,8—0,85 м. Очевидно, обе они относились к тому же периоду, но не были расчищены и исследованы.

Объектом, который мы можем стратиграфически связывать со слоем первой половины или середины XI века, является хозяйственная яма в кв. И7—З8 (рис. 26). Аккуратно обрамленное обломками кирпичей устье ямы находилось на уровне +1 м. Яма цилиндрическая, диаметром 1 м, глубиной 0,95 м. Стенки ямы выложены рядами половинок или обломков кирпичей на глиняном растворе. Дно обмазано слоем глины. Заполнение ямы в верхней части — серая комковатая земля, а на глубине 0,3 м — золистая рыхлая. Находок в заполнении мало: два альчика (один с нарезным орнаментом), пять кусочков янтаря, обломки бронзовых и железных предметов и черного стеклянного браслета.

По-видимому, к этому же периоду следует отнести и развалины двух тандыров, расположенных поблизости от наиболее сохранившихся жилых построек (рис. 26). Первый из них был обнаружен в кв. З4—Ж5 на уровне +0,7 м. Он располагался на разобранной или разрушенной в то время до этого уровня стене цитадели. Этот конкретный факт свидетельствует о громадных тотальных разрушениях не только кирпичных построек внутри крепости, но и фундаментальных оборонных стен, в данном случае стены главной части крепости — цитадели. От тандыра остались только обожженные докрасна обломки: часть венчика (диаметр 0,25—0,30 м) и примыкающих к нему стенок.

Второй тандыр в кв. И8—З9 находился в неглубокой овальной яме, примыкавшей к стене цитадели, как и расположенное рядом с ней жилище. От тандыра сохранилась горловина (диаметром 0,2 м) и крупные куски тулова, часть которых превратилась в пятна прокаленной крошки.

Разрушенная стена цитадели позволяет нам считать небольшой участок, расположенный на северо-восточной ее стороне (входивший фактически в территорию цитадели), единым с участком, примыкавшим к бывшему двору "караван-сарая". На нем обнаружены остатки трех жилищ и нескольких печей, относившихся к рассматриваемому в данной главе периоду.

2.43. В кв. Ж8—Е9 на уровне +0,66 м были расчищены остатки квадратного жилища размером 3,5×3,6 м, ориентированного углами по странам света (рис. 26; рис. 27, *2*). Пол глинобитный обожженный, частично срезан поздними ямами. В южном углу и вдоль юго-восточной стороны прослежены ямки от столбов, а между ними — головни массивных тополевых плах с заостренными концами, по-видимому, вставлявшихся в продольные пазы

столбов. С юго-западной и северо-западной сторон пола сохранились куски аналогичных тополевых плах. Стены снаружи были обмазаны глиной, обожженные обломки которой разбросаны вне жилища, вдоль стен.

На полу были обнаружены обгорелые плахи шириной 25—38 см, а также сбитое из двух досок прямоугольное "изделие" (1,05×0,7 м) со следами умелой и тщательной обработки. В восточном углу пола находилась неглубокая хозяйственная яма, а рядом с ней — куча сгоревшей пшеницы. Печь была помещена в северный угол, но она полностью разрушена перекопом — от нее остались только разбросанные по обожженному поду несколько кирпичей.

Находки на полу жилища: обломки амфор (15), тмутараканских кувшинов (6), лепных сосудов (12), пифоса, а также кусочки янтаря и обломки черного и светло-коричневого стеклянных браслетов.

2.44. Непосредственно под сгоревшим развалом дома № 43 был открыт на уровнях +0,57 м и +0,63 м сильно обгорелый глинобитный пол также погибшего в пожаре жилища (рис. 26; рис. 27, *3*). Стенки его были сплетены из куги (камыша), обмазанного с обеих сторон глиной. Обмазка обожжена и сдвинута к юго-западной стенке в виде завала глины с четкими отпечатками куги. На полу у юго-восточной стенки обнаружена куча сгоревшей пшеницы, находившейся, видимо, в корзине, от которой сохранились вокруг пшеницы сгоревшие, местами переплетенные прутики. Значительный слой сгоревшей пшеницы покрывал дно расположенной рядом ямы, которая была засыпана сверху мусорным грунтом и перекрыта полом жилища № 43. Печь была поставлена в северном углу, который был срезан поздней ямой. От печи остались разбросанные по краю ямы обломки кирпичей, покрытые обожженной обмазкой.

Находки, обнаруженные на полу: глиняная лепешка-амулет, грузило, игральная кость, два бронзовых бубенчика, белая с черным бусина, обломки амфор (2), кувшинов (5), хазарских горшков (12), лепных сосудов (3), а также кости животных: овцы, кабана, оленя, сайги, рыбы. У северо-западного края пола были расчищены остатки сгоревших полынного веника и обрывка бересты.

2.45. В кв. Е2—Д3, у поперечной стены цитадели был открыт участок глинобитного обожженного пола размером 1×1,5 м, на уровне +0,92 м (рис. 26). На нем (почти в центре) находился квадратный очажок с прокаленным подом и стенками из трех

кирпичей (размером 25×25 см). Четвертый кирпич отсутствовал, а зола из очажка выгреблена (для этого и убрали кирпич). Вероятно, это начатое дело не было закончено из-за неожиданно вспыхнувшего пожара.

К этому же периоду относятся остатки печи в кв. Е7—Д8, обнаруженные на уровне +0,6 м (рис. 26). Под ее выложен кирпичом, стенки из кирпичей, поставленных на ребро. Размер кирпичей тот же, что и в очажке жилища № 45. Очевидно, их брали из рядом находившихся зданий, выстроенных под руководством византийцев.

В кв. Ж8—Е9 на уровне +0,77 м сохранилось пятно из прокаленных глиняных расплывшихся кусков обмазки (рис. 26). Никаких иных конструктивных деталей не выявлено, но можно предполагать, судя по прокаленности стенок, что это обломки развалившегося тандыра. Вокруг пятна расчищен небольшой участок глинобитного пола с ямкой от столба у развала предполагаемого тандыра. При расчистке этого комплекса были обнаружены обломки амфор (12), тмутараканских кувшинов (68), хазарских горшков (8), лепных сосудов (32), пифоса, лощеного сосуда, ангобированного кувшина (по одному обломку), а также железный стержень, костяная пластина, обломок жернова из ракушечника, кости животных: овец (11), быка (5), свиньи (5), кабана (2), лошади (3), оленя (2), сайги (2), собаки, зайца, птицы.

В кв. Е9—Д10 на уровне +0,92 м расчищены пятно обожженного пода (размер 1×0,8 м), покрытого золой, и несколько кирпичей, поставленных на ребро по периметру пода (рис. 26). При расчистке остатков этой печи найдены обломки амфор X—XI веков (2), тмутараканских кувшинов (1), лепных сосудов (11), обломок сосуда с зеленой поливой, целый хазарский горшочек и зеленая бусина, а также кости животных: овец (11), быка (2), оленя, свиньи, бобра, барсука, сайги.

Следы еще одной печи (часть прокаленного пода) сохранились в кв. З12—Ж13 на уровне +0,55 м (рис. 26). Состав находок, обнаруженных рядом с пятном: лепной светильник, глиняное пряслице, два обломка стеклянных браслетов, половинка трубчатой кости со сквозными отверстиями.

В кв. Ж10—Е11 на уровне +0,9 м выявлен хорошо сохранившийся очажок (рис. 26), сложенный из пяти кирпичей. Размеры его 0,33×0,36 м. Внутри заполнен золой. Остатков пола не обнаружено.

4. Северо-западный участок Белой Вежи

В отличие от предыдущих участков, северо-западный район был заселен весьма неровно. Так, в западном углу крепости удалось исследовать более или менее сохранившиеся остатки только одного жилища, относившегося, судя по ряду признаков, к концу второго периода жизни Белой Вежи.

2.46. В кв. К4—Л5 была расчищена нижняя часть котлована полуземлянки, углубленная в материк всего на 10—15 см. Это позволило предположить полуземляночный характер жилища, верх котлована которого находился на уровне не менее +0,7 м (рис. 31, *А*; рис. 32, *1*). Пол в нем глинобитный, утрамбованный, но неровный из-за ранних ям, недостаточно плотно засыпанных при сооружении жилища. Остатки развала стен сохранились только в южном углу. Они были досчатые, с обеих сторон обмазанные глиной. Размеры постройки 3,45—3,5 м, определяются не только квадратом пола, но и ямками от довольно толстых столбов на его углах и на середине всех четырех стен. Столбы держали конструкции стен и кровли, вероятно, четырехскатной.

Северный угол полуземлянки примерно на 0,5 м перекрывал заполнение подкопа и остатки позднего саркельского жилища (развал печи). Несмотря на рыхлость дна котлована в этом месте, строители нового жилища именно здесь поместили печь. Очевидно, они, начиная копать котлован, уже не помнили расположение подкопа, но, видимо, заложенный кирпичом проезд над подкопом был хорошо виден и можно было предполагать, что в проезде грунт был особенно крепким и устойчивым для сооружения рядом с ним массивной печи.

Печь замечательна прежде всего тем, что сохранилась почти полностью (рис. 32, *2—5*). Для большей устойчивости этой сложной и тяжелой конструкции ее поставили на специальную, вкопанную в пол глинобитную "подушку". Она, вероятно, стала необходимой, когда при окончании подчистки дна и стен котлована выявилась рыхлость перекопанного материка в северном углу. По линии предполагаемого внутреннего овального пространства печи в "подушку" было глубоко вбито 15 крепких кольев, расположенных примерно на равном расстоянии друг от друга с наклоном примерно в 20 градусов. Это был каркас будущей овально-конусовидной печи. С внешней стороны колья подпирались камнями и обломками кирпичей, скрепленных раствором глины. На

этой основе, опираясь на жердевой каркас, были возведены из чередующихся слоев глины и обломков кирпичей стены, с внутренней и внешней сторон обмазанные толстым слоем глины. Под печи также покрыт слоем глины. Перед обмазкой под был выложен обломками керамики (в основном тмутараканских кувшинов). Этот прием дополнительного укрепления пода нередко использовался славянами — роменцами и позже — в древнерусское время (Каргер, 1950, с. 11, 19, рис. 7).

Подробный анализ этой печи и процесса ее сооружения описан В. Д. Белецким (1959, с. 92—94). Он упустил только начальную стадию строительства — укладку твердой "подушки" под основание печи. Эта подковообразная в плане куполообразная печь отличалась довольно значительными размерами: 1,3×1,17 м в плане, 0,67 м высотой. В. Д. Белецкий считает ее обычной печью для приготовления пищи с круглым отверстием в куполе для выхода дыма.

Выше уже говорилось, что печь неплохо сохранилась: обвалилась только часть стенки над устьем. Сохранность глиняных стен в течение почти тысячелетия казалась бы невероятной, если бы не прокаленность всей конструкции, в которой местами попадались даже ошлакованные участки. Однако не только прокал стен был причиной "устойчивости" этой печи. Существенно было то, что помещена она была в полуземлянку, глубина которой, видимо, немного превышала ее высоту. После сильного пожара оставшийся котлован с уцелевшей от разрушения печью был полностью засыпан и утрамбован грунтом. Печь оказалась законсервированной в нем и простояла до нашего времени почти в рабочем состоянии.

При зачистке пола полуземлянки были обнаружены обломки тмутараканских кувшинов (9), амфоры, лощеных сосудов (3), мелкие обломки лепных горшков, железные ключ и нож, а в заполнении — обломки тмутараканских кувшинов (20), хазарских кухонных горшков (11), лощеных (3) и лепных (5) сосудов, шиферное пряслице, а также кости быка, овцы, свиньи, цапли. Вещевой материал не дает возможности уверенно отнести это жилище к определенному времени, поэтому В. Д. Белецкий датировал его весьма широко — от X до XII века.

При датировке в данном случае следует учитывать и различные выявленные при исследовании жилища факты, а именно: преобладание тмутараканских кувшинов и отсутствие амфор,

находки ключа и шиферного пряслица, крупные размеры печи с особенностями, типичными для древнерусских печей, и, главное, уровень, с которого начали копать котлован жилища. Весь этот комплекс позволяет отнести эту постройку к древнерусскому времени, но не позже середины XI века.

Поблизости от жилища № 46, вдоль юго-западной стены все боршевские жилища были уничтожены пожаром (кв. З5—И6, И6—З7, Ж7—З8). Это слабые следы трех сгоревших жилищ в виде небольших участков обожженных полов с прокаленными подами печей на уровнях от +0,69 до +0,96 м (рис. 31, *А*). Два из них были пристроены к юго-западной стене. Интерес представляет слегка изогнутая линия ямок от столбиков, окаймлявшая все три постройки с востока. По-видимому, это был довольно крепкий забор, окружавший "гнездо" жилищ.

Представляется вероятным, что причиной как бы специального разравнивания этого участка жилого комплекса является возникновение и разрастание в тот период большого кладбища вдоль внешней стороны юго-западной стены — на бывшей берме (Артамонова, 1963, с. 175—207). Ко времени появления здесь первых могил берма и частично ров были уже засыпаны мусорным — бытовым и строительным — глинистым слоем, толщина которого достигала тогда примерно 1 м. Позднее толщина выбросов увеличилась вдвое и, расширяясь, постепенно полностью заполнила ров, окружавший крепость. Очевидно, этот значительный участок вдоль юго-западной и северо-западной стен в течение второй четверти XI века почти не был заселен. Исключением была только полуземлянка № 46, возможно, связанная с кладбищем. Ее обитатели могли участвовать в похоронных церемониях или просто были сторожами при кладбище.

Жизнь на северо-западной стороне не прерывалась только в районе Главных ворот (рис. 31, *Б*), которые к тому времени, как говорилось в предыдущей главе, уже несколько десятилетий не функционировали. Вероятно, в крепость с этой стороны въезжали через один из проломов в стене, аналогичного пролому над подкопом, оборудованного и укрепленного в виде обычного хорошо защищенного проезда.

Сохранность построек и на этом участке, как правило, не позволяет восстановить облик разрушенных построек. Выявляются обычно только отдельные конструктивные их особенности.

2.47. В кв. В5—Б6 и Б5—А6 на уровне примерно +0,5—0,55 м

обнаружены остатки пола и частично стен наземного жилища, ориентированного углами по странам света (рис. 31, *Б*). Северо-восточная его стенка, вероятно, во время пожара сильно вогнулась внутрь помещения так, что ямки от сгоревших жердей турлучных стен оказались с внешней стороны пола, хотя сгоревший, обмазанный глиной плетень упал внутрь помещения. Этот завал перекрыт двумя кусками обуглившихся широких досок, видимо, от рухнувшей крыши. Пол сохранился на большей части сгоревшего помещения — он глинобитный со следами двойной подмазки. Вдоль его юго-западного края прослежено 11 ямок от жердей турлучной стены. Юго-западная стена определяется только хорошо выявленным слегка закругленным южным углом. Западный угол срезан более поздней ямой, очевидно, разрушившей печь, обломки кирпичей которой разбросаны по полу. Жилище квадратное, размеры его 3,2×3,2 м. При расчистке помещения найдены обломки тмутараканских кувшинов, хазарских горшков, больших сероглиняных сосудов, возможно, разбитых пифосов, несколько обломков боршевских горшков, обломок амфоры с воротничком XI века, бронзовый круглый в сечении браслет с несомкнутыми концами и точильный камешек.

2.48. В кв. В6—Б7 и Б6—А7, рядом с предыдущим жилищем (почти стенка к стенке), к северо-западу от него находилось еще одно жилище с плотным глинобитным полом, уровень которого совпадал с первым (рис. 31, *Б*). Общие очертания пола дают представление о примерных размерах и плане этого помещения. Ширина его от западного до южного угла 4 м. Видимо, такой же была и длина, но уверенно судить об этом трудно, поскольку северо-восточная сторона искривлена перекопом. Постройка также была турлучной и наземной: ямки от жердей прослежены вдоль северо-западной стороны пола. Печь находилась, вероятно, в восточном углу пола и полностью уничтожена перекопом. От нее остались несколько кирпичных обломков и пятно золы в восточной части пола (возможно, остатки предпечья). Обломков посуды на полу обнаружено немного, состав их тот же, что и в предыдущей постройке.

2.49. Далее к юго-востоку, в том же ряду — в кв. Б7—А8 (рис. 31, *Б*) на уровне +0,2 м прослежен слой плотного глинобитного ярко-желтого пола, округлого в плане (рис. 33, *1*). По его периметру стояли семь крупных столбов, диаметры ямок от которых 25—30 см. На северо-западной стороне такие столбы вкопа-

ны попарно и между двумя парами врыт небольшой столбик диаметром 10 см. Столбов не было только на юго-восточной стороне этой постройки. С северо-востока между двумя столбами четко выявляется широкая полоса обожженной глины, очевидно, обмазки деревянных стен помещения. В северо-восточной части пола в небольшом углублении было обнаружено дно деревянного сосуда, а в северной части также в углублении расчищен развал кирпичей и обломков, возможно, от печи, конструкция которой по сохранившимся остаткам невосстановима. Форма постройки и конструкция стен позволяют считать это сооружение характерной для оседающих кочевников стационарной деревянной круглой или шестиугольной юртой. Пока это единственное на средневековых памятниках южнорусских степей юртообразное деревянное жилище, свидетельствующее о древности этого типа сооружений у степных народов.

Несмотря на вероятную принадлежность этой постройки степняку, на всем северо-западном участке крепости не было обнаружено ни одного кочевнического очажка, хотя в слое обломки печенего-гузской керамики присутствуют в том же соотношении к остальным типам посуды, что и на остальных раскопанных территориях (кроме цитадели, где ее процент больше).

Заключая раздел об этих трех жилищах, существенно отметить, что два первых полностью перекрывают разобранные до основания стены северо-восточной караульни — они не выявлены на рельефе пола жилищ. Совершенно стерто с поверхности и жилище "боршевского" времени, от которого осталась только часть печи, описанной во второй главе. Очевидно, что все три жилища были поставлены на прекрасно очищенную от "мусора" площадку. Этим можно объяснить странное несоответствие уровней полов этих построек с остальными остатками построек, которые относятся к промежуточному довольно короткому периоду между освоением разрушенной крепости в первый период и началом возрождения города.

Рассмотренный комплекс трех жилищ ориентирован по оси СЗ—ЮВ. Среднее из них (№ 48) связано с двумя постройками, создавая вместе с ними линию, перпендикулярную первой, т. е. направленную по оси СВ—ЮЗ (рис. 31, *Б*).

2.50. В кв. Г6—В7 и В6—Б7, всего в 1,2 м от жилища № 48 расположено первое жилище этой новой линии застройки, хотя уровни их полов отличаются весьма заметно: пол жилища № 50 перекрывал кирпичный круглый пол юрты предыдущего перио-

да и развал какого-то жилого помещения (рис. 33, *2*). Это позволяет определить уровень данной постройки примерно +0,5—0,6 м. Остатки ее сохранились сравнительно неплохо. Обломки сгоревших досок с юго-восточной стороны достаточно четко определяют направление стен и ширину постройки. О северо-западной стене можно уверенно говорить благодаря хорошо выявленной полосе глинобитной стены со следами сгоревших досок и нескольким жердевым ямкам. Северо-восточная стена рассыпалась, но три жердевые ямки и одна ямка от массивного столба позволяют проследить стену на всю ее длину. Более всего разрушенным оказался западный угол постройки, но дошедшие до нас данные позволяют установить размеры жилища — 3,8×2,9 м. Пол неровный, обожженный глинобитный, по нему разбросаны куски обожженных плах и угли, обмазка стен также местами обожжена докрасна, а облицовка рассыпалась золой и мелкими углями. Печь находилась в южном углу постройки, от нее остались несколько кирпичей пода и поставленные на ребро кирпичи нижней части стенок, в основном упавшие и разбитые. Печь квадратная, размеры ее 0,75×0,75 м. Как и весь южный угол, она "осела" в раннюю яму. Тем не менее именно в этом углу было обнаружено скопление посуды, из-за сильного пожара частично превратившейся в труху. Это три, по-видимому, боршевских горшка, один из которых заполнен крупнозернистой пшеницей, в другом хранились семена льна. Там же находились тмутараканский кувшин и небольшой боршевский горшочек. В центральной части пола стояло плоское овальное корытце размером 0,52×0,37 м. Вокруг него прослежены следы сгоревшего льняного масла от рассыпанного льняного семени, а рядом лежала на полу доска с обработанными краями и на ней — скелет рыбы. У северо-восточной стенки был брошен обгорелый деревянный ковш с остатками ручки.

Преобладающими находками при расчистке пола жилища были обломки боршевских горшков, хотя вместе с ними попадались и обломки хазарских сосудов. Кроме того, среди керамического лома были обнаружены обломок византийского белоглиняного блюда с зеленой поливой X века, темно-зеленая бусина из непрозрачного стекла и железный массивный крюк.

Совершенно очевидно, что жилище погибло в неожиданном и сильном пожаре, при котором жители не смогли даже вынести часть вещей из пылавшего дома.

2.50а. В кв. В7—Б8 юго-восточнее предыдущего комплекса обна-

ружены развал печи, часть пола и след от сгоревших южной и частично восточной стен. Жилище это тоже погибло в пожаре, и на его месте, судя по чертежу, было поставлено жилище № 50 (рис. 31, *Б*). Хронологический разрыв между ними незначителен. Хозяева сгоревшего дома, видимо, сразу же поставили второй. Керамический состав обоих комплексов идентичен: в более раннем не было только обломка византийского блюда, но зато были обломки амфор X века.

Следует отметить, что направление сохранившегося следа южной стены позволяет предполагать ориентировку всего дома сторонами по странам света.

2.51. В кв. Д6—Г7 обнаружены остатки еще одного жилища этого ряда. Оно располагалось над юго-западной караульней, стены которой были уже разобраны и разровнены так же, как и дом боршевского времени, принадлежавший саркельцу. Эти наблюдения в совокупности с уровнем (+0,8—1 м), на котором находились остатки данного жилища, свидетельствуют о том, что оно относилось ко второму периоду жизни Белой Вежи. Пожары и последующее активное строительство почти уничтожили остатки и этой постройки. От нее до нас дошли только участки пола в западном и восточном углах, однако они позволили установить, что жилище было наземным, с плотным глинобитным полом и, видимо, турлучными стенами, от которых остались в полу ямки от столбиков диаметрами 7—10 см и местами следы золы и угольков по периметру западного угла пола (рис. 31, *Б*). В восточном углу зафиксированы обломки досок сгоревшей крыши и сохранившиеся от постоянных перекопов куски обожженной глины — внешней обмазки стены или кровли. Размеры постройки 4,5×3,3 м. Печь, находившаяся, очевидно, в одном из срезанных углов, отсутствует. На полу был обнаружен весьма разнообразный набор керамики: обломки тмутараканских кувшинов, боршевских горшков, древнерусских горшков, амфор XI века (с воротничками), обломки двух светильников — плошек с носиками, лощеного сосуда. Кроме керамики там найдены медная ручка от сосуда, каменный пест, глиняное бочковидное грузило, железные скоба и стержень, обломки стеклянных круглых темно-красных браслетов.

Заключая данную главу, следует особенно отметить, что весь период первой половины XI века отличался на всей территории бывшей крепости постоянными пожарами, уничтожавшими только что отстроенные жилища. При этом хозяева сгоревших домов, не желая

менять месторасположение своего дома, ставили новое жилище на немного разровненном пепелище старого. Результатом частых связанных с пожарами перестроек было полное разрушение сгоревших домов. Вновь поставленные дома тоже погибали в пожарах, и их разравнивали, уничтожая, строители второй половины XI века.

Однако, несмотря на очень плохую сохранность подавляющего большинства остатков построек, открытых на городище в слое первой половины XI века, можно, рассмотрев все развалы в совокупности, выявить некоторые детали строительных приемов и восстановить общий облик домиков. Это были однокомнатные наземные строения, размеры которых не превышали 16 кв.м. Пол в них всегда покрывался плотной глиняной обмазкой, нередко прослоенной камышовыми прокладками. Стены преимущественно были турлучные, кровля сооружалась из камыша на жердевом каркасе и обмазывалась глиной. Она опиралась, если была четырехскатной, на угловые столбы, а если двускатной — на конек, который лежал на срединных столбах. Наряду с турлучными строениями сооружались дома со стенами из досок и массивных плах, закреплявшихся угловыми и срединными столбами, а в случаях отсутствия последних крепились вбитыми в пол вдоль стен жердями (табл. 3 приложения 1). И плетневые — турлучные, и досчатые стены с внутренней и внешней сторон тщательно промазывались глиняным раствором.

Более солидными постройками были, конечно, срубные дома, но они, несмотря на превосходные качества, не получили распространения в Белой Веже. Причина этого, вероятно, заключается в несоответствии между значительными затратами времени и труда на постройку такого дома и легкостью его уничтожения: в пожарах срубы сгорали так же, как и другие более простые постройки.

Таким образом, абсолютное преобладание наземного строительства является существенным отличием этого периода от предыдущего, в котором господствующей формой оставались полуземляночные жилища. Вторым важным нововведением явилась почти повсеместная замена печей-каменок печами, сложенными из кирпичей: с квадратным подом из четырех или девяти кирпичей, уложенных на глиняную подстилку, и со стенами в нижней части из поставленных на ребро кирпичей, промазанных глиной, из которой сооружался свод печи. Появились и первые печи со стенами из кирпичей, уложенных плашмя несколькими рядами на глиняном растворе.

Третье отличие рассматриваемого периода — появление в цитадели кирпичных очажков (табл. 3 приложения 1), причем они сложены, как правило, не из четырех, а из пяти кирпичей. Ставили их внутри жилищ рядом с печью или чаще в центре пола, как обычные тарелкообразные открытые очаги в полуземлянках хазарского времени по всей территории каганата. В таких случаях они имели значение обычных отопительных устройств. Однако встречались и очажки, поставленные вне помещений (кв. Т12—С13, У18—Т19, Н23—М24). Все они активно использовались, о чем свидетельствует заваленность их золой и углями и разбросом вокруг обломков посуды и костей животных. Плохая сохранность жилищ, особенно легких, возможно, юртообразных, не позволяет восстановить связь этих очажков с конкретными комплексами — вхождение их в определенные хозяйственные системы ("дворы").

Безусловно, во "дворы" или усадьбы входили хозяйственные ямы и кирпичные вымостки. Последние выкладывались в тот период обычно на глиняных толстых подмазках, своеобразных "подушках", абсолютно не использовавшихся в более позднее время. Все они, как и остатки домов, сильно разрушены, поэтому восстановить их размеры и понять назначение невозможно. Видимо, это были в основном открытые площадки — замощение части территории двора. Одна из них была даже двуслойной, очевидно, ремонтировалась. Нижняя вымостка состояла из беспорядочно набросанных на "подушку" кирпичей, а на верхней подмазке кирпичи лежали правильными рядами, хотя количество их in situ минимально, и уверенно судить об их расположении на площадке нельзя.

Приходится сожалеть, что хозяйственные ямы, прорезавшие культурный слой и материк, почти не исследовались. Даже на наиболее тщательно изучавшемся раскопе в цитадели удалось вскрыть всего три ямы, явно связанные с остатками стоявших рядом с ними жилищ или легких хозяйственных построек (навесов). В развале одного из таких навесов были обнаружены обрывки сгоревшего невода, сплетенного из витой веревки, и медная позолоченная монета Василия II и Константина VIII (976—1025), позволяющая датировать комплекс и слой в целом.

Как мы видим (табл. 3 приложения 1), во второй период особенно плотно была заселена цитадель. Именно там удалось впервые заметить некоторые тенденции планировки застройки территории. Прежде всего отметим, что все дома были ориентированы углами по странам света в соответствии с ориентировкой крепост-

ных стен, служивших, несмотря на частичное разрушение, единственным оборонным рубежом этого активно застраивавшегося поселения. Соблюдалась даже некоторая "рядность" в расположении жилищ по двум линиям: СЗ—ЮВ и СВ—ЮЗ. Однако эти "ряды" не были улицами, поскольку четкого проезда между домами в обоих направлениях не прослеживается (рис. 21). Это были как бы отдельные группы или "гнезда" домов, только начинающие комплектоваться не "кучно", а "линейно".

Заметно отличается от этой планировки распространение построек во дворе бывшего "караван-сарая" (рис. 26). Правда, сохранность строений здесь несравненно хуже, многие из них даже не фиксировались на чертежах. Упоминания или предельно краткие описания в отчетах и дневниках следов некоторых построек не учитывались в данной работе, так как по ним невозможно определить характер и назначение строения. Судя по более или менее сохранившимся остаткам и следам построек, есть основания говорить о преобладании и на этой территории наземных жилищ, буквально сметенных с лица земли пожарами. Как правило, от них оставались только развалы печей (в основном прокаленные поды и разбросанные кирпичи). Наиболее интересной находкой на участке являются остатки, вероятно, полуземляночного сооружения, которое могло быть парной баней с ровным, уложенным кирпичами полом и печью, заполненной прокаленными растрескавшимися камнями. Баня первой половины XI века, открытая в формирующемся древнерусском городке, затерянном в кочевых степях, кажется почти невероятным явлением. Аналогии ей пока неизвестны на Руси. Однако подробное описание и попытка объяснения назначения этой постройки, очевидно, необходимы для дальнейших поисков на памятниках с лучше сохранившимися сооружениями такого типа. Вполне возможно, что в подобной полуземляночной "мовнице" приказала княгиня Ольга сжечь древлянских послов в 945 году (ПСРЛ, т. 2, с. 45).

Существенным отличием застройки территории "двора" и прилегающих к нему с северо-востока площадей является полное отсутствие на ней характерных кочевнических очажков, широко распространенных в тот период в цитадели. Рядом с домами вместо очажков здесь ставили тандыры. Следует подчеркнуть также, что появилось нововведение — облицовка некоторых ям кирпичами или массивными, уложенными "в обло" плахами.

Что касается общей планировки исследуемого участка, то не-

полная фиксация в поле не позволяет уверенно судить о появлении здесь какой-либо "рядности". Хотя можно отметить зависимость расположения построек преимущественно вдоль крепостных стен и их остатков, еще видимых на поверхности (рис. 26). Это еще не была "рядность", а было стремление к упорядочению занимаемой территории.

Северо-западный край крепости был слабо заселен (рис. 31, *А*). Разрушения и запустение особенно заметны в западном углу крепости. Фактически там удалось исследовать только одну полуземлянку (№ 46), опущенную до материка с верхнего уровня слоя второго периода жизни в Белой Вежи. Но и она была недолговечна — ее тщательно засыпали в самом начале следующего, наиболее развитого периода этого растущего городка.

У бывших Главных ворот в это время заселение, как и в предыдущий период, не было плотным (рис. 31, *Б*). Наиболее раннее жилище, по обнаруженным в нем находкам, было поставлено не позже конца X — первого десятилетия XI века, т.е. в годы перехода от первого ко второму периоду. Остальные четыре жилища построены на разровненных развалинах привратных караулен. Сохранность их также очень плохая, только одно из них представляет интерес, поскольку круглая в плане форма пола, массивные столбы по его периметру, очажок в центральной части позволяют предполагать, что это была стационарная юрта с деревянными стенами. Такие постройки и до сих пор попадаются на постоянных стойбищах в холодных областях Сибири и Средней Азии. В восточноевропейских степях эпохи средневековья они неизвестны, что придает особую значимость беловежской деревянной круглой постройке первой половины XI века.

Если в домостроительстве сравнительно с первым периодом произошли кардинальные изменения, то керамический комплекс в жилищах изменился не столь заметно (табл. 1 и 3 приложения 1).

Наибольшее количество данных было получено в цитадели, поскольку материалы с этого участка были учтены и исследованы намного лучше, тщательнее и полнее, чем на остальных раскопанных площадях крепости. Преобладающая группа керамических обломков во второй период представлена тарной посудой — тмутараканскими кувшинами (около 200 обломков) и амфорами (около 150 обломков). Большинство определяемых обломков принадлежит амфорам X века, и на них изредка встречаются граффити. Обломков лепной посуды почти так же много, как и тар-

ных кувшинов, причем в этой группе уменьшается количество обломков лепных хазаро-болгарских горшков и боршевских сосудов и увеличивается количество кочевнической керамики, украшенной богатым орнаментом. Вдвое уменьшилось количество обломков хазарской круговой керамики (горшков) и особенно лощеной посуды, хотя кухонные горшки использовались довольно широко (в жилищах обнаружено более 40 обломков, а в слое — более 500), что позволяет предполагать не только использование, но и производство их в Белой Веже.

В целом керамический материал можно отнести ко времени не позже конца X — первой половины XI века. Не исключено, что отдельные находки так называемых амфор с воротничками, широко распространившиеся в XI веке, попадали в эти комплексы в перекопах, связанных со строительством, развернувшимся в городе в следующий период.

Помимо цитадели находки керамических обломков учитывались и на других участках, но из-за плохой сохранности остатков жилищ не всегда удавалось связать их с обломками посуды. Так, во дворе "караван-сарая" только в двух остатках жилищ зафиксирована керамика, относящаяся к данным жилым комплексам. В одном из них (№ 32) были обнаружены обломки обычных тмутараканских кувшинов и вместе с ними значительное количество (более 60 обломков) разбитых горшков, по составу глиняного теста, обжигу, форме ручки и линейному орнаменту на плечиках абсолютно идентичных кувшинам (Плетнёва, 1959, с. 251, рис. 35). Эти общие черты не всегда позволяют отличить обломки горшков и кувшинов в других развалах жилищ. В остатках второго жилого комплекса (№ 35) в предпечной яме были обнаружены два почти целых тмутараканских кувшина, а также обломки боршевских горшков и хазарских гончарных и лепных сосудов.

В жилищах, раскопанных северо-восточнее двора "караван-сарая", обломки керамики были найдены на полах четырех жилищ (табл. 3 приложения 1). Здесь превалирующим керамическим ломом были обломки тарной посуды — тмутараканских кувшинов и амфор. Помимо них в одном из жилищ обнаружены обломки хазарских горшков, а в двух других — древнерусские разбитые горшки XI века. Значительное количество обломков керамики было собрано вокруг разбитого тандыра в кв. Ж8—Е9. Кроме обломков тарной посуды там были разбросаны обломки хазарских горшков и масса лепных сосудов.

На северо-западном участке крепости некоторое своеобразие керамического комплекса заключается прежде всего в сравнительно небольшом количестве обломков тарной посуды, причем амфоры относятся к типу ранних с воротничком и датируются не позже середины XI века. Вместе с ними в развалах жилищ попадаются обломки хазарских горшков и боршевских сосудов.

Столь же массовым материалом, как и керамические обломки, являются кости животных — целые и в обломках (табл. 3 приложения 1). К сожалению, находки костей фиксировались не всегда, а определялись и подсчитывались довольно редко. Особенно это касается костей, собранных при расчистке жилищ. Только в цитадели кости из жилищ были типологически определены, а в ряде случаев даже подсчитаны, что дает основание говорить о преобладании в составе стада овец, коров и лошадей. Отметим, что подсчеты костей этих видов животных в ряде жилищ подтверждают преобладание именно этих трех видов: овец — 148 обломков, коров — 140, лошадей — 22. Остальные виды домашнего скота (свиней, коз), а также промысловых животных (оленя, сайги, кабана, птиц) — редкая находка в развалах жилых комплексов. Исключение составляют остатки рыб: чешуя, отдельные кости и иногда целые скелеты.

Другие категории массового материала, прекрасно известные благодаря сотням находок в культурном слое Белой Вежи, в частности обломки стеклянных браслетов, шиферные и иные пряслица, светильники и их обломки и пр., представлены в жилищах единичными экземплярами (табл. 4 приложения 1). Как правило, они не могут быть надежным датирующим материалом, но в отдельных случаях служат как бы "вспомогательным корпусом" при определении даты комплекса, устанавливаемой по керамическим обломкам и уровню залегания пола жилища.

Сравнивая вещевой комплекс этого периода с комплексом предшествовавшего времени, следует отметить, что ассортимент вещей и их количество заметно увеличились во второй период, изменился и состав находок (табл. 4 приложения 1). Исчезли из употребления глиняные лепешки-амулеты, характерные для жилищ группы уцелевших саркельцев, поселившихся после разгрома Саркела в районе Главных ворот, и появилось довольно много мелких бронзовых вещичек, связанных с одеждой и украшениями явно местного производства. Однако находок так немного, что судить только по ним о развитии на развалинах крепости поселения городского типа мы не можем.

Факты начавшегося процесса роста дают другие материалы. Во-первых, увеличилось (особенно в цитадели и на северо-восточном участке от двора "караван-сарая") количество жилищ; во-вторых, в их расположении относительно друг друга выявлено возникновение некоторой "рядности"; в-третьих, полуземлянки почти полностью заменены наземными домиками с разным типом стен и отопительных устройств; в-четвертых, заметно увеличилось количество обломков тарной посуды, среди которой встречались и целые сосуды; в-пятых, в конце периода (в наиболее поздних постройках) начинают попадаться древнерусские горшки (табл. 3 приложения 1).

Весьма вероятно, что наземные постройки появились здесь под влиянием таманского и крымского строительства, где оно стало повсеместным примерно с IX века (Баранов, 1990, с. 47—53). Правда, там стены домов возводились из камня или были глинобитными, но на каменных цоколях. Печи в таких постройках еще с античности сооружались из плитняка. Конструктивно беловежские печи, сложенные из плоских кирпичей, типологически были близки им.

Заимствование основных строительных приемов при сооружении жилищ и печей наряду с большим количеством привозной тарной посуды свидетельствует о налаживании активных связей Белой Вежи с западными городами и землями бывшего Хазарского каганата (Таматархой, Корчевом, Херсоном и другими крымскими городами). И это наиболее существенное изменение в жизни возникавшего из пепла города.

Наконец, некоторые перемещения этнических групп внутри крепости несомненно являются следствием каких-то происходивших там событий и связанных с ними изменений.

В плотно застроенной цитадели вместо боршевцев поселились саркельцы в наземных довольно крепких и благоустроенных домах, хотя часть боршевцев осталась в цитадели. Им, в частности, принадлежал срубный наземный дом, пол которого был засыпан обломками боршевской керамики, а у печи стоял целый боршевский горшок. Однако эта застройка цитадели саркельским и отчасти славянским населением длилась, по-видимому, всего одно-два десятилетия.

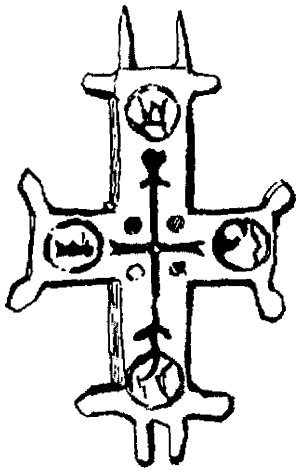
После нескольких пожаров, уничтоживших большинство строений, на разровненных пожарищах были поставлены сравнительно небольшие домики с легкими турлучными стенами и очажками из кирпичей, очевидно, принадлежавшие кочевникам. Они же по-прежнему владели остатками стен донжона, среди которых

одно за другим было выстроено несколько жилищ. Так, юго-западная часть цитадели примерно к середине XI века стала основной территорией, занятой кочевниками — печенегами и гузами. В отличие от нее, двор "караван-сарая" и связанные с ним участки заселились, вероятно, вытесненными из цитадели саркельцами и славянами. Остатки их жилищ сохранились очень плохо, но керамический материал свидетельствует о явном преобладании здесь саркельцев. Только один открытый здесь срубный (как в цитадели) дом принадлежал славянину — выходцу из метрополии: у печи и в хозяйственной яме дома были обнаружены типичные древнерусские горшки XI века.

Слабо застроенный, опасный для житья северо-западный участок крепости принадлежал, видимо, славянскому (боршевскому) населению, еще пользовавшемуся лепной боршевской посудой.

Сравнительный анализ расположения разных этнических групп позволяет заключить, что к середине XI века особенно заметно стало значительное пополнение населения саркельцами (болгарами, хазарами, аланами), т.е. теми же этническими группами, которые строили крепость и более столетия владели ею. Кочевники, занявшие цитадель, стали гарнизоном возрождавшегося города. Славяне, заселившие самую неукрепленную территорию крепости, вероятно, стремились к восстановлению наиболее разрушенной ее стены. Следы их усилий прослеживаются еще в первый период, когда был обустроен новый въезд в крепость, и затем во второй период — закладка этого нового въезда и сооружение кирпичной стены поперек прохода в Главных воротах. Не исключено, что этот район готовился для развертывания в нем производственной деятельности: строительство мастерских началось здесь в следующий период, возможно, в самом его начале — примерно в 60-х годах XI века, а в конце второго периода стали появляться в Белой Веже первые переселенцы из Руси, о чем можно судить по редким для слоя этого периода находкам древнерусской посуды и строительству срубных домов.

Необходимость сильнейшего укрепления растущего города стала очевидной. К этой тяжелой работе вплотную приступили беловежцы в самом начале третьего периода беловежской истории.



Глава 4

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД В ПОЛОВЕЦКОЙ СТЕПИ

Эту главу следует начать с характеристики тех немногочисленных прямых, а иногда и косвенных материалов, которые дошли до нас, позволив сделать выводы или предложить гипотезы относительно оборонного строительства, начавшегося в Белой Веже, как говорилось в предыдущей главе, в середине XI века.

Главным объектом строительства являлся широкий ров, ограждавший громадную территорию вокруг крепости (рис. 34). Сама крепость, как известно, была поставлена на "искусственном" острове, окруженном рвом, упиравшимся обоими концами в русло Дона. Ров был выявлен и исследован археологами — его ширина 9 м, глубина 4 м (Раппопорт, 1959, с. 12). Он почти на всем протяжении был в нижней части затянут мощными илистыми отложениями, а затем, потеряв, по-видимому, свое оборонное значение, начал постепенно засыпаться глиной с включениями различных бытовых отходов и строительным мусором, превратившись в городскую свалку. На современной поверхности он выделялся в виде неглубокой лощины только в южном конце.

Большой второй ров, также бывший проточным, т.е. обоими концами сливавшийся с Доном, отличался от первого прежде всего размерами. Он прекрасно выделялся на большом протяжении на поверхности широким и глубоким "оврагом". Приходится сожалеть, что археологи не успели его исследовать. Поэтому при его описании мы ограничимся великолепной топографической съемкой, выполненной Н. М. Токарским, разрезами двух выкидов (насыпей 17 и 24), опубликованными О. А. Артамоновой, а

также некоторыми ее наблюдениями, сделанными при изучении насыпи 17, моими визуальными наблюдениями (или "впечатлениями") об этом грандиозном сооружении.

Итак, на плане (съемке Н. М. Токарского) мы видим, что представляют собой остатки рва — это овраг шириной 30—40 м. Естественно, что ничем не укрепленные берега рва давно потеряли свою первоначальную форму. Они начали размываться еще во время функционирования рва, а после того постепенно оползали в течение последних 800 лет, заполняя его русло. Тем не менее основное (первоначальное) направление рва и его соединения с руслом реки хорошо видны благодаря зафиксированному съемкой современному дну рва, ширина которого достигала 15—20 м. Это, конечно, не дает нам возможности уверенно говорить об истинной ширине рва, но предположить, что она колебалась в пределах указанного размера можно. Согласно съемке, глубина оврага (рва) примерно 5—6 м, но она, конечно, меньше реальной глубины русла рва, сильно заплывшего.

Таким образом, фактически ров был рукавом Дона или дополнительным его руслом. Вода по более мелкому и узкому каналу, вероятно, не смогла бы пробиться и быть проточной на всю длину (около 1000 м) этого сооружения. Только возможность беспрепятственного движения сделала возможным функционирование этого искусственного русла реки. Как бы там ни было, но новое русло было проведено, образовав остров шириной (СВ—ЮЗ) 400 м и длиной (СЗ—ЮВ) примерно 600 м.

Прежде чем обратиться к некоторым особенностям строительных приемов, применявшихся древними "мелиораторами", необходимо отметить, что ров сохранился не полностью: он прекрасно фиксируется на протяжении 750 м, прерываясь широкой промоиной (200 м), засыпанной речным песком. Далее, на расстоянии 100 м от берега Дона оторванный от основного русла остаток рва, сливаясь с рекой, образовал болотистую трясину. О том, что ров там проходил до самого русла реки свидетельствуют остатки возвышенностей явно искусственного происхождения, к описанию которых мы сейчас и переходим.

Все археологи, работавшие на памятниках, имевших земляные укрепления, хорошо осведомлены о том, что выкиды из рва, как правило, полностью использовались для укладки вала, сооружавшегося, естественно, на внутренней стороне рва и вдвое увеличивавшего непроходимость линии защиты. Большой ров никакой

дополнительной линии защиты, по-видимому, не имел — он сам был практически непреодолимым. Правда, по внутреннему его краю с южного его конца и кое-где на западном краю хорошо заметны длинные невысокие всхолмления, которые исследователи памятника считали остатками размытых валов. Поскольку с севера и северо-запада громадный ров был размыт и засыпан песком, такое предположение вполне вероятно.

Этому, как представляется, противоречит нигде более не известное наличие высоких, сливающихся друг с другом в основном овальных насыпей на внешнем берегу рва. Половина их подходит вплотную к современному краю оврага, создавая впечатление мощного единого вала, местами разделенного промоинами или непонятно для чего оставленными проездами. Значительная часть насыпей у юго-западной стороны отстоит от края рва на 50—100 м. Здесь они мало напоминают сооружения оборонного характера. Кое-где на пространстве между ними и краем рва прослеживаются остатки небольших насыпей, принятых археологами за курганы, на которых даже были заложены раскопы для вскрытия погребений. Отметим, что не только эти мелкие насыпи, но и все они, даже слившиеся как бы в единое целое, в первые годы исследований Левобережного Цимлянского городища (в середине 30-х годов XX века) назывались условно курганами (Артамонов, 1935, с. 7). Им даже дана нумерация, общая со всеми настоящими курганами, раскопанными в окрестностях городища.

После проведения М. И. Артамоновым сравнительно для того времени (1934—1936 гг.) крупных раскопок на городище, исследования одной из больших насыпей (17), шурфовки ряда других аналогичных и меньших насыпей стало понятно возникновение этих странных "сооружений" (Артамонова, 1963, с. 9—11, 27). Эти громадные скопления земли являлись выкидами грунта при создании широкого проточного русла рва. Поскольку в насыпи 17 было открыто полуторавековое беловежское кладбище, эта слитая из четырех насыпей возвышенность в 1949—1951 годах была вскрыта почти полностью. В данной главе мы не будем останавливаться на характеристике этого кладбища, прекрасно раскопанного и классически изданного О. А. Артамоновой. Несмотря на то, что большинство погребений не доходило до уровня начала образования насыпи, две из них (17 и 24) были раскопаны до уровня погребенной почвы. Так удалось выявить постепенность роста насыпей различными почвенными слоями (рис. 35). Инте-

рес представляет начало их создания — первый слой засыпки состоял из слоя пойменной земли (толщиной 0,3—0,5 м), разровненной, очевидно, не только под насыпанным после того грунтом, но и вокруг насыпей. Кроме того, на материке под насыпью 17 сохранились на протяжении 10 м и были прослежены следы тяжело груженной повозки с расстоянием между колесами 1,6 м и шириной колеса 8 см.

Очевидно, аналогичные площадки из разровненного грунта, взятого с намеченной трассы рва в начале его сооружения, подстилали все насыпи. Землю сразу стали отвозить и разравнивать на 100—150 м от края будущего рва. На съемке Н. М. Токарского отмечены странные, чуть заметные неровности поверхности окружавшей группы насыпей, по-видимому, бывшие остатками этой первичной засыпки.

На этот весьма значительный пласт снятого грунта строители далее начали сыпать землю в кучи, постепенно превращавшиеся в холмы. Разрезы насыпей 17 и 24 дали нам возможность проследить очередность проведения этих работ на южной группе насыпей, расположенной при слиянии русла рва с Доном. На разровненный слой пойменной земли были насыпаны сравнительно невысокие холмики из плотной желтой глины. Их перекрывает тонкий слой, вероятно, натоптанной погребенной почвы. Это позволяет предполагать, что на какое-то время работы на этом участке рва были приостановлены. Углубление в данном "ключевом" месте отложили до того, когда на всей остальной трассе глубина рва будет доведена до необходимого уровня и вода из реки хлынет в новое русло. Прослойка погребенной почвы перекрыта светло-коричневой рыхлой глиной, и затем насыпи укрепили толстым слоем клейкого пойменного грунта. Сверху они были досыпаны суглинком — верхним слоем материка, полученного, видимо, в результате подчисток поверхности внешнего берега рва и отчасти берега реки.

Остатки "вала" на внутренней стороне рва, вероятно, были такими же отвалами, которые, во всяком случае, при снятии первого метра грунта даже не отвозили в сторону, а просто бросали вручную, разравнивая затем под будущие насыпи.

Не исключено, что у строителей было намерение создать вдоль внутреннего края рва традиционный вал, насыпанный, как правило, из земли, полученной при копании рва. Однако постройка вала требовала больших затрат: необходимы были обширные де-

ревообделочные работы для строительства деревянного каркаса рва, укрепления его подошвы от оползания в ров камнями или дубовыми сваями и пр. К сожалению, не зная точных габаритов рва, мы не можем уверенно говорить о количестве рабочей силы и времени, потраченных на его сооружение. Но если принять те размеры, которые предлагались выше в качестве возможных, то объем грунта, вынутого из рва, равнялся не менее 70 000 куб.м: длина 1000 м, ширина в среднем 7 м (учитывая скосы стенок ко дну), глубина, вероятно, 10 м. Далее, признав, что в этих тяжелых работах участвовало примерно 500 землекопов, то каждый из них должен был вынуть 140 куб.м грунта. Учитывая, что земля нагружалась на телегу еще одним рабочим (из глубины рва, вероятно, даже двумя) и отвозилась в сторону специалистом-возчиком, то в работах по выкапыванию рва было занято не менее 1500 человек, не считая руководителей работ разных рангов — от архитектора до надсмотрщика. В день бригада из трех человек вывозила не более 3 куб.м грунта, в основном со значительной глубины. Следовательно, работы по созданию ложа для будущего рва были закончены в 1,5—2 месяца. После того были проведены большие работы для пуска воды в это дополнительное русло, т.е. были закончены работы на участках, соединяющих ров с Доном. Это требовало значительно больших затрат труда и было сопряжено со значительным риском для раскопщиков, особенно тех, кто работал на участке, где река хлынула бы в ров, следуя направлению своего течения. Видимо, на эти работы, а также на подчистку и какое-то укрепление краев рва было затрачено примерно 2—3 месяца. Таким образом, строители уложились в очень небольшой срок, затратив на всю, связанную с этим грандиозным сооружением, деятельность всего одно лето.

Ров действительно стал серьезным препятствием для проникновения налетавших из степи грабительских отрядов к полуразрушенным стенам крепости. Окруженная новым мощным рвом площадь была весьма значительна (примерно 200×300 м), поэтому у археологов появилось предположение, что это укрепление вполне могло служить надежным ограждением большого посада Белой Вежи.

Однако проведенная от южной башни крепости к берегу рва в направлении к ЗЮЗ траншея длиной 240 м позволила заключить, что никакого культурного слоя на этой территории не было: прямо под снятым дерном (0,2—0,3 м) лежал слой суглинистого матери-

ка. Только у северо-восточной стороны крепости на участке, некогда окруженном малым уже засыпанным рвом, накопился культурный слой, который фактически не был исследован археологами.

Предположить назначение всей обширной территории и необходимость ее весьма солидной защиты можно только условно. Все жители крепости как в саркельский, так и в беловежский период владели, судя по остаткам костей в слоях городища, большими стадами. В периоды надвигавшегося на город очередного, замеченного разведкой набега стада угонялись и прятались в степные балки или, наоборот, в тайные пойменные лесные угодья. Часть наиболее ценных животных (в основном боевые кони), а также овцы, необходимые горожанам для пропитания во время осады, загонялись на это достаточно большое поле, где помимо подножного корма каждое лето накапливались запасы сена и соломы.

К сожалению, нет абсолютно точных данных для определения времени сооружения большого рва.

В нескольких письменных источниках сохранились сведения о похоронном обряде знатнейших аристократов и каганов в тюркском мире и, в частности, у хазар. Усыпанная золотыми предметами и другими драгоценностями могила выкапывалась на дне отведенного в сторону русла реки и затем, после совершения обряда и тщательной консервации могилы, река пускалась на свое прежнее место, а отводной канал засыпали. Так скрывали место захоронения и сокровища, в нем находившиеся, от осквернения и разграбления. Из этих сведений следует, что хазары вполне квалифицированно и быстро справлялись с проблемой создания нового русла реки. Известно несколько крепостей времени хазарского владычества в степях, сооруженных на "искусственных островах", т.е. на участке земли между рекой и отведенным от нее рукавом с проточной водой. Саркел был построен именно на таком острове. Большой ров фактически представлял собой увеличенную в 2,5 раза копию с саркельского рва и окружал площадь, в 3 раза превышавшую саркельский "остров".

Выше мы предположили, что в строительстве большого рва было занято не менее 1000—1500 человек, с предельной скоростью закончивших громадную работу. Казалось бы, она могла быть выполнена только в хазарское время под наблюдением государственной власти. Следует, правда, помнить, что Саркел, находившийся в центральной области Хазарии, не нуждался в дополнительных укреплениях. Не было особой нужды даже в

первом рве — после его создания началось довольно сильное его обмеление (заиливание дна), а значит, возможное прекращение его проточности и затем постепенная засыпь его мусором и суглинком, полученным при копании котлованов полуземлянок и хозяйственных ям. Все это дает основание полагать, что в строительстве второго, крайне трудоемкого рва не было необходимости.

В то же время эта линия защиты была крайне нужна беловежцам, постоянно страдавшим даже в период пребывания в степях печенегов и гузов от набегов — мы видели, что пожары в Белой Веже во второй половине X века, особенно в первой половине XI века, были непрерывны, а крепостные стены все более разрушались. Однако оставлять этот степной городок было невыгодно как самим его жителям, так, возможно, и киевской метрополии.

В середине XI века в донскую степь ворвались новые кочевые орды — кипчаков или, как их называли на Руси, половцев. От их набегов терпели бедствие не только жители городка, но и их кочевые (частично полуосевшие в городе) союзники, для которых важно было сохранить не столько свои легкие жилища, сколько основу стада и боевых коней, которые должны были быть под надежной охраной.

Сложившиеся обстоятельства вынудили беловежцев заняться тяжелым трудом, привлекая при этом и пленников (рабов), и бедняков, и какую-то более квалифицированную часть населения.

Ров был выкопан по канонам, хорошо усвоенным хазарскими строителями-мелиораторами, умевшими сделать русло проточным. Ни у славян, ни на Руси таких рвов не было известно. Очевидно, следует учитывать, что в русском степном городке преобладающим было население вернувшихся на свои пепелища саркельцев (в основном болгар и хазар). Они принимали активное участие и в прокладке большого рва как в качестве землекопов-возчиков, так и руководителей этих больших работ. Остальные жители, в том числе и русские пришлые люди из метрополии, были не менее деятельны в обустройстве новой линии защиты. Их участие в этом мероприятии можно проследить благодаря попытке создать на внутренней стороне нового русла вал из насыпной земли, аналогичный валам, строившимся во всех древнерусских городах. Можно констатировать, что земля для вала была почти всюду уже подготовлена для этого (набросана на край рва), но дальнейшее строительство линии обороны продолжено не было. Возможно, причина этого — сильное течение воды, подмы-

вавшей оба "берега" рва и на нескольких участках уже частично обрушившей еще ничем не укрепленную насыпь.

Перейдем далее к вопросам расселения жителей Белой Вежи и новой застройки ее во второй половине XI века, т.е. напластования культурного слоя от уровня +1 м до уровня +2—2,5 м. Подавляющее большинство остатков строений в пределах данных уровней очень плохой сохранности. Это преимущественно обрывки обожженных полов неопределенных очертаний, нередко — с развалами печей и завалами обожженной глиняной обмазки и сгоревших деревянных конструкций от стен и кровель.

1. Застройка цитадели

Всего в цитадели открыто и исследовано 34 развала жилых и хозяйственных построек, несколько ям и кирпичных вымосток (рис. 36).

3.1. В кв. Ф12—У13 на уровне 1,25 м обнаружен участок пола (2×1,7 м) с развалом печи на нем, находившейся, по-видимому, в восточном углу. Печь ориентирована углами по странам света, что позволяет установить и ориентировку самого жилища. Размеры печи 0,8×0,75 м, под у нее глинобитный, прокаленный, покрыт слоем золы. Стенки печи сложены из кирпичей, поставленных на ребро, и двух половинок нижнего жернова. При расчистке пола обнаружены несколько обломков керамики (амфор, древнерусских горшков) и костяной "конек"-лощило.

3.2. В кв. Х12—Ф13 на уровнях +1,3 и +1,1 м (юго-западнее первого домика) находились остатки еще одного дома: пол, покрытый золой и углями, и развал печи на нем (конструкция ее неопределима). Под верхним полом прослежены еще две его подмазки. Вероятно, жилище перестраивалось или ремонтировалось.

3.3. В кв. У13—Т14 на уровне +1,25 м сохранилась полоса глинобитного пола, срезанного перекопом. Нетронутыми остались два угла (северный и западный) и край пола между ними. Расстояние между углами 2,75 м. На полу обнаружен разбитый очажок с глинобитным сильно прокаленным подом. При расчистке пола обнаружены обломки амфор (11), лепных сосудов (2), кости овец (143), коров (66), кабана, птиц и рыб.

3.4. Рядом с этим комплексом в кв. Т12—С13 на уровне +1,1 м прослежено большое (4×3 м), изрезанное ямами и перекопами пятно глинобитного обожженного пола с развалом печи, от которой сохранились под, выложенный кирпичами, и разбросан-

ные, перемешанные с золой и обожженной глиняной обмазкой кирпичи стенок.

3.5. В кв. Х12—Ф13 обнаружено еще одно пятно обгорелого глинобитного пола (в поперечнике равное всего 1 м) с несколькими кирпичами на нем, оставшимися от печи. Пол покрыт золой и углями от дубовых и тополевых плах. Несмотря на малые размеры расчищенной площадки пола, находок на ней было много: обломки амфор (39), тмутараканских кувшинов (12), лепных сосудов (24), венчик от привезенного из Крыма пифоса, янтарная подвеска, цилиндрический тигелек, шиферная литейная формочка, две костяные псалии, украшенные орнаментом из "полудуг", бронзовая ручка от сосудика, бронзовая накладка и кости животных: овцы (43), коровы (16), свиньи, оленя, рыб и птиц.

Все пять описанных жилищ были размещены в ряд, ориентированный с юго-запада на северо-восток, вдоль поперечной (внутренней) стены цитадели, что свидетельствует о ее сохранности даже в этот поздний период жизни города.

От этой группы построек на расстоянии 4 м к юго-востоку были обнаружены на том же уровне остатки еще нескольких комплексов.

3.6. В кв. Х15—Ф16 на уровне +1,4—1,5 м расчищены две печи, перекрывавшие одна другую, видимо, из-за перестройки или ремонта жилища. Верхняя печь представлена квадратным глинобитным прокаленным подом (размером 0,75×0,75 м), покрытым слоем золы, и остатками двух стенок из поставленных на ребро кирпичей. Ориентирована она углами по странам света. Ее западный угол находился почти в центре более ранней печи, от которой также сохранились глинобитный под и две полуразрушенные стенки, сложенные из двух рядов стоявших на ребре кирпичей. К северо-западной ее стенке был пристроен дымоход, конструктивно весьма близкий к обычным кочевническим очажкам: квадрат, сложенный из стоявших на ребре кирпичей. Однако его стенки, как и стенки печи, были сложены из двух рядов кирпичей и обмазаны снаружи глиной, что отличает его от очажков и сближает с печью, рядом с которой он был поставлен (рис. 37, *1*).

3.7. В кв. Т16—С17 на уровне +1,48 м были открыты остатки кирпичной печи: западный угол и две расходившиеся от него стенки из целых и обломков вертикально поставленных кирпичей (рис. 37, *2*). Под печи кирпичный (3×3 кирпича), промазан-

ный слоем глины, сильно прокаленный и покрытый золой. В центре пола на ребре стоял один кирпич, служивший частью опоры свода. Вокруг развала печи прослежен участок обожженного пола, заваленного, как и печь, обгорелыми тополевыми и дубовыми бревнами от сгоревших опорных столбов стен и крыши. Под бревнами лежал обгорелый слой глиняной обмазки. Ориентировка печи, а значит, и всей постройки углами по странам света.

При расчистке печи были обнаружены разбитый лепной горшок, лепной светильник-мисочка, обломок стеклянного браслета, обломки амфор (некоторые с граффити), шиферное пряслице. Завал над печью и полом был насыщен обломками керамики: амфор (98), тмутараканских кувшинов (9), древнерусского горшка, а также обломками костей животных: овец (313), коров (93), лошади (32), козы (1), сайги (7), птиц и рыб. Кроме того, найдены бронзовый браслет и тигелек.

3.8. Рядом с этим завалом, в кв. Т17—С18 на уровне +1,24 м находился небольшой участок обожженного пола с остатками пода печи из четырех кирпичей, уложенных на глиняный раствор и покрытых глиняной обмазкой, прокаленной и покрытой золой.

Далее к юго-востоку вдоль линий 19 и 20 располагалась еще одна группа домиков (рис. 36).

3.9. В кв. П19—О20 на уровне +1,25 м расчищен большой участок глинобитного пола (4,5×3,25 м), изрезанного перекопами, и потому контуры и размеры постройки неопределимы. Сохранился только северный угол, что позволяет определить ориентировку дома углами по странам света. В этом углу находилась печь, от которой остались обломки кирпичей и куски обожженной обмазки. В центральной части пола — большая яма от массивного столба. Пол перекрыт слоем горелой глины и кусками сгоревших плах и жердей. При расчистке этого комплекса были обнаружены обломки амфор XI века (35), два венчика лепных сосудов, обломок древнерусского горшка, обломки стеклянных браслетов, бронзовый бубенчик, гвоздь, обломок янтаря и янтарный перстенек, кусок кирпича с граффити.

3.10. В кв. О19—Н20 и О20—Н21 на уровне +1,34 м обнаружен участок глинобитного пола от сгоревшего жилища. Пол обожженный, перекрытый угольками, обломками сгоревших жердей и обожженной обмазкой. От разрушенной перекопом печи остались только прокаленный слой глинобитного пода, один кирпич

северо-западной стенки и обгорелый мергелевый блок, входивший, видимо, в конструкцию печи. Не исключено, что в эту же постройку входила еще одна печь, большая часть глинобитного прокаленного пода которой перекрывает пол жилища. Массивная глинобитная подмазка пода толщиной 0,1 м обрамлена мелкими ямочками и отпечатками прутьев по краю. Очевидно, печь была глинобитной на каркасе из прутьев, в плане овальная (1×0,75 м). Под был покрыт слоем белой чистой золы, в котором обнаружены тигелек, куски меди и костяная пластинка-накладка с циркульным орнаментом.

3.11. В кв. Р20—П21 и С20—Р21 открыты наслоения нескольких полов жилища: верхний уровень подмазки +1,55 м, нижний +1,42 м. От пола сохранились только западный угол и северо-западный край. В углу обнаружено гнездо от массивного столба, а вдоль края — остатки сгоревшего дерева и пять ямок от жердевого каркаса стены, длина которой 2,6 м. У ее северо-восточного конца, возможно в северном углу постройки, лежал мергелевый блок (40×30 см). Ширина нижнего пола не превышает 1 м, а от верхнего осталось еще меньше, однако удалось проследить, что при ремонте или восстановлении первой сгоревшей постройки были поставлены новые столбы в тот же западный угол и один — у юго-западной стены.

3.12. Примером такой же восстановительной перестройки после пожара может служить еще один комплекс в кв. Ф20—У21 с полами на уровнях +1,30 м, +1,45 м, +1,60 м (рис. 38, *1*). От первоначальной постройки сохранился почти полностью пол прямоугольного жилища (4×3 м). В его центральной части находился очажок из четырех кирпичей с глинобитным подом, в южном углу обнаружено несколько ямок от жердей, а вдоль юго-восточной стороны — кусок сгоревшей плахи. Пол обожжен и засыпан золой. От вторичной застройки также остался довольно большой участок сильно обожженного пола, покрытого золой, кусками обожженных плах, жердей и углем. Третья застройка — самая поздняя. Пол ее сохранился на участке размером всего 1,75×1,25 м. На нем — развал печи: под из четырех кирпичей и кусков обожженной глины вокруг.

При расчистке завала были обнаружены обломки амфор (16), лепных горшков (6), древнерусского горшка, а также шиферное пряслице, бронзовое височное кольцо, бронзовый бубенчик, обломки бронзовых сосудов, накладки и гвозди.

3.13. В кв. П21—О22 обнаружен двуслойный пол на уровнях +1,35 м и +1,45 м. Пятно пола небольшое (1×1,5 м). На верхнем слое лежали обгорелые плахи кровли, над ними — куски глиняной обмазки и слой золы.

3.14. В кв. Р21—П22 на уровне +1,43 м обнаружены остатки округлой в плане постройки, в центре которой была поставлена печь (рис. 38, *2*). От печи сохранился прокаленный под, сложенный из шести кирпичей, обмазанных слоем глины, и покрытый золой. Вокруг печи, вплотную к ней на углах и на середине задней стенки, находились ямки от столбов припечной конструкции. По окружности пола было вкопано 11 столбов, поддерживавших стены или кровлю. Кладка печи и устройство стен отличались небрежностью, как и неровный пол, подмазанный тонким слоем глины.

Находок при расчистке этого комплекса было много: бронзовые колечко и бубенчик, обломки стеклянных голубого и темного инкрустированного браслетов, голубая бусина из непрозрачного стекла, обломок глиняного пряслица, точильные камешки, янтарная заготовка, тигелек с бронзовым шлаком внутри, большой разбитый поливной зеленый кувшин, обломок поливного сосуда, обломок лепного сосуда.

3.15. В кв. Р22—П23 на уровне +1,35 м был открыт завал сгоревшего жилища: участок обожженного пола, перекрытого кусками сгоревших жердей и глиняной обожженной обмазки. В завале обнаружен венчик кочевнического горшка с орнаментом-гирляндами.

3.16. Рядом с этим завалом, немного ниже его (+1,26 м), находилась печь, от которой остались только под из девяти кирпичей и вокруг него обломки кирпичей и груды больших кусков сильно обожженной обмазки. Печь соприкасается с полом завала, но уровень ее пода ниже, и поэтому она относилась, видимо, к более раннему времени (рис. 38, *3*).

3.17. В кв. С21—Р22 на уровне +1,3 м обнаружен округлый участок пола, равный в поперечнике примерно 2 м. Края пола сильно изрезаны, по всей его поверхности разбросано много ямок от вбитых жердей. Пол немного обожжен, остатков печи или очага на нем не прослежено.

3.18. В том же квадрате было расположено еще одно жилище, от которого на уровне +1,34 м сохранился развал обожженных глины и обмазки с отпечатками соломы, угля, кусков обгорелых

плах, видимо, от рухнувшей кровли, перекрывавшей сильно прокаленный участок пола. Под ним был прослежен пол первой подмазки (тоже обожженный). Жилище явно дважды горело и после первого пожара отстраивалось.

При расчистке завала обнаружены медная монета Константина VII и Романа II (949—959), горло амфоры XI века, обломки хазарского горшка, лепного "касожского" сосуда с насечками по венчику и плечикам, несколько кусочков янтаря.

3.19. В кв. Т22—С23, юго-западнее описанного развала, находилось жилище, синхронное предыдущему и также дважды сгоревшее: прослежено два горизонта обожженного пола на уровнях +1,04 м и +1,22 м. От двух стенок этого жилища сохранились обожженные валики глины. Они дают возможность установить ориентацию постройки — сторонами по странам света, отличающуюся от ориентации всех строений, открытых на данном участке цитадели. У северо-западного угла обнаружена вымостка из ряда кирпичей, возможно, здесь был угловой вход в дом. На обоих уровнях полов лежали куски дубовых плах и тополевых углей от рухнувших кровель и стен. С внешней стороны восточной стены стоял массивный столб, видимо, бывший дополнительным креплением крыши. Стены были турлучные, о чем свидетельствуют следы до тла сгоревшего дерева вдоль валиков стен. В северо-восточном углу жилища находилась печь, от которой остались только развал обожженной глины и остатки (нижняя часть) дымохода, заполненного светло-серой золой.

При расчистке комплекса были найдены обломки амфор, лепного сосуда, несколько точильных брусков, кусочки бронзовых мелких пластинок, кости овцы (9), коровы (9), кошки (1).

3.20. В том же квадрате прослежены на уровне +1,1 м следы еще одного жилища: развал обожженной глины и под ним небольшой участок пола, на котором сохранились половина глинобитного обгорелого пода печи и три стоявших на ребре кирпича от стенок. В этом развале были обнаружены обломки лепных горшков (некоторые с защипами по венчикам), древнерусских горшков, один обломок кочевнического горшка с орнаментом гирляндами, обломки амфор (10), тмутараканского кувшина (1) и черная с белой и желтой инкрустацией бусина.

3.21. В кв. Ф21—У22 и Х21—Ф22 на уровне +1,38 м расположены остатки жилища: утоптанный глинобитный пол (4×3 м) с рухнувшими на него прокаленными кусками глины сгоревшей

кровли. В центральной части пола находились большое зольное пятно и три кирпича, перекрытых завалом обожженной глины (очевидно, остатки печи). Рядом с завалом был вкопан массивный столб, другой аналогичный столб стоял у юго-западного края пола. Оба служили опорами конька крыши. Около первого столба лежал кусок мергелевого белого блока, возможно, крепившего столб. На полу помимо развала глины были разбросаны куски тополевых жердей и плах, россыпи углей от конструкции крыши и от сгоревших стен.

В завале дома обнаружены монета дочери Константина VIII Феодоры (1055—1056), кусочки бронзы и меди, вероятно, приготовленные для переплавки, обломок точильного камешка, железное ушко котла, обломок стеклянного браслета с изображением на нем лебедя, обломок лепного светильника — мисочки с вертикальными стенками, обломки амфор (7), тмутараканских кувшинов (10), лепных горшков (30), кости овцы (24) и коровы (16). На полу найдены, как и в завале, кусочки бронзы, обломки ножика и стеклянного синего браслета, обломки лепных горшков с волнистым орнаментом по тулову и с насечками по краю венчика, а также обломки древнерусского горшка с ногтевым орнаментом по плечикам и гладким (без желобка для крышки) венчиком.

3.22. На том же уровне почти вплотную к полу предыдущего жилища была расположена печь, сохранившаяся в виде расплывшихся обломков обожженной обмазки и глинобитного обожженного круглого в плане пода (диаметр 1 м). По-видимому, это остатки глинобитной печи или тандыра.

Далее мы переходим к характеристике жилищ, остатки которых обнаружены на более высоких уровнях исследуемого культурного слоя XI века (рис. 36).

3.23. В кв. Ф12—У13 на уровне +1,65 м открыто пятно обожженного пола с двумя лежавшими на нем кирпичами. Размеры пятна в поперечнике не превышают 1 м. Поверхность его покрыта слоем угля и золы толщиной около 0,1 м.

3.24. В кв. Т15—С16 и У15—Т16 на уровне +1,65 м обнаружены участок глинобитного обожженного пола и куча кирпичей, пересыпанных золой и угольками, — развал печи (рис. 39, *1*). По северо-западному краю пола прослежена кирпичная кладка из раздавленных кирпичей (возможно, остатки завалинки?). Ширина ее два кирпича, а сохранившаяся длина 1 м. На полу, рядом с печью стояла обугленная деревянная миска со сгоревшим просом,

а северо-восточнее печи находилась яма. Стенки ее для предотвращения осыпи были обмазаны слоем глины и слегка обожжены. Яма прикрыта деревянной крышкой, сбитой из пяти тополевых плах, скрепленных горбылем. Размеры ямы 1,1×0,75 м. На крышке была оставлена массивная деревянная миска с маслом и вокруг рассыпана пшеница. Все было обуглено. Поверх этого сгоревшего комплекса лежал слой рухнувших в пожаре кровли и стен: куски обожженной обмазки с отпечатками на ней ковыля, обугленные плахи и жерди.

При расчистке данного комплекса обнаружено много обломков бронзовых предметов: пластинок, проволочек, колечек и пр., служивших, видимо, полуфабрикатами или заготовками для переплавки. Кроме того, в завале найдены шиферное пряслице и обломки керамики: амфор (15), тмутараканских кувшинов (12), лепной посуды (43), древнерусских горшков (60), обломок крышки от древнерусского горшка. Среди кирпичей "завалинки" обнаружены лепной горшочек и горло лощеного кувшина.

3.25. В кв. У16—Т17 на уровне +1,74 м находились остатки обожженного пятна глинобитного пола размером в поперечнике около 2,5 м. У юго-западного края пятна — развал печи: обломки и целые кирпичи, слой обожженной глины, обрамляющей кирпичи, и обвалившийся глинобитный верх печи. Около печи в полу вырыта ямка диаметром 20 см, глубиной 0,13 м, заполненная чистым речным песком, вероятно, необходимым для хозяйственных или производственных работ. Слой завала стен и кровли был насыщен обломками керамики и костями животных. Керамика представлена амфорами (86), лепными горшками (19), древнерусскими горшками (8). Кости принадлежали корове (158), овцам (214), козе (2), свинье (1), сайге (4), волку, бобру и рыбам. Здесь же обнаружены три обломка стеклянных браслетов, заготовка лазуритовой подвески, зеленая бусинка и обломки бронзовых и железных предметов.

3.26. В кв. Х16—Ф17 на уровне +1,8 м, юго-западнее предыдущего жилища находились остатки еще одного дома: участок глинобитного пола, покрытого углем и золой, и небольшой останец глинобитной стенки. Под верхним слоем пола были прослежены еще два уровня (две подмазки) полов.

Находки в этом комплексе были учтены отдельно на каждом уровне пола. На первом (верхнем) обнаружены обломки амфор XI века (3), лепных сосудов (6), древнерусских горшков (3), тму-

тараканских кувшинов (12) и бронзовая литая в виде собачки ручка от сосуда. На втором полу найдены обломки амфор (13), лепных сосудов (7), древнерусских сосудов (11), пряслице из стенки сосуда, ладьевидный светильник и тонкостенная лепная чашечка. На нижнем полу обнаружены обломки деревянного сосуда, лепная чашечка-игрушка, мергелевое пряслице, два пряслица из стенок сосудов, обломки стеклянного браслета и косы-горбуши. На двух верхних уровнях полов попадались и кости животных: лошади, коровы, овцы, быка, собаки, птицы и рыб.

3.27. Такие же остатки перестроенного и перепланированного жилища обнаружены в кв. У17—Т18 на уровнях +1,75 м и +1,52 м. От "верхней" постройки сохранился только участок пола длиной 3 м, шириной 0,75—1,3 м. На нем прослежены две ямки от столбов, одна — от жерди. Возле них набросаны куски обожженных плах и жердей.

Этот пол перекрывал печь и примыкавший к ней участок пола, размеры которого почти такие же, как верхнего. От печи сохранились юго-западная стенка из трех кирпичей, поставленных на ребро, часть глинобитного прокаленного пода, покрытого золой и кусками обожженной глиняной обмазки. При расчистке печи были обнаружены обломки бронзового сосудика, лепной горшочек с отбитой ручкой, обломки древнерусских горшков и крышки. У печи в небольшом углублении, вероятно, в мешочке лежали 54 мелких и один большой (бита) астрагалы, а на полу — кости лошади, коровы, овец, оленя, птиц.

На верхнем полу костей было значительно больше: коровы (15), овец (57), козы, сайги, лошади, свиньи, рыб. Кроме того, на нем найдены обломки амфор, лепных горшков, лепного светильника.

3.28. В кв. Т18—С19 и Т19—С20 обнаружены развалины дома, дающие представление о его размерах и конструктивных особенностях постройки (рис. 39, *2*). Ее размеры 4,5×3,5 м, ориентирована она углами по странам света. Пол сильно обожженный глинобитный, по трем его сторонам хорошо сохранился цоколь стен, сложенный из сырцовых кирпичей, среди которых попадались и кирпичи, вынутые из саркельских кладок. Размеры сырцовых кирпичей 26×14—19 см, уложены они впритык друг к другу. Стены дома не сохранились, но на полу попадалось много кусков обожженной обмазки, явно выпавшей из пазов между бревнами или плахами: в разрезе все они треугольные с двумя вогнутыми (прилегавшими к бревнам) сторонами. Печь находилась в запад-

ном углу. Размеры ее 0,8×0,8 м, под выложен кирпичами и обмазан слоем глины. От стенок сохранились только несколько обломков и два целых кирпича на двух сторонах пода. Устье печи обращено к юго-востоку.

При расчистке этого комплекса на полу были обнаружены три сырцовых кирпича и несколько обожженных, причем один из них был оббит в виде круга, а также обломки обмазки, лепных горшков (34), лепной сковороды, венчики древнерусских горшков. Среди сырцовых кирпичей, бывших, возможно, частью мельничного устройства, обнаружен обломок жернова. В печи среди кусков обмазки найдены обломки амфор, лепных горшков, одного маленького горшочка, обломок ножа, железное ушко котла с медными заклепками.

3.29. В кв. Т20—С21 на уровнях +1,65 м и 1,7 м на расстоянии 2 м к юго-востоку от предыдущего открыты остатки еще одного сгоревшего сооружения — участок пола (2,25×2,3) и примыкавшая к нему поверхность пережженной земли, заваленной горелой глиной, кусками обмазки с отпечатками прутьев и кусками сгоревших плах. В северном углу пола находились ямка от массивного столба и отходившая от него двойная линия ямок от жердей, видимо, от стенки из плетня, обмазанного с двух сторон глиной. Других деталей конструкции этой постройки не выявлено. При расчистке пола и завала найдены обломки височного колечка, бронзовая пластинка, обломки стеклянных браслетов, светильника и лепного горшка с зигзагообразным орнаментом на плечиках, а также кости коровы (23), овцы (16) и лошади.

3.30. В кв. П21—О22 и П22—О23 на уровне +1,6 м находились остатки сравнительно хорошо сохранившейся постройки (рис. 39, *3*). Размеры ее 2,25×2,25 м, ориентирована углами по странам света. Пол глинобитный, северо-западный его край обрамлен рядом разбитых кирпичей, поставленных на ребро и обмазанных глиной (обмазка сильно обожжена). Остатки такой же конструкции прослежены от западного угла до половины юго-западной стороны пола. В западном и северном углах находились ямки от крупных столбов. Третий аналогичный столб был поставлен на середине северо-восточной стороны, четвертый — в центре пола. Все они служили опорами для стен и кровли этого небольшого домика.

У юго-восточной стены расположена печь, от которой сохранились четыре кирпича пода и несколько кирпичей и обломков, поставленных на ребро по периметру пода. Устье находилось с

северо-восточной стороны — перед ним была врыта небольшая предпечная яма, заполненная золой. К восточному углу печи был пристроен дымоход, от которого сохранились только нижние кирпичи, стоящие на ребре вплотную друг к другу вокруг глинобитного пода, засыпанного золой. Следует отметить, что в данном случае и во всех остальных жилищах с пристроенными дымоходами конструкции последних весьма напоминают обычные кочевнические очажки, поэтому нередко их считали пристроенными к печи очагами, игравшими роль своеобразных "загнетков".

Несмотря на незначительные размеры постройки, она была выстроена и утеплена достаточно "фундаментально". При расчистке пола в ней были обнаружены шиферное пряслице, костяная трубочка, бронзовый бубенчик, янтарный перстень и отпиленный кусок рога (полуфабрикат).

3.31. В кв. Р23—П24 сохранились остатки полов и печей еще одного жилого комплекса на уровнях +1,43 м и +1,63 м. От верхней постройки остались печь и полоса обожженного пола длиной 3,5 м, шириной 0,25—0,75 м. Печь ориентирована углами по странам света, с прокаленным глинобитным подом и стенками из поставленных на ребро кирпичей (in situ сохранилось два). Размеры ее 0,5×0,5 м. Судя по ориентировке печи и краю пола, жилище было ориентировано углами по странам света.

Остатки нижнего обожженного пола свидетельствуют также о гибели постройки в пожаре. Печь конструктивно аналогична печи верхнего жилища, только размеры ее 0,8×0,8 м. Ориентирована она углами по странам света.

3.32. В кв. Т25—С26 на уровне +1,66 м был расчищен участок глинобитного обожженного пола длиной 4 м, шириной 1,5—2 м. Сохранились южный и восточный углы этой постройки, северо-западная половина которой была уничтожена перекопом. На полу были обнаружены пряслице, тигелек с остатками меди, собачий клык с просверлиной для подвешивания, часть горлышка стеклянного сосуда, черная с белыми разводами бусина.

3.33. В кв. Т23—С24 на уровне +1,7 м раскрыт еще один участок обожженного глинобитного пола размером примерно 3×2 м. Сохранился восточный угол и прослеживаются направления трех стен, поэтому можно уверенно говорить о традиционной ориентировке постройки — углами по странам света. Пол перекрывал еще два уровня полов этого дважды отстроенного после пожара жилища.

3.34. В кв. Т24—С25 на уровне +1,72 м, в непосредственной

близости от предыдущего строения было обнаружено пятно глинобитного пола со следами золы и углей на нем, а под ним были прослежены полы еще на двух уровнях.

Подобные следы построек разбросаны на всех уровнях этого пласта по всему раскопу. Особенно много таких не вполне определимых остатков (сгоревших плах, скоплений золы, обожженных кусков глины, пятен глинобитных полов) в юго-восточной его части.

Тем не менее относительная сохранность части развалов позволяет сделать ряд выводов о конструктивных особенностях жилых строений в цитадели и затем сравнить их с остатками и развалами комплексов того же периода, исследовавшихся на других участках крепости.

Как и в предыдущем периоде, помимо остатков жилищ в слое третьего периода попадались сооружения различного назначения.

Прежде всего это оригинальное сооружение, обнаруженное в кв. О18—Н19 на уровнях от +0,85 до +1,50 м (рис. 37, *3*). Наиболее существенной его частью являлся, по-видимому, очажок из пяти кирпичей, поставленный на дне округлой ямы диаметром 0,40 м. С трех сторон эта ямка огорожена стенками, сложенными из обломков кирпичей всухую (без раствора). В высоту она сохранилась на пять рядов. К северо-западу от нее отходит канавка шириной 0,30 м, длиной 2,25 м. Конец этой канавки замыкается поставленными на ребро кирпичами, а поверх их сохранились обломки, лежавшие в три ряда плашмя. Дно канавки на 0,35 м выше очажка и немного повышается к концу. В очажке обнаружено много золы, стенки его сильно обожжены, а стенки канавки закопчены. Следует отметить, что стенки кладки, окружавшей ямку с очажком с внутренней стороны, тщательно выровнены, а с внешней стороны кирпичи сложены небрежно. Это дает основание предполагать, что вся конструкция была врыта в землю (во всяком случае, дошедшая до нас нижняя ее часть). Рядом с ней, в кв. О19—Н20 на уровне +1,40 м, находился развал кирпичей, очевидно, верхняя разрушенная часть стенки, обрамлявшей ямку и возвышавшейся над поверхностью. Возможно, это сложное сооружение служило коптильней рыбы или мяса. Вокруг него никаких следов постройки не прослежено, а в слое вокруг него обнаружены обломки амфор (32), тмутараканских кувшинов (3), лепных сосудов (8), древнерусских горшков (2), стеклянных браслетов (3), а также кости быка, лошади, овцы, гуся.

Хозяйственное назначение имела кирпичная вымостка, расположенная в кв. Х15—Ф16 на уровне +1,35 м, рядом с остатками жилища 6. Она квадратная (1×0,9 м), сложенная на растворе глины из шести целых кирпичей, нескольких половинок и обломков. Под ней находился второй слой также квадратной вымостки размером 0,75×0,75 м. Все кирпичи в ней были разбиты, и, видимо, поэтому ее перекрыли новым настилом кирпичей, предварительно заровняв поверхность слоем глины.

Наиболее выразительным и часто встречавшимся в слое хозяйственным сооружением являются ямы. К сожалению, значительная их часть, как говорилось выше, не доследовалась до конца или вообще не раскапывалась.

Остановимся на описании тех из них, которые удалось расчистить полностью.

В кв. Ф12—У13 на уровне +1,25 м, около жилища № 1 находилась яма диаметром 1,2 м, долгое время служившая помойкой. Ее заполнение насыщено костями животных и рыб, чешуей и обломками керамики. Кости принадлежали корове, овцам, оленю, верблюду. В маленьком лепном горшочке были найдены косточки котенка. Керамика представлена обломками амфор, древнерусских горшков, лепных сосудов.

В кв. Ф17—У18 на уровне + 1,35 м было расчищено устье цилиндрической ямы диаметром 1 м, глубиной 1,15 м. В ее заполнении найдены обломки древнерусских горшков (с орнаментом, нанесенным на плечики колесиком), один обломок хазарского горшка, бронзовая небольшая круглая пуговка и кости животных: овец, коровы, свиньи, рыб. Вероятно, эта яма тоже использовалась как помойная, постепенно заполнявшаяся мусором и землей.

Необходимость сделать ямы более пригодными для хозяйства и уберечь их от осыпей быстро нараставшего рыхлого культурного слоя привела беловежцев к использованию кирпичей для облицовки ими стен и дна. От двух таких ям сохранились только круглые, выложенные кирпичами площадки диаметрами 1,15 м, открытые в кв. Х19—Ф20 м на уровнях +0,67 м и +0,87 м. Если глубина этих ям не превышала 1 м, можно уверенно считать, что обе относятся к уровню второй половины XI века.

Две ямы сохранились лучше — от них остались не только донца, но и часть стенок, выложенных кирпичом. Открыты они на уровнях +1,07 м (яма в кв. П21—О22) (рис. 40, *1*) и +1,13 м

(яма в кв. Т22—С23), но верхняя их часть разрушена примерно на половину глубины, следовательно, их устья находились где-то на уровнях +1,7 м и +1,8 м. Аналогичные остатки еще одной кирпичной ямы были обнаружены на уровне +1,57 м в кв. У12—Т13 (рис. 40, *2*). Сохранившаяся нижняя часть ямы сужается ко дну, как и одна из предыдущих, что позволяет предполагать ее первоначально бочковидную форму. Глубина открытой части около 1 м, по-видимому, устье находилось на том же уровне, что и у двух предыдущих.

Помимо обычных круглых в плане бочковидных и конусовидных ям, довольно небрежно выложенных кирпичами на глиняном растворе (иногда и без раствора), сооружались и весьма искусно облицованные ямы.

Таков небольшой квадратный погребок в кв. Ф14—У15 на уровне +1,74 м (рис. 40, *3*). Размер его устья 0,6—0,75 м, стенки сложены из 13 рядов кирпичей на глиняном растворе, причем второй ряд сверху был немного выдвинут в виде карниза, служившего, видимо, опорой для деревянной крышки. Глубина погребка 1,14 м, он немного расширяется ко дну, размеры которого 0,8×1 м. Интересно, что погребок был надстроен: на его стенки положены еще два ряда кирпичей, отличавшихся от основной кладки небрежностью укладки и иным раствором глины. Очевидно, надстройка стала необходима в результате прироста культурных наслоений вокруг погребка. Его дно выложено кирпичами, на которые опирались его стенки.

Заполнение, как и у всех ям, мусорное, но с большим количеством костей животных, углей, золы, обломков кирпичей и керамики. Кости принадлежали лошади, овцам, корове, птице, рыбам, а керамика представлена обломками амфор (6), лепных горшков (8) и ручки поливного зеленого сосуда. Там же были обнаружены половинка шиферного пряслица, сердоликовая круглая и реберчатая стеклянная бусины.

Остатки кирпичного "погреба" или какой-то неясного назначения углубленной в землю квадратной хозяйственной постройки были обнаружены в кв. Т26—С27 на уровнях +1,80 м и +1,65 м. Она вплотную примыкала к юго-восточной крепостной стене, которая служила ее четвертой стенкой. Три остальные были сложены из кирпичей на глиняном растворе. Размеры этого сооружения 2,5×2,5 м, глубина 0,6 м (7 рядов кирпичей). Пол в нем ровный глинобитный.

Изредка ямы сооружались и без использования кирпичей. Такова, в частности, яма в жилище № 2, о которой уже сообщалось выше. Стенки и дно в ней были обмазаны слоем глины. У аналогичной ей ямы, обнаруженной в кв. Ф14—У15 на уровне +1,74 м, стенки были закреплены толстым слоем зеленой глины, а дном ей служила подровненная поверхность кирпичной кладки разрушенного саркельского здания.

Отметим далее характерную особенность этого слоя. При описании построек в нем, полы которых находились на уровнях не выше +1,5 м, были зафиксированы находки мергелевых блоков или их обломков. Кроме того, мергелевые блоки были раскиданы примерно на том же уровне в нескольких квадратах: в кв. Т22—С23 на уровне +1,44 м, в кв. С24—Р25 на уровнях +1,40 и +1,45 м, в кв. Р24—П25 на уровне +1,45 м.

Таким образом, значительная площадь, вскрытая на юго-западном участке цитадели, позволила нам не только рассмотреть остатки активной строительной деятельности, но и выявить определенный порядок в расположении жилищ, который есть все основания считать "зачаточно" уличным или квартальным (рис. 36).

2. Строительство на территории бывшего "караван-сарая" и связанных с ней участков

Наиболее яркой особенностью слоя на этой обширной территории являются остатки строений с значительным использованием мергелевых блоков (рис. 41).

3.35. Прежде всего это цоколь дома, расположенного в кв. С5—Р6 и С6—Р7, уровень нижней его грани +1,67 м (рис. 42, *1*). Размеры этого здания 3,75×4,4 м, ориентировка углами по странам света. Цоколь сложен из крупных мергелевых блоков, сильно растрескавшихся, но сохранивших свою форму. Размер блоков 90×40×60 см, 75×40×60 см, 45×40×60 см. Южный угол цоколя срезан котлованом поздней большой полуземлянки и ямой. Какими были стены этой постройки неясно, однако отсутствие вокруг него разлива глины позволяет предполагать, что они не были глинобитными или даже сырцовыми. Не исключено, что на цоколь опирался деревянный сруб.

Внутри цоколя, на уровне его верхних граней прослежен толстый слой глинобитного пола. Находок на нем не было, но над полом (в засыпи) обнаружены обломки древнерусских горшков, амфор, тмутараканских кувшинов и много костей животных.

Попадались также обломки кочевнических лепных сосудов и несколько обломков хазарских горшков. При разборке цоколя найдена монета, чеканенная в Херсоне при Иоанне Цимисхии (969—976), видимо, попавшая из нижележащих наслоений в слой XI века при расчистке площадки для строительства. Кроме того, под цоколем был обнаружен скелет собаки, очевидно, ритуальное погребение — "закладная жертва".

Помимо мергелевого цоколя дома на том же уровне были прослежены остатки основания довольно длинной (около 8 м) мергелевой стены, отходившей от западного угла дома на юго-запад. Почти половина ее уничтожена двумя ямами и печью, тоже сильно разрушенными. От одной из ям сохранилось только выложенное кирпичами дно диаметром 1,20 м. Стенки ее обвалились, и с юго-востока в нее врезается край второй более крупной ямы. Она немного глубже предыдущей — кирпичное дно находилось на уровне +1,85 м. Стенки ямы были облицованы кирпичами. От них осталась лишь часть, врезавшаяся в предыдущую яму. Обе ямы спущены с верхнего беловежского слоя, т.е. почти с современной поверхности. Что касается оставшихся in situ блоков стены, то все они сильно потрескались и раскрошились, только у двух, немного лучше сохранившихся, можно определить длину — 0,90 м (как у большинства блоков цоколя дома). Очевидно, что стена была связана с домом: одним концом она примыкала к нему и сложена из аналогичных по величине блоков. Поскольку никаких более следов мергелевых сооружений или даже обломков на всем исследованном участке не обнаружено, судить о назначении стены мы не можем. Впрочем, беловежцы использовали ее при строительстве одного из своих обычных наземных жилищ.

3.36. В кв. У5—Т6 на уровне + 1,36 м, с северо-западной стороны примыкала постройка, от которой остались сильно перекопанный глинобитный обожженный пол с разбросанными на нем обугленными кусками жердей и развал печи: обломки кирпичей и обожженной обмазки (рис. 41). Вдоль мергелевой кладки прослежены гнезда двух столбиков на расстоянии 3,25 м друг от друга. Возможно, это угловые столбы, что позволяет определить длину одной из стен жилища. В развале печи и вокруг него было обнаружено большое количество золы, рыбьей чешуи, остатки плетенной из бересты циновки. Интерес представляет находка обломка фаянсового барельефа с изображением правой руки чело-

века с растопыренными пальцами, лежащими на струнах какого-то музыкального инструмента с закругленным краем (гуслей?). Кроме того, на полу были найдены обломки тонкостенного желтоглиняного сосуда с канеллюрованной поверхностью, покрытой зеленой поливой, а в мусоре над полом — кости животных и обломки кирпичей.

3.37. В кв. Ф5—У6 на уровне +1,31 м прослежены остатки еще одного жилища, представленные довольно большим участком плотного глинобитного пола, слегка обожженного в пожаре. На нем находился развал печи: под из четырех кирпичей и примыкавший к нему дымоход из поставленных на ребро кирпичей. Внутри дымоход забит золой. Ориентирована печь углами по странам света, устье — на северо-западной стороне. Необычным представляется сооружение ее на специально изготовленной подставке из глины, перемежающейся слоями золы (три слоя золы и два слоя золы) толщиной около 0,60 м. Под полом жилища также была насыпана зольная прокладка. На полу рядом с дымоходом был обнаружен разбитый жернов, а перед устьем печи — куча разбитых кирпичей, очевидно, от разрушенных стенок печи.

3.38. В кв. С4—Т5 обнаружены остатки, вероятно, дважды сгоревшего дома. От глинобитного обожженного пола сохранились два уровня в виде узкой изрезанной перекопами и выравниванием полосы, местами покрытой углем, золой и обугленными обломками жердей. Нижний уровень +1,30 м. На нем в основном были сосредоточены остатки сгоревших частей постройки. Верхний уровень пола выше почти на 0,30 м. Возможно, к нему следует отнести довольно небрежно сложенную из кирпичей небольшую печь, ориентированную устьем на северо-запад. Она тоже сильно разрушена, но ее нижняя часть — под, сложенный из четырех кирпичей, и стенки из неровно уложенных плашмя кирпичей дают представление о типе и степени сохранности этого сооружения. По сохранившимся данным трудно уверенно относить к этой постройке и яму у северо-восточного конца пола, устье которой было обрамлено короткими плашками — остатками от ее деревянной крышки. Заполнение ямы не было исследовано.

3.39. Еще меньший "обрывок" глинобитного пола с развалом кирпичной печи зафиксирован в кв. С3—Р4 на уровне +1,29 м. Под был сложен из четырех кирпичей, нижняя часть стенок — из кирпичей, поставленных на ребро.

3.40. В кв. П1—Н4 кирпичные стены "караван-сарая" были

разрушены еще в саркельское время. От них остались только разбитые блоки. Один из них свалился в большую яму — его нижние кирпичи находились на глубине ниже основания стены. Верхняя поверхность блока (на уровне "0") служила предпечьем для древнерусской печи, которая передними кирпичами пода перекрывала его (рис. 44, *2*). Под печи сложен из 16 кирпичей (4×4), на которых по периметру с трех сторон плашмя уложены на земляном растворе кирпичи стенок на высоту 8 рядов. С западной стороны находилось устье печи. Тип печи, обломки древнерусских горшков, обнаруженных при ее зачистке, свидетельствуют о принадлежности ее к рассматриваемому в данной главе периоду. Однако этому не соответствует уровень пода печи, что можно объяснить только тем, что поставлена печь была в полуземлянке, глубиной не менее 1,2 м. Котлован ее, вырытый в рыхлом мусорном перекопанном слое, выявить не удалось.

3.41. В кв. У1—Т2, У2—Т3, Т1—С2, Т2—С3 на уровне +1—1,2 м между почти полностью разобранных стен "длинного здания 1" бывшего "караван-сарая" расположены остатки жилого комплекса с двумя разрушенными печами (рис. 43, *2*). Первая печь, более ранняя, была разрушена после пожара жилища. От нее сохранились только разбросанные обломки кирпичей. Вторую печь при восстановлении постройки перенесли на другое место. От нее также осталось немного — всего три кирпича in situ, слой золы вокруг и разбитые кирпичи по всей площади пола жилища. Пол глинобитный обожженный. Возможно, что одна или две кирпичные стены, к тому времени сильно или полностью разобранные, служили этому жилищу в качестве цоколей или фундаментов для бревенчатых или досчатых стен, сгоревшие обломки которых сохранились в нескольких местах по периметру пола.

На полу постройки были найдены обломки амфоры XI — первой половины XII века. Аналогичная амфора без горла, стоявшая in situ, обнаружена в кв. Р5—П6, в полутора метрах от дома с мергелевым цоколем. Она была вкопана в древнюю дневную поверхность и потому оставалась стоять: дно ее находилось на уровне +1,94 м, а основание горла — на уровне цоколя (горло возвышалось над поверхностью и поэтому при очередном пожаре было отбито). Факт находки обеих амфор свидетельствует о хронологической близости дома № 41 и дома на цоколе.

3.42. В кв. Х2—Ф3 на уровне +1,60 м сохранилась значительная часть глинобитного сильно обожженного пола жилища. Пря-

моугольные очертания дошедшей до нас северо-западной части пола дают основания говорить о том, что это, очевидно, наземное жилище было ориентировано углами по странам света и в его северном углу находилась обширная печь. Длина северо-западной стены 3,60 м. Как подавляющее большинство жилищ, эта жилая постройка, видимо, была квадратной. Следовательно, перекопом была срезана вся юго-восточная его половина, полностью перекрывавшая культурными напластованиями XI века остатки стен "караван-сарая".

От печи осталась только ее нижняя часть, традиционно сложенная из кирпичей на глиняном растворе (рис. 44, *1*). Под печи размером 1,15×1,20 м вымощен целыми кирпичами не сплошь, а только в центре на площади 1,05×0,85 м. Пространство между стенками и кирпичным подом было заполнено битым кирпичом и промазано плотно утрамбованной глиной. По периметру этого пода были поставлены на ребро кирпичи (по четыре с каждой стороны). Устье находилось на северо-западной стороне печи. В центре пода, против устья, прослежены стоящие на ребре вплотную друг к другу два кирпича. Это была основа центрального столба большой печи, служившая опорой для глинобитного ее свода. Вокруг столба на поду было обнаружено большое количество разной величины и размеров кусков обгорелой обмазки. Среди этого развала попадались обломки круглой "подницы", сделанной на деревянном каркасе из тонких дощечек (на обожженной глине хорошо видны их отпечатки). В составе глины подницы зафиксировано значительное количество зерен конопли.

При расчистке пола найдены железное массивное кольцо, обломок стеклянного синего браслета с росписью красным и белым, а также обломки гвоздей, древнерусских горшков (23) и круглых в разрезе синих стеклянных браслетов, обломок амфоры с граффити, кости животных (43).

3.43. Рядом с этим жилищем в кв. Ф1—У2 и Ф2—У3 на уровне +1,53 м были открыты остатки еще одного жилого комплекса. Судя по уровню пола, он относился к более раннему времени. Глинобитный пол сильно изрезан поздними ямами, сохранился только в юго-западной части, где, видимо, в юго-восточном углу открыт развал печи, ориентированной сторонами по странам света. По-видимому, ориентировка жилища была такой же.

Лучше самого жилища сохранилась расположенная рядом с ним яма (рис. 45). Края ямы сильно осыпались, поэтому в верх-

ней части диаметр ее равен 1,60 м, глубина от уровня пола — 0,86 м. Дно ямы выложено кирпичами (размеры их 27×27×6 см) и их обломками на глиняном растворе. Оно немного овальное, наибольший диаметр 1,25 м. В центре на дне лежала дном вверх небольшая бронзовая чаша, под которой находилась кучка земли, насыщенная угольками.

К этой яме к юго-западу прирезана небольшая яма, глубиной от пола 0,67 м. Вполне возможно, что она не является частью большой ямы — это или грабительский ход в нее, или просто случайно совпавший с краем ямы более поздний перекоп. Это тем более вероятно, что такая же яма-щуп находилась всего в 0,6 м от нее — ею была сильно разрушена печь жилища № 43. В культурном слое над остатками данной постройки были обнаружены обломки древнерусских горшков и лепной без орнаментации керамики, обломки амфор с граффити, несколько шиферных пряслиц, обломки стеклянных браслетов, крестик из серого шифера, обломок тигелька, костяная стрелка, рукоятка из рога лося с монограммой, а также кости животных (35).

Более на этом участке бывшего "караван-сарая" уверенно выявить остатки жилых комплексов не удалось.

Выше мы уже останавливались на описании двух разрушенных облицованных кирпичами ям, врезавшихся в мергелевую стенку (кв. Т5—С6).

В кв. С2—Р3 и Р3—П4 на уровнях +1,21 м и 1,27 м были расчищены еще две ямы. Первая яма (С2—Р3) глубиной не более 0,60 м. Она круглая, диаметром 1,65 м, выкопана в культурном слое. Стенки ее ничем не укреплены, дно выложено кирпичами. Заполнение ямы мусорное, в нем найдена бипирамидальная синяя бусина, слегка уплощенная. Возможно, что яма была связана с жилищем № 41, расположенным примерно в 4 м юго-западнее ее.

Вторая яма (Р3—П4) относилась, видимо, к другому жилому комплексу (№ 39 или № 40). Ее глубина в слое 0,58 м, стенки, как и у первой, не укреплены, а дно тщательно выложено кирпичами. Заполнение ямы мусорное.

В кв. Р5—П6 на уровне +1,86 м обнаружено обложенное обломками кирпичей овальное устье большой ямы (диаметры 0,8—1 м). Форма ямы яйцевидная, диаметр дна 0,8 м, наибольшее расширение — на середине глубины — 1,15 м. Глубина ямы 1,70 м, дно у нее глинобитное, стенки облицованы тридцатью

рядами кирпичей на глиняном растворе (рис. 46, *1*). Заполнение ямы мусорное с обломками кирпичей и кусков обожженной обмазки, костями животных и просяной мякины. Судя по тщательности отделки стен и дна, яма первоначально служила зернохранилищем.

Перейдем далее к характеристике остатков жилых и хозяйственных комплексов на участке северо-восточнее двора "караван-сарая": от перекрытых застройкой, очевидно, уже почти разобранных комнат для гостей до угловой башни и поперечной стены цитадели, также местами довольно сильно разрушенных (рис. 41).

3.44. В кв. И1—З2 и К1—И2 над разобранной и перекрытой культурным слоем кирпичной стенкой, отходящей от башни, на уровне +1,9 м сохранился участок глинобитного обожженного, усыпанного золой пола. Со всех сторон он перерезан большими неровными перекопами, поэтому судить о размерах жилища не представляется возможным. Куски массивных обгорелых плах на полу и три ямки от столбов также не дают материала для восстановления плана постройки (рис. 47, *1*). Вплотную примыкает к полу явно относившийся к этому комплексу развал печи, ориентированной углами по странам света, что позволяет установить и ориентировку самого жилища. Несмотря на сильное разрушение, можно констатировать, что печь была большой и умело сложенной. Под ее вымощен девятью кирпичами, стенки состояли из двух рядов поставленных на ребро кирпичей (сохранилась только ее юго-восточная стенка), устье было обращено на юго-запад. Сама печь стояла в восточном углу и стенки ее, помимо глиняной обмазки, поддерживались еще вбитыми в пол у устья и на углах столбиками. В центре пода был поставлен на ребро один кирпич, служивший, как и в печи жилища № 42, основой опоры для свода этой печи. Находок на изрезанном полу не было, но в печи обнаружен разбитый лепной баночный (цилиндрический с немного отогнутым венчиком) горшок.

3.45. В кв. И3—З4 на уровне +1,80 м расчищены значительный участок обожженного пола и несколько ямок от столбов (рис. 47, *2*). Ориентировка углами по странам света. Пол сохранился не полностью: его северо-западная часть была ровно срезана перекопом, поэтому мы можем судить только о длине юго-восточной стены — 3 м. Вся поверхность пола завалена сгоревшими дубовыми досками, лежавшими в направлении СВ—ЮЗ. Под досками прослеживаются куски толстых тополевых жердей, лежавших перпендикулярно доскам — в направлении СЗ—ЮЗ. Эта

сгоревшая конструкция рухнувшей кровли была перекрыта слоем сильно обожженной глины. От стен постройки ничего не осталось. Поскольку северо-западный край ее был уничтожен перекопом, то от печи, которая находилась в западном углу, осталось очень немного: часть глинобитного обожженного пода с поставленным на ребро кирпичом в центральной части и три поставленных на ребро кирпича на двух стенках.

При расчистке пола и обвалившейся на него крыши обнаружены обломки двух амфор (232), тмутараканских кувшинов (6), лепных сосудов (18), два сгоревших деревянных сосуда: один — тополевый долбленый, второй — туесок из бересты, лепной светильник, обломки ножа, гвоздь, астрагал коровы (бита) и кости животных: овцы (46), лошади (5), сайги (1), суслика (1), рыбы (3) и птицы (1). Находки при зачистке печи: обломки тех же двух амфор (13), один обломок тмутараканского кувшина, обломок лепного горшочка с ручкой, гвоздь и кусочек янтаря.

С внешней стороны северо-западной стены этого жилища находились на уровне +1,40 м кирпичная прямоугольная вымостка размером 1,60×1,20 м и рядом с ней расплывшаяся сырцовая стенка. Судя по залеганию их в слое, обе относятся к более раннему времени.

На том же примерно уровне в кв. К2—И3 были обнаружены остатки развала печи, а в кв. К3—И4 — развал тандыра: неглубокая круглая ямка диаметром 0,80 м, обломки массивных толстых сильно прокаленных стенок и венчика диаметром около 0,30 м. Тандыр был, видимо, окружен легкими стенками и крышей, от которых остались только пять глубоких ямок от жердевого каркаса, образующих прямой угол (рис. 41).

3.46. В кв. К4—И5 и К5—И6 на уровнях от +1,30 до +1,8 м были открыты разрозненные части почти полностью уничтоженного комплекса: обрывки обгорелого глинобитного пола (возможно, разновременной подмазки), прилегающий к ним развал печи с подом из девяти кирпичей и сохранившимися кое-где упавшими плашмя кирпичами стенок. По-видимому, вне этого жилого помещения, у его северного угла прямо на землю была насыпана солидная груда речного красноватого янтаря (диаметр россыпи 1,5 м). Отдельные кусочки янтаря были найдены на обоих уровнях вскрытого рядом пола около остатков печи.

Вероятно, к этому хозяйственному комплексу относились и две ямы, обложенные обломками кирпичей, устья которых находи-

лись на уровне +1,4 м (кв. К6—И7). Первая яма цилиндрическая, диаметр ее 1 м, глубина 0,60 м. Стенки облицованы кирпичами на глиняном растворе. Нижний ряд кирпичей поставлен на ребро, всего по периметру глинобитного дна помещено 13 и 2 неполных кирпича. Выше сохранилось всего 3 ряда кирпичей и обломков, уложенных плашмя (рис. 46, *4*). Заполнение ямы мусорное, находок в нем немного: обломки амфор (11), лепных сосудов (4), крица, гвоздь, пробка из амфорного обломка, кости коровы (2), овцы (7).

Вторая яма тоже цилиндрическая, диаметр ее 0,8 м, глубина 0,9 м (рис. 46, *3*). Стенки облицованы кирпичами на глиняном растворе — всего 9 рядов кирпичей, поверх кладка промазана глиной, дно ямы также глинобитное. Заполнение ямы плотное глинистое в верхней части, ниже — глинистое с большим количеством мелких обломков кирпичей. Находок в яме не было.

В кв. И7—З8 на уровне +1,67 м обнаружена короткая неясного назначения стенка, сложенная из 8 рядов кирпичей на глиняном растворе. Ширина ее два кирпича, длина 1,25 м. Может быть, она была частью забора, ограничивавшего участок, на котором находились еще два жилища.

3.47. В кв. И8—З9 на уровне +1,65 м расчищены остатки сильно обожженного пола, местами очень разрушенного, но в сочетании с перекрывавшими его и участки рядом с ним сгоревшими плахами можно установить примерные размеры жилища (2,5×3,25 м) и его традиционную ориентировку углами по странам света (рис. 47, *5*). В центральной части пола находился очажок, сложенный из одного кирпича на поду и поставленных вокруг него целых и половинок кирпичей (сохранились только две стороны, две другие разбиты и разбросаны по полу). Что касается кусков обгорелых плах и жердей, то это несомненно остатки стен и кровли — слой сгоревших деревянных конструкций перекрыт рухнувшим на него слоем обожженной глины толщиной около 10 см. При расчистке пола обнаружены обломки древнерусских горшков (три венчика и донце) и два обломка горшка со сплошным линейным орнаментом — ранних древнерусских.

3.48. В кв. И9—З10 на уровне +1,50 м было раскрыто пожарище еще одной постройки, занимавшей весь квадрат (рис. 47, *4*). Размеры постройки 3,50×4,20 м, ориентировка углами по странам света. Пол глинобитный, обожженный докрасна, состоял из нескольких подмазок — толщина его доходила до 15 см. С северо-

востока он примыкал к стене цитадели, служившей ему, видимо, четвертой стеной. С краев в нескольких местах пол нарушен перекопами, в частности, уничтожившими печь, находившуюся, судя по двум кирпичам и сохранившемуся участку пода, в южном углу жилища. Пол покрыт кусками сгоревших сосновых плах и углей. На нем среди углей найдены четыре обломка стеклянных браслетов и шиферное пряслице.

В кв. К9 на уровне +1,40 м обнаружена цилиндрическая яма, относившаяся, вероятно, к этому комплексу (рис. 41). Устье и стенки ямы, не укрепленные кирпичной облицовкой, сильно обвалились, поэтому диаметр ее (1,40 м) заметно превышает диаметры беловежских ям. Глубина ямы 0,85 м, дно плотное, обмазанное глиной. Вполне возможно, что перед тем, как забросить яму и превратить ее в обычную мусорную, кирпичное крепление стен, абсолютно необходимое в рыхлом культурном слое, было снято и перенесено в другую (новую) яму. Этим можно объяснить и ее большой диаметр. Заполнение заброшенной ямы мусорное, с большим количеством чешуи и костей животных, а также обломков керамики: амфор (18), тмутараканских кувшинов (3), лепных сосудов (3), древнерусских горшков (4).

3.49. В кв. Н4—М5 и Н5—М6 на уровне +1,79 м была расчищена прямоугольная полуразрушенная вымостка из 24 кирпичей. Под ней и вокруг нее был прослежен слой обожженной глины толщиной в 5—7 см, а над ним — слой угля с кусками обгорелых горбылей (рис. 41). Слой угля перекрывает слой белого речного песка, толщина которого около 3 см. В этом завале были обнаружены обломки стеклянных браслетов, мелких обломков лепных сосудов, зубило, две круглые бляшки от поясного набора (одна из них с серебряной обтяжкой) и кусочек янтаря, который позволяет связать этот комплекс с описанными выше жилыми комплексами, в которых был найден янтарь.

Под слоем песка выявлен на уровне +1,20 м утрамбованный обожженный пол, по краям срезанный ямами и перекопами (рис. 48, *1*). Размеры сохранившейся части 3,40×2,9 м, ориентирована постройка углами по странам света. Печь не обнаружена, по-видимому, она была уничтожена большой траншеей XIX века. Остается неясным происхождение и назначение песка, рассыпанного по всему полу (возможно, им пытались сбить огонь?).

На полу и под полом найдены обломки амфор (9), тмутараканских кувшинов (21), горшков со сплошным линейным орнамен-

том (4), кочевнических лепных сосудов (17), древнерусских горшков, орнаментированных штампом-"колесиком", точильные камни, белемнит со следами обработки, костяная пуговка, половинка бусинки, бронзовое острие, обломки бронзовых браслета, проволоки, пуговки, а также кости овец, коровы, лошади, сайги, рыб и птиц.

3.50. В кв. М5—Л6 на уровне +1,30 м, практически рядом с предыдущей постройкой было расположено аналогичное жилище, развал которого сохранился еще хуже (рис. 48, *2*). Правда, от него вместе с частью пола до нас дошли остатки нижней части печи: квадрат пода, сложенный из четырех кирпичей, и стоявшие на ребре два кирпича с юго-западной стороны пода. Судя по ориентировке печи, жилище, как и все на этом участке, ориентировано углами по странам света. Печь, вероятно, стояла в северном углу постройки. Вся юго-восточная часть жилища срезана поздним перекопом. Но сохранившаяся северо-западная половина позволяет определить его длину — около 4 м. Вдоль северо-западного края пола выделяются две массивные ямки от столбов и разливы глины, две жердевые ямки, слой золы и куски сгоревших жердей определяют направление юго-западной части стены, разлив глины и сгоревшие куски деревянных конструкций прослеживаются и вдоль сохранившейся части северо-восточной стены. Пол жилища сильно обожжен и перекрыт слоем золы, углей и крупных обломков широких плах от рухнувшего перекрытия.

Находки на полу и в угольно-золистом слое над ним: обломки амфор (9), тмутараканских кувшинов (18), кочевнических лепных сосудов (9), древнерусских горшков (3). Кроме обломков керамики на полу обнаружены кусок рога, обломок зеленоватого стекла, черная и голубая бусины, бронзовая пуговка.

В кв. Н5—М6 на том же уровне, в углу, образованном стенами этих двух жилищ, находился, очевидно, синхронный им очажок, не типичный для беловежского строительства конструкции (рис. 48, *3*). Сохранилась, по-видимому, только его юго-западная половина, размеры которой 1,50×0,75 м. Под у очажка глинобитный прокаленный, стенки из кирпичей, поставленных на ребро и сильно промазанных с обеих сторон глиной, тоже сильно обожженные. Рядом с очагом лежал мергелевый блок (60×30 см), связывающий его и постройки рядом с ним с периодом "мергелевого строительства" в городе.

Еще один очажок был обнаружен в кв. Н7—М8 на уровне

+1,29 м (рис. 41). Это характерный кочевнический очажок, сложенный из четырех кирпичей, поставленных на ребро, с глинобитным подом, покрытым голубоватой чистой золой. В золе найдены обломки раздавленного гончарного горшка, а около него — обломки лепной сковороды, амфоры и тмутараканского кувшина.

Следует упомянуть также о развалах трех печей. Две расположены в кв. М9—Л10 и Н9—М10 на уровне +1,40 м, на расстоянии около 2 м друг от друга, третья — в кв. Н6—М7. Все три сложены из кирпича и снаружи обмазаны толстым слоем глины. При расчистке первой обнаружены пять обломков стеклянных браслетов, две сердоликовые бусины и половинка шиферного пряслица.

Никаких остатков или следов построек вокруг развалов печей не отмечено.

Участок северо-восточнее разрушенной стены цитадели (рис. 41) территориально связан, как и рассмотренные комплексы в предыдущей главе, не с цитаделью, а с двором "караван-сарая" и особенно с участком, примыкающим к разрушенной стене с юго-запада. Оставшийся вдоль стен цитадели культурный слой сильно перемешан множеством перекопов, более всего на верхних кое-где сохранившихся уровнях (от +1,50 до +1 м). От жилищ удалось зафиксировать только небольшие куски обожженных полов. Так, в кв. Ж7—Е10 были расчищены полы, очевидно, нескольких расположенных в ряд жилищ на уровнях +1,11 м и +1,13 м. На одном из них были обнаружены остатки печи (один подовый кирпич и несколько обломков), а также обломки амфор, тмутараканских кувшинов, древнерусских горшков, гвозди, медный лом для переплавки, обломки стеклянных синего и голубого браслетов, астрагал, лазуритовая вставка в перстень и кости животных.

Еще один участок глинобитного обожженного пола в кв. Е8—Д9 открыт на уровне +1,22 м. На нем были найдены обломки амфор и тмутараканских кувшинов, стеклянных браслетов.

В пределах примерно тех же уровней, перекрывая сгоревшие и разровненные дома, обнаружены две вымостки из кирпичей (рис. 41). В кв. Ж7—Е8 на уровне +1,26 м — прямоугольная вымостка из 12 кирпичей, на которой при расчистке обнаружены обломки амфоры, бронзовый бубенчик и пуговка. В кв. Ж9—Е10 на уровне +1,37 м — вымостка со следами пожарища (кирпичи растрескавшиеся, уголь и зола вокруг). Находки на ней и под ней: обломки амфор (27), тмутараканских кувшинов (34),

лепных сосудов (43), целый древнерусский горшок, кости животных: овец, быка, сайги, гуся.

В кв. Ж8—Е9 на уровне +1,52 м находилась прекрасно сохранившаяся яма. Дно и стенки ее облицованы кирпичами на глиняном растворе, диаметр ямы 0,96 м, глубина 0,90 м. В мусорном заполнении найдены нож, обломок бронзовой застежки, кости овцы, лошади, быка (рис. 46, *2*).

3.51. В кв. Е2—Д3 на уровне +1,08 м обнаружен участок глинобитного обожженного пола (рис. 43, *1*), перекрывшего пол с очажком, относившийся, видимо, ко второму периоду. Размеры открытого в данном слое участка 2,8×2,2 м. Жилище было выстроено вдоль еще возвышавшейся тогда части поперечной стены цитадели, возможно, даже вплотную к ней. Проследить эту связь не удалось, поскольку траншея над стеной, копавшаяся для выемки кирпича, превышала ширину стены и срезала значительную часть пола, примыкавшего к стене. Восточный угол пола также уничтожен перекопом и поздней ямой, но у юго-восточной стороны сохранились остатки большой печи (1×1 м): прокаленный квадратный глинобитный, покрытый слоем золы под, две стенки из стоявших на торце кирпичей, кирпич в центре пола для опоры свода. С северо-западной стороны сохранилась нижняя часть дымохода. Дно у него обожжено, а верхние грани кирпичей стенок оббиты. Снаружи дымоход был обмазан толстым слоем глины, соединившего его в единое целое с печью. Вся юго-западная половина жилища полностью срезана перекопом, в который попал и край печи, разрушивший юго-западную стенку и под вдоль нее.

В кв. Ж3—З4 на уровне +1,37 м обнаружены остатки мергелевой кладки из двух блоков, размеры которых 40×20×20 см, а рядом с ними — небольшой кусок глинобитного обожженного пола (рис. 41).

3.52. К этому же периоду следует отнести и остатки мергелевого цоколя большого строения (4,6×4 м) в кв. Ж12—Е13 и Ж13—Е14 (рис. 42, *2*). Уровень верхних граней его блоков +0,90 м. Казалось бы, это не соответствует уровню слоя второй половины XI века. Однако в данном случае надо учитывать очень сильное разрушение цоколя: все четыре стены в средней части полностью уничтожены, сохранились они только в углах, что дает возможность установить размеры постройки, ее ориентировку углами по странам света и размеры некоторых блоков — 45×27×27 см. Судя по

чертежу, кладка состояла из двух рядов блоков, но от верхнего ряда остались отдельные целые блоки и обломки. Никаких следов пола этого фундаментального здания не обнаружено. При датировке остатков пола мы можем опираться только на принадлежность его к "мергелевому" пласту, прослеженному в цитадели, во дворе "караван-сарая" и на прилегающих к этим участкам территориям.

3. Строительство на участке так называемого "длинного здания"

Фактически этот сравнительно небольшой исследованный район является продолжением участка, расположенного между стеной цитадели и разрушенной стеной "караван-сарая". Он тянется от угловой башни цитадели до северо-западной стены крепости (рис. 49). Культурный слой на нем очень сильно перемешан поздними перекопами, а верхний его слой был снят скрепером на глубину 1 м от современной поверхности, поэтому, естественно, не все комплексы второй половины XI века, вернее их следы, могли быть замечены археологами. Тем не менее в оставшемся слое удалось выявить ряд жилых и хозяйственных сооружений, свидетельствующих о довольно интенсивной жизни здесь в период не ранее середины XI века. Начнем их описание с характеристики жилых сооружений.

3.53. В кв. З91—Ж92 на уровне +0,97 м было выявлено пятно полуземлянки: пол ее находился на уровне +0,30 м, в материк котлован врезан на 0,25 м. В плане полуземлянка почти квадратная, размеры ее 3,1×3,4 м, ориентирована углами по странам света (рис. 50, *1*). Печь поставлена в южном углу на глиняной "подушке" высотой 10 см. Под прямоугольный, выложен шестью кирпичами, размеры его 0,8×0,6 м. Сохранились остатки двух стенок печи (юго-западная и юго-восточная) из кирпичей, уложенных плашмя. Устье печи обращено на северо-запад. У углов в полу прослежены ямки от столбов, от деревянной облицовки печи. Пол жилища глинобитный, покрытый слоем золы и гари. В углах и вдоль стен выявлены ямки от столбов разных диаметров, поддерживавших, очевидно, деревянные конструкции стен и кровли. Пол в центральной части осел в большую с обвалившимися краями яму. Оседание пола образовало вдоль стен "приступки" высотой от 20 до 40 см.

Полуземлянка как бы вписана в остатки кирпичного здания,

служившие дополнительными креплениями трех стен жилища. С северо-западной стороны таких креплений не было. Стена, возможно, была глинобитной.

В мусорном заполнении полуземлянки находок (обломков керамики) немного, и они не дают материала для датировки.

Время ее постройки, видимо, можно определить только по конструкции печи со стенками из кирпичей, уложенных плашмя, снаружи укрепленных деревянной облицовкой, что, как правило, встречается обычно в жилищах позднего времени (во второй половине XI века). Следует добавить, что жилище отличается от более ранних большими размерами, солидным креплением стен и, по-видимому, двускатной кровлей. Однако по уровню залегания в культурном слое и по конструкции жилища (строительство полуземлянок не было распространено в поздний период жизни в Белой Веже) эта постройка может быть отнесена и к более ранним наслоениям города. Для того, чтобы прийти к более уверенному заключению о времени бытования этой и других подобных полуземлянок, рассмотрим еще два жилища, обнаруженных в пределах данного участка.

3.54. В кв. Л94—К95 и частично К94—И95 на уровне материка обнаружен квадратный котлован полуземлянки, углубленный в материк на 0,20 см. Размеры его 3,32×3,30 м (рис. 50, *2*). Пол ровный, без подмазки. В южном и восточном углах находились глубокие ямки от массивных столбов, такие же два столба обнаружены на середине юго-западной стены и у юго-восточной стены — на расстоянии 0,6 м от углового южного столба. Возможно, здесь находился вход в жилище. Стены были сложены из массивных бревен: от обоих сохранились вдоль стен канавки. Северо-западная стена была срезана большой ямой-перекопом, но печь, расположенная в северном углу, не была им разрушена, поскольку была поставлена в глубокой (0,50 м) яме, занимающей в полуземлянке весь северный угол (размеры ее 1,75×1,20 м). Печь прямоугольная в плане, стенки ее сложены из кирпичей, поставленных на ребро по три на боковых и два на торцовой (задней). Снаружи кирпичные стенки обложены крупными обломками мергеля. Под печи обожженный глинобитный, покрыт слоем золы. Устье обращено на юго-восток. Перед ним вырыта чашевидная яма диаметром 0,60 м, глубиной 0,30 м. У задней стенки печи был врыт столб, очевидно, укреплявший мергелевую обкладку, поскольку ни камни, ни кирпичи в этой печи не были

скреплены глиняным раствором. В полу юго-восточной части жилища была вырыта хозяйственная яма диаметром 0,70 м.

Котлован полуземлянки, врезанный в материк всего на 0,20 м, был спущен с вышележавших наслоений культурного слоя, уровень его сооружения проследить не удалось. Конструкция самой печи с мергелевой обкладкой позволяет как-будто связать постройку с постборшевским периодом (началом XI века). Но необычное, нигде не встреченное новшество: помещение печи в довольно глубокую яму могло произойти в более позднее время. К сожалению, находок в этом жилище и даже в его заполнении не было, поэтому датировка по материалу в данном случае невозможна.

3.55. В кв. И99—З100 и З99—Ж100 была открыта еще одна полуземлянка. Очертания пятна были замечены на уровне +1—1,2 м, глинобитный пол расчищен на уровне "0", следовательно, глубина полуземлянки равнялась примерно 1 м. Грунт, в котором выкапывался котлован, был рыхлым и сыпучим, и потому стенки его были слегка наклонными (скошенными). Ориентировано жилище углами по странам света, в плане оно квадратное, размеры его 3,82×3,94 м (рис. 50, *3*). В углах и на середине длины всех четырех сторон находились ямки от толстых круглых столбов. У юго-западной стенки рядом со срединным столбом на расстоянии 0,50 м был врыт еще один столб, здесь, видимо, находился вход в жилище. Интересно, что он как бы "упирался" в сохранившийся блок кирпичной стены. На самом деле блок не был виден на поверхности во время постройки и планировки жилища, но о нем знали строители и, учитывая крепость и монолитность кирпичной кладки, соорудили вход и лестницу в этом месте, где осыпь рыхлой стены котлована от постоянного движения, несмотря на деревянные облицовки стен, была бы неизбежна. Облицовка стен из тополевых массивных (шириной 0,20 м) досок. Несмотря на то, что стенки котлована были скошены, облицовка стояла вертикально. В образовавшееся пространство была забита плотная земля с примесью угольков и золы. Вдоль юго-восточной стены в полу расчищено шесть ямок от жердей. Ямки пятиугольные, т.е. вбитые в пол концы жердей заострялись пятью затесами. Возможно, жерди были ножками деревянного ложа или скамьи. Печь стояла в западном углу, устьем на северо-восток. Стенки ее сложены из кирпичей, уложенных плашмя на глиняном растворе. Они сохранились в высоту на 0,50 м (5—7 рядов кирпичей). Размеры печи: наружные — 1×0,9 м, внутрен-

ние — 0,65×0,6 м. Под печи глинобитный обожженный, на нем слой золы толщиной 3—4 см. Одна сторона печи вплотную примыкала к северо-западной стене полуземлянки — на глиняной обмазке печи отпечатались доски облицовки. В центральной части пола вырыта прямоугольная яма-погреб размером 2×1,7 м, глубиной 0,9 м. В ее восточном углу в полу оставлен уступ для спуска в яму. Вдоль юго-восточного края ямы сохранились остатки тополевой доски, видимо, от ее крышки.

Жилище не погибло в пожаре, а было заброшено и разрушилось постепенно. Немногочисленные находки обломков керамики, как и в двух предыдущих жилищах, не позволяют датировать эту полуземлянку, так как в нее при медленном разрушении из всех прорезанных при рытье котлована слоев попали заполнившие его мусорные наслоения с находками керамики от саркельского времени до первой половины XI века.

Таким образом, мы располагаем для отнесения данного жилища ко второй половине XI века в основном конструкцией печи, а также сравнительно большими размерами и общим "благоустройством" дома, весьма напоминающими полуземлянки, сооружавшиеся в селах и даже крупных городах русской метрополии.

Разрушение слоя на данном участке коснулось не только верхних его напластований, но, как мы видели в предшествующих главах, и всего слоя, в котором не сохранилось в относительной целости ни одного комплекса.

Помимо трех полуземлянок, которые мы имеем основание относить ко второй половине XI века, можно упомянуть еще об остатках двух комплексов, расположенных рядом с жилищами. Около жилища № 53, в кв. Е91—Д92 на уровне +0,80 м было обнаружено дно небольшого квадратного погреба (0,65×0,65 м). Дно выложено девятью кирпичами. Стенки его также были облицованы кирпичами (рис. 50, *4*). От них остался только нижний ряд обломков кирпичей, уложенных на растворе глины по периметру дна. Данных об уровне, на котором находилось "устье" погребка, установить не удалось, но, даже если предположить минимальную его глубину — 0,5—0,6 м, очевидно, что вырыт он был не раньше второй половины XI века.

У юго-восточной стенки полуземлянки № 54, в кв. Л95—К96 было открыто захоронение женщины в традиционной позе — вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ориентированное головой на юго-запад. Сохранность костей плохая, череп

раздавлен, правые нога, половина таза и рука по локоть срезаны большой овальной ямой. Могила была перекрыта вымосткой из целых и обломков кирпичей. Вещей в погребении не было.

4. Застройка северо-западного городского "конца"

Как уже отмечалось в предыдущей главе, в первой половине XI века строительство у юго-западной и северо-западной стен крепости не отличалось интенсивностью. Это было связано с разрушением стен во время штурма Саркела. Так, Западная башня, вероятно, именно тогда была настолько основательно разрушена, что ее юго-западный край даже осел в рыхловатый материковый грунт бермы. Главные ворота вообще перестали существовать: в них построили жилище. Ясно, что через северо-западную стену было легко переходить без воротного проема. Проломы в ней долгое время вполне заменяли его.

Нападения на полуразрушенную крепость повторялись очень часто, поскольку ров у стен был уже почти засыпан, а с западной стороны стены фактически не могли служить реальным препятствием для вторжений нападающих. Строить, жить и работать в этом ничем не защищенном районе крепости стало невозможно.

Для обеспечения безопасности всей крепости был вырыт громадный по длине и ширине проточный ров. Вполне вероятно, что и разбитые, уже начатые активно разбираться жителями для новых построек внутренние и даже внешние стены были "отремонтированы". Следы такого ремонта башни "В" на юго-западной стене мы попытались выявить: ее с одной стороны укрепили дополнительной пристройкой. Северо-западная стена также както была укреплена. Что было сделано "ремонтниками", установить не удается, поскольку в последующие столетия, как мы знаем, все стены крепости вообще были разобраны "до отпечатков кирпичей". Однако факт застройки территории вдоль внутренней плоскости стены жилыми и производственными постройками является весомым подтверждением, во-первых, наличия стены и, во-вторых, устройства новых (или нового?) проходов через нее. То, что проходы существовали, свидетельствуют остатки построек и хозяйственные ямы с внешней стороны северо-западной стены. К ним мы еще вернемся при конкретном описании остатков и следов всех построек западного края крепости, относимых мной стратиграфически и по материалу ко второй половине XI века (отчасти и к первым десятилетиям XII века).

Начнем описание с комплексов этого времени, обнаруженных у юго-западной стены. Очевидно, в этот период кладбищем уже почти перестали пользоваться, стена вновь стала играть оборонную роль (рис. 51, *А, Б*).

3.56. В кв. И4—К5 на уровне +1,35 м прослежен слой глинобитного, прямоугольного в плане пола (3,5×2,25 м), ориентированного сторонами по странам света. В полу обнаружены ямки от столбов и жердей по периметру и в центральной части. Края пола неровные, местами срезанные перекопами. Никаких следов печи в постройке не было. Рядом с ней, у северо-восточной стенки была в культурном слое выкопана большая яма, долгое время служившая помойкой. Мусорный слой насыщен костями животных и обломками лепной (в основном боршевской) керамикой, т.е. окружающим постройку мусором. Но датирующим яму и постройку является обнаруженный в ней двусторонний костяной гребень с орнаментом в виде плетенки и волны.

3.57. В кв. И5—К6 на том же уровне были обнаружены развал кирпичной печи (разбитые кирпичи и обожженная до красноты глина купола) и участок глинобитного немного обгорелого пола, перекрытого сильно обожженным небольшим куском верхнего слоя подмазки. В отличие от предыдущего строения это жилище горело, восстанавливалось, снова горело, и от второго пожарища сохранились только следы, свидетельствующие о том, что оно стояло рядом с постройкой № 56.

3.58. В кв. Ж5—И7 на уровне +1,65 м, вдоль внутренней плоскости юго-западной стены крепости выявлены остатки еще одного жилого комплекса — глинобитный хорошо сохранившийся пол, в плане почти квадратный (4,5×3,5 м). Края пола сильно изрезаны перекопами (рис. 51, *А*; рис. 52, *1*). В восточном углу находилась печь, полностью разрушенная: от нее осталась только кучка разбитых кирпичей, перемешанных с золой. В полу прослежено множество ямок от довольно крупных столбов и жердей, некоторые из них расположены по периметру, но большинство разбросано беспорядочно в западной половине жилища. В восточной половине помимо печи находилась вырытая в полу цилиндрическая (диаметр 1 м) довольно глубокая (1,2 м) хозяйственная яма. Жилище явно погибло в пожаре: пол обожжен, по нему раскидано много обломков сгоревших досок, скопление их было расчищено и вне помещения у восточного угла. Очевидно, это остатки сгоревшей кровли и, возможно, стен, поскольку не-

которые большие куски досок лежали на полу вдоль или поблизости от краев. Никаких находок на полу не зафиксировано.

Рассмотрим далее остатки построек, прослеженные вдоль северо-западной стены.

3.59. В кв. К4—Л5, Л4—М5, Л5—М6 на уровне +1,63 м была исследована большая постройка: длина ее вдоль стены около 6 м, ширина 3 м. В плане она прямоугольная, по периметру с юго-восточной стороны четко прослеживаются ямки от шести массивных столбов (рис. 53, *1*). Два из них, поставленные на расстоянии 0,6 м друг от друга примерно на середине длины стены, служили, вероятно, косяками двери. Напротив одного из них, у противоположной стены также стояли глубоко врытые в пол два столба. Очевидно, на эти четыре столба опирался конек крыши. Стены ее поддерживались помимо крупных столбов довольно толстыми жердями. На глинобитном полу в нескольких местах прослеживаются "скопления" жердевых ямок. Одно из них расположено у сыродутного горна, занимавшего практически всю северо-восточную часть постройки (рис. 53, *2*). От горна сохранилась округлая в плане ямка с плоским дном диаметром 0,45 м, глубиной 0,35 м. Ее обмазанные глиной стенки сильно прокалены. Примерно на середине глубины стенки "опоясаны" утолщением — глиняным, тоже прокаленным валиком. Горн заполнен золой и углями. С восточной стороны к нему примыкает яма, служившая "предпечьем" — в нее выгребались зола и шлаки из горна и выносились из помещения. С севера горн соединен с узким подземным каналом шириной 5 см, длиной 0,75 м. На расстоянии 0,5 м от горна он перегорожен кирпичом с просверленной в середине круглой дыркой. Отметим, что аналогичный кирпич с дыркой был обнаружен в кв. Н3—О4 — за крепостной стеной. Вокруг него были разбросаны куски шлака, хотя горна найти не удалось. Видимо, он был уничтожен перекопом. Каналец описываемого горна заканчивался круглым расширением диаметром 0,1 м. Стенки канальца и расширения, как и самого горна, сильно обожжены. Через канал в горн нагнетался воздух — кирпич с отверстием служил для закрепления сопла. Как говорилось, около горна прослежены ямки от жердей, вероятно, от легкой загородки, оберегающей горн от случайных повреждений. В пределах этой "загородки" рядом с ямкой горна были разбросаны обломки и почти целые кирпичи, очевидно, остатки перекрытия горновой ямы. Вокруг горна и по всему обширному полу помещения обнаружено большое количество железного шлака.

Центральная часть юго-западной половины помещения была занята большой цилиндрической (диаметр 0,9 м) ямой глубиной 1 м с довольно длинным слегка покатым к яме входом-ступенью. Не исключено, что эта часть помещения была отделена от горна крепкой перегородкой, от которой сохранился ряд гнезд для довольно крупных столбов. К этому помещению относилась, вероятно, поставленная в южном углу печь, которая выходит несколько за линию юго-восточной стены, что совершенно не характерно для беловежского строительства. Тем не менее, углубленная немного в грунт, она, в качестве как бы "камина", вписывается в данное жилище. От нее сохранились три кирпича пода, один у задней стенки на ребре, несколько целых и обломков кирпичей, разбросанных вокруг, и две половинки жернова, входившие, повидимому, в конструкцию печи (одна лежала вместо четвертого кирпича на поду, вторая стояла у стенки, но упала). Никаких бытовых находок в этом очень большом для Белой Вежи строении не обнаружено.

Вполне возможно, что к этому же производственно-жилому комплексу относились и две обширные хозяйственные ямы. Одна из них была выкопана у порога постройки. Она слегка конусовидная, расширявшаяся ко дну, диаметр ее устья 1,15 м, глубина 1 м. Яма выкопана в культурном слое. Как были укреплены ее стенки от обвала, не выяснено. Яма, видимо, использовалась как мусорная почти сразу после сооружения. Заполнение в ней мусорное, без находок, смешанное с осыпью стенок. Вторая яма (кв. К5—Л6) более благоустроена. Устье ее тщательно обложено половинками кирпичей, диаметр его 0,80 м. Глубина ямы 1,30 м, стенки облицованы кирпичом, но, особенно в нижней части, сильно обвалились (рис. 53, *3*). Дно ямы плоское, глинобитное, такими же были стенки нижней части, по всему периметру расширявшиеся неглубоким (не более 8 см) подбоем. Очевидно, из-за этого "нововведения" облицовка стала быстро разрушаться. В яме находок не было, но рядом с ее устьем обнаружены обломки лепных котлов с ручками-раковинками и вариантом позднего характерного "кочевнического" орнамента: вертикальными рядами точек по тулову.

3.60. В кв. М5—Н6, рядом с предыдущим, отделенное от него только стеной, находилось еще одно производственное помещение, погибшее в пожаре (рис. 53, *1*). На его сильно обожженном полу лежали плахи и доски перекрытия. Судя по их размещению и

остаткам пола, постройка была (сравнительно с соседней) небольшой — 3,50×3,5 м. В южном ее углу расположена гончарная круглая в плане печь диаметром 0,80 м (рис. 54, *1*). Внутренний диаметр топочной (нижней) камеры всего 0,55 м, в центре был поставлен на "подушку" из песка массивный глинобитный столб (диаметром 19 см, высотой 35 см), надежно закрепленный длинным деревянным стержнем, вбитым в дно печи на глубину 35 см. На столбе лежал растрескавшийся от жара кирпич, на который опиралась перегородка, отделявшая топку от обжигательной камеры. Видимо, вся перегородка была составлена из таких же кирпичей, щели между которыми служили "прозорами" для прохождения горячего воздуха из топки. Верхняя камера была куполообразной, стенки ее сохранились на высоту 0,35 м. Они глинобитные на каркасе из тонких прутьев, расстояние между которыми не превышало 5 см. Устье печи и площадка вокруг довольно небрежно замощены целыми кирпичами и их обломками. Предназначалась печь явно для обжига небольших изделий. Около нее были найдены бракованный (смятый) необожженный горшочек и обожженный лепной баночный сосудик.

Гончарная печь была сооружена при перестройке этого дома. Под ней на уровне +1,55 м обнаружен развал другой — не производственной, а обычной хозяйственной печи с прокаленным, покрытым золой подом, стенками из поставленных на ребро кирпичей, промазанных слоем обожженной глины, и кирпичом (также стоявшим на ребре) в центре пода (рис. 54, *2*). Перекрытие было обычное — глинобитное, от которого сохранились упавшие на под прокаленные куски, а с северо-восточной стороны удалось впервые зафиксировать массивный полукруг валика — чела устья печи.

К северо-востоку от гончарной мастерской вдоль крепостной стены удалось проследить, в частности, только куски перекрывающих друг друга глинобитных обгорелых полов с развалами печей на них.

3.61. В кв. Н6—О7 были расчищены остатки, по-видимому, одного перестроенного небольшого дома. От первого периода его существования сохранилась часть (угол) глинобитного необожженного пола, свидетельствующего о том, что постройка, в отличие от подавляющего большинства беловежских строений, не сгорела. На полу и вне его, вероятно, вдоль юго-восточной стены этого строения прослежен ряд ямок от жердей, а у юго-западной стороны — две крупные ямки-гнезда для очень массивных столбов.

От печи остался только развал разбитых кирпичей, разбросанных даже вне границ пола.

Постройка второго периода перекрывала лишь часть первого пола. Очевидно, она, как и первая, была пристроена к крепостной стене, служившей четвертой стеной дома. От нее до нас дошли небольшой участок обожженного глинобитного пола и куски (головни) упавших на него плах и жердей от рухнувшей кровли. Печь находилась в южном углу — от нее сохранилась только нижняя часть дымохода, остальное было уничтожено поздним перекопом.

3.62. Северо-восточнее этого развала, также вдоль стены в кв. О7—П8 на том же уровне были прослежены следы еще от одного строения (рис. 53, *4*). Его глинобитный пол, ограниченный крепостной стеной и канавками с двух других сторон, дает представление о плане и размерах этого помещения. Пол не был обожжен — постройка погибла не в пожаре. В канавках вдоль стен, служивших опорой для нижних концов, видимо, досчатых стен, углубленных в слой всего на 10 см, также не обнаружено никаких следов горения. Вдоль крепостной стены в пол были врыты три крупных столба: два круглых в сечении — в углах и один (овальный) — на середине длины стены. Таким образом, размеры этого прямоугольного помещения 4×2,35 м. В полу было выявлено несколько ямок от столбиков и жердей, а также "фигурная" яма, занимавшая всю центральную часть помещения и углубленная в пол на 15—20 см. Практического, имеющего отношение к какому-то производству она не имела. Фантастическим может показаться читателям наше объяснение фигурного углубления: это предельно схематическое изображение всадника на пасущемся коне. Если такое предположение может быть принято, то тогда понятно отсутствие следов печи в этом обширном помещении и в то же время некоторая "фундаментальность" ее постройки. Это могла быть какая-то небольшая языческая молельня?

Мы уже говорили, что дома-полуземлянки, относившиеся, очевидно, ко второй половине XI века, были обнаружены среди развалин "длинного здания", которое разделяло во времена Саркела северо-западную площадь крепости на две почти равные части. Уже к началу XI века кирпичные стены здания были в значительной степени разобраны, а позднее перекрыты наросшим культурным слоем, как и все аналогичные им постройки, толщина стен которых не превышала 1,50 м.

Торцом "длинное здание" примыкало к северо-западной стене, и вскрытие его стен и окрестной территории дало возможность исследовать сооружения XI века около стены на значительном участке — в 480 кв.м (рис. 49; рис. 51).

3.63. На расстоянии 20 м от стены, в кв. И86—З87 и З86—Ж87 на уровне +1,5—1,55 м открыты остатки сгоревшего жилища (рис. 55, *1*). Оно прямоугольное, ориентированное углами по странам света, размеры его 2,9×3,1 м. Стены жилища опирались на мергелевый цоколь, блоки которого местами уничтожены перекопами, а большинство сохранившихся in situ раскрошилось. Удалось проследить, что под углами постройки были положены наиболее крупные блоки — 50×30×25 см. Пол глинобитный обожженный, перекрыт рухнувшими частями кровли — сгоревшими обломками тополевых лаг и опиравшихся на них концами довольно широких и толстых досок. Вход в жилище находился в юго-восточной стене. На полу он выявляется благодаря двум квадратным ямкам от столбов, вбитых на расстоянии 0,8 м друг от друга. Обломки крыши кое-где заходят за пределы жилища, а с северо-восточной и северо-западной сторон сохранился разлив глины от глинобитных или саманных стен сгоревшего строения. Печи, как и в двух других домах с мергелевыми цоколями, не было. Как отоплялись эти вполне благоустроенные постройки, не выяснено. При расчистке пола были обнаружены два обломка лепного сосуда, бронзовое кольцо, два обломка стеклянных браслетов, кости коровы и овцы.

К постройкам этого слоя относится небольшой, обнаруженный в кв. К86—И87 на уровне +1,20 м участок глинобитного сильно обожженного пола с кусками обгорелых бревен на нем и среди них — разбитый древнерусский горшочек с остатками зерна (рис. 51).

В кв. Л85—И86 на уровне +1,15 м были расчищены остатки еще одного глинобитного пола с кучей золы и нескольких обломков древнерусских горшков на нем.

На том же уровне в кв. З83—Ж84 обнаружен развал печи: глинобитный прокаленный под, покрытый золой и обломками обожженной обмазки купола печи. Стенки нижней части сложены по периметру пода из кирпичей, поставленных на ребро. Размеры печи (внутренние) 1×1,15 м.

В кв. З82—Ж83 на уровне +0,90 м находилась кирпичная вымостка, вплотную пристроенная, видимо, к еще сохранившемуся и возвышавшемуся на поверхности участку стены. Вымостка

квадратная в плане, размеры ее 1,80×1,80 м (рис. 52, 3). По периметру она окружена ямками от четырех столбиков и 15 жердей. Очевидно, это было основание какого-то строения наземного или немного углубленного в грунт. Три ее стены были плетеные (возможно, турлучные), четвертой служила кирпичная стена "длинного здания". Интересно, что пол этой маленькой постройки разделен на две равные части плетеной перегородкой, от которой остался ряд из 11 жердевых ямок. У юго-восточной стороны вымостки находилось небольшое пятно пережженной глины (очажок?). Вероятно, это было производственное помещение. Находок, которые могли бы дать какую-либо информацию о его специализации, ни в помещении, ни вокруг него не обнаружено.

В кв. 384—Ж85 на уровне +1,48 м открыта нижняя часть выложенной кирпичом большой овальной ямы. В высоту стены сохранились на четыре ряда кирпичей, уложенных плашмя и обмазанных плотной глиной, смешанной с известью. Этим же составом было покрыто и немного вогнутое дно ямы, его уровень +1,08 м. В мусорном заполнении ямы попадались обломки амфор (2), лепных сосудов (4), сероглиняного сосуда, а также найдены гвоздь и кусок янтаря.

В кв. 385—Ж6 на уровне +1,42 м расчищено вымощенное кирпичом дно круглой ямы, немного перекрывавшей край овальной ямы. Диаметр дна 1 м. Кирпичи уложены двумя концентрическими кругами вокруг центрального кирпича. Неизбежные при такой укладке зазоры между кирпичами тщательно забиты обломками кирпичей и щебенкой. Частично сохранился окаймляющий дно первый ряд кирпичной облицовки ямы, сложенный из половинок кирпичей.

В кв. 384—Ж85 на уровне +1,19 м обнаружены остатки еще одной ямы, глинобитное дно которой находилось на уровне +1,40 м. Стенки ее были облицованы, как и в предыдущей яме, половинками кирпичей, уложенных на глиняном растворе (удалось проследить четыре ряда обкладки).

Очевидно, все три ямы, нижние части которых были расчищены, сооружены на уровне, значительно превышающем уровень их дна, — глубина таких хозяйственных сооружений, как правило, равнялась 1—1,2 м. Это позволяет нам с известной долей вероятности относить их к позднему (завершающему) периоду существования Белой Вежи, т.е. к концу XI — первому десятилетию XII века.

Кроме следов довольно активной жизнедеятельности на этом участке было обнаружено два захоронения.

В кв. И83—384 вплотную к стене "длинного здания", вдоль нее, ориентированный головой на юго-восток лежал скелет юного человека (пол неопределим), европеоида в необычной для рассматриваемого времени позе — скорчено на левом боку. Сохранность костей очень плохая, череп разбит. Не исключено, что этот сильно скорченный, как бы связанный, человек был убит (казнен) и брошен в глубокую могилу (до уровня материка). На городском кладбище казненному не было места. Вероятнее менее драматическое объяснение: это захоронение эпохи бронзы, аналогичное погребению ребенка в яме, перекрытой северо-западной стеной крепости и не замеченной строителями. То погребение датируется по сопровождающему его сосуду эпохой поздней бронзы. На яму с захоронением человека у стены "длинного здания" также не обратили внимания — она не мешала нивелировке материка для укладки здесь первого ряда кирпичей. Вполне возможно, что в районе северо-западной стены находилось кладбище эпохи бронзы. Для детей и очень молодых людей курганы насыпались небольшие и к IX веку — ко времени постройки крепости — были сровнены с поверхностью.

В кв. 384—Ж85 тоже вдоль стены обнаружено второе захоронение. Погребенный был уложен на спине с вытянутыми вдоль тела руками и ориентирован головой на северо-запад. Череп и правая плечевая кость срезаны поздней ямой. Сохранность костей плохая. В погребении обнаружена черная бусина с белым разводом, а в засыпи могилы — несколько обломков лепных сосудов. Бусина позволяет датировать захоронение, во всяком случае, не раньше XI века (Львова, 1959, с. 328—329).

5. Застройка у бывших Главных ворот крепости

Несмотря на значительную разрушенность почти всех остатков жилых построек, перестроек постоянно сгоравших домов, перемешанность изучаемого в данной главе слоя с нижележавшими наслоениями и небрежности в определении уровней залегания комплексов, мы можем выделить несколько строений, явно относившихся к напластованиям и развалам домов, которые можно связать с периодом расцвета города — второй половиной XI века (рис. 51, *Б*).

3.64. Начнем описание комплексов с наиболее крупного, раз-

рушенного и перестраиваемого комплекса, открытого в кв. Д6—Г7 на уровне +1,34—1,66 м и расположенного непосредственно над бывшей юго-западной караульней, стены которой были уже основательно разобраны и перекрыты наросшим культурным слоем (рис. 55, *2*). Поскольку жилище горело и вновь отстраивалось, до нас дошли не вполне четкие его очертания с обожженными подмазками глинобитных полов и двумя (или тремя?) развалами печей. Тем не менее сохранившиеся данные позволяют заключить, что оно было наземное, правильно-квадратное в плане, размером 5×5 м, ориентированное углами по странам света. Юго-восточная стена прослежена в виде тонкой полосы сгоревших досок, с обеих сторон обрамленных обожженной глиной. Эта полоса тянется до южного угла, пересекаясь там с остатками юго-западной стены, в завале которой удалось расчистить конструктивные особенности рухнувшей части: переплетения тонких досок, стоявших вертикально, с горизонтальными более массивными плахами. Оба уровня полов были покрыты обломками сгоревших рухнувших досок от кровли. Наиболее крупный кусок кровли находился на восточном углу. Западный угол жилища особенно сильно разрушен поздним перекопом, полностью уничтожившим печь, от которой осталось только несколько кирпичей и обломков. От второй печи в северном углу сохранились выложенный девятью кирпичами под, упавшие рядом с ним и стоявшие на ребре кирпичи, зола и ямка от столбика, вбитого у северного угла печи, а также развал кирпичей у северо-западной стены помещения.

При расчистке комплекса большинство находок было обнаружено на нижнем полу. Это обломки амфор XI века, обломки древнерусских горшков, обломки синих плоских стеклянных браслетов, колечко из желтого стекла, кусок янтаря, костяной наконечник стрелы, лепной кувшин и ошлакованный тигелек с носиком для заливки металла.

3.65. В кв. Г5—В6 на уровне 1,60—1,90 м был открыт глинобитный обожженный пол, заваленный крупными кусками обгорелых сосновых плах и бревен, лежавшими по краям помещения, вдоль глиняных "полос". Плахи перекрывали бревна и были скреплены с ними гвоздями. Возможно, вся эта рухнувшая конструкция была остатками стены — она перекрывала глиняную обмазку внутренней стороны стены. Северо-западной стеной этого помещения была стена крепости, а юго-западная стена была разрушена перекопом. Однако по сохранившимся местами неболь-

шим участкам пола, покрытого аналогичными сосновыми плахами, можно связать их с остатками этой постройки. Примерная ширина этого обширного помещения не менее 4 м. Ориентировано оно, как и предыдущее, углами по странам света. В его юго-западной части были прослежены остатки рыболовных сетей (между двумя сгоревшими столбами и глинобитной стенкой), в северном углу найдены медная чашечка (диаметр всего 5 см), пряслице, а в южном (у печи) — раздавленный древнерусский горшок. Почти в центре помещения, рядом с северо-западной стеной находилась хозяйственная яма (диаметром 1 м, глубиной 1,25 м), забитая сгоревшими кусками плах и мусором. Находок в ней не было.

3.66. В кв. Е5—Д6 на уровне +1,62 м сохранились остатки синхронного предыдущим помещения, северо-западной стенкой которого служила крепостная стена. От противоположной стены сохранился только ряд из четырех поставленных на ребро кирпичей, которыми, видимо, было обложено основание деревянной стены. Пол постройки глинобитный сильно обожженный. Размеры постройки от стены до стены примерно 3—3,20 м, размер по линии СВ—ЮЗ установить не удалось, так как юго-западная часть перекрыта бортом раскопа. Вся вскрытая площадь жилища покрыта разбросанными горелыми плахами от рухнувших стен. Ширина наиболее крупных плах достигает 22 см и даже 36 см. В северо-восточной части жилища находилась хозяйственная яма (диаметр ее устья 1 м). Рядом с ней лежала нижняя половина каменного жернова.

Кроме того, на полу и в завале стены были найдены обгорелая деревянная чашечка (диаметр 11 см), обломки амфор с высокими дуговидными ручками, обломок древнерусского горшка, лепной светильник (плошка), обломок лепного кочевнического сосуда, украшенного ногтевыми защипами, два ножика, крючок, три медных колечка, обломки стеклянного браслета и точильного камешка.

3.67. В кв. Б6—А7 на уровне +1—1,23 м обнаружены остатки жилища. Глинобитный слегка обожженный пол жилища в значительной части изрезан перекопами (рис. 56, *2*). Сравнительно хорошо сохранилась прямоугольная печь размером 0,96×0,56 м, высотой 0,36 м, немного углубленная в пол. Под сложен из шести кирпичей на глиняном растворе, прокален и засыпан золой, стенки — из двух рядов кирпичей, поставленных на ребро. На них опирается перекрытие из шести кирпичей, уложенных в два

ряда. Устье печи обращено на юго-восток, а с северо-восточной ее стороны прослежены остатки дымохода. По-видимому, печь находилась в северном углу жилища. В юго-восточной части его была выкопана большая овальная яма (1,75×1,3 м, глубина 0,85 м), перекрытая крышкой из крупных дубовых плах. Жилище погибло в пожаре — все части его деревянных конструкций, в том числе и крышка ямы, сгорели и обвалились в яму и на пол. Плахи на полу обрушились с кровли. Стоявшая в северном углу печь позволяет наметить условную трассировку двух стен — северо-западной и северо-восточной. Юго-восточная сторона может быть определена большим овальным гнездом от массивного столба, явно поддерживавшего двускатную кровлю. Сгоревшие доски части юго-западного ската кровли упали на пол ровно вдоль юго-восточной стены жилища. Эти доски и часть сохранившегося от перекопа пола с юго-западной стороны дают основание предполагать границу пола и в этом направлении. Таким образом, допустимо определить и примерные размеры этой постройки — 4,15×3,1 м.

На полу жилища при расчистке найдены обломки амфоры с высокими ручками (рядом с ямой), обломок древнерусского горшка, обломок корчаги с линейным орнаментом, обломки лепных сосудов, два грузила — каменное и глиняное (цилиндрическое). В заполнении ямы обнаружены большой гончарный сосуд баночной формы, орнаментированный волнистой линией и ногтевым узором, венчик лепного горшка с волной по плечикам, обломки амфоры с дуговидными ручками, обломки синих стеклянных браслетов — круглого и плоского в сечении, а также обломки амфор X века и боршевских горшков, каменное грузило и обломок медной "пиловидной" пластинки.

В кв. В5—Б6 на уровне окружавших его остатков домов было расчищено скопление кирпичей, очевидно, представляющих собой обычный развал печи (рис. 51, *Б*), на одном из предполагаемых углов которой был вбит столбик, а с северо-востока развал был обрамлен сгоревшей доской, упиравшейся в столбик. Вероятно, печь была окружена деревянной загородкой со всех сторон. Однако дошедшие до нас остатки этого сооружения не позволяют даже приблизительно его реконструировать. Никаких следов пола вокруг него не обнаружено.

3.68. В кв. Б6—А7, В6—Б7, Б7—А8 на уровне +1,46 м прослежен большой участок глинобитного пола с развалом печи (рис. 56, *2*), перекрывавший почти половину сгоревшего и разров-

ненного жилища № 67. Пол довольно сильно изрезан по краям поздними перекопами. Тем не менее исследованная часть позволяет считать эту постройку одним из самых крупных жилых сооружений, открытых в Белой Веже. Размеры дошедшего до нас пола 5×6,1 м. Жилище прямоугольное, ориентированное углами по странам света. Печь расположена в западном углу. Она полностью разрушена, кирпичи разбросаны, глиняная обмазка расплылась вокруг пода довольно широкой (20—30 см) полосой. Среди развала печи были обнаружены куски разбитого жернова. На ровной поверхности пола поблизости от печи было сложено из кирпичей какое-то непонятное, видимо, квадратное сооружение, как бы отделявшее рабочую часть от остального помещения. Находок на полу и в печном развале не обнаружено. В отличие от подавляющего большинства беловежских домов, этот, очевидно, не сгорел, а был просто разрушен.

3.69. В кв. Е7—Д8 на уровне +1,2—1,4 м были расчищены остатки еще одного жилого помещения. Наиболее интересным и сохранившимся объектом в нем является большая круглая хозяйственная яма, четко выделяющаяся на глинобитном обожженном полу. Диаметр ее 1,52—1,55 м, глубина 0,65 м. На стенках ямы четко прослеживаются следы обработки каким-то острым орудием, от которого остались вертикальные врезанные в поверхность стены полосы. По-видимому, таким орудием была мотыжка, направленная в процессе работы под углом к поверхности для большей глубины сколов. По периметру дна ямы были вбиты тонкие жерди (всего 38), бывшие каркасом плетня, окаймлявшего стенки ямы. Плетень был обмазан слоем глины. Яма, очевидно, подновлялась, поскольку вдоль первой обмазки прослежен второй ряд от жердей аналогичного плетня, также обмазанного слоем глины. Яма погибла в пожаре, поэтому в ее заполнении сохранились обожженные куски обмазки, ивовых прутьев и жердочек. Она была перекрыта деревянными плахами, найденными в верхней части ее заполнения, а поверх плах закрыта глиняной плитой толщиной около 10 см. Назначение этой плиты в качестве крышки подтверждается профилем ее края с закраиной, на которой она держалась над ямой. Яма служила хранилищем для зернового запаса жителей дома. В ней было обнаружено сгоревшее просо — 5,4 кг, что равнялось примерно 30 кг запаса. Поверх проса был обнаружен слой пшеницы. Ясно, что хранилась она в какой-то отдельной "емкости", от которой в яме сохрани-

лись только обрывки веревки толщиной от 3 до 8 см. Видимо, емкость была сплетена из этой веревки так же, как были оплетены стены самой ямы: толстые веревки были основой, тонкие — обвивали их.

Помимо зерна в яму попали железная пряжка, наконечник стрелки, гвоздь, железная втулка, две скобы, два костяных кольца, украшенные орнаментом-елочкой, точильный камешек, несколько обломков амфор с высокими ручками, целый древнерусский горшок, обломок крышки, лепной светильник-плошка. Яма находилась, видимо, в северо-западной части жилища, северо-западная его стенка может быть определена по гнездам массивных, видимо, углового (северного) и срединного столбов. Гнезда от таких же столбов были выявлены и в западном углу жилища.

Рядом с этим разрушенным жилищем в кв. Д8—Г9 на уровне +1,44 м были обнаружены ямки от жердей, расположенные полукругом, ограждающим довольно большую, не вполне обычную для того времени печь, вокруг которой прослежены следы глинобитного пола (рис. 51, *Б*; рис. 52, *2*). Под выложен из шести кирпичей, боковые и торцовая части — из кирпичей, поставленных на ребро и с наружной стороны укрепленных толстым слоем глины, смешанной с кирпичным щебнем. Особенностью печи является продольная стена из поставленных на ребро двух рядов кирпичей. Они делят печь на два отделения, ширина которых 0,34 м и 0,44 м. Сверху она была покрыта массивными каменными плитами, обломки которых были обнаружены внутри печи. К задней стенке был пристроен дымоход, а рядом с ним — подница, от которой сохранился обломок глиняной плитки с закругленным углом и бортиком. У устья печи, обращенного на северо-запад, обнаружено донце древнерусского горшка. Пол с трех сторон печи был завален кусками обгорелых плах от крепкого деревянного "ящика". При расчистке пола под ними найдены обломки древнерусских горшков, несколько обломков боршевских сосудов и амфор, обломков круглых в сечении синих стеклянных браслетов.

Что касается разделения печи на топку и "чистую" часть, то эта конструктивная особенность встречается в Саркеле-Белой Веже исключительно редко. Наиболее ранняя из печей такой конструкции была открыта в одном из жилищ поселка строителей крепости, т.е. ее можно датировать 30-ми годами IX века (Плетнёва, 1996б, с. 59, 64, рис. 24). Вторая аналогичная печь

обнаружена в слое второго периода жизни Белой Вежи (в цитадели), а третья относится, как мы видели, к слою третьего периода (вторая половина XI века). Очевидно, сооружение печей этого типа было вполне квалифицированно освоено и в Саркеле, и в Белой Веже, но использование их не стало повсеместным. Объясняется это, по-видимому, их особым специальным назначением — "хлебных" печей, которые сосуществовали в городе с тандырами, пользовавшимися в полукочевом хозяйстве значительно эффективнее. Существенно также, что ставить тандыр было легче и быстрее, чем соорудить сложную двухкамерную конструкцию "хлебной" печи.

Как отмечалось выше, пожары были обычным повторяющимся бедствием для населения в этом городе. Главной причиной их были, конечно, постоянные грабительские налеты кочевников (во второй половине XI века — половцев), которым удавалось время от времени прорываться в наименее защищенные места города. Таким, в частности, был участок у бывших Главных ворот. Проход через них, после ликвидации находившегося в нем в первый период заселения жилища, стал свободным. Не исключено, что еще в период строительства Большого рва поперек прохода — от пилона до пилона — была поставлена на глиняном растворе кирпичная стенка толщиной всего в один кирпич. Она, конечно, могла в какой-то мере задержать нападавших, но повалить ее можно было без особых усилий. Что и было сделано. Однако существенно то, что стенку обрушили не внутрь занятого домами участка, а наружу — в воротный проем, сделав его тем самым практически почти непроходимым, особенно для конных воинов (рис. 56, *1*).

В периоды серьезной опасности этот оригинальный прием защиты использовался еще в хазарское время. Так, на Маяцкой крепости проезд был забит кучей беспорядочно набросанных целых и ломаных блоков, взятых, видимо, со стен цитадели, частично разобранных с этой целью (Афанасьев, 1984, с. 34—35, рис. 9). У нас нет пока данных об аналогичной защите других хазарских крепостей, поскольку последние почти не раскапывались, а воротный проем и иные проходы в крепость никогда не рассматривались с учетом этой последней "отчаянной" попытки защиты крепости.

6. Строительство на территории вне крепостных стен города

Несмотря на укрепление воротного проема кирпичной стеной, отделявшей жителей данного участка от окружавшего его пространства, строительство мощного проточного рва привело к тому, что жители стали выносить свои жилища и производственные помещения наружу — в основном ставя их вдоль наружной плоскости северо-западной стены, от которой Большой ров протекал на расстоянии не менее 150 м.

С двух сторон бывших ворот у обоих пилонов начали активно осваиваться весьма удобные для строительства участки.

Прежде чем начать описание остатков жилых комплексов у северо-западного пилона, кратко остановимся на несколько необычном, очевидно, раннем обширном перекопе-яме, занявшем весь угол, ограниченный крепостной стеной и пилоном. Ямой была разрушена даже часть пилона (около 0,7 м его ширины), глубина ямы более 1 м. Заполнена она городским мусором, который был утрамбован, и на нем, как и всюду у городской стены, стал активно нарастать культурный слой. Строительство здесь началось только с уровня +1,05 м (рис. 51).

3.70. В кв. Б2—А3 и Б3—А4 на этом уровне обнаружены остатки сгоревшего обычного наземного жилища (рис. 57, *1*). Обожженный глинобитный пол его сохранился почти полностью — только с северо-запада он немного срезан более поздними ямами. Очертания пола, столбы вдоль стен, следы северо-восточной стены в виде тонкой угольной прослойки, с обеих сторон обмазанной глиной, и полуразрушенная ямой стена пилона, служившая юго-западной стеной, позволяют определить размер постройки — 2,7×3 м и ее ориентировку углами по странам света. Печь была поставлена в середине юго-западной стены. Под у нее прямоугольный — шириной в два кирпича, длиной — в три. Стены сложены из поставленных на ребро кирпичей соответственно — по три вдоль боковых сторон пода и два — вдоль торцовой (задней). Устье печи направлено на северо-восток. Перекрытие печи сложено из кирпичей. Вся эта конструкция была обмазана глиной. С восточной стороны к печи примыкал глинобитный массив в виде полудуги, возможно, это были остатки разбившейся подницы. В восточном углу жилища стоял небольшой древнерусский горшок.

После пожара над немного заровненным пожарищем поставили новую постройку неясного назначения.

3.71. Пол этой постройки находился выше первого всего на 15 см. Он отличается не встречавшимися ранее нигде особенностями, а именно часть его площади покрыта плотной известковой заливкой толщиной до 15 см, перекрывавшей вымостку из целых и разбитых кирпичей, покрытую глинобитным слоем. На самой известковой заливке четко отпечатались следы уложенных на нее сырцовых кирпичей (27×27 см). Границы пола определяются линией известковой заливки, стеной пилона, к которому это сооружение было пристроено, и крупными гнездами столбов, стоявшими у противоположных стен помещения и позволявшими определить его очень небольшую ширину (всего 2 м). Северо-восточная часть этого сооружения была под бортом раскопа. Ни остатков печи, ни находок на полу не было.

3.72. От верхнего, самого позднего жилища на уровне +1,60 м сохранился частично участок неровного обожженного глинобитного пола (1,7×1,65 м). В его центре расположен открытый, не углубленный в пол очажок (костровидный) с несколькими ямками от жердей вокруг. При расчистке пола обнаружены обломки амфоры с высокими ручками, обломок тмутараканского кувшина, железная скоба и топорик.

3.73. В кв. Б2—А3 на уровне +1,65 м, вплотную к развалинам постройки с известковым полом (№ 71) находился довольно большой участок глинобитного слегка обожженного пола, покрытого слоем золы. В целом ни план жилища, ни его конструктивные особенности выявить не удалось из-за перекопов, фактически уничтоживших эту постройку. Однако остатки печи в ней сохранились. Под печи выложен четырьмя кирпичами, стенки — из кирпичей, поставленных на ребро, видимо, в два ряда, перекрытие — из плашмя уложенных кирпичей. В печи и рядом с ней — скопление золы. Печь ориентирована углами по странам света, постройка ориентирована так же.

Жилища позднего беловежского слоя (на уровне примерно +1,4—1,6 м) строились как с северо-западной, так и с юго-западной стороны бывших ворот, но составить о них связное представление невозможно: в основном это остатки грубых вымосток из обломков кирпичей, вероятно, подстилавших глинобитные полы. По краю одной из таких вымосток был выявлен ряд из нескольких гнезд от крупных столбов.

Все жилища здесь были не только сожжены, но и разрушены, создавая впечатление какого-то очередного, но более беспощадного набега на город, значительно пострадавшего именно с этого северного угла крепости. Это подтверждается и более зловещими находками.

Так, под полом жилища № 70 был обнаружен скелет человека, погребенного головой на юго-восток, с раздробленным черепом. Вещей при погребенном не было, но под ним прослежены следы деревянного гроба. Погребение опущено с уровня верхнего жилища (№ 72). С этого же уровня была выкопана находившаяся почти рядом с захоронением яма, заполненная в основном человеческими разрозненными костями.

Следы такого массового побоища прослежены и у стен юго-западного пилона. Там, между двух сожженных и разрушенных жилищ, лежали непогребенными в рухнувших строениях или рядом с ними скелеты людей на уровнях от +1,40 до +1,80 м (рис. 58). Особенно трагически выглядит наполовину разрубленный скелет, верхняя часть которого была брошена в отлично сделанный квадратный, облицованый кирпичом на глиняном растворе погреб глубиной 1,25 м (рис. 59). Случайно рука убитого зацепилась за край открытого, очевидно, уже разграбленного погреба, и до полной расчистки скелета казалось, что человек хотел выскочить из погреба и в этот момент был убит. Помимо разбитых кирпичей в погребе были обнаружены обломки амфоры с высокими ручками и обломки древнерусского горшка с ногтевым орнаментом по плечикам. Рядом с погребом лежал полурастащенный зверьем скелет еще одного убитого человека, а в самом дальнем от входа углу сгоревшего дома № 74 были обнаружены среди углей скорченные скелеты еще двух погибших, видимо, спрятавшихся людей. Около одного из скелетов были найдены подвеска в виде бронзового кружка и обломок бронзового тигелька. Вокруг этой постройки на всем участке были разбросаны человеческие кости.

Соседний с ней разрушенный дом № 75 сохранился немного лучше предыдущего: выявлены северо-западная стена по жердевым ямкам и обгорелой обмазке вокруг них и юго-западная стена по ряду нескольких жердевых ямок. Местами внутри этого дома остались куски глинобитного пола и кирпичи разбросанной печи.

Очень плохо сохранившиеся остатки двух строений, явно пристроенных к наружной стороне крепостной стены, обнаружены

примерно в 35 м к юго-западу от района массового побоища в кв. Н4—О5 и Н3—Л2 на уровнях +1,65 м и +1,70—2 м. От обеих построек сохранились только части глинобитных обожженных полов, изрезанных перекопами. У первого, видимо, в северном углу обнаружены кирпич и несколько обломков (остатки печи?). От второго остались только наслоения трех глинобитных полов (верхний пол особенно сильно обожжен).

В целом создается впечатление, что побоище коснулось и этого пристенного участка.

3.76. В кв. К0—Л1, у подножия Западной башни был открыт хорошо сохранившийся глинобитный пол прямоугольного (немного трапециевидного) в плане строения — плавильной и кузнечной мастерской (рис. 57, *2*). В пол вдоль периметра вкопано пять массивных столбов (круглых и прямоугольных в сечении) и кое-где между ними были вбиты в пол жерди, очевидно, поддерживавшие стены, следы которых полностью истлели (постройка не сгорела, а была заброшена). Размеры мастерской 3,5×2,7—3 м. Кровля двускатная: два столба на противоположных сторонах пола служили опорой столь же крупного бревна — конька крыши.

Пол был густо покрыт слоем угля, такой же углистый слой подстилал пол, а под ним прослежены еще одна глинистая подмазка и под ней слой угля. Такая "слоистость" является результатом нескольких последовательных ремонтов строения. В юго-восточной половине помещения был расположен на прямоугольной площадке чистой желтой глины плавильно-кузнечный горн, возвышавшийся над уровнем пола на 5—10 см.

Размеры горновой площадки 1,3×0,75 м. В ее центральной части находилось продолговатое чашевидное углубление, заполненное песком (размеры его 0,5×0,3 м, глубина 0,16 м), а рядом с ним — круглое углубление (диаметром 0,2 м) с прокаленными, обмазанными глиной стенками, заполненное золой. Вокруг нее прослежены ямки от жердей неясного назначения. На полу при расчистке обнаружены куски шлаков, бруски меди длиной более 8 см, толщиной 2,5 см, трапециевидные в сечении обломки бронзовых и железных поделок, медные пластинки и "ленточки", свернутые спиралью, бронзовая ручка от сосудика, бубенчик. Среди разбросанных по полу остатков сырья попадались обломки амфор XI века (один с граффити), а также найден наконечник стрелы, принадлежавший, вероятно, одному из напавших на город воинов.

У юго-восточной стороны постройки, примыкавшей к башне, снаружи были открыты яма от очень толстого столба (0,3 м) и выкладки из кирпичей на глиняном растворе. Они перекрывают край пола мастерской и нижние кирпичи, очевидно, уже сильно разрушенной во второй половине XI века угловой Западной башни крепости.

7. У Речных ворот

Культурный слой в районе Речных ворот в первые полтора столетия жизни Саркела и затем Белой Вежи нарастал, по-видимому, очень медленно. Причина этого заключается, как мне кажется, в том, что этот сравнительно небольшой участок был проходным: через него шли из Речных ворот, ставших основными после перекрытия Главных, как местные жители, так и приезжие со скотом, и на конях, и даже на сравнительно небольших телегах (двухколках).

Въезд в Речные ворота охранялся стражником, помещавшимся, как и в саркельское время, в небольшой нише правого пилона (рис. 60, *1*). Сами Речные ворота в целом не пострадали, как большинство зданий крепости, от разрушений и разборки стен до самого конца существования Белой Вежи. Был практически уничтожен только великолепный, выложенный кирпичом на известковой подмазке пол проезда: от долгого использования и провоза тяжестей, от острых копыт скота кирпичи раскрошились, но проезд был крытым (арочным?) и крошево кирпичей и извести не размокло и не смешалось с городской грязью, которой было много на участке, где постоянно теснились люди и животные. Подавляющая их часть двигалась к открытому проходу в северо-восточную часть цитадели, где на большой, замощенной еще византийцами, площади (платформе) располагался, возможно, базар. Археологи обнаружили здесь только обрывки фундаментально сделанной из двух рядов кирпичей вымостки на известковом растворе и с подребриком вдоль краев. Общая ее площадь более 400 кв.м. В беловежское время вымостка, по всей вероятности, была цела, поскольку жители города нуждались в ней. Вот сюда и стремились приезжие торговцы, местные ремесленники и покупатели.

Несомненно весенне-осенняя грязь на небольшом, ограниченном стенами участке превращалась почти в болото.

Жители Белой Вежи, тесно связанные с Таманскими и Крым-

скими городами, неоднократно видели и ходили по улицам, которые были замощены вполне доступными материалами. Используя многочисленные примеры, беловежцы, вероятно, в самом начале работ по укреплению крепости соорудили и крайне необходимое им усовершенствование — длинную разветвляющуюся в двух направлениях мостовую (рис. 60, *1*). От проезда ворот до развилки она идет прямо на юго-запад, а от развилки под прямым углом поворачивает на юго-восток — к проходу в цитадель и прослеживается на территории цитадели до края раскопа. Таким образом, раскопанная длина наиболее сохранившегося отрезка мостовой 16 м. Второе ответвление дороги направлено на Запад. Следует также отметить, что небольшой кусок мостовой (ограниченный бортами раскопа) был прослежен и у внешней стороны воротного проезда. Вполне возможно, что дорога вела к пристани. Края мостовой неровные, но можно все-таки определить ее ширину — она колеблется от 1,50 до 1,75 м, на развилке расширяется до 3 м, а к западу отходит почти тропинка — шириной всего 1 м. У выезда из проезда ворот с юго-восточной стороны сохранилась ровная мергелевая кладка из крупных (в среднем 0,9×0,60×0,40 м), немного врытых в грунт блоков, сверху перекрытых кое-где кирпичами на глиняном растворе. Длина этой кладки 4 м, но не исключено, что она обрамляла значительно больший участок дороги, препятствуя ее разрушению (обвалу краев и пр.).

Мостовая состоит из громадного количества обломков керамики, как правило, сильно раздробленных, хотя попадались и довольно крупные куски. Подбор керамики для замощения всюду одинаков — это амфоры, тмутараканские кувшины и иногда кухонные хазарские горшки (рис. 60, *2*). Отбирался лом сосудов с наиболее крепким черепком (из плотного и хорошо обожженного теста). Помимо керамических обломков в забутовку мостовой входили кости животных. Особенно много среди них нижних челюстей крупных особей, способствоваших, видимо, ровности замощенной поверхности.

Наряду с обломами краев, происходивших из-за активного использования мостовой, она в значительной степени, как и все объекты в городе, в ряде мест основательно разрушена перекопами. Поздняя трехметровая в диаметре яма-шурф уничтожила самые интересные места — соединения мостовой с кирпичной вымосткой в воротном проезде и у разрушенных ворот прохода

в цитадель. Однако в последнем случае прекрасно видно, что мостовая на 0,50 м выше сохранившейся железной оковки порога, что позволяет нам, с учетом неизбежного оседания мостовой в грунт, стратиграфически относить сооружение ее ко времени не ранее XI века.

В углу, ограниченном мостовой и двумя кирпичными стенами, были обнаружены остатки комплекса не вполне ясного назначения (рис. 60). Это, во-первых, в кв. Зз100—Ии1 на уровне мостовой вымостка из целых и половинок кирпичей, выложенных тщательно на глиняном растворе. Выкладка кирпичей неординарная: два ее ряда из целых кирпичей уложены параллельно стене. Они позволяют определить первоначальную длину вымостки, равную 5 м. Следующие два ряда уложены половинками кирпичей параллельно первым рядам, пятый ряд также выложен половинками, но перпендикулярно предыдущим рядам, шестой и седьмой ряды тоже из половинок, но выложенных параллельно первым четырем рядам, последний (восьмой) ряд составлен из обычных квадратных кирпичей. Очевидно, вымостка продолжалась и далее на юго-запад — кирпичи от двух ее рядов разбросаны в этом направлении. Впрочем, не только юго-западный край пострадал от разборки и разрушений, но и все ее ряды — начиная с четвертого и по восьмой с обеих сторон разрушены.

В кв. Ии1—Кк2 на уровне +0,75 м, между вымосткой и крепостной стеной был обнаружен развал большой печи: под из 9 кирпичей (3×3) и вокруг него разбросанные кирпичи и обломки, обожженная обмазка, угли и небольшой участок глинобитного пола.

Не исключено, что эта постройка с печью и "фигурная" вымостка представляли собой единый комплекс типа "чайханы". Дело в том, что печь явно велика для жилища, размещение которого на плане участка свидетельствует об очень небольших размерах постройки, в которой трудно было бы разместиться даже небольшой семье. В ней только работали, а незатейливо орнаментированная, но добротно уложенная кирпичная вымостка могла быть помещением для гостей и, вероятно, была снабжена легкой кровлей, защищавшей от дождя и солнца.

С внешней стороны стены в кв. Кк2—Лл3 обнаружены остатки пристроенного к стене домика, от которого сохранились часть глинобитного пола и развал печи в виде трех кирпичей стенки и пода, покрытого толстым слоем золы. На полу были найдены

обломки амфоры, тмутараканского кувшина, лепных сосудов, два астрагала, кости животных, а в печной золе — две бусины.

Самыми поздними объектами, вскрытыми на участке между дорогой и углом, образованным крепостными стенами, были 20 погребений, составивших небольшой могильник, названный в публикации О. А. Артамоновой "могильником у северо-восточной стены" (Артамонова, 1963, с. 207—209). Могильник прекрасно обработан и издан, поэтому вряд ли он нуждается в повторном издании в данной работе.

Здесь же остановимся только на одном из 20 погребений (№ 19), могила которого почти полностью разрезала мостовую юго-восточного ответвления. Могила была обнесена с двух сторон мергелевыми плитами и кирпичами. Погребенный мужчина уложен головой на юго-запад. Скелет сильно, вероятно, ритуально разрушен, как большинство захоронений на этом могильнике, что свидетельствует о типологической близости и принадлежности его к этому памятнику. Сооружение могил перекрыло и разрушило большую кирпичную вымостку и примыкающую к ней печь, над подом которой было совершено двойное захоронение. Дорогу перерезало всего одно захоронение, отдаленное от остальных на 4—5 м, но оно является надежным свидетельством того, что дорога, как и существовавшие при ней строения, были заброшены и разорены, и дорога перестала функционировать.

Очевидно, в Белой Веже произошли какие-то существенные изменения, которые мы вполне можем связывать с остатками побоища у северо-западной стены.

Подводя краткие итоги исследования третьего хронологического периода жизни этого города, остановимся, как и в предыдущих главах, прежде всего на некоторых изменениях в домостроительстве (табл. 5 приложения 1).

Основным признаком жилых и иных построек по-прежнему оставалась их наземность: из 76 учтенных остатков жилищ 72 — наземные. Следует подчеркнуть очевидное преобладание построек со стенами из массивных досок и плах (нередко дубовых), обмазанных с обеих сторон глиной. Домиков исключительно с жердевым каркасом стен (турлучных) всего 7, причем 4 из них — в цитадели, в основном занятой полукочевым гарнизоном. В нескольких домах основание стен укреплялось своеобразными "завалинками" — выкладками из кирпичей. Появились и дома

на цоколях, сложенных из мергелевых блоков или из тщательно уложенных сырцовых кирпичей. Однако мергель явно предпочитался строителями. Целые блоки и их куски были разбросаны в слое в цитадели и во дворе "караван-сарая". Они стали маркирующей этот слой находкой.

В тех случаях, когда удавалось определить размеры жилищ, можно говорить и об увеличении их размеров до 11—16 кв.м.

Все эти нововведения свидетельствуют о значительно большей "фундаментальности" построек, заметно отличающих их от жилищ второго периода.

Произошли изменения и в конструкции печей. Проследить это труднее, чем в строительных приемах самих домов. От печей сохранялись, как правило, развалы кирпичей и поды, выложенные кирпичом, что позволяло определять их внутренние размеры. Они не столь стабильны, как в предыдущий период, где преобладали размеры в 4 кирпича (0,5×0,5 м). В третий период печи стали больше: поды выкладывались из 9 (0,75×0,75 м), из 12 (0,75×1 м) и даже из 16 кирпичей (1×1 м). Стены таких печей более массивные: кирпичи в них уложены плашмя на глиняном растворе в 8—10 рядов. Впрочем, продолжали сооружаться и печи со стенками из поставленных на ребро кирпичей, но нередко в нижней части они дополнительно укреплялись кирпичами, вплотную приставленными к ним в один-два ряда. Новшествами в конструкциях печей стали, во-первых, кирпичные столбы-подпорки печного свода, помещенные в центре пода, во-вторых, дымовые кирпичные трубы (дымоходы), пристроенные к одному из задних углов печи, в-третьих, окружение печ загородками из плах или досок, скрепленных угловыми довольно крупными столбами. Существенно также, что появившиеся еще в Саркеле "хлебные" печи продолжали использоваться беловежцами.

На фоне этих изменений и усовершенствований особенно заметно почти полное исчезновение простейшей формы отопительного устройства — очажков. Даже в цитадели, которую в то время заселили в основном кочевническим гарнизоном, очаги зафиксированы всего в трех жилищах, причем в двух из них, после пожара и восстановления дома, их заменили печами (№ 3 и № 12).

Одновременно с наземными жилыми постройками в Белой Веже сооружались порой и полуземлянки. Три из них поставлены на участке среди развалин так называемого "длинного здания". Все три характеризуются стандартностью и тщательностью

строительных приемов, продуманностью расположения (умелым использованием остатков кирпичных стен) и размерами, превышающими обычную площадь полуземлянок более раннего времени на 2—4 кв.м. Типологически они очень близки полуземлянкам, распространенным во многих южных древнерусских городах, в том числе и в самом стольном Киеве (Каргер, 1950, с. 10—21). Напомню, что мной отнесены к концу второго периода две полуземлянки, аналогичные полуземлянкам третьего периода (№ 8 и № 46). Не исключено, что в Белую Вежу уже в середине XI века начали прибывать из метрополии новые жители, а в третий период они заняли определенную территорию, возможно, ставшую центральной, связанной с Речными воротами, базаром и северо-западными ремесленными мастерскими.

Нововведением следует считать и сооружение крепких, облицованных кирпичом ям и погребков. Облицовка, т.е. предельное укрепление ям, вырытых в культурном рыхловатом слое, стала использоваться уже в предыдущем периоде, но повсеместное ее внедрение в строительство подсобных дворовых помещений получило признание в третьем периоде.

Несмотря на частые пожары, заметная "упорядоченность" домостроительства и в целом быта коснулась и общей планировки территории.

Так, в цитадели четко выявляется уличная планировка: два параллельных ряда домов между линиями 12—13 и 15—16 (направление улицы с северо-востока на юго-запад). От них отходит к юго-востоку ряд домов (линия С—Т). Можно наметить и другие линии, но многие постройки настолько плохо сохранились, что говорить о включении их в уличный порядок вряд ли возможно.

Значительные изменения произошли в северо-западной части крепости. Во-первых, вся территория вдоль северо-западной и юго-западной стен была застроена новыми. жилищами, двумя мастерскими (кузнечной и гончарной) и другими постройками. Почти вплотную друг к другу ставились дома и на площади у бывших Главных ворот. Во-вторых, город начал разрастаться — его жители уверенно "перешагнули" через северо-западную стену, начав активное строительство вдоль ее внешней стороны. К полуразбитой Западной башне пристроили еще одну хорошо оборудованную кузнечно-плавильную мастерскую. По-видимому, этот район стал средоточием ремесленной деятельности. Быстро нара-

стал на территории к северо-западу от стены культурный слой, выявленный несколькими траншеями, но не исследованный. Толщина его достигала 1,5—2 м. Размеры этого городского предместья равнялись примерно половине площади, занятой крепостью (рис. 34).

Что касается находок в развалах жилищ третьего периода, то изменения в их составе весьма существенны.

Прежде всего они коснулись керамического комплекса (табл. 5 приложения 1), в котором ведущее место заняли две категории сосудов: древнерусские горшки, датирующиеся концом XI — началом XII века, и амфоры с высокими ручками того же времени. Очень сократилось количество лепной посуды и особенно заметно тмутараканских кувшинов, очевидно, редко использовавшихся в качестве перевозной тары. Кочевническая богато орнаментированная разнообразная посуда почти полностью перестала изготовляться. Только изредка попадались обломки лепных грубо сделанных сосудов, небрежно и скупо "украшенных" характерным узором в виде гирлянд, наколов и пр. Обломки хазарских горшков единичны, что свидетельствует о ликвидации их производства.

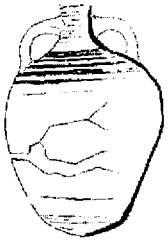
Другим массовым материалом являются кости животных. Они зафиксированы в 16 (из 76) постройках, причем большая часть (9) — в цитадели. Определение видового состава стада, а иногда и подсчеты костей каждого вида позволили сравнить полученные данные с определениями костного материала во втором периоде. По-прежнему в стаде преобладали овцы и коровы, но заметно меньше попадались кости лошади и свиньи. Зато обширнее стал состав промысловых животных: сайги, кабана, оленя, волка, бобра, различных птиц и рыб.

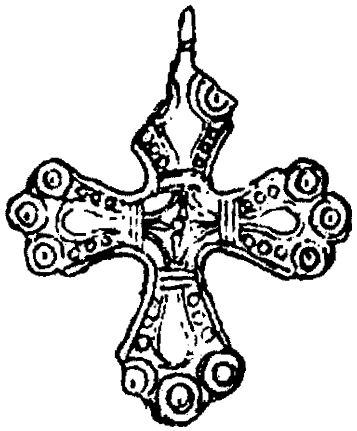
Помимо керамики и костей в половине жилищ (в 35) были обнаружены различные предметы и их обломки (табл. 6 приложения 1). Сравнительно со вторым периодом явно пополнился набор находок, связанных с производственной деятельностью беловежцев, втрое увеличилось количество мелких предметов одежды и разнообразнее стали украшения: появились янтарные и костяные подвески, сильно возросло количество обломков стеклянных браслетов. Интерес представляют находки каменного крестика и клыка собаки с просверлиной (амулет). Видимо, языческие верования, несмотря на христианизацию городского населения, еще не полностью исчезли в Белой Веже. Это подтверж-

дается и обнаруженным под мергелевым цоколем дома № 35 скелетом собаки — "закладной жертвы", принесенной строителями в начале сооружения этой довольно крупной постройки.

Рассмотренный материал позволяет констатировать значительный экономический подъем в городе, выражающийся не только в росте его заселенности, но и в возникновении новых мастерских и новых ремесел. Существенно оживился импорт, что подтверждается увеличением привозной амфорной тары, стеклянных браслетов, обломков поливной посуды и пр.

Несмотря на все эти достижения, на большие работы, проводившиеся по укреплению города, Белая Вежа была вновь захвачена, разграблена и сожжена спустя 150 лет после аналогичного погрома Саркела. Следы этого разгрома прослежены на всех исследованных участках городища на уровне третьего периода. Тем не менее город не исчез полностью. В нем началась новая жизнь, о чем свидетельствуют материалы, представленные в следующей главе.





Глава 5

БЕЛАЯ ВЕЖА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XII ВЕКА

После снятия дернового слоя, иногда всего лишь в 0,1 м от поверхности и нигде не глубже 0,40—0,60 м, на городище, особенно в его юго-восточной части, т.е. на территории бывшей цитадели, обнаружены остатки построек преимущественно со стенами из сырца или самана. В большинстве случаев они представлены бесформенными массивами глины, в которой с трудом можно было выделить отдельные сырцовые кирпичи.

1. Цитадель

Всего в цитадели открыты остатки 12 построек, большинство которых было жилищами (рис. 61).

4.1. Большой завал общей площадью около 50 кв.м раскрыт в кв. С23—Р24, С24—Р25, Р24—П25 на уровне +2,3 м. Четко выделилась часть сырцовой стены длиной 2,5 м и толщиной 1,25 м, высота этого блока достигала 0,5 м. Стена стояла параллельно юго-восточной стене крепости, к ней примыкал участок глинобитного пола, покрытый золой и угольками, а вдоль стены лежал кусок обгоревшей плахи (от перекрытия?). На полу обнаружены развалы двух печей. От первой сохранились кусок пода из трех половинок кирпичей и три целых кирпича стенки, поставленных на ребро, а также несколько разбросанных кирпичей и рассыпанные вокруг зола и угли.

Под этим полом и ниже — под тонкой подстилавшей его углистой прослойкой, насыщенной костями животных (овцы, коровы, лошади, рыб), были выявлены, примерно на уровне +2 м, следы пола второго слоя этого помещения. Рядом на том же уровне находилась вымостка из небрежно выложенных кирпичей

(целых и обломков), сверху обмазанная раствором глины. У вымостки обнаружен глиняный слабо обожженный круг диаметром 0,60 м, толщиной в центре 6 см, а у краев 2 см. Тесто, из которого сделан круг, замешано на просяной мякине. Одна его сторона выпуклая, заглаженная рукой, другая плоская. На плоской хорошо видны следы вращения — концентрические процарапанные линии. В центре круга — отверстие. Вероятно, круг служил утяжелителем нижнего диска ножного круга. Вокруг него в полу были прослежены глубокие ямки от столбиков.

Это довольно большое помещение могло быть гончарной мастерской. Находки на полу возле круга в основном представлены обломками посуды: древнерусских горшков XII века (36) и одного разбитого горшка, лепных толстостенных грубых горшков (31), амфор с высокими ручками (23), тмутараканских кувшинов (4). Там же были обнаружены 16 обломков стеклянных браслетов, хрустальная круглая бусина, шиферное пряслице, обломок энколпиона и роговая крупная петля от колчана. Перечисленные находки позволяют датировать постройку первой половиной XII века.

4.2. Второй завал сырца и глины расположен северо-восточнее предыдущего и местами разливами глины даже смыкался с ним (кв. Н23—М24). Четко выявился западный угол сырцовой постройки. Длина северо-восточной стены 3 м, толщина 0,60 м, в высоту она сохранилась на три кирпича (рис. 63, *2*). Уровень ее основания +2,1—2,5 м. Юго-восточная стена сохранилась хуже и сложена намного небрежнее первой: из сырца разных размеров, с излишне широкими швами и пр. Две остальные стены помещения превратились в бесформенные развалы сырца. Внутреннее пространство постройки не было завалено глиной — стены явно обвалились наружу. В результате удалось открыть значительный участок глинобитного сильно обожженного пола, покрытого золой и углями. Находки на полу: обломки амфор XII века (75), тмутараканских кувшинов (5), древнерусских горшков XII века (5), лепных горшков (5), а также два лепных светильника-мисочки и широколезвийный плотницкий топор с обгоревшим дубовым топорищем.

4.3. Третье сооружение с частично сохранившимися сырцовыми стенами находилось в кв. Р19—П20, П19—О20, О19—Н20, Р20—П21, П20—О21 на уровне +1,9—2,4 м. Остатки сырцовой стены длиной всего 1,5 м, шириной 0,75 м, высотой два-три ряда кирпичей. Кирпичи, как и в двух предыдущих постройках, зе-

леновато-серые, а связующий раствор глины красноватый. В этом здании он очень тонкий (1—2 см), кладка выложена тщательно в отличие от второго здания, в котором красным раствором иногда забивали швы между кирпичами (толщина забивки там достигала 10 см). Следует отметить, что и размеры кирпичей этой постройки более стандартны (25×18×10 см). К сожалению, остальные три стены полностью деформированы — это комки кирпичей со следами красноватых прослоек или же просто разливы сырцовой глины толщиной около 0,40 м. Под завалами стен был расчищен обожженный глинобитный пол, покрытый золой и углями. Он сильно изрезан поздними ямами, и определить границы постройки по его очертаниям не удалось, однако сохранившаяся площадь его довольно значительная — 3,80×4,5 м. На полу был расчищен развал печи, от которой остались четыре кирпича пода и один от стенки. В завале и на полу были обнаружены обломки амфор, древнерусских горшков, кости коровы, лошади, овец, а у печи — 12 обгорелых астрагалов. Кроме того, на полу обнаружены двусторонний гребень с накладкой (XII век) и кость с глубокими нарезками, использовавшаяся при обработке кожи.

4.4. Завал сырца занимает очень большую площадь (более 100 кв.м) в кв. Х20—С22. Контуры этого завала весьма причудливы и извилисты, какие-то более или менее определенные очертания стали улавливаться только в процессе расчистки, в частности, небольшой останец стены, равный в длину 1,2 м и в два сырцовых кирпича в высоту. Глинобитный сильно обожженный пол этого помещения был выявлен на уровне +2 м. В северном углу в полу расчищена ямка от крупного столба, а вдоль северо-восточного края — куски обожженной обмазки с отпечатками прутьев, куски обгоревших плах, ямки от жердей и на расстоянии 2,5 м от углового столба — ямка от аналогичного столба, очевидно, срединного. Печь находилась в северном углу, от нее сохранилось только прокаленное пятно глинобитного пода диаметром около 0,6 м. По расчищенным участкам пола можно предполагать, что размеры его равнялись примерно 7×12 м. Возможно, постройка состояла из двух помещений, поскольку кроме остатков печи в юго-западной части пола находился второй очаг в виде тарелкообразного углубления, заполненного золой, угольками и пережженными разбитыми костями животных. При расчистке пола было обнаружено большое количество обломков амфор и древнерусских горшков XII века. Там же найдены обломок лепно-

го светильника-мисочки со сливом, венчик кочевнического сосуда с характерным "пышным" орнаментом, шаровидная сердоликовая бусина, "трехбугорчатая" бусина, обломки синих стеклянных браслетов и кости животных: коровы, лошади, овец, сайги.

4.5. В кв. Т13—С14 и У13—Т14 на уровнях +2,4 м и +2,6 м выявлен завал глины, перемешанный с сырцовыми кирпичами и их обломками, перекрывавший глинобитный пол площадью 3×2,5 м. Края пола неровные, но ясно, что постройка была прямоугольная, ориентированная углами по странам света. Вдоль северо-западного края пола выложен ряд саркельских (обожженных) кирпичей, а под полом насыпан слой кирпичной щебенки толщиной до 8 см, служивший прокладкой под пол и под сырцовые стены постройки. В северном углу обнаружена ямка от массивного столба, у северо-восточной стены находилась печь, от которой осталось всего шесть разбросанных кирпичей.

В развале обнаружены несколько обломков амфор и древнерусских горшков, костяное лощило для обработки кожи и много костей животных: овец (65), коров (45), лошадей (9), собак (8), рыб.

4.6. Юго-западнее этого сооружения, в кв. У13—Т14 на том же уровне располагалось еще одно аналогичное жилище, от которого остался небольшой развал кирпичей вокруг зольного пятна (остатки печи). К ним примыкал участок глинобитного пола (2×1,2 м), подстилавшегося, как и у предыдущего дома, кирпичной щебенкой. На полу обнаружены обломки амфор, древнерусского горшка и много костей животных.

4.7. Еще один завал глины конструктивно близкого сооружения был расчищен в кв. Ф15—У16 и Ф14—У15. Размеры завала 8×2,5 м. Возможно, он перекрывал два находившихся рядом жилища. От обоих остались на уровне +2 м участки глинобитных полов. Под ними и здесь была прослежена подсыпка из кирпичного щебня. На полу были открыты остатки двух печей. От одной из них сохранились развал кирпичей, обломки их и обожженная обмазка вокруг прокаленного глинобитного пода, покрытого золой. На поду была обнаружена маленькая раздавленная бронзовая мисочка.

Вторая печь — округлая в плане, стенки ее сложены из половинок кирпичей на глиняном растворе. На глинобитном обожженном поду в центре лежал кирпич, служивший, видимо, основанием глинобитного столба, поддерживавшего свод печи. Обломки и половинки кирпичей, перемешанные с золой, перекрывают эти

остатки печи. Устье ее обращено на юго-запад, с северо-западной стороны к печи примыкала низкая (в один плашмя положенный кирпич) овальная в плане оградка. В огороженном пространстве лежал плотный слой золы толщиной 10 см. Вокруг печи и в ней были обнаружены кости животных: овец, коровы, лошади, кошки, а также обломки амфор и древнерусских горшков XII века. Там же были найдены обломок мергелевой литейной формочки, точильный камень, куски шлака, заготовки из оленьего рога, листовидная стрелка с обломком древка.

Кроме построек с сырцовыми стенами в верхнем пласте примерно на тех же уровнях находились остатки построек с иной конструкцией стен.

4.8. Наиболее выразительным и лучше других сохранившимся комплексом является сооружение в кв. Ф18—У19 и Х19—Ф20, пол которого находился на уровне +2 м. Пол глинобитный сильно обожженный, толщина его 10 см. На нем — слой сажи, угольков, золы. В плане площадка пола прямоугольная, размеры ее 4,5×5 м, ориентирована сторонами по странам света (рис. 62, *1*). По периметру пола, в углах и на середине каждой стороны, прослежены гнезда массивных столбов (диаметром 0,30 м и такой же глубины). Вход находился на северной стороне, где вместо одного столба в середине стены были поставлены два на расстоянии 1 м друг от друга. Пол у входа сильно утоптан. В нескольких местах вдоль стен между столбами были в пол вбиты жерди, от которых остались довольно глубокие ямки. В центре пола выявлена еще одна ямка от толстого столба, который вместе с двумя столбами на восточной и западной сторонах поддерживал конек крыши. Кроме столбов, других остатков стен не сохранилось, возможно, они были плетенные из ивовых прутьев и с обеих сторон обмазаны глиной. Такой же, видимо, была и крыша. Завал на полу, перемешанный с кусками кирпичей, обожженной глины, углей — это все, что осталось от верхних конструкций дома. Печь не сохранилась, вероятно, она находилась в южном углу, срезанном поздним перекопом. В центральной части постройки, напротив входа, рядом с центральным столбом находился типичный кочевнический тарелкообразный очаг диаметром 0,6 м, заполненный угольками и золой.

Слева от входа в эту постройку было сооружено небольшое помещение, от которого сохранились глинобитный пол и две ямки от столбиков.

В слое рухнувшей крыши в большом количестве попадались кости животных: коровы, лошади, свиньи, козы, кабана, птиц и рыб. Там же были найдены обломки амфор (14), хазарских горшков (11), лепных сосудов, обломок древнерусского горшка и часть цилиндрического замка.

На полу при расчистке обнаружены обломок амфоры, обломки хазарских горшков (5), древнерусских горшков (11), лепных сосудов (8), бронзовая бляшка (окислившаяся), а под полом — обломки амфор XII века (18), древнерусских горшков (21), лепных сосудов (31).

4.9. Остатки другой типологически близкой столбовой постройки расположены в кв. Х17—Ф18 и Ф17—У18 на уровне +1,85 м. Пол сильно поврежден ямами, но форма и размеры его в плане прослеживаются достаточно четко: трапециевидная, площадью 4×1,85—2,6 м, с ямами от столбов по углам (рис. 62, *2*). Постройка ориентирована углами по странам света. На середине пола обнаружено скопление золы, а у юго-восточной стенки — следы очага или печи в виде обожженного пятна на полу и обломков кирпичей и обожженной глиняной обмазки вокруг. У северо-западной стенки лежали в беспорядке куски обугленных жердей. Крыша постройки держалась, вероятно, на угловых столбах и была односкатной. Стены же, судя по сгоревшим жердям, были плетенные на жердевом каркасе.

Находки на полу этой постройки немногочисленны: обломки амфор (5), древнерусских горшков (3), кочевнического лепного сосуда с насечками по краю венчика и гирляндами по плечикам, обломок лепного светильника-мисочки. Кости животных, обнаруженные в жилище, принадлежали 14 коровам и 3 овцам.

4.10. В кв. Х15—Ф16 обнаружен пол из двух слоев подмазок. Размеры его 2,5×2,5 м (рис. 62, *3*). На верхней подмазке находился развал печи, стенки которой сложены из разбитых кирпичей, а под — глинобитный прокаленный, покрытый золой. Вокруг печи и на полу много золы, углей, обломков сгоревших жердей, расположенных радиально (возможно, от "шатрового" перекрытия).

Ниже пола этого жилища примерно на 0,2 м находилась плохо сохранившаяся, непонятного назначения оградка из поставленных на ребро кирпичей. Одна ее сторона сложена из 10 кирпичей (2,25 м), другая — из 4 (1,25 м). Кирпичи оградки с внутренней стороны были покрыты слоем глиняной подмазки. По-видимому,

это остатки помещения производственного или иного хозяйственного назначения, разрушенного при строительстве нового дома.

4.11. В кв. Ф13—У14 на уровне +1,9 м открыт слой глинобитного сильно обожженного пола, толщиной 8 см. Под ним прослежена угольная прослойка, а под ней — еще один слой глинобитного обожженного пола. Размеры этого дважды горевшего помещения небольшие — 2,35×1,7 м. Уголь между полами тополевый. На нижнем полу обнаружены обломки бронзовой чашечки.

4.12. В кв. Х12—Ф13 на том же уровне был расчищен небольшой участок глинобитного пола, на котором сохранились остатки очажка, сложенного из двух кирпичей и половинки жернова. Устьем он был обращен на север. В очажке и вокруг него рассыпаны зола и угли. Под его глинобитный прокаленный. Находок обломков керамики немного: амфор XII века (6), тмутараканских кувшинов (3), лепных горшков (4), обломок толстостенного красного пифоса. Костей животных обнаружено значительно больше: овец (81), коров (34), лошади (7), а также бобра, птиц и рыб.

В отличие от предыдущего слоя, для которого были характерны ямы с кирпичными обкладками стен и дна, в этом слое, несмотря на равные условия (рыхлость культурного слоя), ямы не закреплялись никакой облицовкой. Это сделало почти невозможным их фиксацию и хотя бы частичное исследование.

Только на одном участке — в кв. Т21—С23 удалось открыть и расчистить три "земляные" ямы. Все они бочковидные или, вернее, грушевидные, большие (диаметры устий 1 м, дна 1,5 м, глубина 1,5—1,75 м). Вокруг них был насыпан и утрамбован слой плотной коричневой глины.

Значительный интерес имеют остатки еще двух комплексов, обнаруженных в цитадели на уровнях верхнего пласта культурного слоя Белой Вежи.

В кв. Т12—С13 на уровне +2,6 м лежал скелет лошади без черепа и костей ног, а также разбросанные вокруг кости коровы (45), овец (79), другой лошади (15), собаки (22), рыб (69), сломанный конек-лощило и костяная рукоятка ножа. Все это было засыпано рыбьей чешуей, а в завале обожженной глины, видимо, от стен этой постройки, обнаружено много костей животных: овец, коров, быка, лошади, собаки, рыб и птицы. Обломков керамики немного: амфор XII века (7), древнерусских горшков (3). Очевидно, что открытые остатки не были развалом жилого помещения (рис. 63, *1*). Возможно, это какое-то хозяйственное помещение, но

более вероятным представляется иное объяснение — здесь находилось жертвенное место (небольшое святилище покровителя стада?).

Еще одно близкое предыдущему сооружение было обнаружено в кв. Ф12—У13 на уровне +2,30 м. Это довольно большая и сильно разрушенная перекопами кирпичная вымостка на глиняной подмазке, выложенная из целых кирпичей и обломков. И на кирпичах, и на подмазке много обгорелого дерева (тополя), кусков извести, масса костей животных: овец (345), коров (115), собаки (42), лошади (12), рыбы (44), птиц, бобра, сайги, а также обломков керамики: амфор (55), лепных горшков (21), древнерусских горшков (9). Там же в завале были обнаружены вставка из перламутровой раковины, обломок синего стеклянного браслета, кирпич с процарапанным на нем изображением "лабиринта".

2. Остатки построек на территории бывшего "караван-сарая"

На глубине 0,2—0,6 м от поверхности на раскопе были выявлены остатки стен из сырцового кирпича. За редкими исключениями, они представляют собой бесформенные груды глины, в которых иногда попадаются отдельные сырцовые кирпичи или их обломки.

4.13. Фактически только один раз в развале сырца был обнаружен на глубине 0,45 м от поверхности вдоль линии Ф5—Ф6 кусок стенки, сложенной из серовато-зеленых кирпичей на ярко-желтом глиняном растворе (рис. 64). К стенке примыкает участок плотного глинобитного пола. В западном углу он сильно обожжен и немного приподнят над уровнем пола. Видимо, это под полностью разрушенной печи, хотя восточнее его находился развал кирпичных обломков, перемешанных с золой, который также мог быть остатком печи. К этому же комплексу относилась и расположенная рядом сильно разрушенная вымостка из кирпича. Находки, которые можно связать с этим комплексом: обломки амфор (6), древнерусских горшков (2), лепных сосудов (3), обломок поливного голубого сосуда, бусинка, обломок синего стеклянного браслета, сломанное костяное кольцо, обломок медной ручки, кости коровы (9). Рядом с саманной стенкой, в кв. Х5—Ф6, видимо, снаружи постройки, найдена треугольная костяная пластинка, прекрасно отшлифованная, слегка выпуклая, край которой оторочен полосой, покрытой наклонными глубокими нарезками.

Примерно на этом же уровне среди разливов сырца были про-

слежены остатки глинобитных полов, развалы печей, завалы битого кирпича, полуразобранные вымостки из кирпича, местами выложенные в два слоя и, вероятно, служившие цоколями глинобитных и сырцовых стен (кв. С2—Р3, Т2—С3, Т3—С4, У6—Т7). Все постройки настолько разрушены, что восстановить их конструкцию невозможно. Для них характерна одна общая черта — ориентировка в соответствии с направлением стен крепости, что несомненно свидетельствует о возвышении стен над поверхностью даже в этот самый поздний период жизни Белой Вежи. Существенна также и общая судьба всех строений, остатки которых удалось зафиксировать и хотя бы частично исследовать: все они погибли в пожарах.

Помимо построек с сырцовыми стенами здесь, как и в цитадели, ставились дома со стенами более легких конструкций: плетеные или досчатые, обмазанные с обеих сторон плотной глиной. Вокруг остатков полов таких построек нет развалов сырцовой глины. Сгоревшие части деревянных конструкций позволили определить, что основным строительным материалом были тополевые и сосновые доски, бревна и жерди. Всё это были наземные дома, аналогичные синхронным им постройкам, открытым в цитадели, и фактически продолжающие традиционные строительные приемы, использовавшиеся беловежцами в течение всего XI века. На одном из таких полов обнаружены жернов из песчаника и несколько жердевых ямок и кирпичей вокруг него (мельничное устройство?). Парный (верхний) жернов находился снаружи развала домика, примерно в 2 м от первого (рис. 64).

Однако наряду с наземным строительством в то время в ряде мест сооружались и значительно более теплые и крепкие жилые постройки — полуземлянки. Этот тип жилища, широко распространенный в течение нескольких столетий как в Хазарии, так и на Руси, изредка строился беловежцами и в XII веке.

4.14. Так, в кв. Т6—С7 на глубине 0,50—0,60 м было выявлено большое пятно котлована, заполненное мусорным слоем. В плане котлован прямоугольный со слегка закругленными углами (рис. 64; рис. 65, *1*). Ориентирован он углами по странам света, но с незначительным отклонением (примерно 8 градусов). При строительстве этой полуземлянки был срезан весь западный угол дома на мергелевом цоколе, по-видимому, уже не видимый на поверхности в начале сооружения полуземлянки. Глубина котлована 1,20—1,40 м — он вырыт полностью в толще культурного

слоя (его пол выше материка на 0,70 м). Края котлована сильно обвалились, поэтому судить по его очертаниям об истинных размерах и конструктивных особенностях жилища стало возможно только после полной его зачистки. В целом полуземлянка, за исключением обвалившейся верхней части стен, сохранилась очень хорошо, только северо-восточная ее стенка частично срезана более поздней, небрежно выкопанной в культурном слое, мусорной ямой. Реальные размеры этого жилища 4,10×3,90 м.

Пол полуземлянки плотный глинобитный. В углах были поставлены довольно массивные столбы, диаметрами 15—20 см. Между ними вдоль двух стенок прослежены ряды ямок от жердей (диаметрами 5—7 см). Вместе с угловыми тополевыми столбами они были основой плетенных из ивовых прутьев стенок жилища. Удалось расчистить кусок обгорелой жерди с обломками окружавших ее прутьев. С юго-восточной стороны плетень был двойной: ближний к стене ряд состоял из крупных кольев, а второй ряд — из более тонких. Вход в жилище, видимо, находился на месте ямы, срезавшей северо-восточную стену. В северном углу полуземлянки стояла прекрасно сохранившаяся печь (рис. 65, *2*). Она сложена из целых кирпичей на растворе глины. Топилась печь "по черному", т.е. без дымохода. Под ее выложен девятью кирпичами на глиняной подмазке. Вокруг пода поставлены на ребро кирпичи, в юго-западной стенке находилась топка шириной 0,30 м, высотой 0,60 м. На этот ряд стоявших кирпичей накладывались горизонтальные ряды кирпичей, причем каждый следующий ряд смещался немного внутрь так, что перекрытие печи получилось в виде ложного свода. Всего таким способом были уложены 6 рядов кирпичей. Верх печи был прикрыт пятью кирпичами, укрепленными обломками и обмазанными толстым слоем глины. Размеры верхней площадки печи 1×0,9 м. Почти вся она была перекрыта круглой массивной глиняной сковородой (подницей). Высота края подницы 7 см, толщина 5 см. Подницы обычно служили для подсушивания зерна перед помолом. Снаружи печь обмазана плотным слоем глины. Вокруг печи в полу прослежены ямки от кольев и столбов. Столбы поставлены у углов печи, а колья — по ее периметру. Очевидно, печь на определенную высоту была оплетена, как и стены, ивовыми прутьями.

Никаких находок на полу жилища не обнаружено. Только в южном углу сохранились обломки жернова и ямки от кола, служившего осью мельничного устройства.

Заполнение котлована: мешаный серый слой, в котором в верхней части попадались обломки древнерусских горшков, кочевнического лепного горшка, кирпич с рисунком-"лабиринтом". Это слой погибшего в пожаре жилища — по всей площади котлована он перекрыт прослойкой золы и сгоревших ивовых прутьев.

Слой заполнения под ней отличается большой хронологической смешанностью находок обломков керамики: в нем встречаются обломки древнерусских и типичных хазарских горшков, котла с внутренними ушками и довольно много обломков тмутараканских кувшинов. Не исключено, что это слой, упавший со сгоревшей крыши.

Как бы там ни было, но открытый в верхнем жилом слое Белой Вежи котлован, разрушение им цоколя предшествующего времени позволяют уверенно относить его к первой половине XII века.

Мы уже не раз упоминали о том, что верхние напластования городища были сняты скрепером, поскольку времени на исследование этих интереснейших и, возможно, богатых вещами отложений у археологов не было. Поэтому последние участки, на которых удалось выявить и раскопать еще несколько комплексов позднейшего периода, представлены только вдоль северо-западной крепостной стены Белой Вежи.

3. Остатки построек у северо-западной стены

На данном участке постройки со стенами из сырцовых кладок нередко попадались на глубине от поверхности ниже, чем на двух предыдущих, а именно 0,70 м, однако преобладающим уровнем их залегания, как и всюду, сохраняется глубина от 0,30—0,60 м.

Сохранность их также очень плохая, и план постройки или конструкцию их стен удается проследить в исключительных случаях (рис. 66). Некоторой особенностью представляется их расположение вне крепостной стены, пристроенными к ней, но иногда поставленными и на некотором расстоянии от стены.

4.15. Такова, в частности, постройка в кв. У8—Ф9 и Ф8—Х9, выявленная на глубине 0,50 м от поверхности (рис. 67, *1*). Это небольшое строение, одно из наиболее полно сохранившихся на городище. При его строительстве были использованы приемы, которые не удалось проследить при исследовании развалин других построек с сырцовыми стенами. В частности, в начале строительства был вырыт в культурном слое неглубокий (около 20 см) прямоугольный котлован размером 3,75×3,55 м. Внутри его,

вдоль стен были поставлены сырцовые стены из крупных кирпичей размером 75×35×40 см. Частично сохранился только его нижний ряд у трех стен. Постройка была ориентирована углами по странам света, полностью разрушенной оказалась только ее северо-западная стена. Размеры внутреннего пространства этого строения примерно 2,60×2,25 м. Пол в нем плотный глинобитный, ровный. В южном углу была вырыта большая цилиндрическая яма диаметром 0,90 м, глубиной 1 м. В северном углу, почти у предполагаемого края северо-западной стены находилось гнездо для довольно массивного столба, вероятно, от дверного косяка. Малые размеры и отсутствие печи позволяют предполагать хозяйственное назначение этой постройки. С внешней стороны к юго-западной стене и южному углу примыкают остатки сырцовых кладок и "разливы" сырцовой глины. По-видимому, их следует связывать с развалом верхней части стен. У южного угла удалось зафиксировать две столбовые ямки, вырытые вплотную к стене и, вероятно, служившие своеобразными контрофорсами, поддерживавшими эту часть стены, начавшую разрушаться.

4.16. Южнее описанного строения на 1,6 м в кв. Т8—У9 и У8—Ф9 на той же глубине были обнаружены остатки еще одной небольшой постройки, ориентированной углами по странам света (рис. 67, *2*). От нее остался прямоугольник глинобитного пола (1,40×1,60 м) с сильно "изрезанными" краями, а с северо-восточной стороны — развал стены из сырцовых кирпичей. Не исключено, что это небольшое строение составляло с постройкой № 15 единый хозяйственный комплекс.

4.17. Остатки еще одного сырцового строения обнаружены в кв. Р6—С7. Оно было пристроено к внешней стороне северо-западной стены и башни "Д" (рис. 66; рис. 67, *3*). Очевидно, крепостные стены, еще достаточно возвышавшиеся над поверхностью, служили стенами этого здания. Юго-западная и северо-западная его стены были сложены из двух рядов прекрасно сформованных сырцовых кирпичей стандартных размеров: 60×25×30 см и 40×25×30 см. Длина юго-западной стены 3,35 м, толщина 1,25 м, а толщина северо-западной, в которой использованы кирпичи меньшего размера, 0,85 м. Эта стена была более чем наполовину разобрана, сохранилась только в западном углу, но другим концом упиралась в стену башни, и это дает возможность восстановить ее длину — 3,40 м. Внутреннее пространство постройки 3,40×2,20 м. Она дважды горела, о чем свидетельствуют участки

глинобитного обожженного пола двух уровней подмазки. Пол сохранился не полностью: вдоль стены и башни он уничтожен при разрушении стен в XIX веке.

В кв. Л1—М2 под завалами мусора был расчищен кусок сырцовой стены, тоже, как и полы на соседнем участке, разрушенной при разборке кирпичной кладки западной башни (рис. 67, *5*). В этот перекоп попали и постройки, расположенные с юго-западной стороны башни, в кв. З1—И4, Ж2—З4, И3—Ж4. На всей этой довольно значительной площади выявлено несколько более или менее разровненных участков битого кирпича, щебня, извести. Один из таких участков, открытый на глубине 0,20 м, перекрыт ровным толстым слоем глинобитного пола, размеры которого 3×1,5 м. Как мы знаем из предыдущих разделов, подсыпка под глинобитный пол была широко распространена в последний период жизни в Белой Веже. Судя по остаткам такой подсыпки на этой площадке, здесь стояло не менее двух хорошо обустроенных домов.

4.18. В углу, образованном крепостной стеной и юго-западным пилоном бывших Главных ворот, было расположено, видимо, жилое помещение весьма крупных размеров — 4×4,1 м (кв. Д3—Г4). Примерно четвертая часть его с юго-запада была срезана перекопом (рис. 67, *4*). Жилище явно наземное, вероятно, с глинобитными стенами и плотным глинобитным полом. Кое-где в остатках глинобитных стен удалось проследить ямки от жердей. Очевидно, стены были укреплены жердевым каркасом. Внутренняя площадь жилища разделена на две части досчатой перегородкой, с обеих сторон обмазанной глиной. В полу прослежены гнезда от двух столбов и жерди. Назначение их определить не удалось. Печи в постройке не было, видимо, она находилась в западном углу и была уничтожена вместе с частью пола.

Более за пределами крепостных стен остатков жилых комплексов этого времени не обнаружено. Объясняется это не только очень сильной разрушенностью верхнего слоя городища, как в пределах крепостных стен, так и снаружи. Следует учитывать также, что вскрытая вне северо-западной стены площадь в целом очень незначительна. Траншея, проведенная по центральной оси этого участка, дала представление о насыщенности культурных напластований на нем. В одном из небольших шурфов, заложенных поблизости от этой траншеи, была открыта часть кузницы, но исследовать ее не было времени.

Перейдем далее к характеристике нескольких комплексов, обнаруженных у северо-западной стены внутри крепости.

4.19. На большом участке, охватывавшем четыре квадрата (К4—М6), на глубине 0,45 м был обнаружен обожженный глинобитный пол большого, видимо, жилого помещения. Дом поставлен почти вплотную к внутренней плоскости северо-западной стены и ориентирован углами по странам света. Пол прямоугольный, размеры его 7,2×4 м. Цоколь северо-восточной стены обрамлен наполовину разрушенной кирпичной выкладкой, уложенной на глиняном растворе. Поперек пола прослежены две сгоревшие доски, возможно, от перегородки, отделявшей одну часть дома от другой, вероятно, производственной. В ней были расчищены остатки двух очагов или печей? Очаг, расположенный в центральной части пола (ближе к северо-западной стороне), несколько необычной удлиненной формы, в пол углублен на 10—15 см. В его поду почти на середине длины вырыто квадратное углубление с удлинением в одном из углов. Между стенкой дома и краем очага обнаружены обломки кирпичей. Вся площадь очага и углубления в нем засыпаны углем и золой. Представить следы этого сооружения простым отопительным и хозяйственным устройством нет оснований — аналогий таким очагам нет, датируется он временем, когда вообще очагами не пользовались. Вероятно, это остатки плавильного или кузнечного горна, верхняя часть которого была полностью уничтожена и сровнена с уровнем пола (рис. 68, *1*).

Вторая печь также не характерна для беловежского строительства. Она расположена в южном углу помещения. Верх ее тоже уничтожен, нижняя овальная часть довольно большая — 1×0,6 м, стенки и дно прокалены, дно покрыто толстым слоем золы, в которой попадаются куски обгорелой и ошлакованной глиняной обмазки. Оригинальной ее особенностью является то, что топка ее выходила не внутрь помещения, а наружу. Ширина сохранившегося дна топки не превышает 15 см, только в самом начале устья расширяется до 25—30 см. Перед устьем рассыпано довольно много золы. Не исключено, что это была гончарная печь: топку загружали снаружи дровами, а обжигательную камеру — изнутри, что было, конечно, удобнее и зимой служило прекрасным (не дымящим) отопительным устройством.

Поскольку никаких следов сырца или хотя бы разлива глины рядом с открытым комплексом не обнаружено, очевидно, это была обычная наземная постройка с досчатыми или плетеными

стенами, обмазанными глиной, но проследить их следы не удалось — комплекс буквально был стерт с поверхности.

Рядом с этой крупной постройкой, в кв. Л6—Н7 обнаружены завалы золы, разбросанные кирпичи, развалы сырцовой глины, местами перекрытые кирпичными разбитыми выкладками. В одном из сырцовых развалов сохранился участок кладки из сырцовых сравнительно небольших кирпичей разных размеров, уложенных небрежно и без раствора. Эти невосстановимые сооружения представляют интерес только как свидетельство довольно активной застройки территории вдоль северо-западной стены.

4.20. Далее к северо-востоку стройка вдоль стены продолжена в кв. П8—Т9, Р9—С10, С10—Т11. Очень сильно изрезанный ямами и сплошными перекопами пол прослежен вдоль стены на 6,2 м, а в ширину в самом "сохранившемся" месте не более 2,50 м (рис. 66; рис. 68, *2*). Постройка погибла в пожаре, пол сильно обожжен, покрыт золой и кое-где обломками сгоревших досок и жердей. Никаких данных для восстановления этого полностью сгоревшего и разрушенного сооружения выявить по дошедшим до нас чертежам невозможно.

К юго-западному краю пола примыкает, или врезается в него, большая квадратная яма-погреб, размеры его 2,75×2,75 м, глубина 1,50 м. Погреб полностью был вырыт в культурном слое — его дно находилось на уровне + 0,80 м от "0". Стенки и дно были облицованы кладкой из кирпичей, уложенных на глиняном растворе. Погреб, немного врезавшийся в полуразрушенную северо-западную стену, при тотальной разборке этой стены в XIX веке тоже попал в зону разрушения: две его стены и пол были полностью разобраны.

В кв. М82—Л83 на уровне +2,07 м, фактически рядом с остатками пола, описанного выше, находилась выкопанная в культурном слое и облицованная кирпичом конусовидная яма с диаметрами устья 1 м, дна 1,50 м, глубиной 1,28 м (рис. 66).

В кв. Л82—К83 на уровне +2 м расчищена небольшая кирпичная вымостка на глиняном растворе. По-видимому, она также была связана с разрушенной постройкой. При расчистке обнаружены обломки амфор (5) и тмутараканских кувшинов (1).

В кв. М84—Л85 на уровне +1,9 м открыта яма, вырытая в культурном слое, но не облицованная кирпичом. Диаметр ее устья 1 м, дна 1,50 м, глубина около 1 м. Находки в заполнении — обломки керамики: амфор (13), тмутараканских кувшинов (8), лепных сосудов (9), древнерусских горшков (2).

Более на этом участке крепости объектов, относившихся к верхним напластованиям, не обнаружено.

Последним участком, на котором были вскрыты поздние напластования с остатками или следами построек в них, является площадка, исследованная у бывших Главных ворот с внутренней стороны крепостной стены (рис. 66, *Б*). Для построек этого слоя наиболее характерным признаком являются остатки стен, сложенных из сырцовых кирпичей. На сравнительно большой площади (500 кв.м) археологам удалось выявить части всего двух развалов, занимавших почти половину раскопа.

4.21. В кв. Б5—Д6 на глубине 0,24—0,35 м был прослежен угол почти полностью развалившейся сырцовой стены (рис. 66, *Б*). Длина ее с юго-восточной стороны (по линии 6) 8 м, а юго-западной (вдоль линии Д) 4 м. Кладка в них практически нигде не сохранилась, но прослойки сырца, перемежающиеся с ярко-желтыми полосками глиняного раствора, и отдельные скопления разрозненных сырцовых кирпичей четко выявляются в развале сырцовой массы. С северо-запада к стене примыкает глинобитный пол, изрезанный по противоположному краю перекопами. На линии 6, на расстоянии 0,5 м от разрушенного конца стены находилась большая печь (шириной 1 м), от которой сохранились несколько разбитых кирпичей пода и уложенные плашмя кирпичи нижнего ряда боковых стен. Видимо, печь была поставлена в восточном углу жилища, устьем на северо-запад.

Под юго-западным развалом стены было обнаружено основание печи из четырех кирпичей, уложенных на глиняную прослойку. Судя по расположению в завале, эта печь находилась в западном углу жилища.

Следует отметить, что сооружение такого непропорционально длинного дома с двумя печами не характерно для беловежской строительной традиции. По-видимому, этот длинный развал образовался в результате одновременной гибели двух рядом стоявших домов с одной общей стенкой. Остатки последней в виде отходящего от длинной стены под прямым углом сырцового всхолмления на полу позволяют предполагать наличие такой стены.

Как уже говорилось, весь северо-западный край этих строений разрушен ямами и перекопами, очевидно, в период активной разборки остатков кирпичных пилонов Главных ворот и примыкающих к ним стен.

4.22. Остатки второго развала занимали значительно меньшую площадь — кв. Д7—Г8 и Д8—Г9 (рис. 66, *Б*). Глубина их от поверхности 0,30 м. Кроме того, расплывшийся завал упавшей "наружу" стены покрывал всю площадь квадратов Г7—В8 и Г8—В9. Наиболее сохранившейся частью этой постройки является развал нижней части северо-восточной стены. Северный и восточный углы выявляются достаточно убедительно, что дает возможность определить длину стены — 7,50 м. Глинобитный пол в этой постройке почти полностью уничтожен (стерт). От него остался совсем небольшой участок в восточном углу с разбросанными на нем обломками кирпичей. Весьма существенными представляются на полустертом полу остатки сырцовой перегородки, разделяющей дом на две половины. Эта конструктивная особенность (общая стена двух соседних домов), прослеженная и в предыдущей постройке, является, очевидно, характерным приемом строителей сырцовых домов последнего этапа жизни в разрушенной крепости. Юго-западная часть дома, видимо, была многократно перекопана. От нее сохранились помимо стены-перегородки только отдельные участки пола и рассыпанной на нем золы. В центре пола северо-западного дома были обнаружены два гнезда от массивных столбов. Назначение их неясно.

Кроме остатков домов к этому же слою относится хозяйственная яма в кв. Е7—Д8, устье которой было обнаружено на глубине 0,50 м от поверхности (рис. 66, *Б*; рис. 68, *3*). Яма почти цилиндрическая, немного сужавшаяся в верхней части. Диаметр ее дна 1 м, глубина 1,53 м. Стенки и дно ямы тщательно обложены кирпичом. Яма только некоторое время использовалась в качестве погреба, т.е. на всю глубину, позднее ее засыпали на 0,53 м. Новое дно также было покрыто вымосткой из шести кирпичей. В засыпи обнаружены разбитый жернов (диаметром 0,48 м, толщиной 0,11 м), железный наконечник стрелы, обломок деревянной поделки, кости овцы, рыбы, скорлупа гусиного яйца. В заполнении верхней части ямы находок не было.

Этим последним описанием завершается обзор всех построек в Белой Веже, рассмотренных в соответствии с уровнями их залегания в четырех напластаниях культурного слоя, относящихся к разным периодам жизни города.

Таким образом, четвертый период резко отличается от предыдущего прежде всего постройками с сырцовыми стенами. Со-

хранность стен, рассыпавшихся и размытых дождями, очень плохая. Очевидно, они долгие годы стояли заброшенными в полуразрушенном состоянии почти на поверхности городища. Тем не менее удалось зафиксировать их на всех трех основных раскопанных участках: в цитадели, на северо-западной окраине и во дворе "караван-сарая" (рис. 61; рис. 64; рис. 66; табл. 7 приложения 1).

Второе отличие сырцовых построек от более ранних является значительная их величина. Правда, размеры площади пола, как правило, редко удается определить, поскольку под развалами стен он сохранился местами. Но в тех случаях, когда прослеживались оба размера (длина и ширина), площадь постройки достигала 25—30 кв.м. Не исключено, впрочем, что пол относился к двум блокам одной постройки или двум домам с общей, разделявшей их стенкой.

Сырцовое строительство не было новшеством в городе и в предыдущий период. Так, в цитадели было поставлено одно жилище на сырцовом цоколе. Но сырцовые блоки цоколя и скреплявший их раствор глины были менее "качественными". В четвертый период на всех участках, где были выявлены среди расплывшейся глины куски и блоки сырцовых стен, последние характеризовались ровно лежавшими рядами кладок, прекрасно сформованными сырцовыми кирпичами и скреплявшим их раствором глины обычно другого, более яркого цвета, что придавало стенам живописную красоту. Совершенно ясно, что в разрушенной Белой Веже появились новые мастера, искусно владевшие техникой сырцового строительства. Они же внесли некоторые изменения и в настилы полов: под обычным глинобитным слоем насыпался, выравнивая поверхность, слой мелко битого кирпичного щебня. Это способствовало утеплению пола и в какой-то степени сохранению от возможных весенне-осенних подтапливаний зданий.

Наряду с сырцовыми постройками в непосредственной близости с ними в цитадели ставились обычные наземные дома со стенами из плетня, обмазанного глиной (турлучные). В одном из них очаг был помещен в центре пола, в остальных ставили печи у стены или в углу. Конструкцию печей исследовать не удалось, поскольку от них остались только куски обожженных подов и

разбросанные кирпичи. Аналогичное расположение очагов (в центре) и печей (у стен) отмечено и в сырцовых жилищах.

По-видимому, близкие конструктивно наземные дома с легкими стенами были выстроены и вдоль внутренней стороны северо-западной стены. Однако никаких следов от несущих столбов, сгоревших досок или плетня, обгорелой обмазки стен не сохранилось.

Отметим, что литейно-кузнечную мастерскую третьего периода, разрушенную, видимо, одновременно с основанием Западной башни, уцелевшие от побоища хозяева перенесли внутрь крепости (рис. 66, *А*), стены которой еще служили относительной защитой от неожиданного набега.

Необычайным представляется среди этой сплошной наземной застройки расположенная в центральной части двора "караван-сарая" большая (16 кв.м) и благоустроенная полуземлянка с отлично сохранившейся печью. Судя по ямкам от несущих столбов и жердей между ними, стены были плетневые, что сближает ее с наземными столбово-плетневыми жилищами.

Данные о находках были учтены только в 11 комплексах. Тем не менее они позволили сделать ряд наблюдений и предварительных выводов (табл. 7 приложения 1).

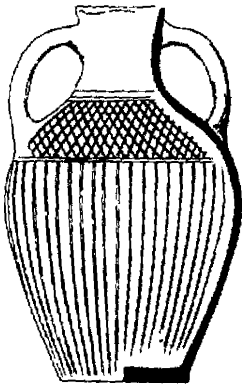
Особенно выразителен керамический материал. В нем преобладают обломки древнерусских горшков XII века (в 8 комплексах) и синхронных с ними амфор с воротничком и тяжелыми высокими ручками. Лепные грубые горшки продолжали изготовляться хозяйками, но красиво орнаментированная кочевническая лепная посуда исчезла из употребления. Совсем не использовались хазарские горшки: обломки их встречены всего в одном комплексе вместе с другими более распространенными типами посуды. То же можно сказать и о тмутараканских кувшинах, единичные обломки которых могли попасть в верхние комплексы случайно (из перекопов).

Состав стада изменился, сравнительно с предыдущим периодом, очень мало. Преобладали в стаде по-прежнему овцы и коровы, заметно меньше попадались кости лошади, собаки и очень редко — кости свиньи, козы, кошки. Сократился состав промысловых животных (сайга, кабан, бобер, птицы и рыбы), причем количество костей каждого вида единично (кроме рыб).

Еще менее разнообразны находки мелких (потерянных) вещей, хотя и в этот период преобладали предметы, относившиеся к

производственной деятельности (от шиферного пряслица до рабочего топора). Видимо, отток из города древнерусского населения и оторванность Белой Вежи от метрополии стали причиной резкого уменьшения в жилищах шиферных пряслиц, хотя древнерусские горшки пользовались исключительной популярностью среди жителей города вплоть до его запустения. Очевидно, древнерусские гончары не оставили город и продолжали снабжать его ставшей уже привычной кухонной посудой.

Заканчивая главу, я не останавливаюсь ни на этнических изменениях, связанных с появлением новых форм домостроительства, ни на уточнении датировки этого последнего периода жизни в Белой Веже. Все эти вопросы следует решать, широко привлекая обширные материалы из культурного слоя городища.



Глава 6

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ БЕЛОЙ ВЕЖИ (СТРАТИГРАФИЯ НАХОДОК)

Во всех предыдущих разделах этой книги неоднократно упоминалось о разрушении культурного слоя городища множеством перекопов, грабительских ям и шурфов, а также о постоянно повторяющихся пожарах в городе и последующих разравниваниях сожженных участков для нового строительства.

В результате всех бедствий, обрушившихся на город, а затем, после его гибели, на городище, в стратиграфическую обработку "жилого фонда" Белой Вежи удалось включить всего 180 более или менее сохранившихся остатков жилищ.

Несмотря на сравнительно небольшое количество исследованного материала, послойное (по уровням залегания полов) распределение остатков построек позволило разделить культурные наслоения городища, достигающие толщины 2,5 м, на шесть периодов. Мы не будем останавливаться здесь на характеристике материалов двух нижних напластований слоя, образовавшихся в период жизни Саркела. Они описаны в книге, посвященной Саркелу (Плетнёва, 1996б).

Рассмотрим остальные перекрывающие Саркел четыре беловежских слоя.

1. Слой гибели Саркела и строительства на пепелище новых жилищ. В слое открыта и исследована 31 постройка (16 типично боршевских полуземлянок и 15 наземных жилищ). Почти на всех раскопанных участках верхний уровень слоя от основания стены (от "0") +0,40—0,70 м. Датируется он второй половиной X века.

2. Слой начала "перестройки", сопровождающийся нарастанием культурных напластований, нижний уровень которых +0,40—

0,70 м, а верхний горизонт почти нигде не заходил выше +1 м. К этому слою отнесено 51 строение: 48 наземных построек и 3 полуземлянки. Дата слоя — первая половина XI века.

3. Городской слой Белой Вежи. Активное заселение города способствовало стремительному образованию напластований, образовавших за 50—60 лет слой толщиной в 1 м (от уровня +1 м до уровня +1,8—2 м). В нем зафиксировано значительно больше жилых и производственных помещений, чем в предыдущих слоях: 72 наземные постройки и 4 полуземлянки. Датировка слоя — вторая половина XI — начало XII века.

4. Последний (верхний) слой Белой Вежи не превышает 0,4—0,6 м от поверхности и соответственно от "0" на разных участках: +1,8 м, +2,1 м, +2,4 м. Город постепенно угасал, превращаясь в половецкое становище, существовавшее не более 40—50 лет (до середины XII века). Жилищ и производственных построек в слое открыто мало — слишком близко они находились от поверхности: многие были стерты и просто рассыпались в прах. Из 22 исследованных построек 21 наземное (с сырцовыми и турлучными стенами) и одна прекрасно сохранившаяся полуземлянка.

Попытаемся далее связать эти периоды с данными, полученными при стратиграфическом изучении разнообразных находок в толще культурного слоя Белой Вежи. Наиболее выразительные сведения дает массовый материал, прежде всего богатейший комплекс местной и привозной керамики.

Первым исследователем, опираясь практически только на подъемный материал и находки отдельных сосудов, был М. И. Артамонов, создавший на этом, в целом небольшом и неполном материале типологическую схему, позволившую судить не только о хронологии памятника, но и об этническом составе населения этого города-крепости (Артамонов, 1935, с. 33—79).

Вслед за ним к керамике Левобережного Цимлянского городища обратился в своей кандидатской диссертации ученик М. И. Артамонова И. И. Ляпушкин, посвятивший свою работу анализу керамики из средневекового культурного слоя Таманского городища, связав его со всеми юго-восточными памятниками, в том числе и с Левобережным Цимлянским городищем.

В 50-е годы прошлого века, после окончания раскопок в Саркеле-Белой Веже, громадный керамический материал (свыше 20 000 обломков, сотни целых сосудов) был доставлен в подвал Гос. Эрмитажа. Его обработкой начал заниматься С. С. Сорокин,

сделавший по поручению М. И. Артамонова зарисовки (в натуральную величину) около 1000 сосудов, относившихся к разным группам, типам и времени. Однако исследовать материал этот прекрасный художник и серьезный археолог не захотел.

Данное обстоятельство способствовало моему решению начать обработку многотысячной массы керамических обломков, сопоставляя их с целыми сосудами, что позволило создать достаточно полную типологию всей керамики этого уникального памятника (Плетнёва, 1959, с. 213—257).

Параллельно со мной часть керамического комплекса была изучена В. Д. Белецким, который при исследовании жилищ столкнулся с необходимостью привлечь в свою работу несколько распространенных и четко этнически и хронологически определенных керамических групп, сопровождавших выделенные им типы построек (Белецкий, 1959, рис. 18, 23, 34, 40).

Несмотря на иную терминологию (в названиях выделенных им групп керамики) и на большую раздробленность слоя на условные пласты (всего 0,1 м), различий в распространении в слое этих групп в статьях обоих ученых незначительно. Этот факт подкрепляет правильность моих наблюдений и подсчетов по всем остальным категориям и группам посуды, которой пользовались жители как Саркела, так и Белой Вежи.

Однако со времени написания наших статей прошло полстолетия. Появились новые открытия, новые наблюдения, ранее не известные или не учтенные исследователями. В настоящее время возникла необходимость пересмотреть все работы полустолетней давности, посвященные находкам (всему вещевому комплексу) и обширному керамическому материалу (см. МИА, № 75), и изменить некоторые сделанные авторами выводы, положения и в отдельных случаях даже терминологию.

Во-первых, следует учитывать, что толщину каждого из пяти перечисленных пластов почти все исследователи массовых материалов условно определяли в 0,5 м. В начале этой главы я, основываясь на данных, полученных в процессе стратиграфирования жилых и хозяйственно-производственных комплексов, должна была немного изменить это деление, поскольку на разных участках городища слой лежал неровно (колебания высот особенно сильно были заметны в первом (нижнем) слое).

Во-вторых, этот нижний слой ошибочно относился мной и другими учеными к периоду жизни Саркела (Плетнёва, 1959,

с. 261—266 и др.). На самом деле этот слой, наполненный обломками посуды, представлял собой громадное пожарище — слой гибели Саркела, смешанный с возрождающимся внутри крепостных стен новым строящимся поселением, половина жилищ которого боршевские полуземлянки, вырытые в слое разрушенного и сожженного города-крепости (Плетнёва, 2000, с. 98—99). Гончарная великолепно сделанная керамика, датирующаяся IX — первой половиной X века, повсеместно попадается рядом (на одном уровне) с лепной боршевской и кочевнической посудой. Отсюда и возникло убеждение, что в Саркеле бок о бок с хазарами и болгарами (основным населением крепости) жили в своих полуземлянках боршевцы, а в юртах — кочевники (гузы и печенеги). Этой концепции упорно придерживались В. Д. Белецкий и я вопреки мнению своего учителя М. И. Артамонова, уверенно писавшего о появлении чуждых саркельцам этнических компонентов только после взятия крепости Святославом (Артамонов, 1958, с. 27—45).

Сейчас нам, как представляется, ясны причины странного как бы сосуществования всех трех этносов в саркельский период жизни города. Смешение слоя строителями полуземлянок и активная разборка кирпичных стен зданий внутри крепости привели к искажению последовательности истинных событий, происходивших в захваченном и разграбленном Саркеле. М. И. Артамонов был абсолютно прав, считая, что симбиоз всех трех народов начался в Саркеле во второй половине X века.

Наконец, весьма существенным недостатком представляется отсутствие терминологической унифицированности в классификационных схемах керамических категорий и групп.

Начнем с групп керамики, которые рассмотрены в статьях В. Д. Белецкого и моей.

В первую группу оба автора включили керамику, относившуюся к периоду расцвета Хазарского каганата и соответственно Саркела. Преобладающее ее количество обнаружено, как говорилось, в нижнем (первом) слое.

Я назвала эту группу "салтово-маяцкой" и разделила на два отдела. Первый включает лощеную посуду разнообразного назначения: кувшины, кубышки, миски, корчаги, пифосы, пифосы-кувшины и более мелкая столовая керамика. Изготовлена она из хорошо отмученного теста, прекрасно обожжена (нередко до красно-оранжевого цвета), а плотное лощение придавало сосуду осо-

бый "металлический" блеск. Второй отдел объединяет кухонную посуду: в основном горшки разных размеров и своеобразный вариант горшков — котлы с внутренними ушками. Характерными признаками керамики этого отдела являются отощитель глиняного теста — крупнозернистый кварцевый речной песок; ярко выраженная округлость формы, нередко шаровидная с небольшим плоским дном; линейно-волнистый орнамент, покрывавший горшок от венчика почти до дна.

По моим подсчетам, обломки керамики первого отдела составляют 4,5 %, а второго — 7,7 % от всей массы обнаруженных и учтенных обломков.

В. Д. Белецкий не делит эту керамику на отделы и именует ее "керамикой салтово-маяцкого типа". Однако разница между обоими отделами посуды настолько велика, что вряд ли правомерно объединять их в один "тип".

Отметим также явно устаревший термин "салтово-маяцкая керамика", употребляемый обоими авторами. Исследование этой керамики в прошедшие десятилетия сделало невозможным широко использовать его в наше время и в дальнейшем. Каждый вариант складывающейся государственной культуры каганата отличается своеобразием, хотя ряд общих существенных черт позволил говорить об общности государственной культуры Хазарии (Плетнёва, 1967, с. 186, рис. 50; 1999, с. 13).

Что касается использования термина "салтово-маяцкая", то оно безусловно соответствует только части хазарской культуры, а именно ее лесостепному варианту.

В Саркеле господствовала хазарская культура, получившая распространение на Нижнем Дону. Это была государственная культура, отличавшаяся от сотен поселений большим разнообразием и качеством вещей, что ясно прослеживается на массовой продукции гончарных мастерских Саркела. Кухонные горшки из этих мастерских в данной работе я называю условно "хазарскими", поскольку сделаны они в хазарском городе-крепости, хотя аналогии им встречаются и на других памятниках, особенно часто в Дунайской Болгарии (Donceva-Petkova, 1990, табл. 1). Это вполне объяснимо: и в Саркеле, и в Северо-Восточной Болгарии гончарами, очевидно, работали болгарские мастера.

Самобытность прослеживается и в близких типологически хазарским горшкам круглодонных котлах с внутренними ушками, сплошь покрытых линейным орнаментом, переходящим на дне в

"завершающий" завиток. Котлы — гончарные и лепные — были широко распространены в европейских степях среди оседавших на землю кочевников, но синхронных сосудов этого вида, полностью идентичных саркельским, до сих пор не обнаружено. Вероятно, у нас есть основания выделить их среди множества типов в отдельный "саркельский тип".

В. Д. Белецкий ошибочно назвал "саркельским типом" кочевническую группу лепной керамики. Через несколько лет после опубликования своей статьи о жилищах он сам в разведках на берегах низовий Волги обнаружил среди песков остатки поселений или стойбищ, поверхность которых была насыщена обломками такой керамики, только сделанной из более грубого теста и довольно небрежно. Аналогии этой керамике были обнаружены на среднеазиатских городищах так называемой джетыасарской культуры (Толстов, 1947; Левина, 1966, с. 45—69; 1971, с. 64—76). Правда, на этих памятниках керамика орнаментирована намного скромнее, но почти все элементы узоров, известные в Саркеле и поволжских стойбищах, использованы и в джетыасарских поселениях.

С. П. Толстов еще в 1947 году написал, что они принадлежали гузам. Этой же точки зрения придерживаются Л. М. Левина и ряд других специалистов. Поэтому кажется очевидным, что эта богато украшенная посуда не изобретена саркельскими умельцами. Ее наличие в слое свидетельствует о пребывании гузских и, возможно, печенежских аилов в Белой Веже. Сделанная ими керамика, как и боршевская, в большом количестве встречается уже в слое первого периода заселения саркельского пепелища.

В экспедиции (еще в поле) эта пышно орнаментированная разнообразная керамика нередко именовалась "сосудами роскошного стиля". Однако в научную литературу этот термин не проник, хотя он наиболее точно определяет главный объединяющий признак всей группы (рис. 70; рис. 71).

Что касается славянской боршевской керамики, то терминологическая путаница коснулась в наших статьях даже этой группы. В моей она всюду упоминается как "роменская", а В. Д. Белецкий именует ее "керамикой роменско-боршевского типа". Специалист по славяно-боршевской культуре А. З. Винников, изучив славянскую керамику в слое Саркела-Белой Вежи, считает, что вся она несомненно относится к боршевской группе.

Наконец, отмечу, что незначительная терминологическая неточ-

ность коснулась даже группы керамики, сделанной гончарами, прибывшими в город, очевидно, из центральных областей Древней Руси. В работах В. Д. Белецкого и моей она именуется "русской" (Белецкий, 1959, с. 98, рис. 40; Плетнёва, 1959, с. 229, рис. 14, 45). В настоящее время представляется более правомерным называть ее "древнерусской". В основном это горшки и крышки для них, а также сотни обломков (Плетнёва, 1992б, с. 103—130). Они в громадном количестве попадаются в культурных слоях городов и поселений во всех древнерусских княжествах, изредка встречаются и на памятниках соседних народов и государств, в частности, в Волжской Болгарии, а также в захоронениях вассальных Киеву кочевников XI—XII веков (Плетнёва, 1973, табл. 4, 5, 8, 31). Находки этих сосудов свидетельствуют о связях Древней Руси с соседними землями, а в отдельных случаях, как в Белой Веже, о присутствии в городе древнерусских гончаров и собственных мастерских, в которых изготовлялась характерная посуда, отличавшаяся от остальной беловежской керамики.

Заканчивая раздел о неточностях терминологии в прежних статьях о керамике данного памятника, остановимся еще на двух наиболее используемых керамических группах, относящихся к категории тарной посуды.

Первая группа представлена амфорами — сосудами, широко распространенными в античном мире и не менее известными в эпоху средневековья. Типологией и хронологией средневекового материала занимались несколько десятков археологов в течение всего прошедшего столетия (Чхаидзе, 2005, с. 66—74), поэтому повторять в этой работе их в основном аргументированные выводы мы не будем. Но результаты их трудов, позволяющие датировать обнаруженные объекты и вскрытые пласты культурного слоя, используются нами, как и другими исследователями, весьма широко. Амфорная тара в Саркеле-Белой Веже была рассмотрена и подсчитана в статье о керамике. В ней фактически полностью принята типология и хронология, предложенные А. Л. Якобсоном (Якобсон, 1951; 1979).

Количество обломков амфор составляет почти 25 % всей массы керамических обломков, обнаруженных в Саркеле-Белой Веже.

В 1935 году М. И. Артамонов, проведя подсчеты венчиков амфор, пришел к выводу, что амфорная тара на цимлянских городищах занимала скромное место (Артамонов, 1935, с. 68—76).

20 лет спустя М. А. Фронжуло, работая в составе экспедиции А. Л. Якобсона, подсчитал десятки тысяч обломков амфор и выделил среди них "плечики" (основания ручек). Соотношение числа последних с общим количеством обломков позволило ему убедительно доказать, что каждая амфора в среднем разбивается на 100 частей (Якобсон, 1954).

В результате полученных им данных, принятых мною за основу, оказалось, что в Саркеле и Белой Веже на исследованной территории городища (около 8000 кв.м) были обнаружены обломки 150 амфор, т.е. на каждые 6 кв. м в культурном слое толщиной в 2,5 м могла быть обнаружена одна целая амфора. Конечно, этот подсчет условен, прежде всего потому, что не все амфоры, находившиеся в разные периоды в городе, были разбиты. Значительную их часть (вместе с содержимым) в очередном грабительском налете на город захватывали и увозили в свои стойбища кочевники в качестве ценной добычи.

Таким образом, на Нижнем Дону в XI и даже в XII веках амфоры были, по-видимому, весьма популярной тарой, которую употребляли как для торговых перевозок, так и в хозяйстве. Естественно, что использовавшиеся в хозяйстве сосуды разбивались чаще, некоторые из них, треснувшие на крупные куски, сшивались тонкими крепкими, очевидно, кожаными шнурками.

Следует признать, что недостаток материала привел М. И. Артамонова к неверному выводу о редкости этой группы сосудов на всех городищах Нижнего Дона, в том числе и в Белой Веже.

Ко второй группе тарной посуды относятся хорошо известные археологам, работающим на памятниках Крыма, Приазовья и Нижнего Дона, высокие кувшины с небольшим донцем и узким, расширяющимся к венчику горлом. Одна из характерных черт этих сосудов — плоские широкие ручки, прикрепленные одним концом к плечику, а другим к горлу. Цвет обжига кувшинов темно-красный, почти коричневый или оранжевый. Подавляющее большинство этих сосудов с внутренней стороны покрыто тонким смолистым слоем. Еще в 30-х годах эта особенность привлекла внимание специалистов, которые определили слой смолой хвойных деревьев, предохранявшей находившуюся внутри жидкость от испарения. В настоящее время анализы "смолистого вещества" показали, что это налет нефти, которую хранили и развозили по всей юго-западной территории степей в этих сосудах.

Интересно, что все три перечисленные наиболее яркие особен-

ности кувшинов стали использоваться в разных экспедициях и разными учеными для присвоения им названия. Так, одни именовали их "кувшинами с плоскими ручками", другие — "красноглиняными", третьи — "черносмолеными".

Находки на Таманском городище (раскопки 1952—1955 гг.) необычных амфор с донцами, двумя плоскими ручками, бурокрасного цвета свидетельствуют о происхождении кувшинов от амфор (Плетнёва, 1963, с. 54). Путем дальнейших усовершенствований грузные "мешковидные" амфоры превратились в стройные кувшины с одной ручкой и высоким горлом. По плечикам и горлу наносился двух- или трехрядный линейный орнамент, а ручки украсили рядом наколов.

Позднее аналогичная метаморфоза амфор была прослежена в раскопках ближайшего к Тамани города — Керчи (Макарова, 1998, с. 358).

Однако поскольку это явление удалось заметить и проследить впервые на материалах из слоев Таманского городища (древнего хазарского города Таматархи и позднее — древнерусской Тмутаракани), то, видимо, наиболее правильно называть эти кувшины "тмутараканскими". Их расцвет и широкое распространение датируются по "керамическому профилю" Саркела-Белой Вежи концом IX — первой половиной XI века. Во второй половине XI века количество их обломков в слое настолько сокращается, что это можно объяснить только перекопами слоя (диффузией находок в нем).

Отметим, что кувшины за период своего существования заметно изменились. В XI веке небрежнее формировалось тело кувшина, теряющее былую красоту и пропорциональность. Изменился и обжиг: вместо красно-коричневого он стал оранжевым, а порой и пятнистым (оранжевым с серо-черными пятнами). Стенки стали более тонкими и хрупкими (Плетнёва, 1963, с. 54, рис. 35). Это позволяет уточнять по обломкам кувшинов датировку слоев и отдельных объектов в раскапываемых памятниках.

Наименование кувшинов "тмутараканскими" не означает, конечно, что они изготовлялись только в Таматархе-Тмутаракани. Их делали в громадных количествах в крымских городах, особенно в Херсоне и Керчи, и пользовались ими нередко для перевозки не только нефти, но и вина (наряду с амфорами).

Тмутараканские кувшины в Тамани отличаются от аналогичных им кувшинов других гончарных центров составом теста с

заметной примесью черных вкраплений мелко дробленной железной руды и пироксенов (Плетнёва, 1963, с. 54). К сожалению, состав теста практически не изучался более нигде, в том числе и в Саркеле-Белой Веже, в которой гончары, очевидно, вполне освоили производство кувшинов. Визуально тесто у местных кувшинов более песчанистое, без иных, крепящих его, примесей. У поздних (XI век) экземпляров оно даже немного "слоистое", по-видимому, от избытка песка. Обжиг таких кувшинов всегда оранжевый.

Наряду с кувшинами в тех же мастерских беловежские мастера делали горшки из теста того же состава. Горшки характеризуются стройным туловом, довольно высоким горлом (до 5 см), слабо выделенным венчиком и плоскими ручками, идентичными ручкам кувшинов. На плечиках всегда ровно, как у кувшинов, проведен линейный орнамент в 3—4 ряда. Подобные горшки не встречались на других синхронных памятниках. Это дает дополнительное основание считать, что в Белой Веже в XI веке было собственное производство кувшинов, расширенное изготовлением оригинальных горшков. Интересно, что на обломках этих горшков нет налета сажи или "нагара", как у обычных кухонных сосудов. Использовались они в городе редко и мало. Очевидно, состав глиняного теста не годился для приготовления в сосуде пищи, поскольку песчанистые стенки не выдерживали, вероятно, температуры кипящей жидкости и разваливались. В качестве столовой посуды горшки также были непригодны: они резко выделялись от великолепно сформованных стройных и изящных родственных им кувшинов. Это способствовало тому, что горшки из-за хозяйственной ненужности не получили распространения в Белой Веже и в других гончарных центрах.

Мы кратко, в основном "терминологически", рассмотрели главные массовые группы керамики, обломки которой заполняли культурный слой Саркела-Белой Вежи.

Уже в 50-е годы было совершенно ясно, что уровни их залегания в слое, несмотря на его "перемешанность", соответствуют выделенным нами пластам, т.е. периодам образования этих пластов. Так был сделан первый опыт "керамического профиля" Саркела и Белой Вежи, в котором основой был условный пласт толщиной 0,5 м. Каждый из пластов весьма выразительно отличался друг от друга количеством тех или иных категории или группы посуды (Плетнёва, 1959, рис. 45). Недостаток этого про-

филя заключался в том, что он составлен по материалам только одного участка, лучше остальных сохранившегося и тщательнее исследованного, а именно цитадели. Керамические профили, сделанные В. Д. Белецким по всем главным раскопанным участкам городища, в значительной степени дополняют этот недостаток моей работы. Как уже говорилось, наши подсчеты почти совпадают, и керамические профили всех четырех обработанных им участков почти повторяют сделанный мной профиль цитадели. Это очевидное свидетельство того, что обломки определенных групп керамики в целом всюду залегают на одном уровне, что подтверждает верность нашего априорного деления слоя на пласты, а это значит — и правильность составленных нами керамических профилей.

Перейдем к конкретному рассмотрению заполнения пластов.

Первый пласт характеризуется преобладанием обломков лощеной и кухонной посуды. Это естественно, поскольку во время взятия Саркела было побито в поисках спрятанных кладов громадное количество сосудов. Кроме того, вернувшиеся в Саркел (уцелевшие в резне) принесли с собой часть посуды, а затем частично восстановили разрушенные гончарные мастерские. Вероятно, в основном в этих мастерских изготовлялись кухонная посуда и сравнительно небольшие лощеные, типичные для хазарского времени кувшины, кружки, миски и пр. Большие лощеные сосуды (явно городского производства), требующие больших затрат труда, умения и руководства ремесленников-гончаров, работавших на широкий рынок, перестали производить в поселке Саркел-Белая Вежа (рис. 69).

Помимо хазарской посуды, обломки которой составляли 50 % всей хозяйственной керамики в первом слое, значительная часть керамики представлена славянскими — боршевскими горшками и сковородами (рис. 72) и кочевнической богато орнаментированной разнообразной по виду и назначению керамикой (рис. 70).

Таким образом, эти три "ведущие" группы керамики абсолютно соответствуют трем типам жилищ, характерных для первого периода. Представители каждой группы, очевидно, в первое время совместного сосуществования пользовались привычными для них формами посуды.

Следует добавить к этому вполне этнически определенному комплексу еще одну группу. В предыдущей моей работе о керамике Саркела-Белой Вежи она была почти обойдена вниманием

и ошибочно включена в кочевническую группу. На самом деле эта группа лепной посуды отличается от кочевнической более плотным тестом, хотя нередко в изломах обломков заметна примесь мелко нарубленной травы. Обломки этой керамики встречаются во всех беловежских периодах, начиная с первого, в котором были обнаружены целые или разбитые, но не разбросанные сосуды, давшие представление об основных видах и типах посуды этой группы. В подавляющем большинстве это яйцевидные, иногда немного расширяющиеся в нижней части горшки. К ним, как и к кочевническим горшкам, изготовлялись конусовидные крышки. Изредка на стенках сосудов и крышек по сырому тесту прочерчивались знаки (тамги или буквы хазаро-болгарского рунического письма — см. Кызласов, 1990, табл. VII, IX).

Аналогичные или типологически близкие этой керамике обломки и целые горшки наполняют средневековый слой Таматархи-Тмутаракани от IV до XIII века (Плетнёва, 1963, с. 10, рис. 4, 5) и других поселений юго-восточной Европы. Очевидно, это были наиболее дешевые сосуды (женщины делали их сами). Некоторая рыхловатость стенок этой лепной керамики приводила к громадному проценту ее боя, причем мелкие обломки, как правило, не дают возможности определить форму разбитых сосудов.

Благодаря находкам венчиков котлов с внутренними ушками удалось установить, что именно к данной группе посуды (в основном по составу глиняного теста) следует относить и этот вид кухонной посуды. Функциональное значение ушек не изменилось, но сами ушки стали как бы "полувнутренними", а именно для продевания ремня в стенках протыкались небольшие отверстия (1 см), а снаружи их прикрывали "раковинообразные" налепы, служившие защитой от соприкосновения ремня с огнем. В археологии появился даже новый термин — "котлы с ушками-раковинками", поскольку подобные котлы получили широкое распространение в среде кочевников и оседающих кочевников.

Помимо бытовой и хозяйственной керамики первый слой был заполнен обломками тмутараканских кувшинов и значительно меньшим количеством амфор (рис. 73; рис. 74). Кувшины относятся к ранним типам IX — начала X века, амфоры преимущественно — к IX веку.

Остальная посуда — специального назначения, поливная, детская и пр. — будет рассмотрена ниже по всем четырем периодам: находок сравнительно немного, а проследить их изменение в те-

чение 250 лет представляется весьма существенным для будущих работ над подобным материалом.

Второй слой отличается от первого прежде всего толщиной, нигде не превышающей 0,6 м, а местами даже уменьшающейся до 0,3 м. Представляется очевидным, что это был промежуточный слой, датировавшийся, как говорилось, первой половиной XI века.

Особенно заметно на всех раскопанных участках резкое уменьшение собственно болгаро-хазарской керамики, сделанной в Саркеле. Почти совсем исчезла лощеная посуда, втрое, сравнительно с предыдущим слоем, уменьшилось количество обломков кухонных горшков и котлов.

Сильно сократилось в слое количество обломков боршевской посуды, а во второй четверти XI века начали попадаться обломки древнерусских горшков со сплошным линейным орнаментом на стенках. Внешне они похожи на хазарские, но изготовлены из глины с примесью дресвы, а форма их в виде суживающегося ко дну конуса и крутыми плечиками характерна для древнерусских горшков вплоть до XX века.

Столь же заметно уменьшилась в слое кочевническая керамика. Упростился ассортимент этой посуды — в нем стали преобладать горшки и изредка украшенные орнаментом котлы. Впрочем, орнамент на всей группе этой керамики упростился: стал скромнее, нередко наносился только на плечики и край венчика.

Более чем в два раза реже попадаются в этом слое и обломки тарной посуды — тмутараканских кувшинов и амфор. Среди последних наряду с обломками IX века появляются и обломки амфор X века (рис. 73).

Мощный слой второй половины XI века очень заметно отличается от двух нижележащих слоев составом керамики. В кухонной посуде явно превалируют обломки древнерусских характерных горшков и не менее оригинальных крышек для них (рис. 72). Сохранилась и кочевническая посуда, но богатый и разнообразный орнамент на ней почти полностью исчез, ассортимент предельно сократился — от всего многовидового набора остались только горшки, на которые изредка наносили весьма примитивный узор.

Именно в этом слое была выявлена еще одна группа керамики, в настоящее время неопределимая ни культурно, ни тем более этнически. Это сравнительно небольшие слабо профилированные лепные горшки, сделанные из плотного хорошо промешан-

ного и обожженного до черноты теста, в котором иногда можно было визуально заметить мелкие кусочки шамота. Существенно, что часть из них была немного подправлена на гончарном круге. На большинстве обнаруженных обломков сохранилась простейшая орнаментация: на плечиках — небрежно нанесенные в один ряд вдавления узкой палочкой, иногда ею же — неровная волна (рис. 71). Край венчика почти всегда нанесен прямой или косой насечкой. Аналогии этим сосудам попадаются в слое XII — первой половине XIII века. Эту керамику, очевидно, следует связывать с описанной выше массой лепной орнаментированной керамики, изготовленной в основном из более грубого теста с примесью органики (рубленой травы). Она более поздняя, и изменения в ней, возможно, возникли под влиянием какого-то нового этнического элемента, который пока не удается определить. Как бы там ни было, но в течение столетия это группа керамики была одной из слагаемых беловежского керамического комплекса.

Фактически вышла из употребления вся керамика, которую изготовляли саркельские мастера и, что особенно интересно, резко к началу XII века сократилось количество тмутараканских кувшинов (рис. 74). Во всяком случае, можно констатировать, что привоз в Белую Вежу из Тамани и Крыма этой тары (с весьма важным и нужным содержанием) сильно или даже совсем прекратился.

Зато очень заметно выросло количество амфорной тары (более чем в три раза сравнительно с предыдущим слоем). В последующее столетие амфоры остались превалирующим видом тарной посуды, хотя к концу жизни города процент их в слое сократился (рис. 73).

Помимо керамики к массовой добротно обработанной категории материала относятся пряслица (Левенок, 1959, с. 340—352). Автором учтено более 800 этих производственных изделий. Распространение их в слое в целом не противоречит данным, полученным при исследовании керамики.

Существенно, что наибольшее количество явно привозных из метрополии шиферных пряслиц было обнаружено в слое расцвета Белой Вежи. В первом пласте их совсем немного: находки в нем могли быть и результатом перекопов. Во втором пласте их количество сильно увеличилось, а в четвертом (верхнем) слое они снова, почти как в первом, единичны.

В первом и втором пластах основным господствующим видом

пряслиц были местные пряслица, выточенные из крепких амфорных и (много реже) не менее твердых лощеных обломков. Несмотря на то, что по качеству и внешнему облику они, конечно, уступали шиферным, довольно много их попадалось и в третьем слое, хотя к концу XI века они почти полностью исчезли из употребления. Видимо, популярность их объяснялась дешевизной: даже тщательно выточенные на токарном станке изделия были значительно дороже привозных красивых и более удобных в употреблении шиферных пряслиц, которые были тяжелее и устойчивее глиняных пряслиц (Левенок, 1959, табл. VIII).

К массовому материалу несомненно относятся и довольно многочисленные обломки стеклянных браслетов (641). З. А. Львова, работавшая над этой категорией находок, распределила выделенные ею группы и типы по предложенной мною схеме керамического профиля (Львова, 1959, с. 323). Поскольку керамический профиль в данной моей работе претерпел некоторые изменения прежде всего в датировке двух нижних слоев, в составленную З. А. Львовой хронологическую таблицу стеклянных браслетов следует также внести некоторые коррективы. График, составленный мной по опубликованной З. А. Львовой таблице (с. 323), дал очень четкую картину распределения в слое двух основных групп стеклянных браслетов — черных и голубых (реже — васильковых). Остальные две группы представлены единичными экземплярами и вряд ли могут дополнить работу над стратиграфией Белой Вежи. Графики обеих групп свидетельствуют, во-первых, об абсолютном сходстве распределения браслетов по слоям. Различия между ними только количественные: черных браслетов в слое 38 %, а сине-голубых — 53 %. Во-вторых, несмотря на количественную разницу, пики их использования совпадают — вторая половина XI — начало XII века. В-третьих, черные круглые в сечении браслеты попали на городище еще в саркельский период. Естественно, их особенно много в первом (саркело-беловежском смешанном слое). В XI веке количество черных браслетов увеличивается почти вдвое, но они отличаются от ранних некоторой грубостью обработки, массивностью. Это наблюдение позволило З. А. Львовой предположить, что подобные браслеты могли изготовляться местными беловежскими мастерами. Они были, вероятно, дешевле, спрос на них вырос, и количество лома этих изделий в слое сильно увеличилось.

Появлению собственного производства способствовала, очевид-

но, и широко распространившаяся на Кавказе, в Крыму и по всей Руси мода, которой оказались не чужды и беловежки, которые наряду с саркельскими браслетами весьма активно пользовались и привозными изделиями: черными разнотипными и не менее разообразными голубыми, нередко богато расписными стойкими красками или стеклом.

Таким образом, стеклянные браслеты, как и другие массовые находки, дают основание считать XI век, особенно его вторую половину, временем подъема Белой Вежи: в укрепленном городе развивалась не только торговля, но и многие ремесла, в том числе и стеклодувное, требовавшие знаний и искусства. Хронологически тот же процесс наблюдается и в другом, наиболее близком Белой Веже городе — Тмутаракани: XI век там также был временем наибольшего увлечения стеклянными браслетами (Щапова, 1963, рис. 1, 3, табл. 1, 2).

Массовым материалом (около 2000 экз.) мы могли бы считать и разнообразные железные изделия, а также их обломки и отдельные части. Однако железо сохранилось плохо во влажной нередко затопляемой пойме и потому обработка железного инвентаря была весьма затруднительна. Особенно пострадали, естественно, материалы Саркела, так как они лежали на материке и в вырытых в нем ямах, т.е. находились ниже уровня поймы. О высокой степени развития железоплавильного и кузнечного дела в Саркеле мы знаем по двум открытым там кузницам (Плетнёва, 1996а, с. 69—75, 40, 41, 93—96), по нескольким предметам, обнаруженным в предматерике и большой яме, буквально набитой железными вещами. Кроме того, следует учитывать, что в непосредственной близости от Саркела находилось известное Правобережное Цимлянское городище (крепость, синхронная Саркелу), в котором железо сохранялось превосходно. Все вещи с этого памятника свидетельствуют о высокой квалификации хазарских кузнецов IX века (Ляпушкин, 1941, рис. 10, 11, 13—18; Плетнёва, 1995, рис. 40—51, 54), не уступая работам древнерусских мастеров XI века.

Железными изделиями Саркела-Белой Вежи занялся в 50-х годах С. С. Сорокин, написав о них монографию с большим количеством фотографий и рисунков (Сорокин, 1959). Он дал характеристику и предварительную типологию предметов, опираясь, как правило, на их функциональность. Подробной типологии он не мог сделать, видимо, из-за состояния сохранности изделия или

его обломка, по общим очертаниям которого он определял только его назначение и в какой-то степени его возможные рабочие качества.

Несмотря на безусловные достоинства этого исследования, некоторые наблюдения и выводы, сделанные автором, нуждаются в корректировке, как и в ряде статей других авторов сборника (МИА, № 75), посвященных типологии материала и предварительному его обобщению.

Наиболее неудачным (необоснованным) заключением С. С. Сорокина является утверждение об отсталости Саркела сравнительно с процветавшей Белой Вежей. В начале этой книги я попыталась объяснить, что слой Саркела фактически уничтожен — он перемешан со слоем первых поселенцев. Саркел был ограблен, а новые поселенцы только начали строиться, работать, осваивая необходимое для существования производство.

Следовало бы также учитывать, что первый (нижний) слой в три раза тоньше беловежского — естественно, что вещей в нем (кроме массы разбитой посуды) должно было быть намного меньше.

Отметим, что некоторые пассажи автора, в частности о стременах, затянуты и запутаны. В наше время его соображения об этом необходимом сбруйном предмете представляются неприемлимыми. В прошедшие полстолетия вышли десятки статей и монографий, в которых с той или иной степенью подробности даны типология, происхождение, эволюция и хронология стремян. Начало этому серьезному исследованию положил своей схемой Г. А. Федоров-Давыдов (1966, с. 11—16, рис. 1). В дальнейшем эта схема уточнялась, совершенствовалась, в нее вносились изменения, но в целом она принята и по сей день за основу.

Назовем еще одну "недоработку" автора статьи, а именно излишнюю лаконичность при характеристике того или иного предмета быта или оружия. Так, очень поверхностно он коснулся широко распространенных по степям кистеней. В Саркеле было найдено 18 роговых кистеней и 2 металлических. Находки их встречаются во всех слоях Саркела-Белой Вежи. Однако в нижнем (первом) слое они встречались чаще, в конце XI века их всего три (Флёрова, 2001, с. 58—61, рис. 18, 19). Все эти данные отсутствуют в статье С. С. Сорокина, хотя определяет он кистени "славянскими", т.е., видимо, беловежскими.

Кроме кистеней в группу "славянских" он включил щипчики для удаления волос, маленькие ножики, служившие, вероятно,

метательным защитным оружием (в основном женским), железные котлы и их детали, большие крюки для ловли крупной рыбы, мотыжки и некоторые более мелкие предметы — все они характерны для хазарской степи. В Белой Веже они появились, очевидно, в результате возобновления работы саркельских кузнецов. К сожалению, С. С. Сорокин, проведя значительную работу по выявлению уровней железных предметов в слое, не учел необходимость создания в данном случае типолого-хронологической таблицы, которая бы подкрепила и документировала его доводы о распространении различных типов железных предметов в беловежском слое и связала его с нижними наслоениями.

Вся эта дополнительная работа не может быть включена в данную книгу. Это отдельное серьезное вещеведческое исследование, которое даст новые сведения об экономическом развитии Белой Вежи в период ее наибольшего расцвета. Следует помнить, что железо даже в условиях хранения Гос. Эрмитажа сохраняется плохо. Многие предметы уже рассыпались. Поэтому повторную работу по изучению железных изделий и орудий труда следовало бы провести в ближайшие годы.

Почти столь же массовыми, как керамические обломки, представлены в слоях Белой Вежи обломки костей домашних и диких животных.

Палеозоологи, участвовавшие в работах на памятнике, еще в поле провели наиболее существенные наблюдения, видовые определения скота и промысловых животных, первичную классификацию громадного материала (свыше 100 000 обломков), полученного за три раскопочных сезона в Саркеле-Белой Веже (приложение 2).

В данной главе мы воспользуемся сведениями из кратких предварительных отчетов зоологов только в одном аспекте, а именно попытаемся сравнить уровни находок костей основных видов животных с выделенными нами слоями (периодами).

Следует отметить, что в сезон 1950 года учет материала велся в диапазонах глубин толщиной 1 м, что позволило совместить этот пласт с третьим слоем (периодом), выделенным мной в одной из глав и в начале этой главы. Костный материал нижележавших первого и второго беловежских слоев учтен вместе, а четвертый слой доведен до уровня + 3 м и даже выше, хотя на основных раскопанных участках выбросы верхнего слоя не учитывались, поскольку он образовался несколькими веками позже гибели Белой Вежи в результате многочисленных шурфовок,

выкидов из них, выброса земли при расчистке кирпичных стен и их разборке.

Наиболее полным из сданных зоологами и сохранившихся отчетов представляется отчет за 1951 год, в котором культурный слой разделен на условные, принятые большинством исследователей этого памятника равные пласты толщиной 0,5 м. С небольшими допусками и поправками, материалами отчета без сомнения можно пользоваться, а именно: 1-й и 2-й пласты (0—0,5 м и 0,5—1 м) почти совпадают с выделенными мной слоями-периодами, а 3-й и 4-й — полностью соответствуют третьему и четвертому периодам (1—2 м и 2—2,5 м). Подсчеты костей в 5-м (верхнем) слое на уровне +2,5—3 м демонстрируют незначительность находок сравнительно с остальными слоями (всего 5 % общего количества обнаруженных костей).

Наиболее насыщенным костями животных, как, впрочем, и остальным массовым материалом, очевидно, следует считать мощный 3-й слой, составленный из двух "полуслоев" по 0,5 м каждый. В верхнем полуслое заметно (почти вдвое) сокращается количество костей, что, возможно, свидетельствует о начале упадка благосостояния города и его населения. Учитывая время образования этого полупласта, мы можем сопоставить его с началом активной антибеловежской деятельности половцев, окружавших город со всех сторон.

2-й слой, подстилавший 3-й, относится к первой половине XI века. Он также содержит значительное количество костей животных. Вероятно, это можно связывать с началом становления города, что находит подтверждение в материалах главы 3 данной книги.

Самым приближенным по количеству костей является 1-й слой "гибели и возрождения" разрушенного Саркела. Практически слой представлял собой остатки сожженного и разграбленного города, на которых начали довольно активно строиться новые жители.

Наконец, показательно весьма резкое падение количества костей в 4-м слое — конца Белой Вежи.

Таким образом, даже пользуясь только костным материалом, можно составить представление о жизни города — о его зарождении, жизни и падении.

О видовом составе животных, используемых в городе, мы остановимся в следующей главе, поскольку эта тема более касает-

ся хозяйственно-экономических и производственных вопросов, чем стратиграфических данных, позволяющих проследить правильность наблюдений, сделанных в предыдущих главах и в начале этой главы.

Кости и рога животных представляли отличный, поддававшийся сложной обработке материал. После характеристики массы необработанных целых и разбитых костей следовало бы обратиться и к предметам, изготовленным из этого материала, широко использовавшегося в быту в Саркеле и Белой Веже. Всего в слое обнаружено 530 костяных и роговых поделок. Создание общей (по назначению) классификации предметов, типологии по разнообразию форм и орнаментации вещей, включенных в каждую выделенную группу, и тщательное обоснование назначения не понятых ранее археологами изделий и орудий квалифицированно исполнено и издано В. Е. Флёровой (2001). В 65 рисунках, сопровождающих текст, помимо рисунков вещей и орнаментов включено шесть топографических схем распространения различных групп, видов и типов предметов, заготовок и сырьевых отходов.

Не меньший интерес представляет и серия стратиграфических таблиц, особенно таблица изменения вещевого комплекса костяных изделий во времени (Флёрова, 2001, рис. 65). Так, вооружение и конское снаряжение стали особенно популярны в XI веке и только в XII веке количество вещей, связанных с воинами, заметно сократилось. Рабочий инвентарь, естественно, был наиболее распространенным и необходимым в конце X — начале XI века, а далее его развитие шло довольно ровно — без заметных срывов и падений. Что касается предметов туалета, одежды, амулетов, игрушек и пр., то в XI веке их использование также держалось на всех уровнях почти без заметных изменений. Правда, в нижнем (первом) слое они встречались чаще, но следует учитывать, что вещи мелкие и легко терялись как во время разорения города, так и новой застройки.

Как бы там ни было, но книга В. Е. Флёровой в целом подтверждает мои наблюдения за изменениями содержания слоев по другим, рассмотренным выше массовым материалам.

Перейдем далее к распространению в слое наиболее ярких и нередко датирующих индивидуальных находок.

В первую очередь рассмотрим немногочисленный, но информативно довольно емкий монетный материал (монет в слое обнаружено всего 50 экз.). Преобладают монеты византийского или

херсоно-византийского чекана (рис. 75). Среди них монет непосредственно византийского чекана 12 экз., а монет, чеканенных в Херсонесе (чеканами византийских императоров), — 30 экз. Это медные, нередко плохой сохранности кружки. В виде исключения среди них попались две овальные монеты (31×27 мм) Феодоры, дочери Константина VIII (1055—1056), а также одна серебряная монета самого Константина VIII (975—1025). В целом византийские монеты крупнее херсонесских — их диаметры колеблются от 19 до 28 мм, а в Херсоне чеканили кружки от 16 до 21 мм, причем самые крупные из них (всего две) 19 и 21 мм (приложение 3).

Помимо монет византийских императоров в слое обнаружены 6 восточных монет — серебряных диргемов VII, VIII, VIII—IX, IX веков, а также сельджукская медная монета халифа Масуда (1133—1152) (приложение 3). Как мы видим, хронологический диапазон арабских монет весьма широк, хотя 5 из них не выходят за рамки IX века. Вероятно, все они остались в слое разрухи Саркела так же, как и две монеты второй половины IX века (867—886) херсонесского чекана (рис. 75).

Однако большая часть монет (15) в беловежском слое относится ко второй половине X века (945—959, 955—969, 959—963, 969—976). К ним следует прибавить и 10 монет с более "общей" датой — IX—X или просто X века.

Итак, половина монет датируется временем первого беловежского заселения. Но распространение их по слою Белой Вежи намного шире — большинство монет было обнаружено в слое XI века. В этот слой попали монеты и более ранние (867—886) и даже одна монета Савромата I (93—123). Монеты XI века (976—1025, 1067—1071, 1067—1076) найдены в слое X века, а в слой XI века попали всего три синхронные ему византийские монеты (1055—1056 (2), 1057—1059, 1059—1067) и один упомянутый выше диргем XII века (1133—1152).

Очевидна необычайная смешанность денежных знаков в беловежском слое. Можно объяснить это многократно подчеркнутой смешанностью культурного слоя. Но уже рассмотренные нами массовые материалы не позволяют сделать такой однозначный вывод, хотя в некоторых местах (возможно, в ямах), в частности в раскопе II, в слое почти на уровне материка найдены две монеты второй половины XI века.

Следует констатировать, что разновременные монеты компакт-

но сосредоточены в слоях второго и третьего периодов жизни в Белой Веже, в основном в цитадели и бывшем дворе "караван-сарая" — территории, смежной с цитаделью. Этот факт допускает существование денежного обращения этих медных кружочков без учета их времени и происхождения. Естественно, что деньги получили особенное значение в периоды начала и расцвета городской жизни.

Кроме монет дата слоя XI века подтверждается находками типичных, хорошо известных и датированных в древнерусских и степных древностях предметов.

Так, в этом слое обнаружены четыре писаницы-погремушки: одна в цитадели на уровне +1,1 м (2753), две в раскопе II на уровнях +1,17 м (197) и +1,85 м (688) (Макарова, 1966; 1967, с. 44, 45).

Более распространенной находкой являются кочевнические амулеты и мелкие поделки из лазурита. Как и писанки, они обнаружены в слое третьего периода — во второй половине XI — начале XII века. В цитадели было обнаружено 6 лазуритовых поделок (506, 632, 2384, 2533, 2757, 2801), распространенных в слое в диапазоне от 1,1 до 1,53 м. В раскопе II 5 поделок (459, 1064, 1200, 1677, 2900) были найдены почти на тех же уровнях в диапазоне от 1,06 до 0,82 м (Макарова, 1962).

Некоторые категории находок, в частности светильники, несмотря на значительное количество целых предметов (несколько десятков) и, главное, множество их обломков, можно бы было считать массовым материалом. Однако светильники отличаются разнообразием, а иногда и необычностью форм, что дает возможность относить их к нескольким отделам и даже типам, распространенным в слоях разных периодов жизни города.

В слое XI века все светильники небольшие (от 5 до 10 см) низкие чашечки: круглые с выделенным (немного оттянутым) "носиком" для фитилька, такие же по высоте квадратные, соответственно с четырьмя носиками на каждом углу, реже попадаются треугольные чашечки с немного округлыми стенками и тремя носиками для фитильков. Как правило, все сосуды лепные из глины с примесью дресвы и травы, иногда дресвы и меловой крошки. Наиболее распространенным типом были круглые светильники. Некоторые из них сделаны на гончарном круге. Лепные круглые светильники попадаются на всех уровнях, но преобладают они в слоях третьего и четвертого периодов, а квадрат-

ные и треугольные светильники всегда лепные и характерны для всего XI века (рис. 76).

К этому же времени относятся две курильницы, сделанные от руки из глины того же состава, что и остальные светильники. Одна из них целая с массивным дном и "шлемовидным" туловом (с шишаком) высотой 0,11 м. Вся ее поверхность покрыта четырьмя неровными рядами небольших отверстий для выхода дымка ароматизирующего вещества или травы, помещавшегося внутрь через овальное (4×3 см) отверстие, прорезанное в нижней части стенки (почти у дна). Вторая курильница более вычурной формы. Тулово у нее в виде круглого горшочка (дно не сохранилось). Оно отделено перехватом от верхней части, изображавшей как бы крышку сосуда. Высота сосуда неясна, поскольку дно не сохранилось, а верх "крышки" отбит, но он, очевидно, был более "вместительным", чем первый сосуд. Ряды отверстий на нем проведены более тщательно (ровно). Отверстие для вкладывания в курильницу необходимого для горения (тления) какого-то вещества или просто угольков и травки находилось примерно на середине высоты сосуда — на уровне соединения нижней и верхней частей. Размеры его те же, что и у предыдущего, но форма трапециевидная, а край окантован ровным валиком. Всё вместе: аккуратность изготовления предмета и усложненность формы — выгодно отличают его от первой простой шлемовидной курильницы.

Следует добавить, что эти курильницы не имели никакого отношения к церковной утвари, т.е. не служили кадилами. В них курились наркотические травы и зерна. Недаром в жилищах и ямах Белой Вежи попадаются килограммы сгоревшего конопляного семени.

Перейдем к светильникам первого слоя Белой Вежи, перемешанного с саркельским слоем, состоявшим, как уже многократно говорилось, из пепла, углей и массы разбитой посуды. В этой массе выделяются единичные целые и много разбитых светильников. Наряду с треугольными и квадратными светильниками-чашечками там сохранилось несколько целых или полуразбитых сосудов, по которым можно судить о характерном собственно саркельском осветительном наборе (рис. 77).

Очевидно, значительной популярностью пользовались в саркельское время светильники на высоких подставках: это сферические довольно крупные чаши (диаметром до 16 см) на конических, расширявшихся книзу подставках. Судя по глиняному те-

сту с примесью крупного кварцевого песка, из которого они сделаны, и ровному серому обжигу, изготовляли их местные гончары из глины, общей с кухонными горшками, и обжигались в тех же горнах и при той же температуре. Подставка у них с дном, но полая с четырьмя овальными или треугольными прорезями. Высота подставки 16—18 см. Этими красивыми стройными сосудами несомненно пользовались наиболее обеспеченные члены саркельского общества (рис. 77, *1*, *2*).

В подражание этим сосудам многие рядовые жители изготовляли их от руки из обычной для лепной посуды глины с отощителями дресвы и травы. Не исключено, что сферические чаши для них также иногда делали на круге, но подставки всегда были лепными, хотя обычно тоже полые со дном и небольшим расширением в нижней части (рис. 77, *3*, *4*).

Чаши на высокой подставке известны в слоях IX—X веков в ближайших к Саркелу областях: в Крыму (Якобсон, 1959, с. 314, рис. 169) и в Грузии (Рамишвили, 2003, табл. 130, *18*). В белокаменном колодце Саркела на дне была обнаружена великолепная византийская пиалообразная ваза на поддоне, типологически близком подставкам круговых саркельских светильников (Шелковников, 1959, с. 288—289, рис. 8). Казалось бы, появление красивых светильников в Саркеле следует связывать с Византией. Однако могло быть и более раннее и тоже весьма тесное общение Саркела с низовьями Сырдарьи (Джетыасарская культура). Там в склеповых погребениях VIII—IX веков (ранее) были обнаружены курильницы (Левина, Болелов, 1993, с. 92—94, рис. 70—71), весьма близкие типологически саркельским светильникам, которые, возможно, также могли служить курильницами. Правда, чаши у джетыасарских курильниц, как правило, квадратные, но встречаются и сферические, а поддоны или подставки не полые, а тяжелые прямые, изредка слегка расширявшиеся книзу, что, как мы видели, было принято и освоено саркельцами.

К этим крупным светильникам-курильницам, видимо, можно отнести и небольшой "двусторонний" светильник (или подсвечник), идентичные чаши которого располагались как сверху ножки, так и снизу (вместо плоского дна). Высота его всего 10 см, глубина чаш 2 см, диаметр 8 см. В центре обеих чаш находились круглые слегка сужающиеся ко дну ямки (высотой и диаметром 1 см). Возможно, в них вставлялись обычные восковые свечи или ароматизированные каким-либо наркотическим веще-

ством (рис. 77, *5*). Когда одна из чаш наполнялась доверху растаявшим воском, курильница переворачивалась и в нее вставляли новую свечу. После заполнения и этой чаши сосуд чистился и использовался вновь.

Еще более необычными представляются нигде не имеющие аналогий приземистые, полушаровидные или немного сплющенные сосуды с толстыми крепкими стенками и выделенным массивным поддоном, в центре которого оставлено сквозное отверстие диаметром 6—10 см (рис. 77, *6—10*). В двух случаях в нем сохранился проржавевший обломок железного штыря, очевидно, втыкавшегося в деревянную рукоять. Для большей прочности скрепления в специально выделенных краях нередко протыкались два или три отверстия для дополнительного крепления сосуда с рукоятью. В целом вся эта конструкция могла быть светильником-факелом, использовавшимся не столько в помещении, сколько на дворе или улице. Шаровидность большинства сосудов этой группы в значительной степени защищала горящий факел от ветра и дождя.

В группу необычных, почти не встречавшихся ни в Саркеле, ни в Белой Веже светильников относился и небольшой овальный в плане (вернее, каплевидный) светильник с носиком в конце "капли", поставленный на четыре толстые короткие ножки, что вместе с несколько нарочито утяжеленной фигурой придает ему некоторое сходство с каким-то массивным животным (рис. 77, *11*). Светильник сделан из рыхлого теста с большой примесью травы. Сохранился он в обломках на уровне материка, в который был втоптан. Связать его со слоем "гибели и возрождения" города вряд ли возможно. Мы знаем, что лепная керамика изготовлялась женщинами. Светильник тоже сделан женщиной, но слабая промешанность глины с крупно изрезанными стеблями травы и общая небрежность изделия позволяют заключить, что светильник просто случайная поделка женщины, еще не вполне освоившей настоящее керамическое дело. Среди лепного лома в Белой Веже и Саркеле встречается множество маленьких толстостенных сосудиков (детских игрушек), отличающихся теми же недостатками, что и описанный светильник: возможно, девочек с детства приучали к этой нужной для ведения хозяйства работе.

К кочевническому кругу бытовых предметов, сделанных специально для ухода за младенцами, относятся прекрасно сформованные в основном цилиндрические сосуды, характерная особенность

которых резко (почти под прямым углом) отогнутый плоский широкий и крепкий край. Размеры их: высота от 11 до 16 см, диаметр не более 8 см, ширина края 2—2,5 см. Эти оригинальные сосуды служили детскими горшочками, вставлявшимися в дно люлек. Добавлением к ним были трубочки (сумаки) (рис. 78). В Саркеле, изобиловавшем костяными отбросами, сырьем для изготовления трубочек служили отшлифованные кости ножек мелкого рогатого скота. Такие трубочки попадались в слое часто, но обычно они были сломаны или недоработаны и потому не привлекали внимания археологов: их сосчитали палеозоологи в числе тысяч овечьих костей. Исследование костного обработанного материала позволило В. А. Флёровой выявить в нем всего три сумака.

Факт находок остатков люлечных конструкций в Саркеле крепко связывает его с широким тюркским миром (Флёрова, 2001, с. 78, рис. 35). Как правило, они попадались только в нижнем беловежском слое, содержавшем преимущественно разбитые остатки саркельских хозяйств. В Белой Веже XI — начала XII века они встречались исключительно в выкидах довольно глубоких ям и перекопов.

Для стратиграфической характеристики беловежского слоя представляют интерес находки литейных форм, обнаруженных на всех основных раскопанных участках городища. Многие из них полностью разбиты. Относительной сохранностью отличаются формы на участках в цитадели, на дворе бывшего "караван-сарая" и вдоль северо-западной стены.

В цитадели обнаружено 10 форм, из них 9 каменных и 1 бронзовая (рис. 79). Следует сказать, что врезанные в формы рисунки не всегда понятны, т.е. неясно, какой предмет по ним будет отлит (рис. 79, *4, 6*), четыре формы (*3, 7, 9, 10*) предназначались, видимо, для отливки пуговиц или мелких бубенчиков. На плоскости одной из них вырезана дополнительная трехконечная фигура с кругом в центре. Двумя формами отливали плоские кружки-подвески с четкой и простой орнаментацией (на одной она сильно стерлась). Еще на одной довольно грубо вырезана лунница — создается впечатление, что форма не была закончена. Особенное внимание привлекает прекрасно отлитая из бронзы литейная квадратная небольшая форма, отлитая из бронзы (*11*). На плоскости помещены почти вплотную друг к другу пять круглых полусферических углублений, вероятно, служивших для отливки

бубенчиков. Существенно, что ни на одной форме нет следов прокала: очевидно, мастера использовали эти формы только как матрицы для глиняных отпечатков форм. Бронзовая форма, как мне кажется, служит веским доказательством этого.

Все формы в цитадели обнаружены в слое третьего периода. Ассортимент вещей, которые должны были быть отлиты по ним, весьма беден. Видимо, наиболее сложные, красивые и хорошо сохранившиеся формы захватили разорившие Белую Вежу в начале XII века половцы. Кроме того, судя по летописной записи под 1117 годом, беловежцы после погрома ушли на Русь. Наиболее ценные вещи, в том числе и литейные формы, по которым отливали драгоценные вещи из серебра и золота, литейщики постарались унести с собой.

Беднее и проще описанных литейные формы, найденные на соседнем с цитаделью участке — во дворе "караван-сарая" (рис. 80). Формы сильно оббиты, но на обратной стороне двух из них (*2, 5*) прорезан горизонтальный глубокий желобок, видимо, для ремешка, накрепко стягивавшего форму с достаточно толстой глиняной пластиной, на которой отпечатывалась копия будущей вещи. В отличие от цитадели, в которой формы были обнаружены в слое второй половины XI века, здесь из семи форм две были найдены на уровнях второго периода, а одна — даже на материке.

Наибольшее количество литейных форм — 12 — было открыто на северо-западном участке города (рис. 81). Вырезанные на них изображения вещей более разнообразны и лучше сохранились, хотя почти половина форм сильно поломана. Интерес представляет каменная форма, аналогичная по назначению и конструкции бронзовой форме из цитадели, служившая как бы "лекалом" для литья бронзовых пуговиц и бубенчиков. Каменная форма почти в полтора раза больше бронзовой (*6*). На рабочей плоскости врезано девять полусферических углублений разных диаметров — от 1 до 2 см. На обратной стороне трех форм (*2, 11, 12*) прорезаны горизонтальные желобки.

Половина найденных форм сосредоточена в слое над литейной мастерской (№ 59) второй половины XI века, две — над домом № 58, относившимся к тому же времени. Некоторые формы попадаются в слое немного ниже, и их можно отнести к первой половине XI века, хотя уровни обоих периодов близки друг другу и местами сливаются в перекопе или в развале рухнувшей крыши.

Литейные формы еще раз свидетельствуют об общей целостно-

сти культурного слоя города. Множество ям и шурфов, разрушений домов и кирпичных стен не сдвигали с уровней потерянные или брошенные вещи, если, конечно, они не попадали в глубокий и обширный перекоп. Так, при разборке стены казаками по обе ее стороны копались траншеи до материка (до основания стены). В такой пристенной траншее в кв. В1 раскопа С1а был обнаружен на материке замечательный костяной гребень византийской работы, блестяще изданный А. В. Банк (1959, с. 333—339, рис. 1, 2).

Заключая главу, отметим, что одна из самых массовых и в значительной степени датирующих категорий находок в беловежском слое, а именно разнообразные и разновременные бронзовые изделия, остается до сих пор необработанной. Исследование этого громадного материала (около 1000 предметов), требующее многосторонних знаний (археологических, исторических, технических и пр.), еще впереди. Включить подобное издание в данную книгу невозможно.

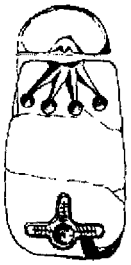
Поэтому, во-первых, выше я ограничилась очень краткой характеристикой литейных форм, ранее вообще не упоминавшихся в публикациях, посвященных Белой Веже, и, во-вторых, для представления о содержании основного массива культурного слоя сочла необходимым сопроводить главу завершающей таблицей вещей XI — начала XII века, обнаруженных, как и литейные формы, в основном в третьем слое (периоде) Белой Вежи (рис. 82).

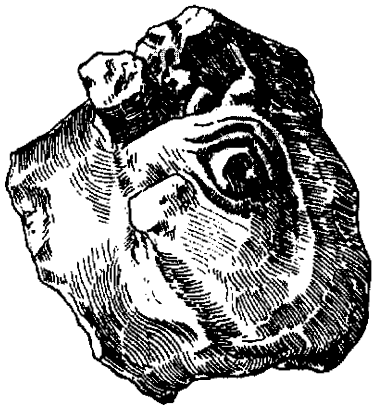
Наиболее выразителен состав поясных пряжек (рис. 82, *26—32*), аналогии которым хорошо известны во всех больших и малых древнерусских городах (Седова, 1981, с. 144—145). Особый интерес представляет полуфабрикат пряжки (*32*), подтверждающий наличие бронзолитейного ремесла в городе. Браслеты, перстни, серьги, бубенчики, поясные накладки также имеют многочисленные аналогии на Руси (Седова, 1981). Говоря о пряжках, М. В. Седова справедливо отметила, что аналогий им так много, что их "трудно перечислить". Пожалуй, это замечание относится почти ко всем предметам, помещенным на таблице (рис. 82). Исключения немногочислены. Это прежде всего бронзовые ногтечистка с головкой барашка на ручке и ювелирные щипчики (*18, 19*). Три остальные вещи: бронзовая булава с пирамидальными шипами; серебряная, круглая, слегка выпуклая накладка с изображением стилизованного крина и крупной ложной зернью по краю; бронзовая гривна, скрученная из двух проволок (*1, 2, 25*).

Все они найдены в одном экземпляре — булава в слое начала XI века, что подтверждается не только уровнем ее находки (+1,2 м), но и стилистическими особенностями (Кирпичников, 1966, с. 54). Накладку и гривну, наоборот, следует относить ко времени не ранее начала XII века (в основном время определено по уровням их залегания в слое).

Итак, исследование культурного слоя позволило уверенно писать о всех четырех выявленных этапах существования города. Расцвета он достиг примерно к середине XI века, хотя очевидно, что в первой половине этого века, несмотря на пожары и степные налеты, город начал набираться сил для следующего взлета.

Несмотря на сокрушающий разгром, учиненный в городе половцами, вернувшиеся в город жители попытались как-то восстановить прежнее значение Белой Вежи. Отчасти это удалось сделать, но ненадолго. Судя по археологическим данным, т.е. по состоянию последних (верхних) "культурных наслоений", жизнь на беловежском холме прекратилась в первой половине — середине XII века.





Глава 7

ГОРОД И СТЕПЬ
(Вместо заключения)

Крепость Саркел, выстроенная на берегу Дона — одной из магистральных рек Восточной Европы, стояла на пересечении реки с несколькими сухопутными дорогами, связывавшими ее с государствами и народами всех четырех стран света (Плетнёва, 1996б, карты: рис. 53, 54, 55).

В первой половине IX века она находилась в центральной области каганата в полной безопасности от любых попыток захватить и разграбить ее. Каган построил личную крепость из кирпича, что, как известно, разрешалось только верховному правителю. Даже кирпич из ее кладок почитался священным оберегом, видимо, крепость казалась неприступной. Не случайно ее поставили на оживленных торговых путях, притом на самой границе домена кагана. Сюда, после длительной летней кочевки, поздней осенью подходил со своими свитой и стадами каган и, очевидно, останавливался в крепости на некоторое время, забирал собранные с проходивших караванов пошлины и отправлялся на зимовку вверх по Дону, по переволоке на Волгу и в конце октября прибывал в столицу Хазарии Итиль, в свой также кирпичный замок.

Защищенностью Саркела от внешних врагов, вероятно, можно объяснить и некоторую небрежность к укреплению его защитных свойств во второй период существования. Во-первых, ров начал уже в то время мелеть и местами осыпаться; во-вторых, белые мергелевые пристройки к двум башням были заброшены и активно разбирались для нужд бытового строительства; в-третьих,

внутри крепости многие стены построек, ставшие ненужными, тоже постепенно начали растаскиваться в основном для строительства печей.

Тем не менее крепость Саркел функционировала по-прежнему, оставаясь перевалочно-таможенным пунктом. В то же время она начала заселяться не только воинами ежегодно сменявшихся гарнизонов, но и "гражданским" населением каганата, в основном болгарами и хазарами. Они застраивали крепость легкими юртами и небольшими наземными домиками, нередко пристраивая их к сохранившимся кирпичным стенам. Не исключено, что начали проникать в крепость и "мирные кочевники", возможно, используя ее в качестве надежной защиты от налетов более сильных аилов и куреней. Об их присутствии в городе свидетельствует довольно большое количество типичной кочевнической керамики, украшенной пышным орнаментом, и, что более существенно, здесь в слое Саркела появились характерные для кочевников очажки, сложенные из четырех кирпичей, поставленных вертикально вокруг глинобитного, квадратного, сильно обожженного пода.

Всё коренным образом изменилось после разрушений, нанесенных крепости в период взятия ее Святославом Игоревичем. Намечавшееся "градостроительство" было уничтожено тотальным пожаром. Воины, защищавшие крепость, видимо, были перебиты, но кое-кому из жителей города-крепости удалось избежать гибели или плена и скрыться среди дыма пожарища и суеты грабежей в окрестных лесах и перелесках.

Итак, город сгорел и фактически беззащитными стояли высокие, хотя местами и сильно разбитые стены. Сожженные ворота и пробоины в стенах позволяли свободно пользоваться внутренней площадью крепости. Возможно, что на еще кое-где дымящемся пепелище появились первые поселенцы. Так среди пепла пожарища в крепости началась новая жизнь, возродившая город.

В заключении ко второй главе я уже писала о выявленных трех этносах, заселивших разбитый сгоревший город. Судя по количеству открытых и исследованных жилищ на раскопанных участках городища, в городе превалировал славянский (боршевский) этнос. Пришедшие с дружиной Святослава боршевцы, оставшиеся в Саркеле, строили свои полуземлянки, как правило, не занимали площадей, на которых селились "саркельцы", вернувшиеся на свои принадлежавшие им прежде земли. Начали активно ставить свои юрты и очажки печенеги и гузы, по-видимо-

му, участвовавшие в качестве союзников в восточном походе Святослава и осаде Саркела. Разборка внутренних стен велась с каждым годом активнее. В основном кирпичи нужны были для сооружения печей. Даже славяне, привыкшие к печам-каменкам, быстро поняли преимущества включения в каменную конструкцию кирпичного "ядра" — пода и нижней части стенок, что придавало большую устойчивость и удобство пользования печью. Что касается "саркельцев", то они еще в саркельское время оценили кирпичные печи и широко пользовались ими. Однако, несмотря на благоустроенную, поставленную в один из углов печь, многие из них продолжали сооружать небольшой открытый очаг в центре пола. В первой половине XI века такие очаги имели сакральное значение: ими даже не пользовались, но на необожженной поверхности "тарелкообразного" очага была насыпана зола: очаг по-прежнему оставался символом объединения семьи. Третьим этносом формировавшегося поселка были гузы и печенеги, в первый период существования поселения, видимо, только зимовавшие в Саркеле. Они продолжали ставить вместо печей очажки из кирпичей. Очевидно, подражая конструкции печей, глинобитный под они стали часто заменять уложенным плашмя на глиняный раствор кирпичом.

Следует отметить, что нигде в восточноевропейских и азиатских степях такие очажки неизвестны. Не исключено, что это портативное устройство возникло не без влияния печного строительства. Очажки были просто как бы маленькими печами. К сожалению, остается неясным, закрывали ли их сверху при топке или выпечке лепешек на раскаленных кирпичах. В таком случае очажки играли бы роль небольших тандыров.

Три перечисленных этноса и в последующее столетие остались главными составными населения, наиболее деятельными во всех сферах жизни растущего города. Каждый из них занимал в городе определенную территорию. Особенно заметно выделилась кочевническая группировка, занявшая юго-восточную часть цитадели, т.е. тот участок, который в Саркеле принадлежал гарнизону крепости. "Саркельцы", занявшие вначале северо-западную часть крепости у разрушенных Главных ворот, в основном перешли в первой половине XI века на территорию бывшего "караван-сарая" и северо-восточнее его, потеснив оттуда славян, которые расселились по всему северо-западному краю крепости. Здесь же во второй половине XI века стали селиться и люди, пришедшие из

метрополии. Причем первые прибывшие строили свои дома так же, как и жители многих южных древнерусских городов, в том числе и в самом Киеве. Это были сравнительно большие благоустроенные полуземлянки с печами, сложенные в основном из камня. Однако довольно быстро, вероятно, после первого пожара, они перешли на местное строительство — легких наземных домиков с хорошо (умело) сложенными печами.

Пожары в городе возникали при некоторой скученности построек просто от небрежности самих владельцев, но чаще они были результатом неожиданного налета окружавших степной торговый городок кочевнических воинских отрядов: в первые десятилетия гузов, печенегов, венгров и пр.

Однако в первой половине XI века в южнорусских степях появились половцы — более отчаянные и жестокие кочевые отряды, а вслед за ними и орды, к которым они принадлежали (Плетнёва, 1990, гл. 3 и 4). Стало ясно, что возникший городок, налаживавший прерванные торговые связи и местные ремесла, не выдержит напора новых обитателей окрестных степей. Необходимо было защитить крепостные стены и обитателей города от этого врага.

Началось строительство мощной линии обороны — грандиозного по длине и ширине проточного рва, т.е. ответвления от основного русла Дона нового русла. Параллельно, конечно, укреплялись и стены крепости, но археологически следов ремонтов обнаружить не удалось, поскольку фактически стены, разобранные до основания (до отпечатков кирпичей), отсутствовали. Можно только предположить, что северо-западная стена была восстановлена, поскольку вплотную к ней в XI веке были выстроены дома, в том числе плавильная и гончарная мастерские. Вероятно, достаточно фундаментально была поднята из руин и юго-западная стена, о чем позволяет судить строительство домов параллельно стене и, главное, прекращение массового функционирования кладбища, на которое через стену пройти было уже невозможно.

На образованном двумя рукавами Дона большом острове, очевидно, при активной защите гарнизона могли останавливаться уже большие купеческие караваны, подходившие к Белой Веже по давно известным и "натоптанным" путям из стран Средней и Передней Азии. Вверх по Дону поднимались ладьи с товарами из Крыма (из Херсона, Корчева), Таматархи. И сухопутные, и водная дороги использовались только в теплое и сухое время года —

с апреля по конец октября. Примерно в эти же сроки заканчивали свои кочевки каган и хазаро-болгарская аристократия. Зимой "остров" использовался для содержания скота: коней (в основном боевых) и овец для необходимой пищи. Остальной состав стад прятали от грабителей в овражках и лесах, обильно обрамлявших пойму.

Итак, несмотря на половецкую постоянную угрозу, жизнь в торгово-ремесленном городе стала более стабильной. В результате в него потянулись люди разных занятий и этносов.

Три главных этноса, естественно, остались в городе. Характерно, что, несмотря на тесное соседство и постоянное общение, каждый из них представлен вполне определенным набором находок. Весьма выразительны, как мы видели, керамические материалы, но почти столь же ясную картину сосуществования трех этносов дают немногочисленные, но типологически отчетливо различающиеся наборы трех групп бронзовых предметов (рис. 83). К первой группе относятся вещи, принадлежавшие "саркельцам", т.е. культуре хазарского времени (1—11). Все эти предметы были амулетами, три из них — так называемые "солнечные" амулеты — сохранились особенно плохо: потерты, разломаны, бронза сильно окислилась. Основной состав амулетов — клыки-обереги. В эту же группу нами включены две просверленные таранные косточки бобра, обнаруженные в первом слое жизни на развалинах Саркела. Следует отметить, что почти весь "саркельский" набор находок относится к этому самому раннему периоду существования Белой Вежи. Вторая группа — остатки гузо-печенежских бронзовых предметов: три подвески — амулеты в виде птиц (две изломаны) и обломки головок конoушек, использовавшихся, судя по сложному явно "значимому" орнаменту, в качестве амулетов (12—17). Третья группа, относящаяся к славянскому и древнерусскому населению, также представлена культовыми предметами (18—23): двумя крестами, двумя энколпионами — один целый с остатками черни, другой почти полностью расплавлен в пожаре, а в первом слое обнаружены два языческих амулета: топорик Перуна и "волшебный" гребешок, часто упоминающийся в русских сказках в качестве одного из помощников героя.

Таким образом, все три группы предметов, несмотря на незначительное их количество, дают некоторое представление о духовной жизни населения Белой Вежи и, в частности, об очевидной христианизации части населения во второй половине XI века.

Не исключено, что христианство внедрилось и распространилось в Белой Веже не без прямого влияния новых этнических групп населения.

Раскопки на городище начались еще в первой половине XIX века и продолжались в течение более столетия (Артамонов, 1935, с. 8—21). Особенно часто в верхнем слое городища попадались нательные кресты и энколпионы. Частично кресты были изданы (В. И. Сизовым, Х. И. Поповым, Б. Н. Ханенко и др.). Кресту энколпиону с Борисом и Глебом был посвящен доклад В. И. Лесючевского, сделанный в ГАИМК (не был опубликован). Представляется несомненным, что этим основным христианским символам, найденным в Белой Веже, следует посвятить отдельное исследование. Это необходимо потому, что в 1888 году археолог Часовников в северной части городища (оставшейся не раскопанной Волго-Донской экспедицией) открыл развалины небольшой постройки, сложенной из белых обтесанных блоков, чередовавшихся с рядами кирпичей. По мнению Часовникова, это были остатки христианского храма, что подтверждается находкой мраморной импостной капители и двух обломков мраморных колонн (одна с канеллюрами), обнаруженных рядом с храмом (Артамонов, 1935, рис. 2 и 3). Кроме того, у северо-западной стены в 1949 году был найден значительный кусок коринфской капители (Раппопорт, 1959, с. 37, рис. 39, 40), а также обломки мрамора с резьбой — головкой быка, листьями аканфа (рис. 84). Соединенные все вместе, эти данные вполне позволяют предположить существование в Белой Веже небольшой церкви.

Вероятность наличия церковного здания и нередкие находки крестов и энколпионов в слое расцвета Белой Вежи вполне допустимо связывать с появлением здесь новых жителей, явившихся в степной богатеющий городок из южных древнерусских городов и сел, из Алании, Крыма и других ближних и дальних земель, в которых господствовала христианская религия.

Как складывались отношения мигрантов с основным населением Белой Вежи и какие этнические группировки преобладали среди них в XI веке, можно представить благодаря массовым раскопкам трех основных беловежских могильников, в которых вскрыто 769 погребений мужчин, женщин и детей (Артамонова, 1963, с. 35, 103—106). В результате этой громадной работы исследованы особенности погребальных обрядов и вещевой комплекс могильников, в отдельных случаях удавалось уловить имуще-

ственное неравенство или социальный статус погребенных людей, их религиозную направленность, этническую принадлежность, многочисленные следы ран (часто смертельных) и столь же многочисленные болезни, в том числе тяжелейшие деформирующие артрозы и спондилёзы, болезнь Бехтерева, туберкулез, сифилис и пр. (Артамонова, 1963, с. 106—215; Гинзбург, 1963; Вуич, 1963; Фирштейн, 1963; Рохлин, 1963). Замечательная коллективная монография о могильниках освободила меня не только от их подробной характеристики, но и от каких бы то ни было "дополнений" к этому полному и высококвалифицированному изданию.

Поэтому обратимся только к одному вопросу — этническим определениям погребенных по данным крупнейших российских антропологов того времени, названных выше.

Разумеется, не все скелеты можно было обработать антропологически, поскольку большинство из них очень плохой сохранности. Например, из 528 скелетов, открытых в захоронениях четырех насыпей, всего примерно 20 % удалось исследовать более или менее полно. Тем не менее получены прекрасно препарированные материалы, позволившие значительно расширить наши знания о составе населения города.

Скелеты антропологически определимых типов подсчитаны в данной работе из двух наиболее крупных могильников: в четырех насыпях, расположенных юго-восточнее города (Артамонова, 1963, рис. 1 и 23), и у юго-западной стены крепости (там же, рис. 27). В результате была получена достаточно выразительная картина процентных соотношений главных групп беловежского населения.

Так, 1-я группа "среднеазиатского междуречья" (САМ) — европеоиды-брахикраны (иногда с незначительной примесью монголоидности) — составляет 45,7 %. Несомненно, эта преобладавшая часть беловежцев — бывшее саркельское население ("саркельцы"). 2-я группа — "средиземноморская" (СЗМ): европеоиды-долихо-краны, очевидно, аланы — также весьма значительна (31 %). 3-я группа заметно меньше (всего 16 %) — согласно антропологической терминологии, "северный тип" — долихокраны. Этнически трудно связать его с конкретным этносом. Это могут быть балты, балто-славяне или даже норманны. Наконец, 4-я группа совсем небольшая (всего 6,5 %) — "переднеазиатский тип". Не исключено, что это выходцы из Передней Азии (ПА) — семиты: арабы или евреи. Вероятнее всего, это евреи,

прибывшие в Хазарию с принятием иудейской религии хазарским каганом и его окружением примерно в начале IX века. На Руси они появились при дворе Владимира Святославича в конце X века, пытаясь убедить князя в преимуществах иудаизма. Владимир эту веру не признал, предпочтя христианство и, главное, крепкий союз с мощной Византией. Однако из Киева он их не изгнал, усмотрев, видимо, пользу в их торгово-коммерческой деятельности. То же произошло и в маленькой, но торговой и ремесленной Белой Веже, через нее и в нее шли караваны с товарами. Людям, знавшим языки, письмо и счет, всегда находилось место в этом торгово-таможенном городке.

Помимо перечисленных групп следует особенно подчеркнуть довольно значительное количество метисизированного населения — около 15—17 %, а также несколько захоронений монголоидов. Все это свидетельствует о смешанности беловежского населения и терпимости разных групп (этносов) друг к другу. Нередкие браки между разноэтничными людьми являются очевидным подтверждением этого.

На могильнике, расположенном в насыпях, неоднократно удавалось проследить формирование захоронений по семейным участкам. Особенно склонны были к "посмертной сплоченности" саркельцы, хотя изредка в эти семейные группы кроме захоронений основного состава входили и умершие некровнородственных этносов. В отличие от них погребения группы ПА (предположительно евреи) хоронили своих умерших родичей разбросанно по могильнику, причем, как правило, вблизи аланских захоронений.

Интерес представляет участок могильника на крайней восточной насыпи этого обширного кладбища. Участок заполнен двумя не очень ровными рядами 15 захоронений взрослых и двух детских погребений. 11 из них определены антропологически: 6 мужчин и 5 женщин. В основном это представители группы САМ, т.е. "саркельцы", два — редко встречающийся тип "степной европеоидный". Все они неровным "полукругом" с северо-востока окаймляют, по-видимому, главное захоронение мужчины, выделявшееся от остальных прежде всего монголоидностью и ориентировкой головой на восток, т.е. так, как хоронила своих родичей значительная часть половцев. Мужчина был погребен в досчатом гробу, справа от гроба уложены кости ног коня (голова и шкура "чучела" коня не сохранились). Останки коня были оседланы и взнузданы: сохранились костяная подпружная пряжка,

бронзовые круглые бляшки, обтянутые серебряной фольгой, массивная костяная лунницевидная подвеска с крестообразной прорезью, а также ромбовидный лазуритовый амулет (охранный), позволяющий не только установить дату захоронения, но и уверенно связать его с половецким миром. Умерший — мужчина 30—40 лет, погребенный с останками коня — несомненно был воином и должен сопровождаться оружием. Однако оружия при нем не обнаружено. Отсутствие оружия, возможно, объясняется страшной болезнью (сифилисом), от которой мужчина умер. Оружие высоко чтили воины-кочевники, и его нельзя было осквернять грязной болезнью.

Слева от этого погребения была похоронена женщина — "саркелка" в обычной для погребений этого памятника позе: вытянуто на спине с руками вдоль туловища, ориентированная головой на юго-запад. Скелет до колен был перекрыт истлевшей, но прослеженной шкурой коня, на которую были брошены череп коня без нижней челюсти и шейные позвонки. Женщина также была поражена сифилисом. Останки коня в могиле, общая болезнь и относительная близость могил (расстояние между ними 2,5 м) дают основание считать эту пару мужем и женой. Еще два женских захоронения этой группы позволяют отнести ее к данной семье. Обе умершие женщины похоронены без сопровождения конских костей, но с вещами, необходимыми всаднику (стременами и остатками истлевшего седла с железной подпружной пряжкой). Остальные погребения безынвентарные, только в детском погребении, находившемся почти рядом с главным мужским, обнаружен лазуритовый амулет, идентичный амулету мужского захоронения.

Таким образом, эта группа свидетельствует об этническом слиянии городского населения не только с городскими жителями, но и с кочевавшими вокруг половцами. Существенно, что семья была явно не христианская — захоронения совершены по степному обряду и с "небесными амулетами" из лазурита.

Определить точную дату захоронений этой группы трудно, так как погребения совершались не одновременно, возможно, с перерывами до 15—20 лет. В частности, похороненная почти рядом с мужчиной жена-старуха старше мужа лет на 20. Видимо, после его смерти ей удалось прожить, несмотря на болезни, еще два десятилетия. В двух женских погребениях этой формирующейся семьи обнаружены проржавевшие стремена с выделенной для

путалища петлей, которые позволяют датировать захоронения не позже начала XI века. Очевидно, это самые первые захоронения на участке. Не исключено, что они почти синхронны захоронению мужчины-половца, образовавшего семью (разница во времени могла быть не более 10 лет), похороненного по древнему степному обычаю. Массивная костяная пряжка и лазуритовый амулет, как и обряд, были принесены им из восточных степей (Могильников, 2002, см. рис. 29 и далее; Плетнёва Л. М., 1977, с. 111—115). Что касается погребения жены, то оно было произведено крайне небрежно — в яме с неровными краями, без какой-либо подстилки, и покрыто куском конской шкуры. В яму положена голова коня. Шкура и конь свидетельствуют о том, что кочевнические традиции или память о них еще существовали в этой группе, но, судя по остальным погребениям, ни "саркельцы", ни степняки не придерживались их.

К северо-западу от этой группы, в расплывшейся поле насыпи, расположился участок еще одного (основного) этноса — аланского (СЗМ). В нем 27 захоронений, из них 9 детских, 11 взрослых были определены антропологами: 6 — аланы (СЗМ), 2 — "северного типа", 2 — "степного типа" и 1 — "переднеазиатского типа". Захоронения, несмотря на разницу этносов, в целом однотипны, что характерно для всех погребений обоих могильников. Различия в обряде незначительны. Это, во-первых, отклонения ориентировки могил: хоронили в разное время года и ориентировку на запад определяли по солнцу. Во-вторых, у части погребенных руки скрещены на груди или в области живота. Видимо, это христианские захоронения. Другая часть беловежцев предпочитала укладывать покойников с вытянутыми вдоль тела руками, т.е. в соответствии с принятой по всей степи традицией. В-третьих, подавляющее большинство умерших не сопровождалось вещами. Только в женские и особенно детские захоронения родичи помещали иногда довольно богатые наборы украшений: ожерелья из бус и подвесок, серьги кольчатые и с зернеными нанизками, очень редко нательные крестики, кольца на пальцах, стеклянные и бронзовые браслеты.

Однако чаще в могилы попадали совсем бедные "дары": несколько бусинок, колечко или браслет из бронзовой проволоки, один-два бубенчика, бронзовые пуговки в таком же количестве.

Заметно отличаются от беловежских погребений захоронения кочевников, совершенные под курганными небольшими земляны-

ми насыпями, расположенными южнее беловежского кладбища, в непосредственной близости от него. Под каждой насыпью в неглубокой могиле был похоронен на спине с руками вдоль туловища, ориентированный головой на юго-запад один умерший. Все антропологические определения в этом могильнике произведены Л. Г. Вуич. Основная часть погребенных европеоиды-брахикраны (51 %), но довольно большое количество относилось к монголоидному (28 %) и смешанному, т.е. монголоидно-европеоидному (20 %) типам. Почти полностью раскопанный участок этого довольно обширного могильника разделен нейтральной полосой, не занятой курганами, на две части: в западной преобладают европеоиды, в восточной — монголоиды и смешанные (Плетнёва, 1990а, с. 76—86). Различия этих групп не только антропологические. Хорошо прослеживается и разница погребального обряда, и некоторые различия сопровождающего инвентаря. В первой группе преобладал обычай укладывать останки коня (чучело из головы, ног, отчлененных по пястный сустав, и шкуры) рядом с покойником. Во второй группе коня укладывали выше покойника — на приступку или прямо над умершим. Существенно отметить и различия в форме удил: в первой группе пользовались жесткими удилами без перегиба, а во второй удила обычные — двухсоставные (с перегибом).

Собранные воедино, эти факты явно свидетельствуют о принадлежности могильника двум народам, нередко смешивавшимся между собой. Общая дата могильника, судя по находкам, конец X—XI века. Именно в это время в Белой Веже служил гарнизон, состоявший, как мы увидим ниже, из двух народов — печенегов и гузов. Первые были европеоиды-брахикраны (близкие САМ), вторые — монголоиды южносибирского типа.

С захватом степей вокруг города, в его окрестностях и даже на самом беловежском кладбище, половцы начали хоронить своих родичей: в насыпях с внешней стороны рва, а порой и между насыпями, возможно, для большей сохранности захоронения. Одно сохранилось благодаря постепенному оползанию склонов высоких насыпей, перекрывших небольшой земляной курганчик полностью. Обнаруженная могила перекрыта несколькими кирпичами. Под ними было уложено чучело коня, а ниже — в гробу захоронена богатая женщина (САМ с некоторой примесью монголоидности). Вещи, найденные при ней, датируют погребение первой половиной XII века. К этому же времени относится захоро-

нение воина, расположенное на отдельной небольшой насыпи. Возможно, что оно тоже было подкурганным, но за сотни лет курган смыло или сдуло степными дождями и ветрами. Воин был монголоидом южносибирского типа и относился, вероятно, к тем половцам, которые заняли во втором десятилетии XII века Белую Вежу. Датировка предыдущего (женского) захоронения также позволяет предполагать ее принадлежность к половецкому зимнику (четвертый период жизни города). На насыпях, обрамлявших снаружи мощный ров Белой Вежи, попадались и другие погребения, "впущенные" в насыпи так, как хоронили в древних степных курганах. Сохранность их обычно очень плохая, поскольку насыпи расплывались, и нередко археологам попадались почти на поверхности только остатки развеянных человеческих или конских костей.

Рассмотрев данные о сложном многоэтничном составе населения Белой Вежи, следует констатировать весьма раннее возникновение многоэтничности, возникшей в процессе возрождения жизни в разрушенном Саркеле. Разгромленный город начал заселяться сразу тремя "народами", причем два из них не были единоэтничными. Так, бывшие жители Саркела объединяли два этноса — праболгар и хазар, занявшие цитадель кочевники состояли также из двух этносов — гузов и печенегов, которых удалось выявить по материалам более позднего времени (Плетнёва, 1990а, с. 75—77). Пожалуй, этническое единство наблюдалось только среди славян — боршевцев, пришедших со среднего Дона, вероятно, вместе с дружиной Святослава. Очевидно, славяне-роменцы, оказавшиеся в стороне от маршрута Святослава, не участвовали в его походе и не появились даже впоследствии в Белой Веже. Боршевцев, видимо, тоже было немного, и они быстро "растворились", соединившись с другими этническими группами. С частичным восстановлением жизни города к началу XI века (закладка особенно разрушенных участков стен, оживление ремесел и торгово-таможенной функции) количество населения начало активно пополняться за счет селившихся в крепости разноэтничных группировок.

Хазарский каганат к этому времени перестал существовать. Уже в конце IX — начале X века вторгшиеся в Донские и Приднепровские степи печенеги разорили и уничтожили многие степные и лесостепные неукрепленные поселения аланских пограничных отрядов на бывших северной и северо-западной границах

каганата и степные богатые поселения праболгар. Это привело к передвижениям населения по всей южнорусской степи. Праболгары двинулись на Запад в близкородственную им Дунайскую Болгарию, значительная их часть ушла в Волжскую Болгарию, и только небольшое их количество осталось в родных степях Приазовья и Крыма, приняв название "черные болгары", зафиксированное в источниках. Под этим именем их знали не более 1—1,5 столетий, затем, слившись с местным населением, они потеряли самостоятельность и имя.

Не исключено, что некоторые болгарские семьи, поселки которых находились поблизости от Саркела-Белой Вежи, спасаясь от печенегов, еще в первый период зарождения нового относительно защищенного стенами поселения поселились в нем, пополнив болгаро-хазарский этнический контингент (САМ). Выделить из него это дополнительное родственное вливание в настоящее время представляется маловероятным.

Совсем иные, вполне определенные данные мы получаем при анализе аланской группы нового беловежского населения (долихокранов, СЗМ). Это не были выходцы из Кавказских предгорий — Алания была в то время уже самостоятельным христианским государством. Аланы, покинувшие бывшее хазарское пограничье, вернулись в родные горы, в свою страну. Однако некоторые из них, возможно, имевшие родственников в степях и, в частности, в Саркеле-Белой Веже, остались в степном городе. Их захоронения прекрасно выделяются на могильнике семейными группами, а нередко отдельно, входя, видимо, в группы САМ в качестве родственников.

Аланы стали одной из влиятельных группировок в городе. Возможно, с их появлением усилилась христианизация беловежского, весьма склонного к язычеству населения. Кроме алан, пожалуй, только группа, относимая к долихокранам "северного типа", пришедшая, вероятнее всего, из одного их крупных древнерусских городов, придерживалась христианства. Тем не менее эта религия во второй половине XI века распространилась и среди саркельцев группы САМ.

Как уже говорилось, в составе населения были и другие этносы, среди которых устойчиво держались за языческую религию и обрядность гузы и печенеги, но погребения гузов (монголоидов) попадались среди христианских захоронений основных беловежских кладбищ в насыпях вдоль вала и у юго-западной стены.

Попав в "кирпичный котел" крепости, живущие в постоянной опасности неожиданно нападавшего сильного противника (половецких военных отрядов), занятые общими делами и общими духовными и светскими интересами, приобретая при этом общие навыки и вкусы, люди в городе фактически не делились на этнические группы. В этом небольшом городке возник как бы единый "народ" — беловежцы. Это явление — слияние этносов в единое целое — характерно для каждого города. Пожалуй, можно уверенно считать этот признак главным отличием города от любого, даже крупного поселения, как правило, одноэтничного.

Белая Вежа была небольшим городом. Ее внутренняя площадь равнялась немногим более 20 тыс. кв.м. О. А. Артамонова попыталась подсчитать среднее количество жителей города исходя из предположительного числа погребений в его древнерусский период. Всего было раскопано, как отмечалось выше, 769 захоронений этого периода. По ее мнению, это большая часть погребений. Привлекая ряд прямых и косвенных данных, она пришла к заключению, что общее число захоронений беловежского периода не превышало 1200—1300. Распределив эту цифру по годам жизни города (150 лет), автор высчитала ежегодную среднюю смертность жителей (8 человек). Далее она писала: "Принимая смертность равной 2 %, т.е. несколько более высокую, чем средняя для всего мира, мы получим общую цифру населения Белой Вежи в 400 человек, не считая той его части, которая продолжала хоронить своих покойников под небольшими курганными насыпями за пределами города... В Белой Веже в самую цветущую пору ее существования одновременно не могло быть больше 200 домов, а в среднем их число можно признать равным 80—100" (Артамонова, 1963, с. 104).

Не исключено, что подсчеты этого очень добросовестного ученого могут быть несколько занижены из некоторой осторожности, но в целом их можно взять за основу, хотя следует учитывать, что цифры дают нам только среднее возможное число. В разное время количество людей в городе менялось, и в период расцвета города и пополнения его новыми жителями число домов, вероятно, заметно возрастало. Кроме того, не изученный археологами северо-западный участок города, образовавшийся за пределами стены с культурным слоем, местами превышающим 1 м, стал, по-видимому, небольшим (около 10 тыс. кв.м.) городским посадом, защищенным со стороны степи проточным рвом и рекой.

Следует сказать, что количество пришельцев не было массовым. В городе с небольшой площадью допустить множество беженцев было практически невозможно, поэтому представляется очевидным, что в него приходили и обустраивались нужные городу люди, как для хозяйства, так и для ремесла, торговли и обороны.

Как во всяком средневековом городе, горожане активно занимались сельскохозяйственными работами, в том числе и разведением больших стад. В последних были очень заинтересованы кочевники — военный гарнизон города. В приложении 2 представлены подсчеты и проценты костей животных разных видов по глубинам. Данные таблиц свидетельствуют о том, что состав стада в основном был типично кочевническим (степным). При этом лошадь (конь) — основное средство связи в широко раскинувшихся просторах степи и, что важнее, главный помощник и участник в постоянных военных стычках гарнизона с половцами — занимала сравнительно скромное место. Быки и коровы были популярнее. Очевидно, быков использовали как рабочую силу в тяжелых перевозках и в пахоте. Ведущее место в стаде занимали овцы, необходимые в качестве основной мясной пищи, а также для производства одежды: обломки шарнирных ножниц, предназначенных для стрижки овец, — частая находка на хазарских памятниках, обломки их попадались и в беловежском слое. Козы, судя по частым находкам в аланских поминальных тризнах на могильниках в пограничье на Донце (Плетнёва, 1989) и Осколе, в Белой Веже, несмотря на живших там алан, встречались крайне редко. Их костей в 2—4 раза меньше, чем костей собак и кошек. Очень редко, почти как коз, использовали в хозяйстве свиней, очевидно, их трудно было держать в небольших загончиках города. Беловежцы явно предпочитали мясо дикого кабана, кости которого особенно в первом и отчасти втором слое встречались довольно часто. Последнее домашнее животное — верблюд не использовался в качестве пищи. Его единичные кости, видимо, иногда приносили в город собаки.

В степи и в небольших, но густых лесах и перелесках беловежцы активно занимались охотой, а по Дону и его ближайшим к городу притокам — рыбной ловлей и охотой на водоплавающих птиц. Их кости, несмотря на хрупкость, сохранились в слое в количестве, позволяющем говорить о большой популярности этих промысловых животных. Другие животные, на которых часто

охотились жители Белой Вежи, были сайга и олень. Кроме того, из-за великолепных шкурок велась охота на лис и бобров, однако костей от них в слое немного. Видимо, шкурки убитых зверьков обдирали, а трупы оставляли на месте охоты. То же происходило и с крупными животными — медведем, волками, лосем и туром. От многих из них брали кроме шкур необходимые для косторезного дела рога и клыки, большие кости. Мясо (без костей) доставляли в город для копчения, засолки и, возможно, высушивания. Следует отметить, что в Белой Веже в слое было обнаружено довольно много костяных наконечников стрел, в том числе тупых (томар) для охоты на белок, бобров и других мелких животных, чтобы не портить острой стрелой их шкурок (Флёрова, 2001, с. 47—49).

Беловежцы весьма продуктивно занимались земледельческим трудом, пользуясь для того времени совершенными орудиями: тяжелые лемехи и чересла предназначались для вспашки целины. Зерновые для посевов были достаточно разнообразны: пшеница трех сортов — твердая, мягкая, карликовая, просо, ячмень (приложение 4). К сожалению, в приложении дается характеристика только зерновым культурам, поэтому о широте возделываемых вокруг города культур мы знаем только по данным письма царя Иосифа, писавшего о богатствах Хазарии (Коковцов, 1932, с. 87, 103). Судя по тому, что на Дону до сих пор разводят дагестанские сорта винограда, которые разводились здесь, согласно Иосифу, 1000 лет назад и работали тогда на виноградниках прекрасно выкованными специальными виноградарными ножами (Плетнёва, 1995, рис. 47, *1*, *8*), эта культура, как и бахчевые, сохранилась в Белой Веже. Связь с Дагестаном подтверждается только находкой в беловежском слое косточки алычи, привезенной из Дагестана (на берегах Дона алычи не было). Исследователь привел данные только о зерновом составе посевных, но даже не упомянул нередкие находки в слое и в остатках жилищ: обгоревшие скопления конопли, а в одном из жилищ — разлитое конопляное масло по полу и рядом с очагом. Его остатки сохранились в деревянной чашечке, поставленной на крышку хозяйственной ямы. Интересно, что масло предназначалось для поджаривания большого судака, уже разделанного и аккуратно уложенного на приочажной доске, пропитанной маслом.

Выше в главах и в приложении 1 дана полная (насколько позволяла их сохранность) характеристика жилищ, поэтому останавливаться на этой теме в заключительной главе нет необходимости. Важно отметить, что жилые постройки, как правило, сопровождались весьма легкими сооружениями, в пожарах сгоравших дотла. До археологов дошли только глиняные развалы тандыров, дворовых печей, коптильня, куча янтаря и пр., т.е. домашние устройства и предметы, нуждавшиеся в покрытии от дождей, снега, ветра, а янтарь — и от воровства.

Таковы были условия жизни обитателей этого городка, в которой значительное, а нередко и ведущее место занимали женщины, в частности, помимо всех домашних и многих сельскохозяйственных работ они почти в каждом хозяйстве занимались изготовлением лепной посуды, т.е. практически занимались домашним производством. На мужчинах также лежали многочисленные хозяйственные труды и заботы, но, кроме того, большинство мужчин-беловежцев были специалистами в той или иной области ремесла. Из-за частых пожаров необходимы были строители, дававшие дельные советы и реальную помощь хозяевам, восстанавливавшим свои жилища. Строители обязаны были следить за целостью крепостных стен и необходимостью немедленного их ремонта, а также за состоянием проточности Большого рва, от которой зависела жизнь стоявшего на искусственном острове городка.

Несмотря на небольшие размеры города, в нем, очевидно, были развиты разные ремесла, обеспечивавшие своей продукцией не только горожан, но и степную округу, и, вероятно, многочисленных приезжих.

Выше не раз упоминался факт предельного разрушения почти всех жилых и производственных объектов, поэтому говорить о наличии в Белой Веже ремесел, опираясь только на дошедшие до нас и исследованные данные, затруднительно. Тем не менее можно уверенно констатировать, что в период расцвета Белой Вежи у северо-западной стены крепости находилась гончарная мастерская, от которой сохранились остатки довольно крупной гончарной печи. Конечно, не одна мастерская с одной печью работала в городе. О развитом гончарстве свидетельствуют так называемые тмутараканские кувшины, сделанные в Саркеле, во-первых, потому что они разительно отличались по составу глины от привозных кувшинов из Тмутаракани, Корчева и Херсона, во-вторых, из этой же глины изготовлялись и красноглиняные горшочки, не

встреченные ни в одном из перечисленных городов. Они, очевидно, были изделием местного производства. Не исключено, что большинство гончаров работали на территории "посада", опасаясь пожаров, часто возникавших в городе.

Рядом с гончарной мастерской у северо-западной стены была расположена кузнечно-плавильная мастерская. В ней было оборудовано два горна: большим горном пользовался кузнец, а малым — плавильщик, видимо, бронзовых вещей.

Вторая аналогичная мастерская находилась вне стен города, у стены разрушающейся Западной башни. Горн в ней был один и, по-видимому, был плавильным, о чем свидетельствует значительное количество бронзового лома, обнаруженного в развалинах этой постройки.

Есть основания считать, что в Белой Веже были и некоторые "комбинированные" ремесла, в которых один мастер занимался изготовлением нескольких предметов, необходимых при создании сложного, требующего профессиональных навыков и знаний. Таковы были лучники, обязанные знать несколько типов луков, учитывать тип дерева и степень его готовности к обработке, а также размеры и степень упругости роговых накладок, способы крепления тетивы и пр. Столь же сложными были ремесла седельников и сбруйников, мастеров, делающих колчаны, боевые стрелы, налучья. Впрочем, последние могли изготовляться и лучниками. Несомненно, специалист-оружейник вытачивал из кости или рога кистени, нередко снабжая их для утяжеления железной вставкой (Флёрова, 2001, рис. 18). Ряд трудоемких и красиво украшенных резным орнаментом предметов, очевидно, делался в ремесленных мастерских: двусторонние гребни, выточенные с большим искусством и тщательно отполированные накладки, изредка с изображением сложного явно мифологического сюжета (Флёрова, 2001, гл. 3), пышно орнаментированные псалии, рукояти ножей и плеток (камчей) и др. По мнению В. Е. Флёровой, именно в беловежский период в косторезном деле четко прослеживается переход от домашнего производства к специализированному ремеслу (с. 137).

Все эти факты существования ремесленных мастерских и косвенные данные, позволяющие предполагать их активное функционирование, подтверждаются еще одним немаловажным, хотя и очень плохо сохранившимся материалом. По-видимому, их сохранность была причиной странного игнорирования этого весьма

важного источника. В культурном слое городища, особенно беловежского времени, обнаружено более 50 обломков различных, в основном каменных литейных форм и некоторое количество льячек (нередко с остатками зеленого налета бронзы на дне и краях). В этой книге нет возможности дать анализ всего комплекса литейных форм — это заняло бы слишком много страниц, которые отвлекли бы читателя от основного направления работы: дать общую характеристику города, а не отдельные сюжеты о находках на городище.

Однако некоторые наиболее сохранившиеся формы и распространение их на раскопанных участках городища представить необходимо, хотя бы как факт, подтверждающий их распространение в городе, что, возможно, в будущем привлечет к ним внимание исследователей (рис. 79—81).

Отметим, что даже отобранные как наиболее удачные экземпляры по сохранности и изображениям на них в целом сильно поломаны и не всегда ясно, какой предмет мастер собирался отлить. Наиболее популярными в отливке были полусферы (от 3 до 9 на семи формах), а также конические пуговицы разного диаметра с очень простым геометрическим орнаментом или гладкие (без узора), небольшие, но тяжелые кольца, рыболовный крюк, какие-то бронзовые палочки и пластинки, три круглые плоские подвески: гладкая (рис. 80, *2*), с простым орнаментом из точек по периметру и кружочков с точкой в центре (рис. 79, *8*) и с четырехлепестковой фигурой, геометрически точно размещенной в круге (рис. 81, *4*). Интерес представляет квадратная, прекрасно отлитая и отшлифованная бронзовая формочка для отливки пяти разного диаметра полусфер. Назначение этой вещи как формочки для литья вызывало сомнения до находки аналогичной каменной формы для литья девяти полубубенчиков различного диаметра и формы (сферической и "шлемовидной"). На врезках всех трех рисунков даны схемы распространения помещенных на рисунках форм. Скопления форм могут быть случайными, но находки пяти форм в западном углу крепости обнаружены частично в слое, совпадающем с литейной мастерской, а две формы — в разрушенном жилом доме, расположенном поблизости. Попадались на этом участке формы и в более раннем слое (может быть, начала XI века).

Вызывает некоторое недоумение странное отсутствие в слое хорошо сохранившихся форм с четко врезанным сложным орна-

ментом. Все дошедшие до нас формы и обломки свидетельствуют как-будто о неразвитости литейного дела, тесно связанного с ювелирным производством. Поскольку тезис о неразвитости этого нужного и выгодного производства вряд ли можно считать реальным, видимо, следует предложить другое более здравое объяснение: целые литейные формы были унесены с собой на Русь литейщиками, сумевшими скрыться или откупиться от половцев, взявших в 1117 году Белую Вежу. Все, что осталось в мастерских убитых владельцев (в том числе и ценные литейные формы), взяли себе половецкие литейщики. Конечно, это тоже только гипотеза, но она хотя бы не противоречит общему состоянию высокого развития ремесленных ремесел в городе в XI веке.

Однако не только ремеслами и умело поставленным хозяйством богатели беловежцы. Функции перевалочного укрепленного пункта, стоявшего на пересечении торговых путей (рис. 87), сбор пошлин с останавливавшихся и проезжавших (проплывавших по Дону) купеческих караванов приносили большие доходы. В городе образовалась, вероятно, целая корпорация сборщиков налогов.

Торговые караваны шли по давно проторенным путям из стран Закавказья и Передней Азии в основном во все древнерусские крупные княжеские города.

Белая Вежа фактически только пропускала их через себя, но сама она нуждалась в связях с уже "умирающим" Итилем и, главное, конечно, с Приазовьем, Крымом и через них — с Византией.

Следует сказать, что все торговые связи Белой Вежи с этими землями сохранились со времен Саркела. О дорогах, которые скрещивались в Саркеле, игравшем важную экономическую роль в жизни каганата, я писала в книге, посвященной Саркелу (Плетнёва, 1996б, гл. 5). Это были как бы ответвления "великого шелкового пути", как правило, сухопутные. В беловежский период начали осваиваться, а затем стали играть значительную роль речные дороги (рис. 87). Вниз по Дону и далее по Азовскому морю шли ладьи к Тмутаракани и Корчеву, считавшимися тогда русскими владениями. Из Белой Вежи везли в приморские торговые города пушнину, хлеб, возможно, мелкий рогатый скот и свиней (животных, которых трудно быстро перегнать на расстояние свыше 500 км). Из торговых городов шло в Белую Вежу и во всю прилегающую к ней степь разнообразное, необходимое для жизни оборудование. Из Корчева в Саркел поступало большое количество прекрасно обработанных криц и руды. К сожалению,

в слое Белой Вежи удалось обнаружить и подвергнуть анализу только два куска шлака. Железо в нем с примесью десятых долей процента фосфора, кремния, мышьяка и марганца характерно именно для керченской руды (Бирюков, 1959, с. 210). Несмотря на единичность находки, можно уверенно говорить о доставке полуфабрикатов и руды из Корчева.

В не меньшем количестве привозили в Белую Вежу нефть из Тмутаракани. О существовании нефтяных источников писал еще в X веке Константин Багрянородный: "...вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть" (изд. 1989, с. 273). Выше мы отмечали, что абсолютно подавляющее количество обломков тмутараканских кувшинов и целые кувшины (рис. 74) изнутри покрыты черным, иногда довольно густым налетом нефти. Совершенно очевидно, что вся нефть разливалась по этим кувшинам и перевозилась в них. Амфоры привлекались для этой цели в исключительных случаях — обломки их встречаются очень редко даже в самой Тмутаракани, а в Белой Веже они единичны. Подсчеты количества амфор, приведенные в предыдущей главе, исходили только из материалов, привезенных из экспедиции в Гос. Эрмитаж. Это примерно четвертая часть всего кувшинно-амфорного лома, извлеченного из слоя Саркела-Белой Вежи. Целые холмы его оставлены на дне "моря". С учетом нередких грабительских походов и перепродажи амфор в степь можно уверенно говорить о том, что это была значительная часть весьма ценного импорта.

Помимо этого сугубо производственного и хозяйственного ввоза, в Белую Вежу в основном из тех же городов привозили довольно много дорогих, прекрасно выполненных в мастерских больших городов предметов быта и украшений. Наряду с великолепными художественно расписанными стеклянными браслетами, сделанными в Херсоне, а в XI веке и в Тмутаракани (Щапова, 1963, с. 118—119), а также бусами, привозимыми караванами из стран Ближнего Востока и, возможно, из самой Византии, Белая Вежа и ее округа получали изделия из бронзы, серебра и золота. Именно эти предметы привлекали грабителей, и ни в Саркеле, ни в Белой Веже, переживших два тотальных разгрома, естественно, драгоценные изделия не могли сохраниться в сожженных домах. Только случайно потерянные в огне, дыму и резне предметы дошли до археологов. Таков знаменитый саркельский клад с драгоценным воинским поясом, который многократно

упоминался или издавался археологами (Артамонов, 1958, рис. 34 *а, б*, рис. 35; 1962, с. 428; Макарова, Плетнёва, 1983). Столь же ценным можно считать и великолепный, резной из слоновой кости гребень с изображением на одной стороне срединной пластинки павлина, обрамленного листьями с двух сторон, собаки и зайца у его ног. На другой стороне дана более сложная сцена: справа юноша, разрывающий пасть льву, слева юноша с поднятым мечом и круглым щитом. Гребень издан и предельно тщательно интерпретирован (с приведением ряда аналогий). Это произведение искусства сделано византийским мастером (Банк, 1959).

Византийские изделия редко доходили до далекой Белой Вежи, а те, которыми пользовались беловежцы, очевидно, попали в руки захватчиков города. Отлично сделанные литые бронзовые предметы нередко, вероятно, уже сломанные и вышедшие из употребления, не привлекали внимания грабителей и сохранились в слое. Все эти произведения провинциального византийского ремесла (вероятнее всего, херсонского). Некоторые вещи отличаются тонкостью и четкостью орнаментики (рис. 85, *1*, *2*), простотой и гармонией рисунка (рис. 85, *3*). Несмотря на сложность отливки, неорнаментированные тонкостенные сосуды сделаны безупречно, поверхность их так тщательно проработана (отшлифована), что почти не задета патиной (рис. 85, *4—6*).

Таковы были в соответствии с археологическими данными торговые связи Белой Вежи в западном направлении.

Юго-восточное направление почти перестало функционировать. В беловежском слое почти не попадаются обломки вещей, которые можно было бы считать изделиями именно среднеазиатских мастеров. Зато, вероятно, укрепились связи с Закавказскими странами. Обломки прекрасных изделий ремесленников этих государств изредка попадались в поздних слоях Белой Вежи.

Это, во-первых, барельефный фаянсовый обломок руки, "играющей" на струнном инструменте, и, во-вторых, три отломанные ручки от бронзовых сосудов. Сохранность их великолепная, поверхность отшлифована и сохранилась без патины. Одна из ручек изображала какое-то животное, другая украшена несложным, но гармоничным орнаментом, третья — декоративная изогнутая "палочка" с утолщением на конце. Аналогии этим ручкам найти не удалось, но по стилю все эти предметы представляются остатками передневосточных или закавказских изделий (рис. 86, *1—4*).

Сложнее решить вопрос о происхождении четырех обломков од-

ного или двух сосудов, обнаруженных в беловежском слое. Они отличаются прекрасно промешанной без каких-либо видимых примесей глиной, ярко-красным обжигом и ровным лощением. Самый крупный обломок представлен круглой в разрезе массивной ручкой, очевидно, от большого декоративного (столового) котла. Между двумя концами ручки сохранился кусок стенки (склеен). На ней видны остатки двух двойных прочерченных по сырой поверхности параллельных полос. Между ними в центре, т.е. между концами ручки, помещен прочерченный рисунок дерева — ствола с косо отходящими от него вверх ветвями. С двух сторон дерева в том же ограниченном линиями пространстве помещены два круглых налепа, явно изображавшие сосцы. Всё вместе было, по-видимому, символическое изображение жизненных сил, дающихся нам природой (рис. 86, *8*).

Совсем иной смысл имеют изображения на остальных трех обломках — сцены борьбы за жизнь. На большом обломке сцена весьма выразительна: разделенные "древом жизни", аналогичным древу на предыдущем обломке, два хищника (волки). Полностью на обломке сохранилась левая фигура — волк изображен слегка присевшим на лапы (в позе перед прыжком), с поднятыми хвостом и гривой, оскаленной мордой. От второго волка остались только оскаленная пасть и часть когтистой лапы. Под мордами обоих помещены кружки, возможно, как и налепы на первом обломке, означавшие символ жизни. Вдоль древа небрежно прочерчены извилистые линии. Над серединой спины волка изображено еще одно древо. Фон в целом и тело волка (шерсть?) заполнены насечками разной конфигурации: завитками, полукружиями, просто насечками острой палочкой (рис. 86, *5*).

Второй обломок с аналогичной сценой в три раза меньше первого, поэтому на нем сохранилась только центральная часть рисунка: древо, обрамленное с одной стороны линией насечек, с другой — извилистой короткой линией. По обеим сторонам древа были изображены, видимо, аналогичные звери. От них остались только концы когтистых передних лап и у левого зверя — часть нижней челюсти явно раскрытой пасти. Под мордами обоих помещены, как и в первой сцене, кружки. Тела животных и фон также были покрыты насечками острой палочкой (рис. 86, *6*).

На третьем совсем небольшом куске сохранились только древо и справа от него извилистая линия. Вероятно, и здесь была прочерчена та же сцена начала боя, но обломок сильно стерт и

попорчен, на нем различима только линия правой лапы с когтем. Что означает эта неполно сохранившаяся сцена начинающегося боя, расшифровать вряд ли возможно (рис. 86, *7*).

Интерес представляет близкий к этим рисункам и технике исполнения небольшой "ритончик", обнаруженный в слое Корчева (Плетнёва, 1987, с. 258—262). При его публикации я попыталась объяснить сложное, явно символическое значение изображения (рис. 86, *9*). Трижды прочерченное на нем древо аналогично древам на беловежских обломках. Над древом в центральной части ритона помещен круглый налеп, по-видимому, символизировавший солнце. По обеим сторонам эта композиция обрамлена линиями наколов острой палочкой. Ритон найден в заполнении разрушенного дома XI—XII веков, что дает дополнительное основание датировать беловежские обломки и слой, в котором они были обнаружены, последними десятилетиями жизни города.

Следует отметить, что характерное изображение древа с поднятыми вверх ветвями было распространено в керамических мастерских Ближнего Востока и Закавказья. Беловежские мастера не освоили изготовление таких совершенных по техническим данным сосудов. Что касается орнаментации, то, возможно, красноглиняные лощеные обломки остались от разбитого кюпа или парадного (столового) котла. Такие сосуды украшались богатым штампованным выпуклым орнаментом сплошь или опоясывающей широкой лентой (Ахмедов, 1959, с. 188, табл. I; 2003, с. 379; Калантарян, 2003, с. 330). На сосуде, привезенном в Белую Вежу, орнамент, как говорилось, прорисован и прочерчен по необожженной поверхности. Это заметно отличает сосуды от закавказской посуды и сближает их с маленьким корчевским ритоном, орнамент на котором тоже сделан до обжига изделия. Не удалось найти аналогии ни этой технике, ни сюжету борьбы двух хищников. Однако общих черт беловежской и корчевской находок с ближневосточной и закавказской керамикой достаточно, чтобы говорить об активных связях Белой Вежи именно с этими странами с высокоразвитой древней культурой. Связи эти осуществлялись караванными путями через горные проходы, а также по Дону и Азову вплоть до Херсона и Византии.

Подведем некоторые итоги.

Вопросы этнических взаимоотношений в городе, заселявшемся разными этносами, и начала процесса сложения единого городского

этноса "беловежцев" представляются вполне освещенными благодаря анализу археологических и антропологических материалов.

С меньшей степенью уверенности удалось на вещевом материале проследить развитие экономики: рост ремесел и внутренней торговли и, что особенно важно, внешние торговые связи и направление их к западным приморским торговым центрам — Тмутаракани, Корчеву и Херсону.

Значительно труднее и сложнее наметить, пользуясь археологическими источниками, административные и политические отношения степного города с Приазовьем, Таманью и Восточным Крымом. Эта территория начиная с первой половины XIX века и до настоящего времени рядом историков, краеведов и просто дилетантов считается Приазовской Русью и одной из вотчин русских князей (Гадло, 2002, с. 14—39). По данным русской летописи, именно на этих землях находилось Тмутараканское княжество с центром в Тмутаракани (согласно летописи — Тмуторокани). Богатые торговые города и земли вокруг них с железной рудой и нефтью, с виноградниками и садами привлекали многих князей к этой далекой от основных русских земель вотчине. Интриги, подкупы, убийства и предательства подробно описаны летописцем и во многих книгах и статьях пересказываются и интерпретируются современными авторами.

Однако у археологов нет данных говорить о проживании русского населения в этом княжестве. Ни в культурном слое Таманского (Тмутараканского) городища, ни на поселениях Таманского полуострова, отнесенных Я. М. Паромовым к X—XI векам (Паромов, 2003, с. 168—170), не было ни одной вещи, ни одного обломка керамики, которые можно было бы уверенно связать с Русью. Пожалуй, единственным свидетельством пребывания русских в Тмутаракани является знаменитая надпись, сделанная на античной мраморной плите, обнаруженная и опубликованная А. И. Мусиным-Пушкиным в 90-х годах XVIII века. Надпись гласила: "В лето 1068 индикта 6 Глебъ князь мерилъ по лёду от Тмутороканя до Кърчева 14000 саженъ". Это было замечательное открытие — локализация часто упоминаемой летописцем Тмутаракани была доказана. Тем не менее появились сомнения в подлинности надписи и возникла громадная литература, посвященная спору об этом камне и надписи на нем. Дискуссия после выхода небольшой книги А. А. Медынцевой (1979) фактически затихла, тем более что раскопки на Таманском городище позволи-

ли выявить три основных слоя на нем: один — X—XI веков (тмутараканский период), другой — VII—начала X века (хазарский период Таматархи) и третий — античной Гермонассы. Следует отметить, что присутствие воинов-дружинников, сопровождавших князей и, вероятно, частично исполнявших обязанности таможенников и сборщиков налогов с населения города, исходя из данных летописи, представляется очевидным. Но существенно, что славянского населения, активно занимавшегося строительством, ремеслами, хозяйственной деятельностью, в городе не было.

История с локализацией Тмутаракани очень напоминает дискуссию о Белой Веже, тоже длившуюся многие годы и затихшую только после больших работ на Левобережном Цимлянском городище и выхода в свет капитального труда М. И. Артамонова о хазарах (1962).

Как мы знаем, часть населения Белой Вежи была славянской, позднее в него влились и выходцы из центральных русских областей. Несмотря на очевидное преобладание в этом городе жителей бывшего Саркела и, возможно, частично его округи, общая культура города была уже не саркельской, а беловежской — в значительной степени "руссифицированной". Характерно, что даже гончарство, наиболее стойкое и консервативное ремесло, уступило место русским мастерским, а языческие ритуалы — христианству.

Поскольку размеры Тмутараканского княжества точно неизвестны, т.е. территорию, которую оно занимало, трудно очертить на карте, нередко в отдельных статьях возникает идея считать Белую Вежу крайним восточным городом этой весьма неопределенной вотчины. Данная гипотеза пока не подтверждена. Нет никаких сведений о политических или административных связях Белой Вежи не только с ближайшим к ней Тмутараканским княжеством, но и с самой Русью, фактически являвшуюся сюзереном завоеванного Святославом города. Русские князья не могли даже реально помочь городу в случае нападения на него: расстояние от Белой Вежи до Киева по прямой равнялось 1000 км, до Чернигова — 800 км. Вполне возможно, что какое-то время завоеванный, разрушенный, но восстанавливавшийся город платил регулярную подать киевским великим князьям или черниговскому княжеству. Через Белую Вежу, как говорилось, шли караваны из стран Ближнего Востока, пересекая донские и днепровские

степи, вероятно, с согласия и даже под некоторой охраной печенегов и гузов, кочевавших там. Их отдельные аилы и курени перешли на постоянную службу в Белую Вежу, став основным гарнизоном (боевым щитом) города. Они легко договаривались со своими степными родственниками, которые по договоренной оплате всегда были готовы к защите не только караванов, но и самого города. По-видимому, Белая Вежа стала самостоятельным административным степным городом. Будучи достаточно богатой, она платила, во-первых, своему вассальному гарнизону, служившему за предоставленные земельные угодья и владение одним из наиболее удобных участков в самом городе, во-вторых, степным кочевникам за ненападение и охрану уходивших из города караванов, в-третьих, вероятно, традиционную дань Руси. Последнее, безусловно, только предположение. Об этом городе как бы забыли: весь XI век он не был упомянут ни разу.

Относительно спокойная жизнь города кончилась с новым нашествием кочевников — кипчаков или, как их называли на Руси и в летописных записях, половцев (Плетнёва, 1990а, гл. 2 и 3). Их первые военизированные отряды появились в донских степях примерно в середине XI века. Несмотря на вырытый к тому времени Большой ров, налеты половцев на город нередко бывали успешными: пожары и грабежи постепенно ослабляли оборону и безопасность караванных дорог. Тем не менее город продолжал существовать и даже частично разрастаться. Половцы были заинтересованы в его производственной деятельности. Из кузнечных мастерских они получали хорошее оружие и конскую сбрую, мастера-лучники изготовляли им луки, а литейщики и ювелиры — украшения из бронзы и драгоценных металлов. Но город стал менее торговым, даже по Дону добраться до него из морских торговых портов стало весьма затруднительно. Характерно, что к концу XI века очень заметно уменьшился импорт кувшинов с нефтью из Тмутаракани, а также наметилась тенденция уменьшения амфорной тары.

Половцы стали в степи полными хозяевами, но, воздерживаясь от разорения необходимого им производственного города, они постоянно нападали на пограничные со степью русские владения. Особенно тяжело было самому близкому — Переяславскому княжеству: грабежи, угон скота и людей, которых продавали в рабство в портовых городах Тамани и Крыма, превратились для них в привычное и выгодное мероприятие. Князь Владимир Всеволо-

дович Мономах в 1111 году на съезде в Долобске смог поднять нескольких князей с дружинами в поход на наиболее враждебную и энергичную орду, зимовавшую на берегах среднего Донца. Половцы были разбиты наголову и, бросивши зимовья, бежали в глубь степи к Дону и в Приазовье. В 1116 году Владимир вновь организовал поход на Донец, где оставалась какая-то группа половцев, видимо, обосновавшихся в бывших хазарских пограничных укреплениях: Сугров, Шарукан и Балин. Два первых принадлежали конкретным ханам, не раз упомянутым в летописных записях. Русские дружины взяли все три города. Нам в дальнейшем будет интересен факт очевидного наличия в этих городах "ясского" (аланского) населения. В первом походе из Шарукана навстречу русским полкам вышли аланы-христиане с приветствием и угощением (рыбой и вином, поскольку был еще великий пост). Сугров не сдался и был сожжен (ПВЛ, 1950, с. 191). Во втором походе сын Владимира Ярополк взял в плен и женился на красавице-аланке — дочери аланского князя (ПВЛ, 1950, с. 201), управлявшего, видимо, городком, в котором жил, но при этом вынужден был подчиняться или платить дань главе (хану или беку) половецкой орды.

Двинувшаяся на юг донецкая орда, естественно, на Дону в том же году столкнулась прежде всего с союзниками и вассалами Белой Вежи, кочевавшими в широкой беловежской округе. В записи 1116 года летописец записал: "бишася с половци и с торкы (гузами. — *С. П.*) и печенегы у Дона, и секошеся два дьни и две нощи, и придоша в Русь ко Володимеру торци и печенегы" (ПВЛ, 1950, ч. 1, с. 201). Белая Вежа осталась без необходимой защиты. Видимо, ее без особых усилий в 1117 году взяли половцы и учинили тотальный грабеж, разгром и пожар в городе. Все, кто сопротивлялся, были порублены, а оставшиеся в живых "с миром", т.е. отдав немалый выкуп, были отпущены на волю, и большинство тогда же "придоша Беловежьцы в Русь" (ПВЛ, 1950, с. 202). Так кончился 250-летний период жизни этого города.

Однако он не остался лежать в развалинах. Пепелище снова начало застраиваться так же, как после побоища 965 года. Застройка весьма заметно отличалась от прежней. В ней преобладали здания, сложенные из отлично сделанных сырцовых кирпичей на глиняном растворе. Большинство построек, особенно в цитадели, представляло собой крупные одно- или двухкомнатные

помещения. За пределами северо-западной стены постройки ставились небольшие, но сложенные столь же тщательно и умело. Такие новшества свидетельствуют о смене населения, занявшего этот холм со стоявшими еще мощными крепостными стенами. Сырцовое строительство хорошо было известно в Хазарии, но в период Белой Вежи его не использовали. Очевидно, навыки сложения сырцовых стен принесли с собой половцы, заимствовав его еще в кипчакское время у своих непосредственных соседей в Средней Азии.

Факт превращения города в половецкое зимовище считался бы совершенно доказанным, если бы в нем наряду с сырцовыми домами не ставились обычные для Белой Вежи (и Саркела) турлучные постройки со стенами из плетня или, возможно, досок, обмазанных с двух сторон глиной. Сохранились они, как и сырцовые здания, плохо из-за близости к современной поверхности, но присутствие их в цитадели, рядом с сырцовыми постройками, очевидно. То же можно сказать и об участке вдоль северо-западной стены. Интересно, что кузнечно-плавильная мастерская беловежского периода была "отремонтирована" и продолжала функционировать при половцах. На дворе бывшего "караван-сарая" наряду с расплывшимися пятнами сырцовых сооружений была почти в центре выстроена большая полуземлянка, вырубленная в слое до материка. Она сделана очень тщательно, особенно прекрасно сохранившаяся характерная древнерусская печь.

Таким образом, начался новый подъем города. Совершенно очевидно, что он был также многоэтничен. В том виде, который открыт археологами, сравнивать его можно с теми тремя "городами", которые были взяты русскими полками на Донце. Там, как и здесь, какая-то часть населения после прихода на Донец половцев не ушла из города и в одном из них имела даже своего правителя — князя. Не исключено, что и половецким зимовищем на Дону управлял один из прежних правителей Белой Вежи, живший, вероятно, в полуземлянке. Несмотря на "русскую" печь, сложенную все из тех же саркельских кирпичей, хозяином этого дома был саркелец (хазарин или болгарин). Русские ушли на Русь. На Дону остались бывшие строители и владельцы Саркела. Тюркоязычные половцы приняли прежнее название города, назвав так свое зимовище. Судя по материалу, в частности по находкам амфор XII века, новый Саркел начал

налаживать связи с Приазовьем (торговыми городами). Но этот подъем длился недолго. По неясным причинам жизнь в старой крепости прекратилась в первой половине XII века. Далее продолжалось постепенное растаскивание ее стен, хотя в конце XIV века их видел плывущий по Дону в Царьград митрополит Пимен, подчеркнув в своем отчете о путешествии, что это "не град же убо, но точию городище" (Кудряшов, 1948, приложение второе, с. 158). Жизни там не было, хотя имя развалин знали в степи, и Пимен, очевидно, со слов толмача назвал его "Серклия".

ИЛЛЮСТРАЦИИ

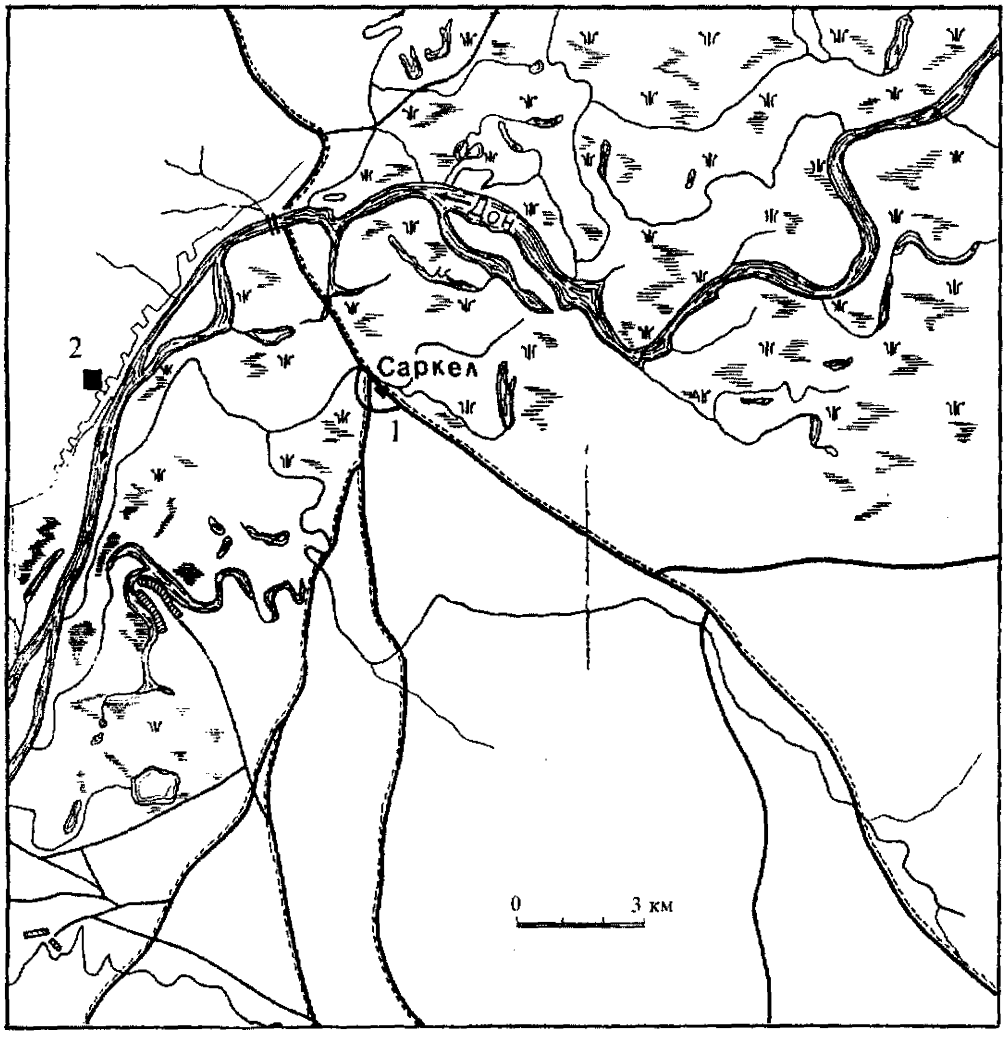


Рис. 1. Саркел в пойме Дона на берегу ерика Рубежного (*1*); Правобережное Цимлянское городище (2)

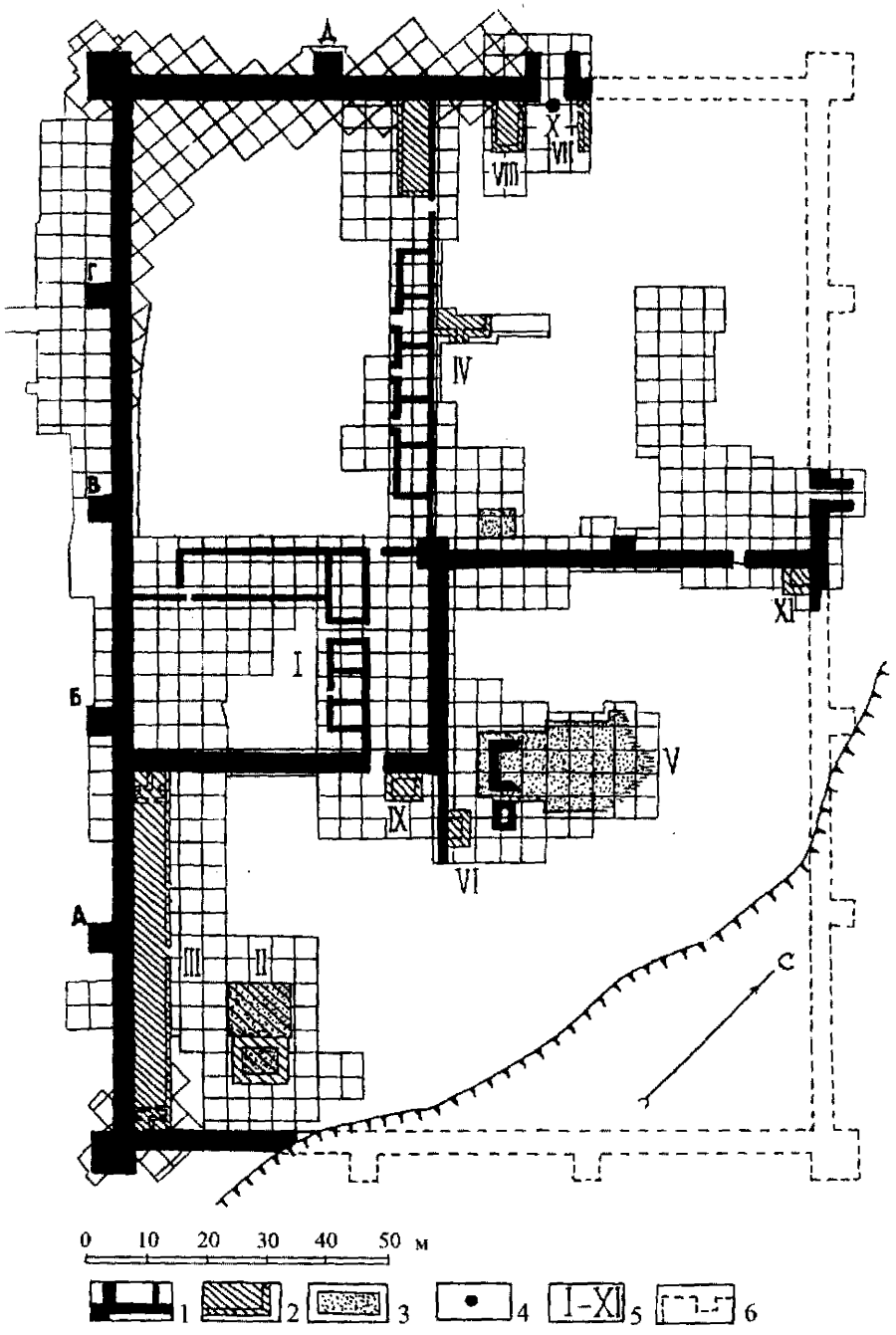


Рис. 2. План крепости Саркел с нанесенной на него сеткой раскопов 1949—1951 годов. *Условные знаки: 1* — остатки и следы кирпичных стен, поставленных под руководством византийских архитекторов; *2* — остатки построек второго периода (застройка крепости местными мастерами); *3* — кирпичные вымостки на известковом растворе; *4* — колодец у Главных ворот; *5* — римскими цифрами обозначены основные объекты крепости, раскрытые раскопками; *6* — нераскопанные стены крепости (Раппопорт, 1959, рис. 11)

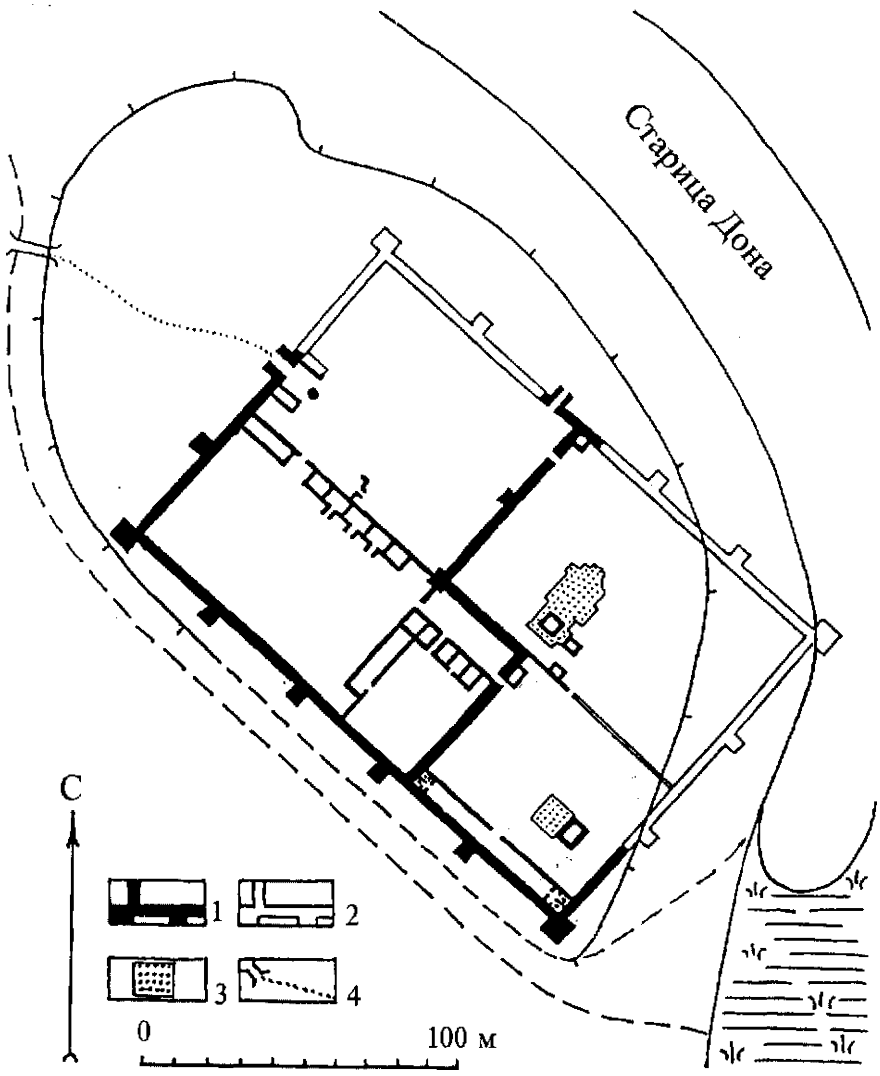


Рис. 3. Крепость Саркел, расположенная на искусственном острове. *Условные знаки: 1* — остатки кирпичных стен; *2* — нераскопанные части стен; *3* — кирпичные вымостки на извести; *4* — предполагаемое местонахождение мостика через ров и дороги от него к Главным воротам (Плетнёва, 1996, рис. 1, с. 5)

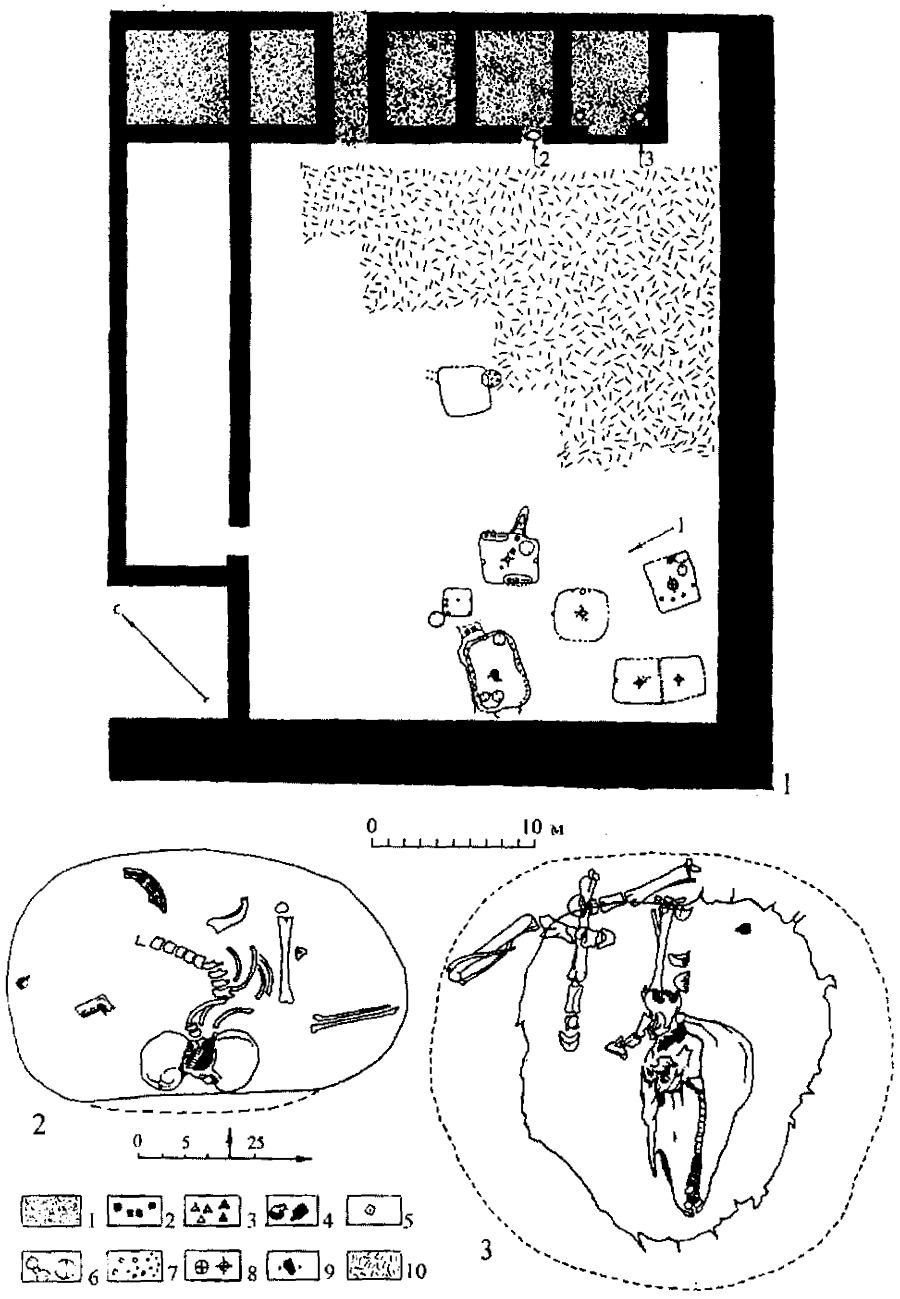


Рис. 4. План "караван-сарая": *1* — курень саркельских гончаров и кузнецов; *2* — закладная жертва в помещении 5; *3* — закладная жертва в помещении 6. *Условные знаки: 1* — известковая заливка полов; *2* — кирпичи; *3* — обломки кирпичей и камней; *4* — бронзовый бубенчик и железное ботало; *5* — основание гончарного круга; *6* — производственные ямы с крицами, шлаками и пр.; *7* — ямки от столбов и жердей; *8* — очаги; *9* — остатки кузнечного горна; *10* — нераскопанная часть двора

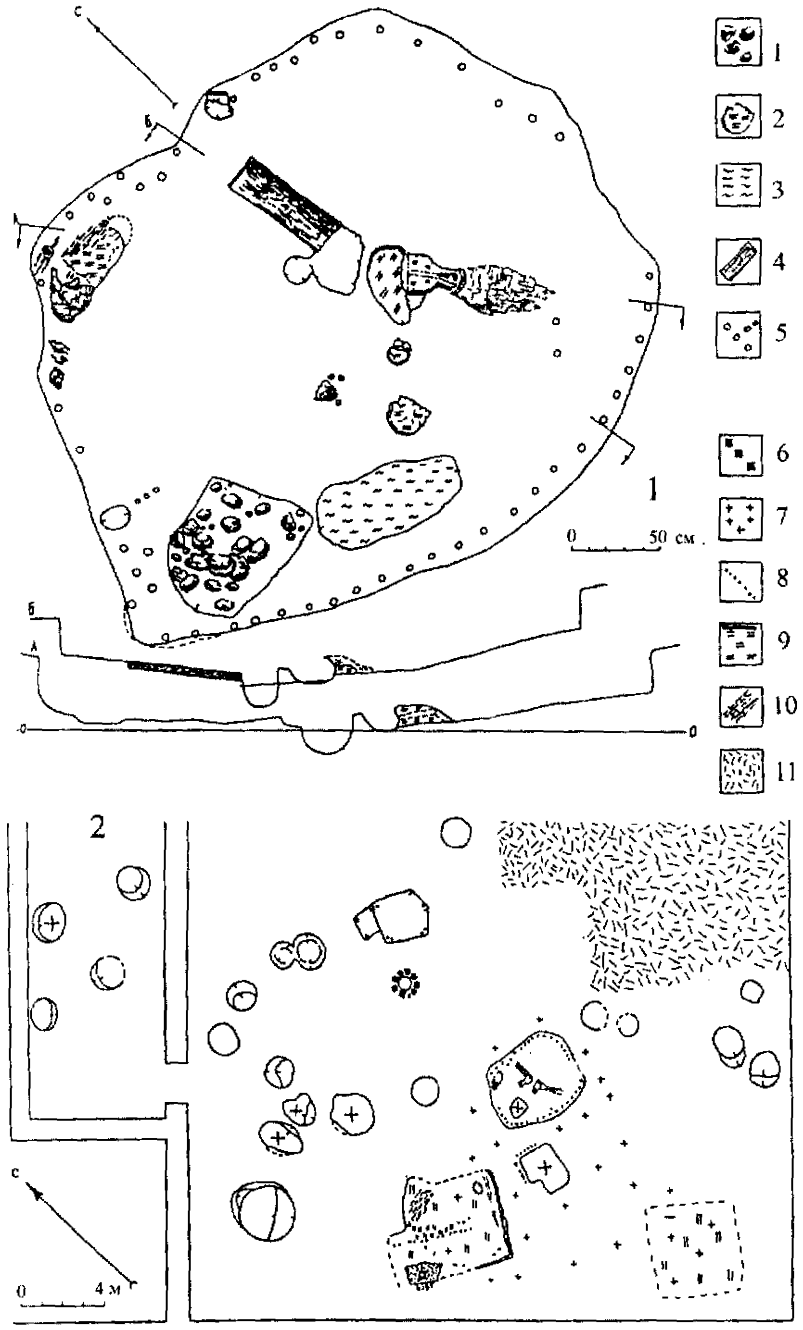


Рис. 5. Кузница второго периода жизни Саркела (*1*) и юго-западная часть двора разрушенного "караван-сарая" во второй период (*2*). *Условные знаки: 1* — крицы; *2* — часть разбитой глиняной крышки горна; *3* — зола; *4* — доска под наковальней; *5* — ямки от жердей; *6* — кирпичи; *7* — крицы и шлаки; *8* — ямки от жердей; *9* — обожженная глина; *10* — сгоревшая часть стены; *11* — нераскопанная часть двора

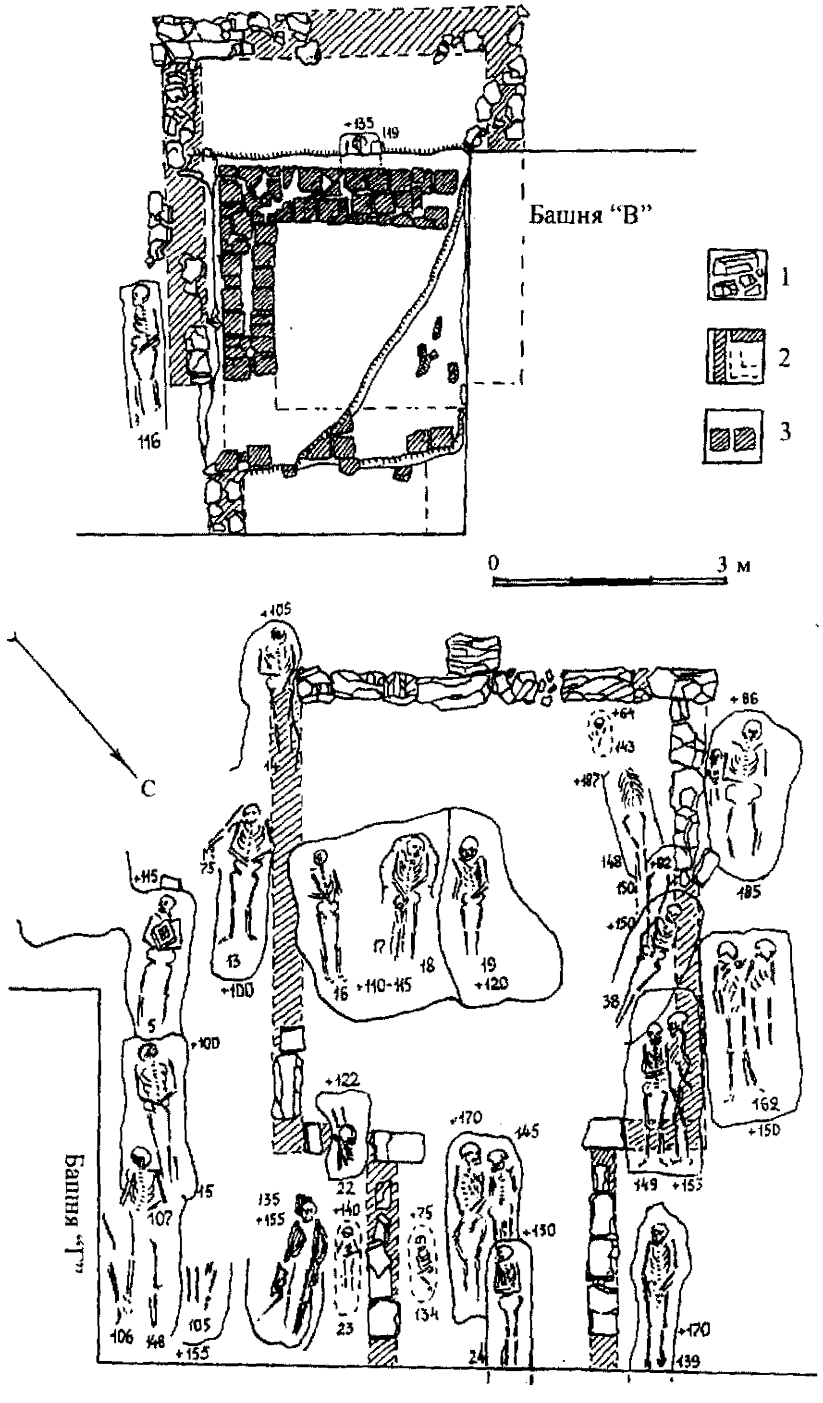


Рис. 6. Мергелевые цоколи башенных построек у юго-западной стены (около башен "В" и "Г"). *Условные знаки: 1* — мергелевые блоки и их обломки; *2* — предполагаемое направление разрушенных цоколей; *3* — кирпичи

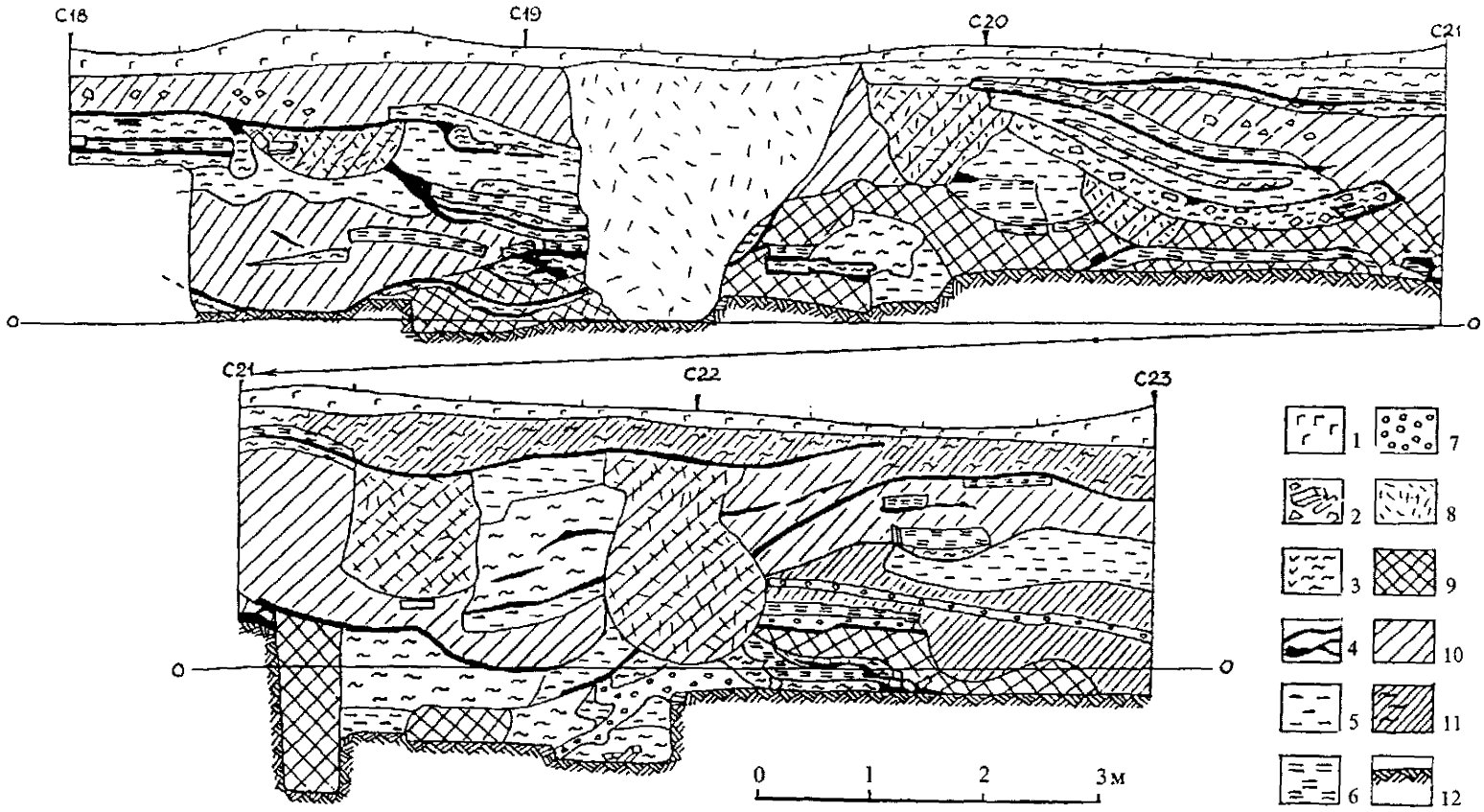


Рис. 7. Профиль по линии С в цитадели. *Условные знаки: 1* — дерн; *2* — кирпичи; *3* — угли и зола; *4* — сгоревшее дерево; *5* — глина; *6* — обожженная глина; 7 — известь; *8* — мусор; *9* — слой Саркела; *10, 11* — слой Белой Вежи; *12* — материк

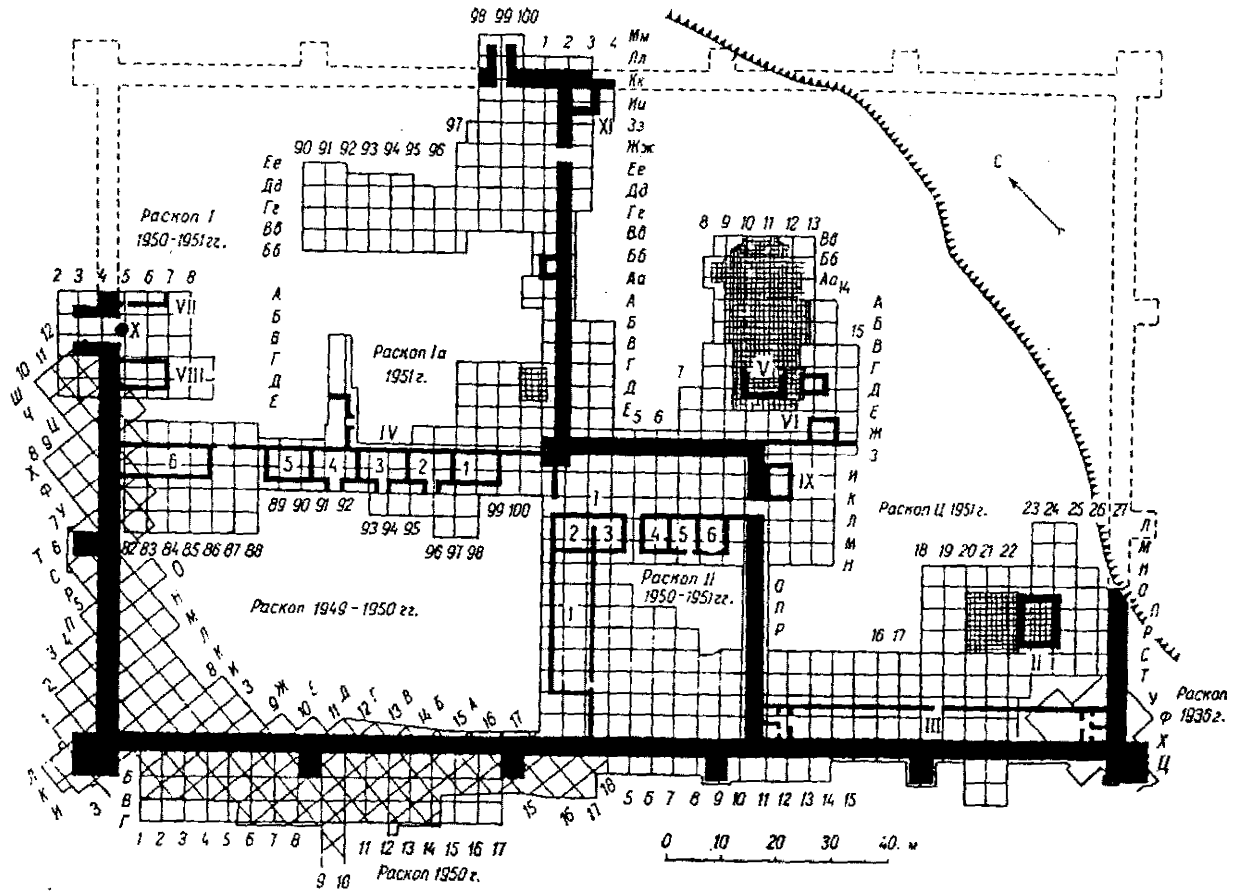


Рис. 8. Саркел-Белая Вежа. План крепости со схемой разбивки раскопанных участков на квадраты. Римскими цифрами обозначены основные здания внутри крепости, арабскими — комнаты в зданиях I и IV

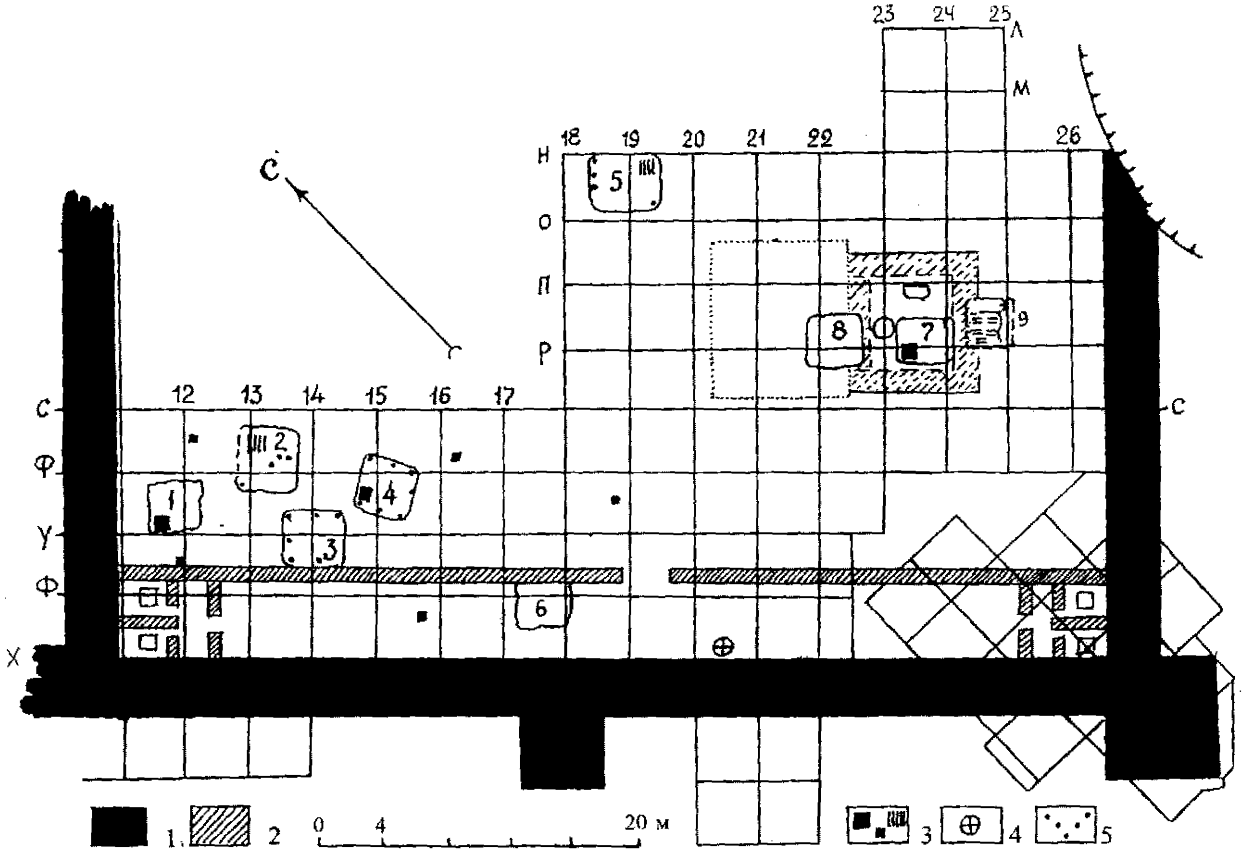


Рис. 9. Схематический план застройки цитадели в первый период (после 965 года). *Условные знаки: 1* — сохранившиеся стены крепости; *2* — полуразрушенные кирпичные здания; *3* — печи, остатки печей, очаги; *4* — круглая печь для обжига ритуальных хлебцев-амулетов; *5* — ямки от столбов

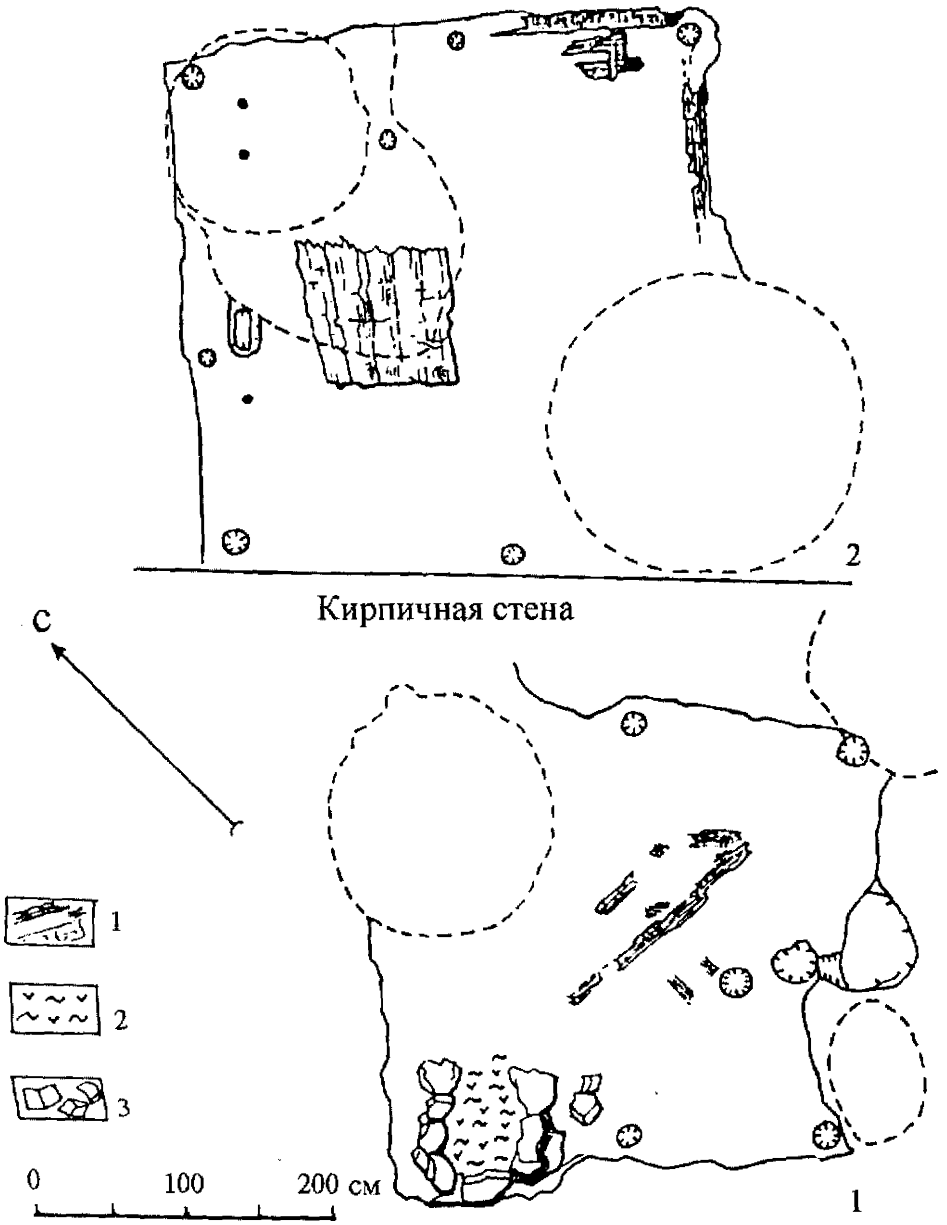


Рис. 10. Планы боршевских полуземлянок: *1* — котлован жилища № 1; *2* — котлован жилища № 3. *Условные знаки:* 1 — обожженные и истлевшие жерди и плахи; *2* — зола; *3* — камни

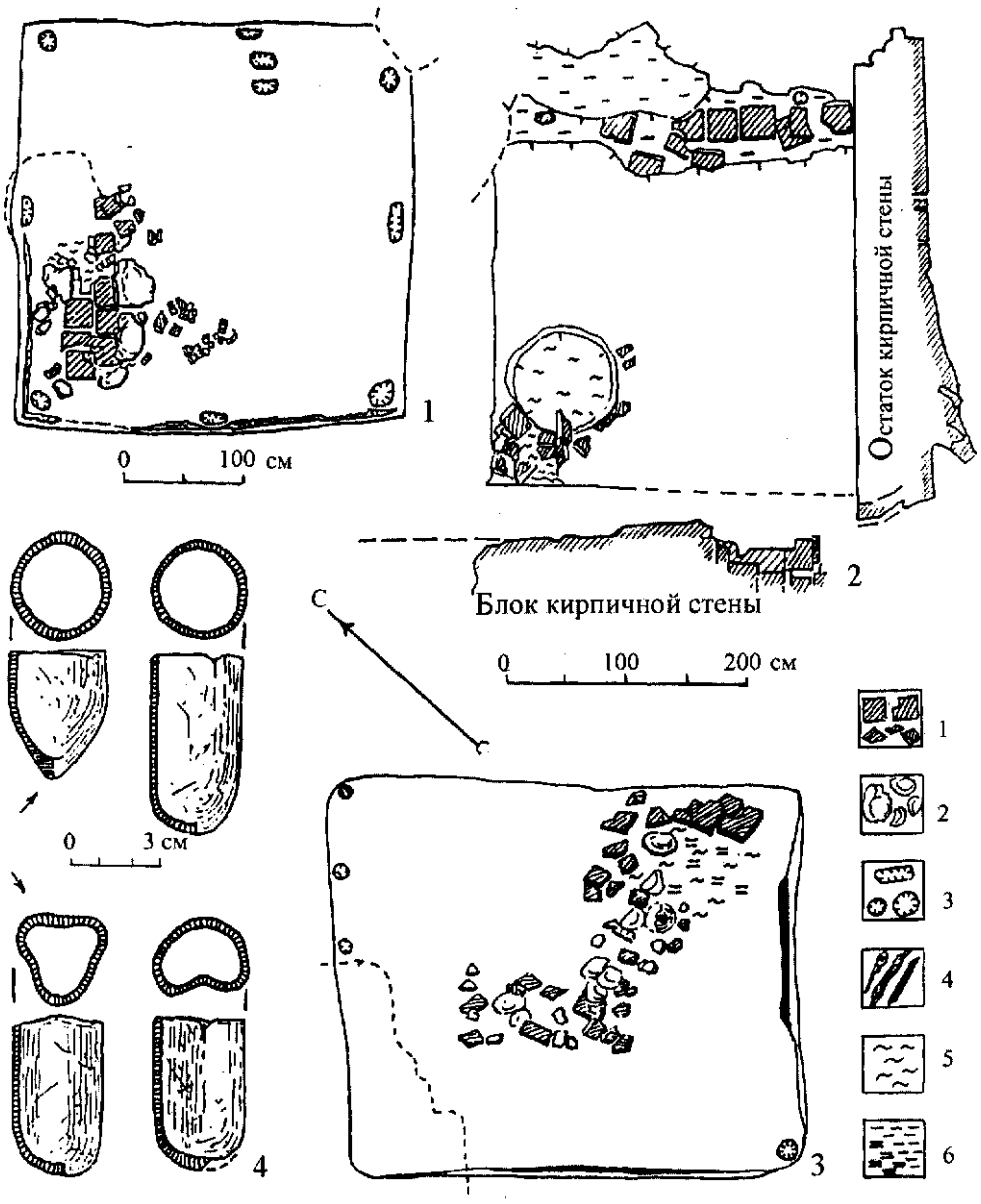


Рис. 11. Планы боршевских полуземлянок: *1* — котлован жилища № 4; *2* — котлован жилища № 7; *3* — котлован жилища № 5; *4* — тигли из разрушенной литейной мастерской. *Условные знаки: 1* — кирпичи и обломки; *2* — камни; *3* — ямки от столбов; *4* — остатки сгоревших стен (досок); *5* — зола; *6* — глина и обожженная глина

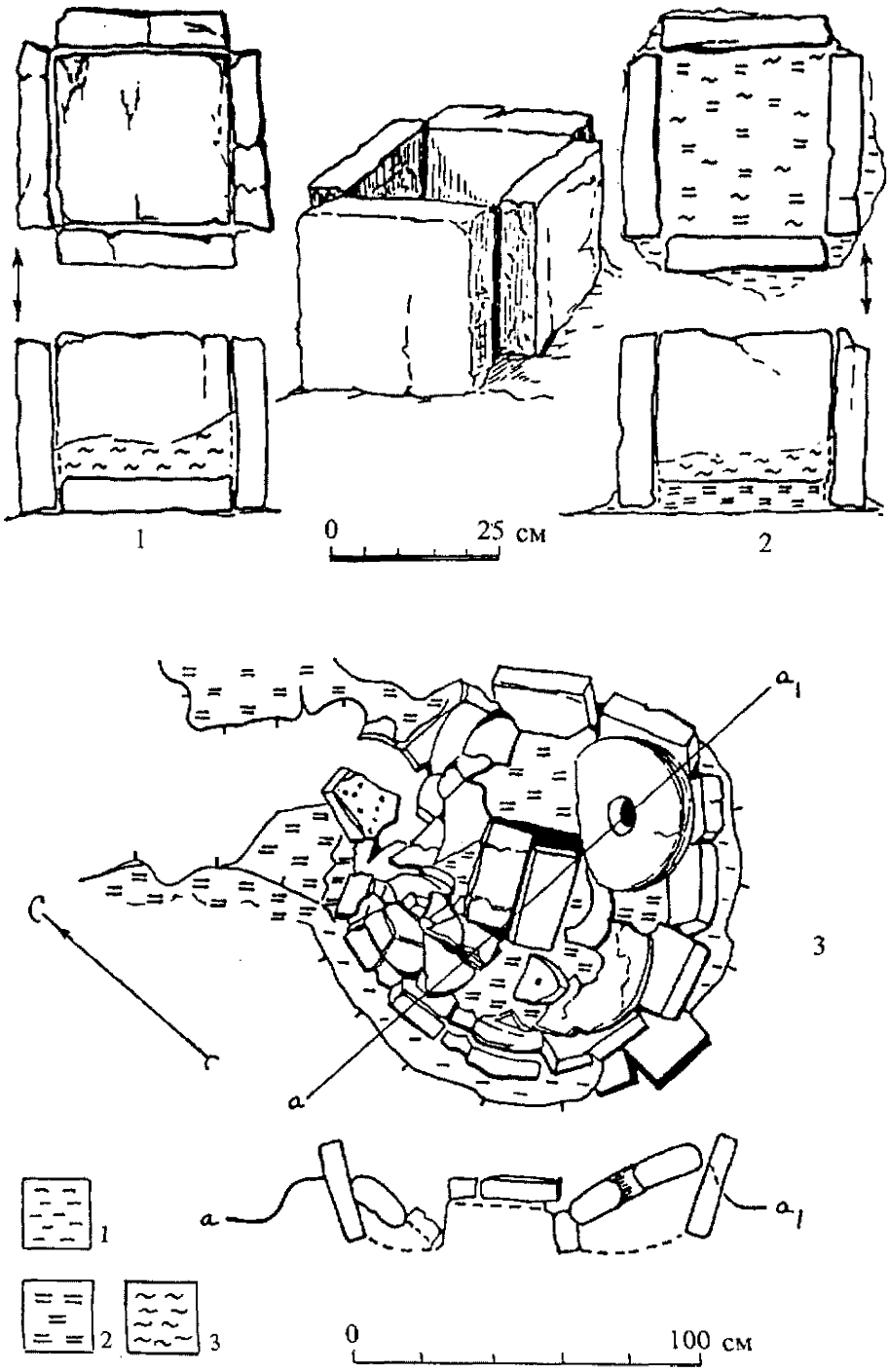


Рис. 12. Очажок из пяти кирпичей (*1*); очажок из четырех кирпичей с глинобитным подом (*2*); гончарная печь для обжига глиняных "лепешек"-амулетов (*3*). *Условные знаки: 1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — зола

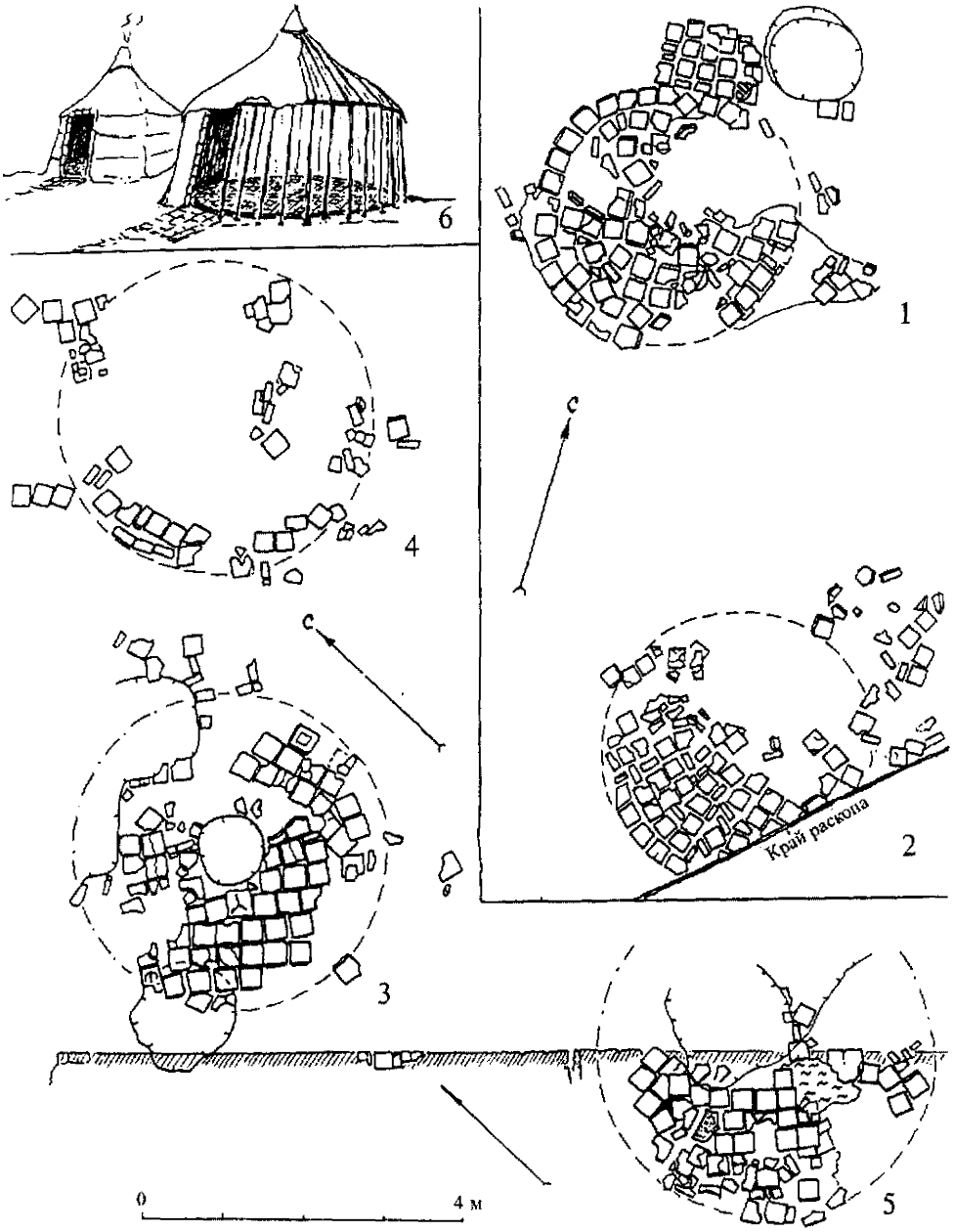


Рис. 13. Остатки оснований юрт, замощенных кирпичами: *1, 2* — остатки юрт в районе Главных ворот; *3—5* — остатки юрт в северо-восточной части цитадели; *6* — реконструкция юрт (авторская). Материал для реконструкции взят из работы Гафферберга, 1953, с. 90—91, рис. 16

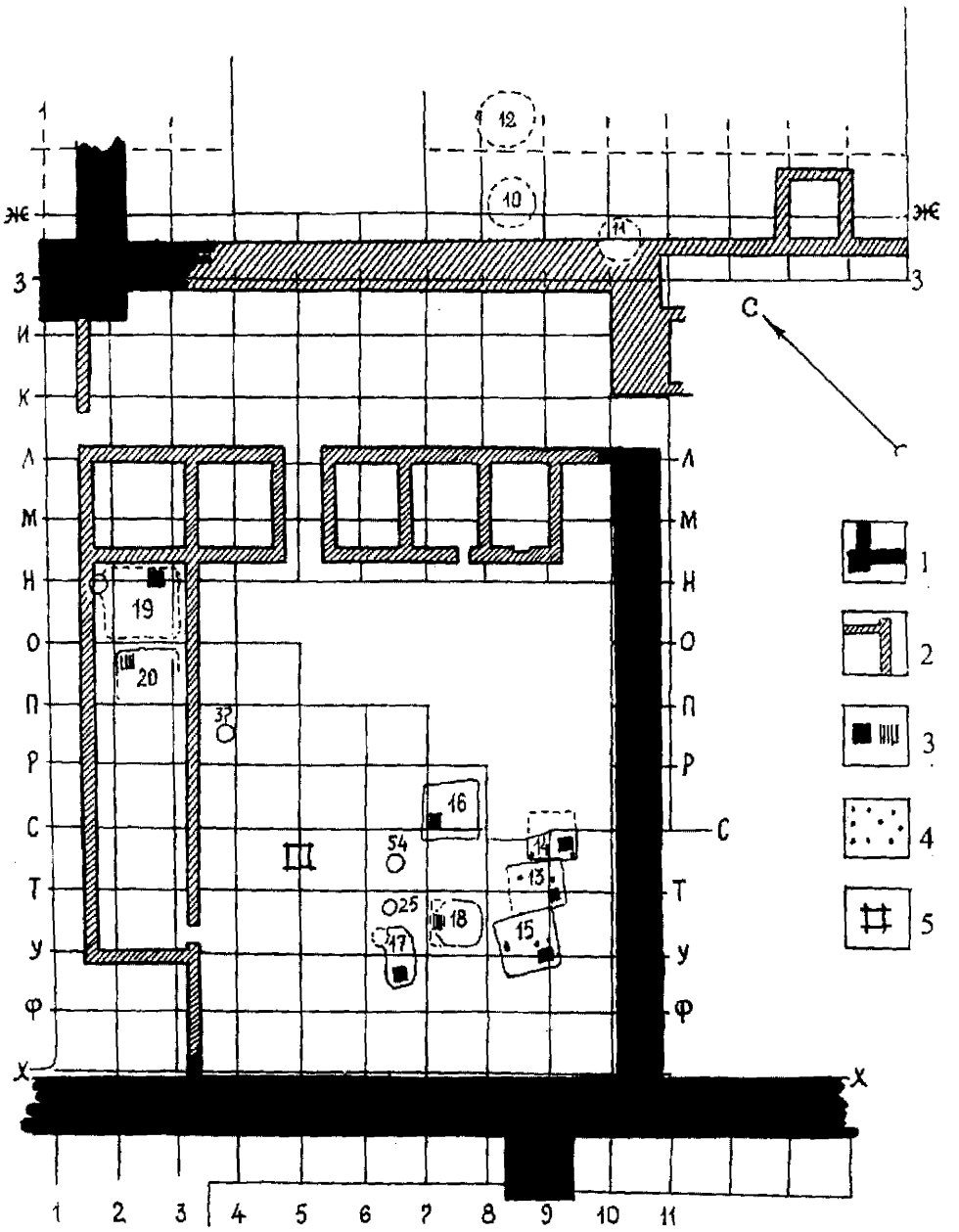


Рис. 14. Схематический план застройки бывшего "караван-сарая" в боршевский период. *Условные знаки: 1* — сохранившиеся стены крепости; *2* — полуразрушенные кирпичные стены; *3* — печи и следы печей; *4* — ямки от столбов; *5* — колодец

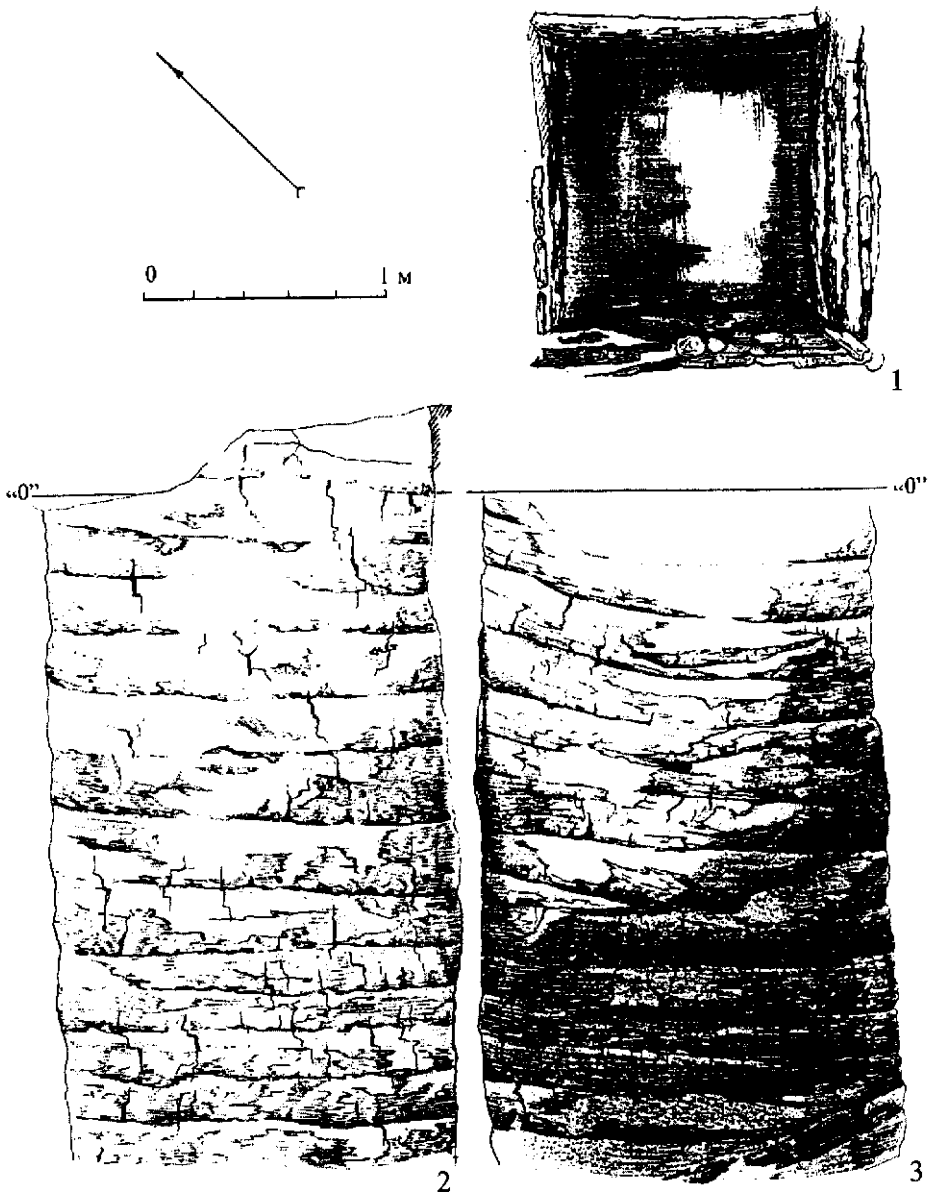


Рис. 15. Колодец. *1* — вид деревянного сруба сверху; *2* — северо-западная стенка колодца; *3* — юго-восточная стенка

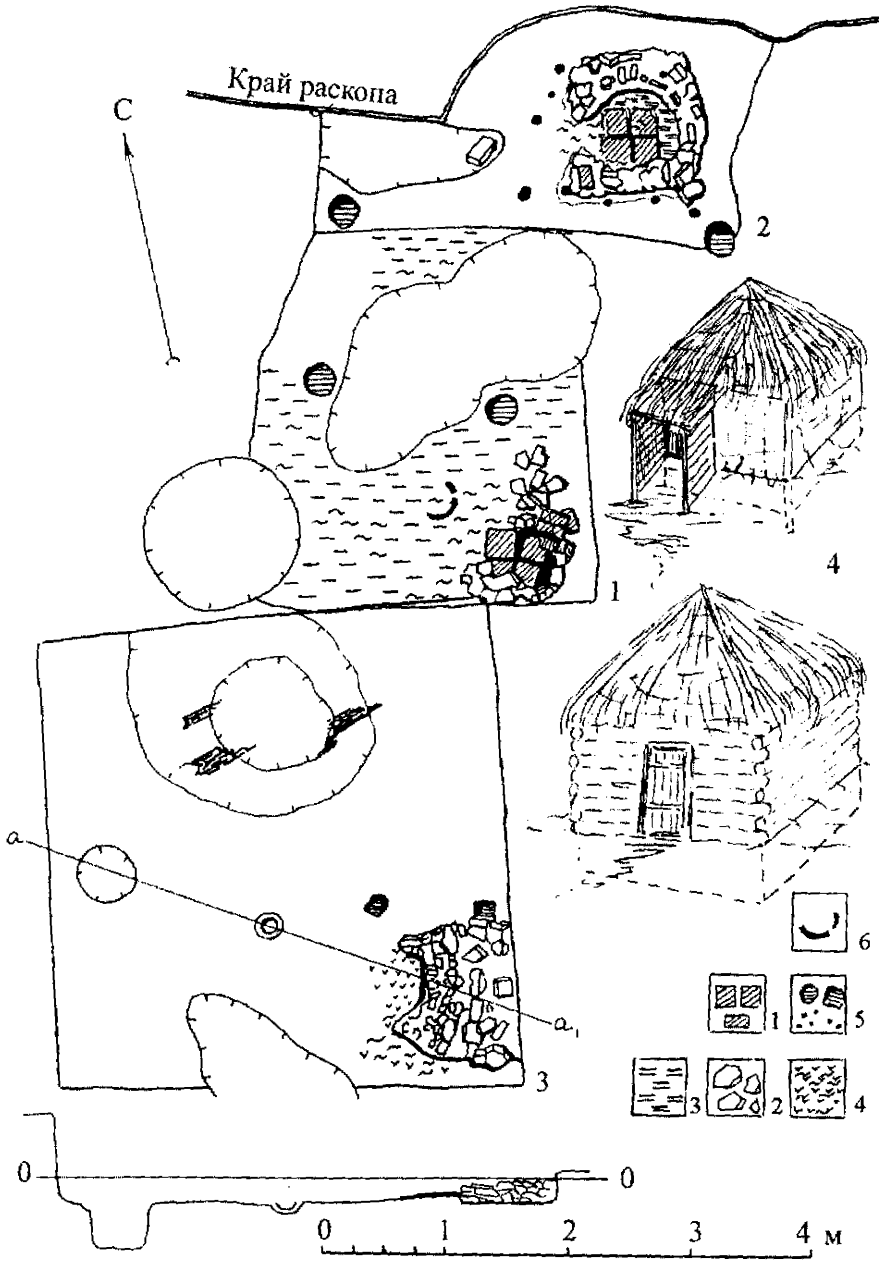


Рис. 16. Остатки боршевских полуземлянок на дворе "караван-сарая" и вариант их реконструкции: *1* — полуземлянка № 13 (сгоревшая и перекрытая двумя соседними строениями); *2* — полуземлянка № 14; *3* — полуземлянка № 15; *4* — варианты реконструкции славянских полуземлянок. *Условные знаки: 1* — кирпичи; *2* — камни; *3* — обожженная глина; *4* — уголь и зола; *5* — ямки от столбов и жердей; *6* — дужка от железного котла

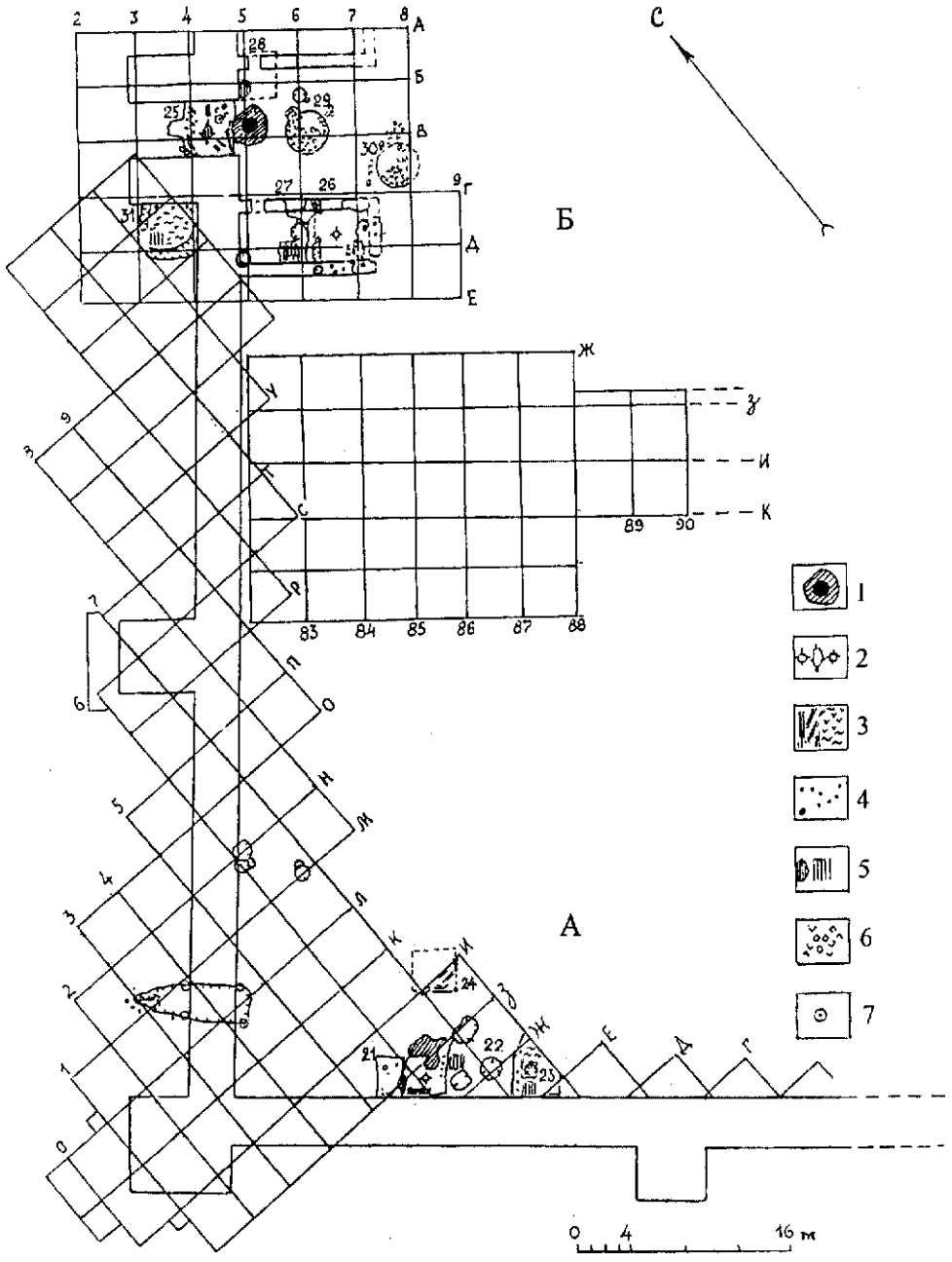


Рис. 17. Заселенность северо-западной окраины крепости в боршевский период: *А* — у юго-западной стены; *Б* — у Главных ворот. *Условные знаки: 1* — яма засыпанного белокаменного колодца; *2* — очажки различной конструкции; *3* — сгоревшие доски и бревна; *4* — ямки от жердей и столбов; *5* — остатки печей; *6* — кирпичи; *7* — жернов

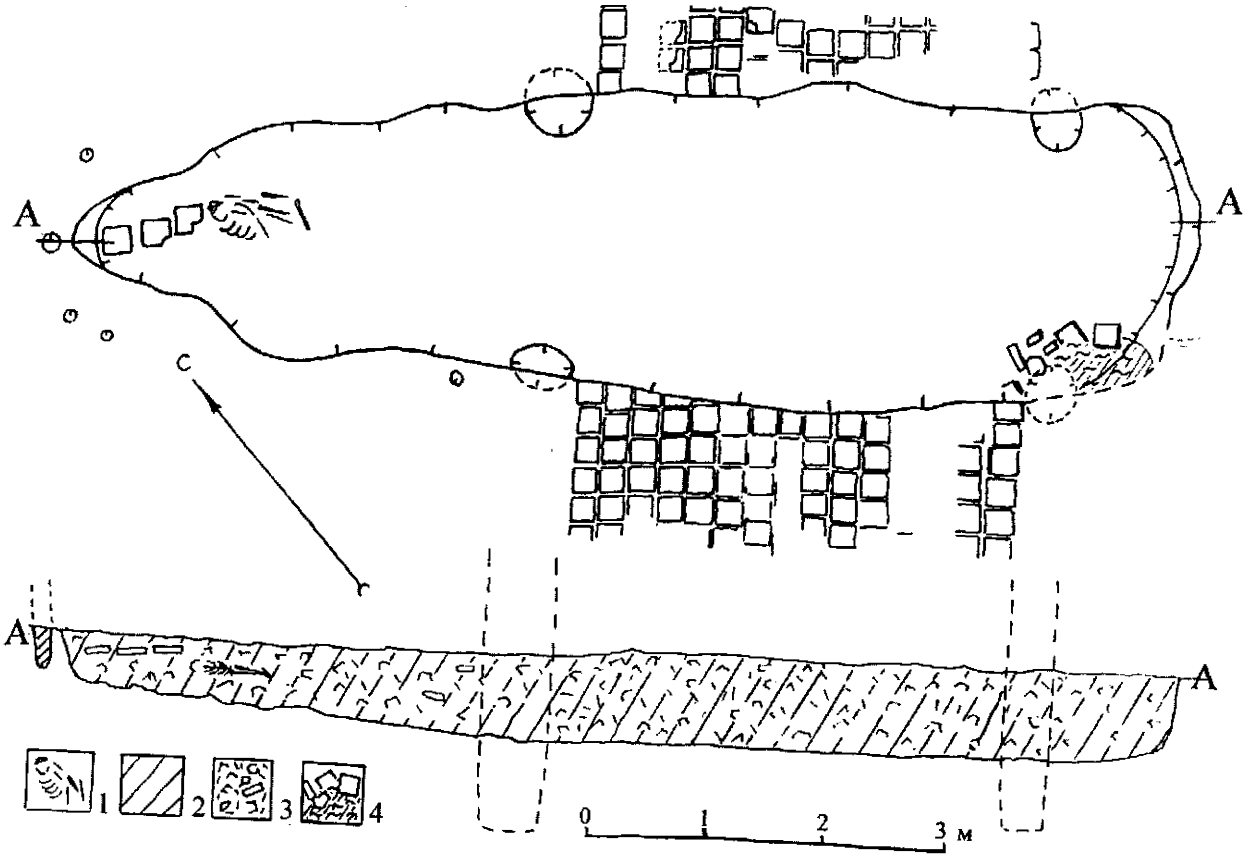


Рис. 18. Подкоп под северо-западной стеной крепости. *Условные знаки: 1* — разрушенный скелет человека; *2* — серый культурный слой; *3* — обломки кирпичей и бытовой мусор в заполнении подкопа; *4* — остатки печи жилища, разрушенного при рытье подкопа

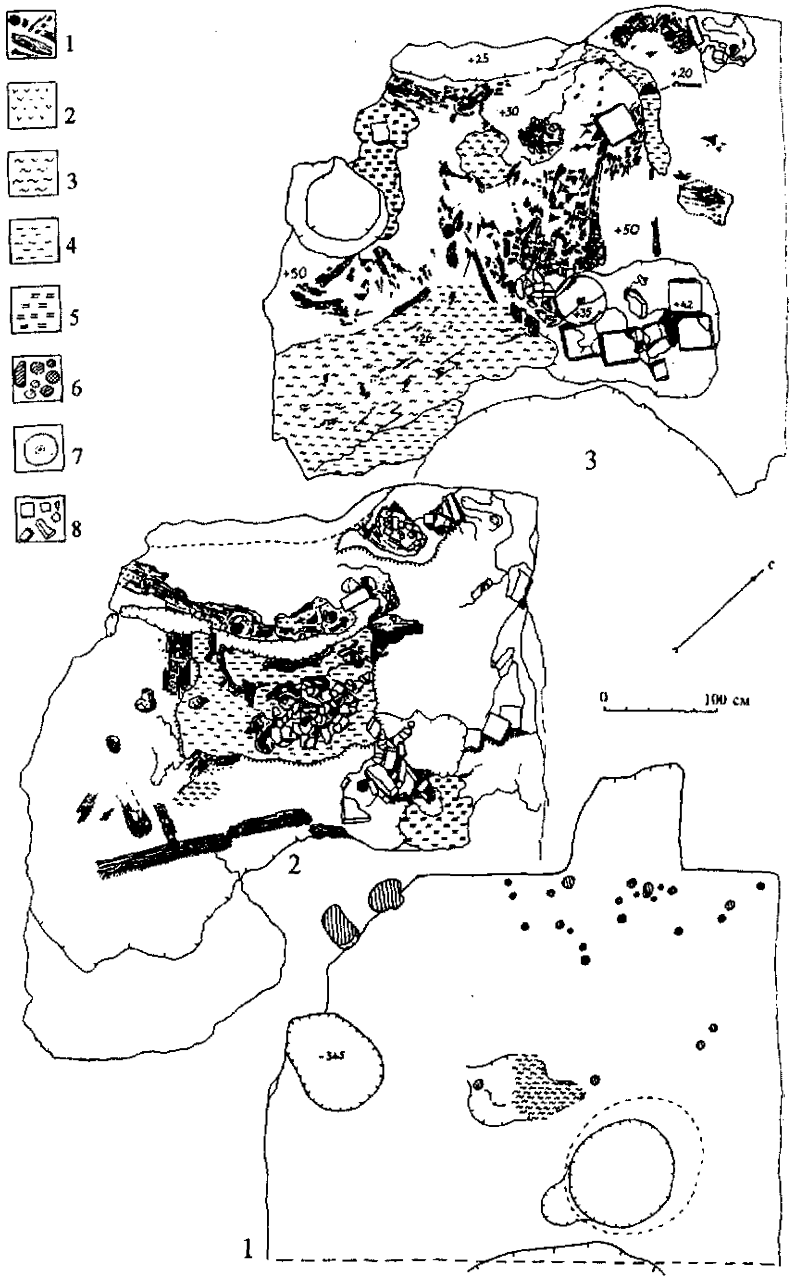


Рис. 19. Жилище № 25, встроенное в проезд сильно разрушенных Главных ворот: *1* — первая стадия существования жилища; *2* — начало расчистки жилища, поставленного на сгоревшем первом; *3* — пол с остатками рухнувших на него деревянных конструкций стен и кровли (полевые чертежи). *Условные знаки: 1* — сгоревшие плахи, жерди, уголь; *2* — уголь; *3* — зола; *4* — глина; *5* — обожженная глина; *6* — ямки от столбов и жердей; *7* — жернов; *8* — кирпичи

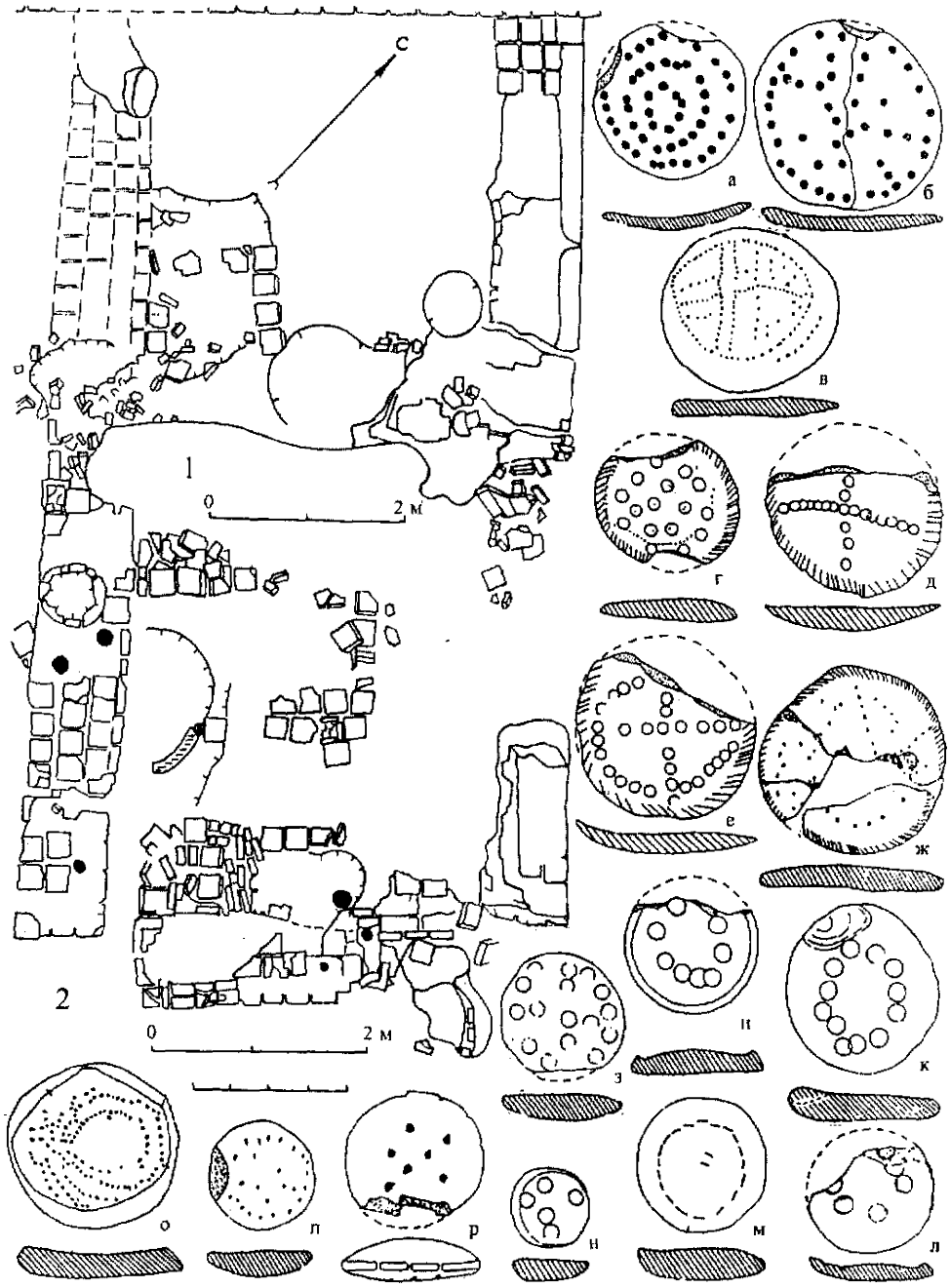


Рис. 20. Остатки жилищ, встроенных в юго-западную привратную караульню: *1* — жилище № 26; *2* — жилище № 27; *а—р* — глиняные лепешки-амулеты: *а, б* — из жилища № 27, *г—ж* — из жилища № 25, *з—м* — из печи жилища № 28, *в, н—р* — из культурного слоя и ям в цитадели и дворе "караван-сарая"

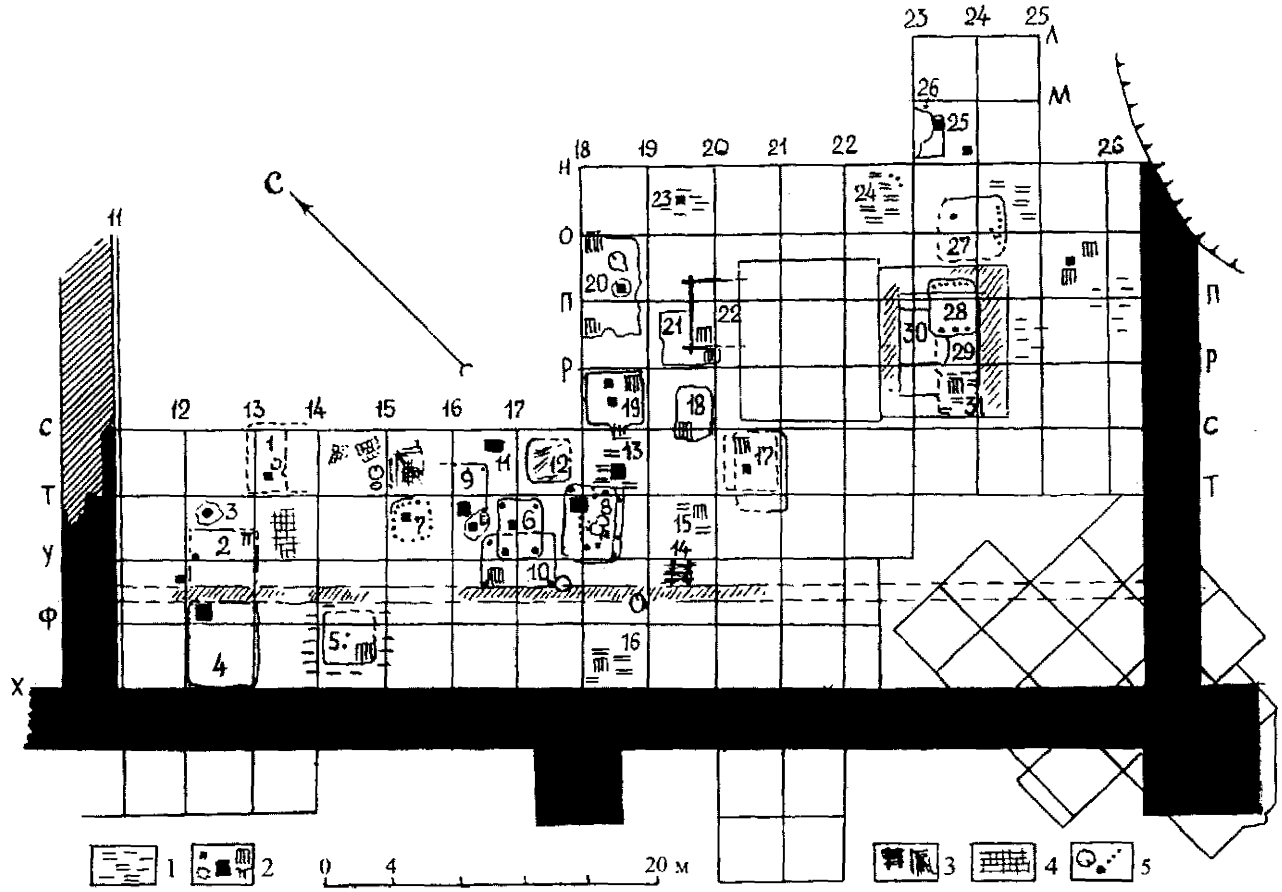


Рис. 21. Схематический план застройки цитадели в первой половине XI века. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — печи, следы печей и очажки; *3* — разные деревянные конструкции; *4* — кирпичные вымостки; *5* — хозяйственные ямы, ямки от столбов и жердей

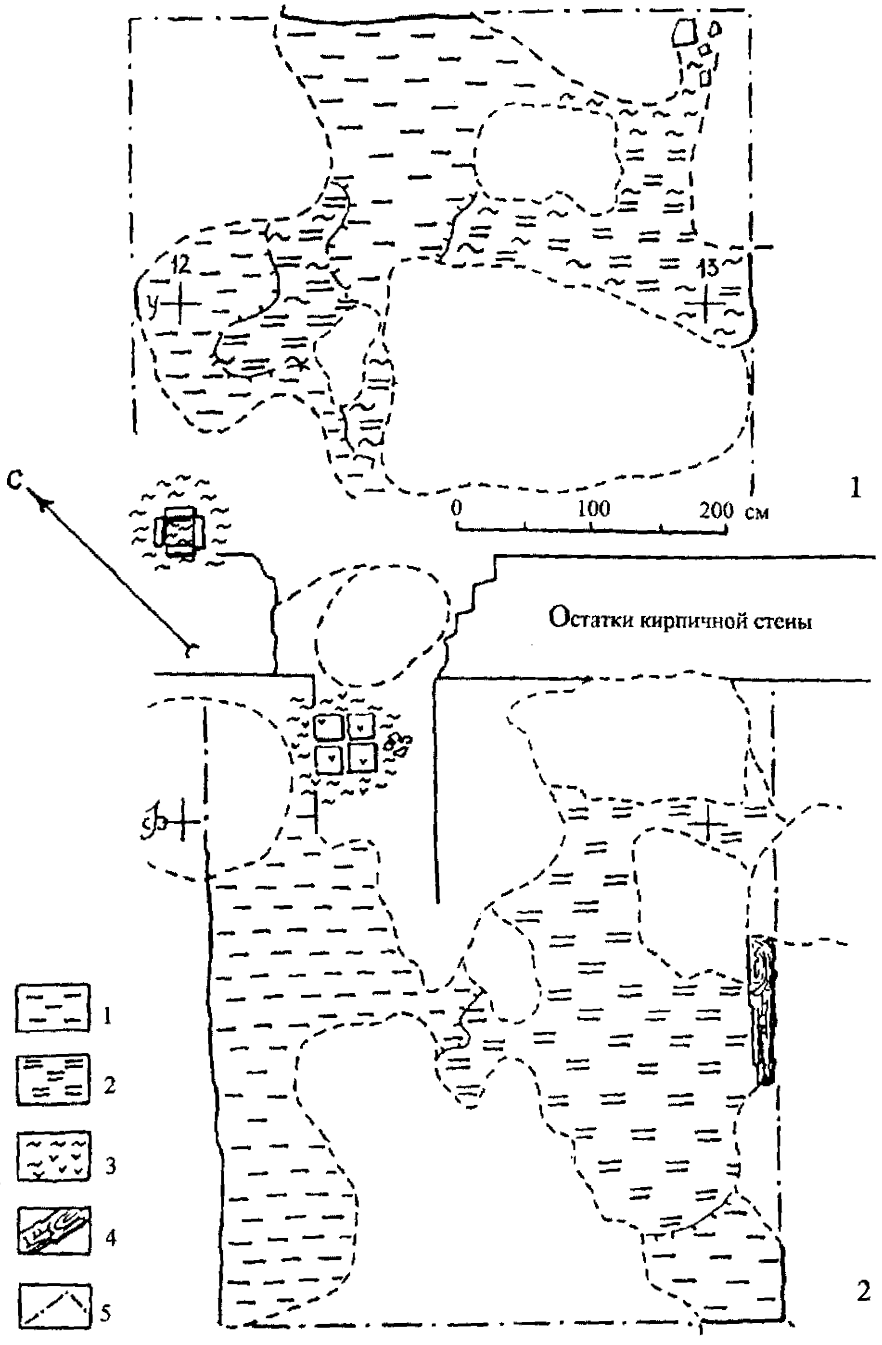


Рис. 22. Остатки полов двух наземных жилищ: *1* — пол жилища № *2*; *2* — пол жилища № 4. *Условные знаки: 1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — угли, зола; *4* — часть сгоревшего бревна; *5* — возможное местонахождение стен

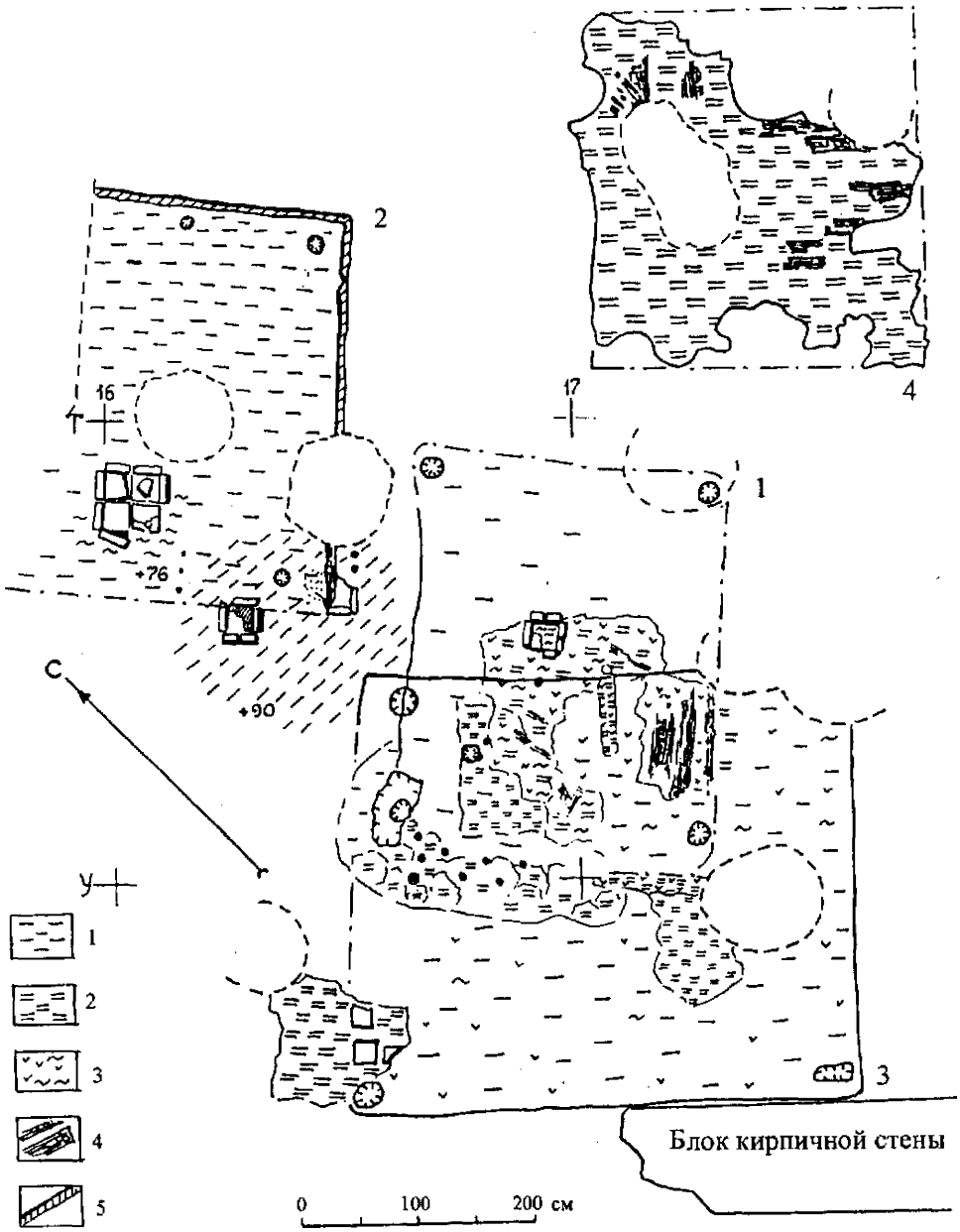


Рис. 23. Скопление остатков жилищ в кв. Ф16—С17: *1* — жилище № 6; *2* — жилище № 9; *3* — жилище № 10; *4* — Жилище № 12. *Условные знаки: 1* — глина; *2* — обожженная глина; *3* — уголь, зола; *4* — сгоревшие доски и плахи; *5* — остатки деревянной облицовки стен

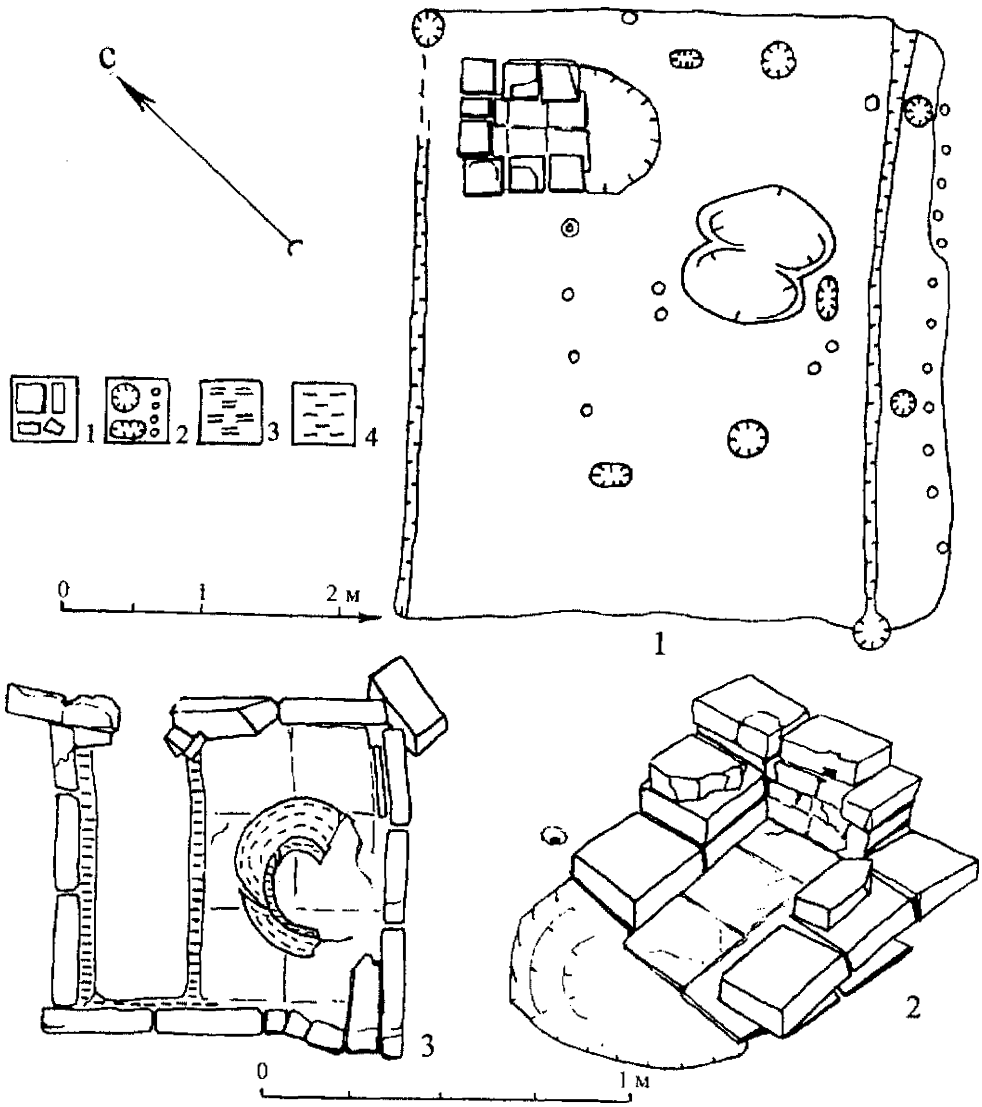


Рис. 24. План жилища № 8 (*1*); рисунок печи из жилища № 8 (*2*); план печи в разрушенном жилище № 11 (*3*). *Условные знаки: 1* — кирпичи; *2* — ямки от столбов и жердей; *3* — обожженная глина; *4* — глина

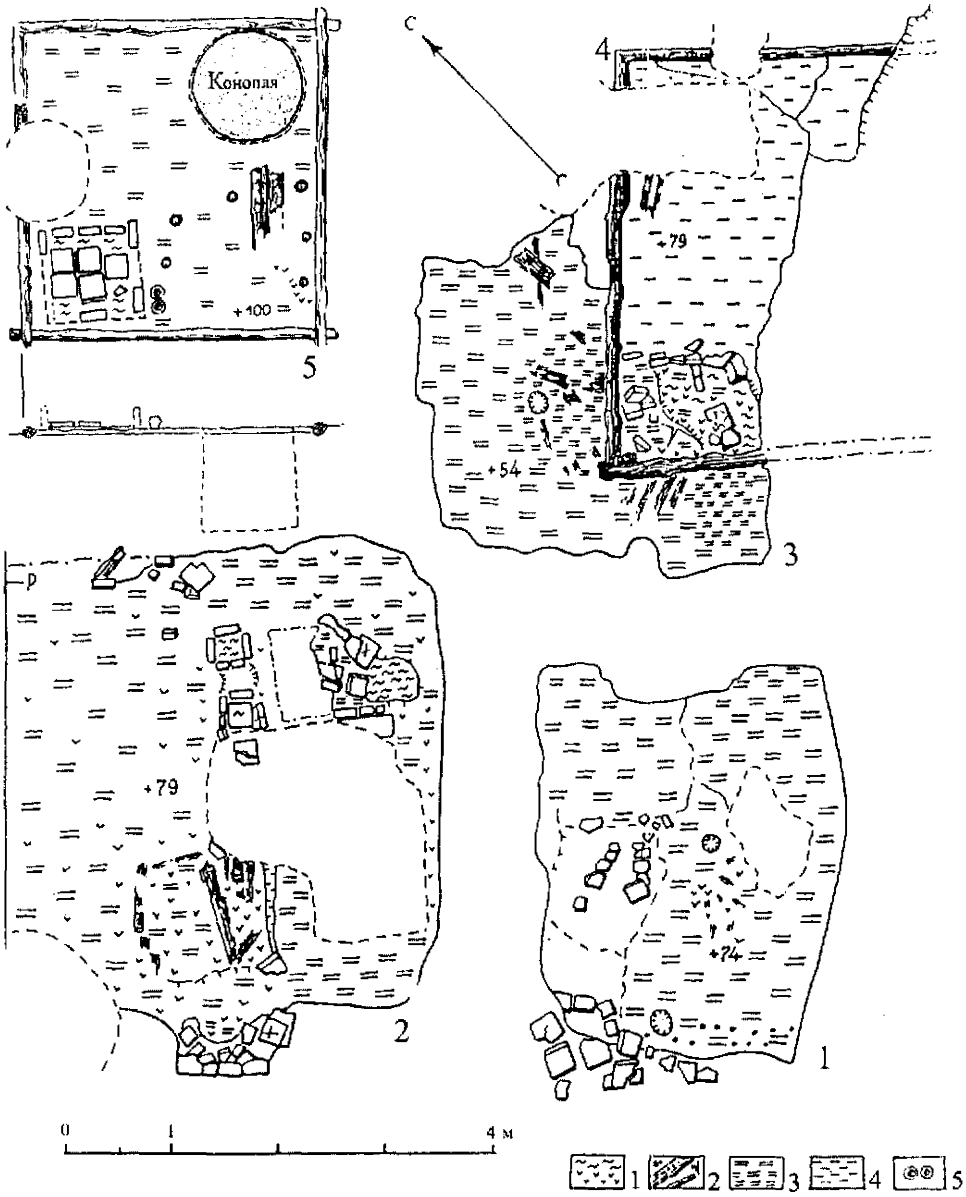


Рис. 25. Остатки жилищ в кв. С18—П20: *1* — жилище № 18; *2* — жилище № 19; *3* — жилище № 21; *4* — жилище № 22 (срубное); *5* — жилище № 40 (срубное на участке к СВ от двора "караван-сарая"). *Условные знаки: 1* — зола, уголь; *2* — сгоревшие части деревянных конструкций; *3* — обожженная глина; *4* — глина; *5* — древнерусские горшки у печи

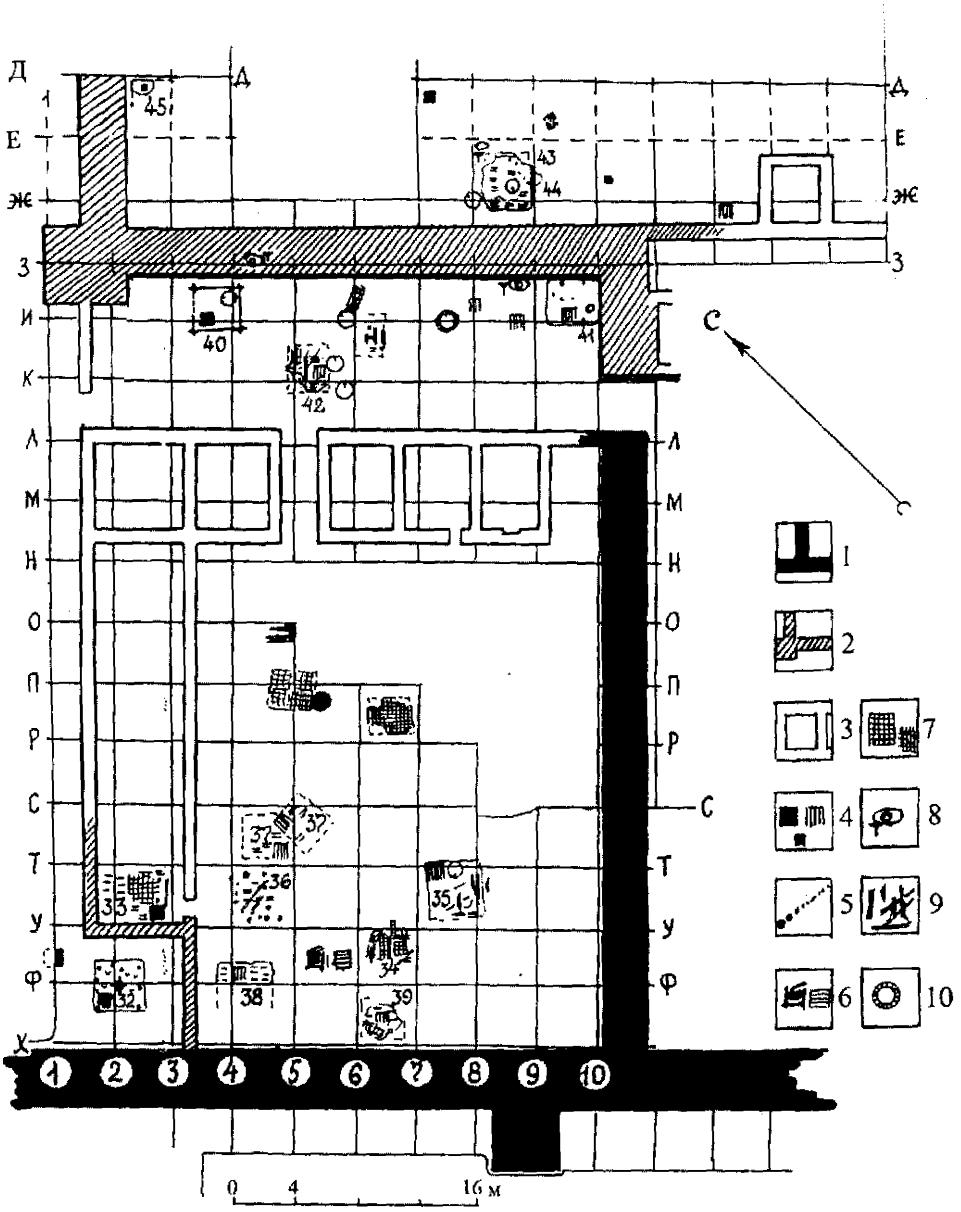


Рис. 26. Схематический план застройки двора "караван-сарая" и примыкающих к нему территорий в первой половине XI века. *Условные знаки: 1* — сохранившиеся кирпичные стены крепости; *2* — полуразрушенные кирпичные стены; *3* — полностью разобранные стены зданий; *4* — остатки печей и очажки; *5* — ямки от столбов и жердей; *6* — яма с облицовкой плахами и деревянной крышкой; *7* — кирпичные вымостки; *8* — тандыры; *9* — развалы сгоревших деревянных конструкций; *10* — яма, облицованная кирпичом

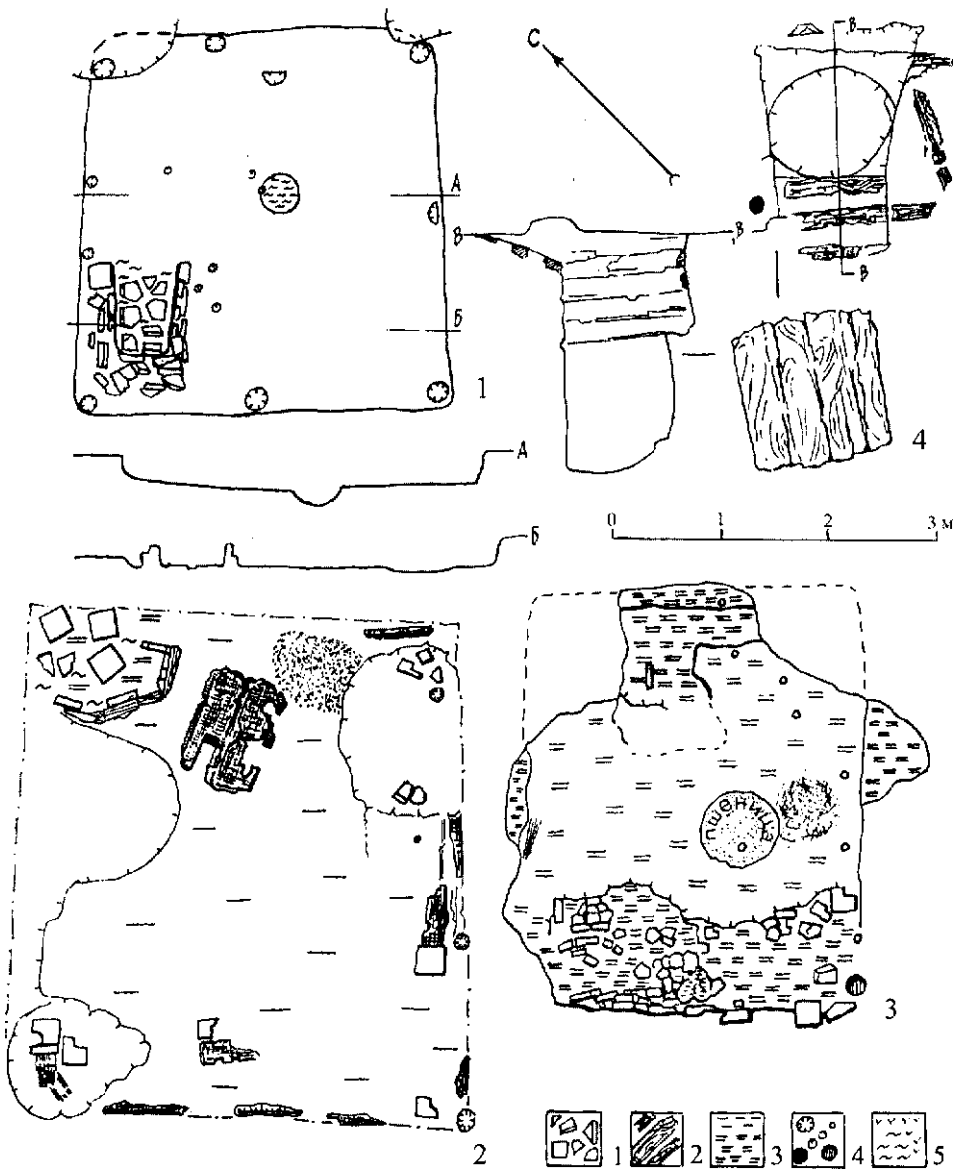


Рис. 27. Планы жилищ: *1* — № 32; *2* — № 43; *3* — № 44; *4* — яма с остатками деревянной облицовки и крышка от нее. *Условные знаки: 1* — кирпичи и обломки кирпичей; *2* — деревянные сгоревшие конструкции; *3* — глина и обожженная глина; *4* — ямки от столбов и жердей; *5* — уголь и зола

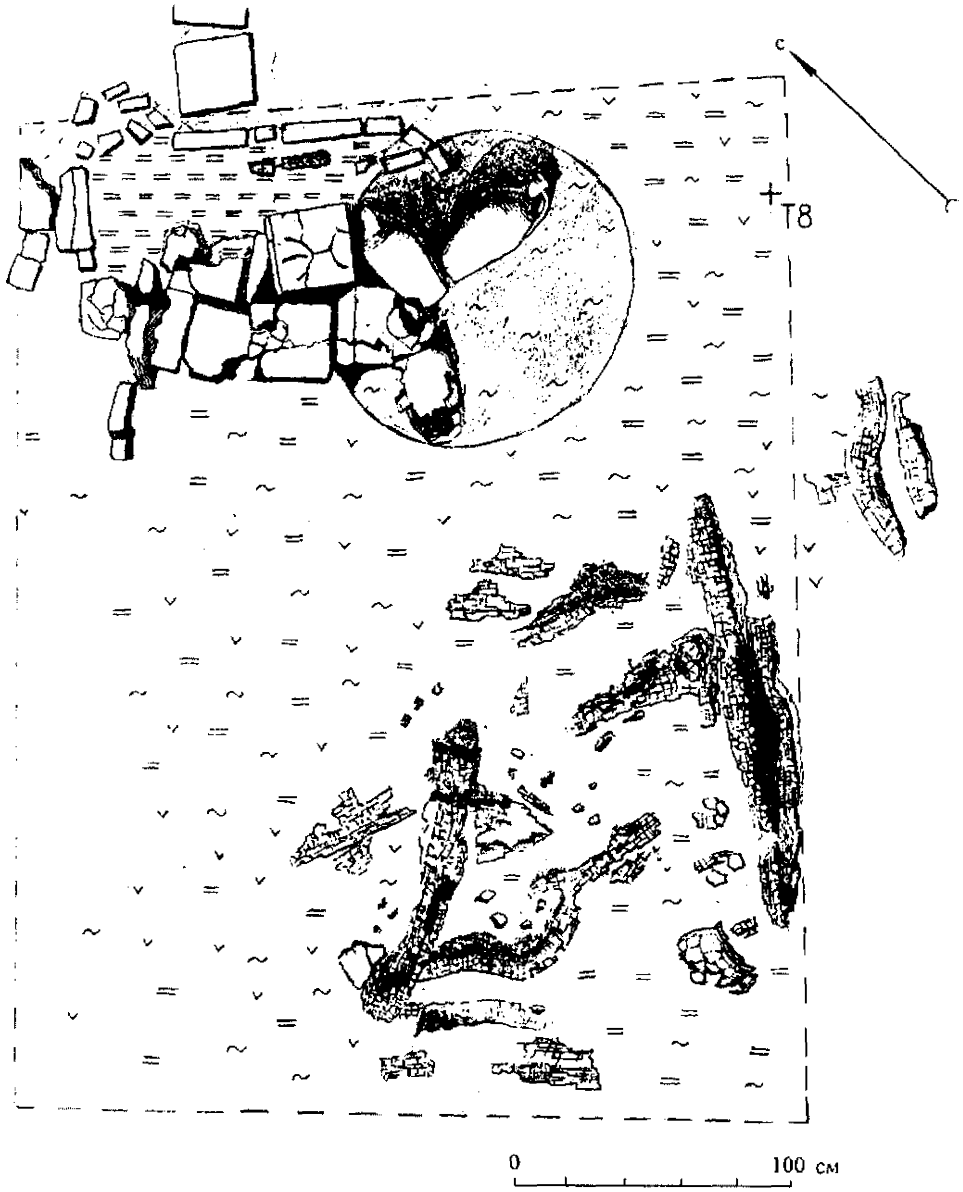


Рис. 28. Остатки жилища № 35 с упавшими на пол деревянными обгорелыми конструкциями кровли. *Условные знаки* см. на рис. 27

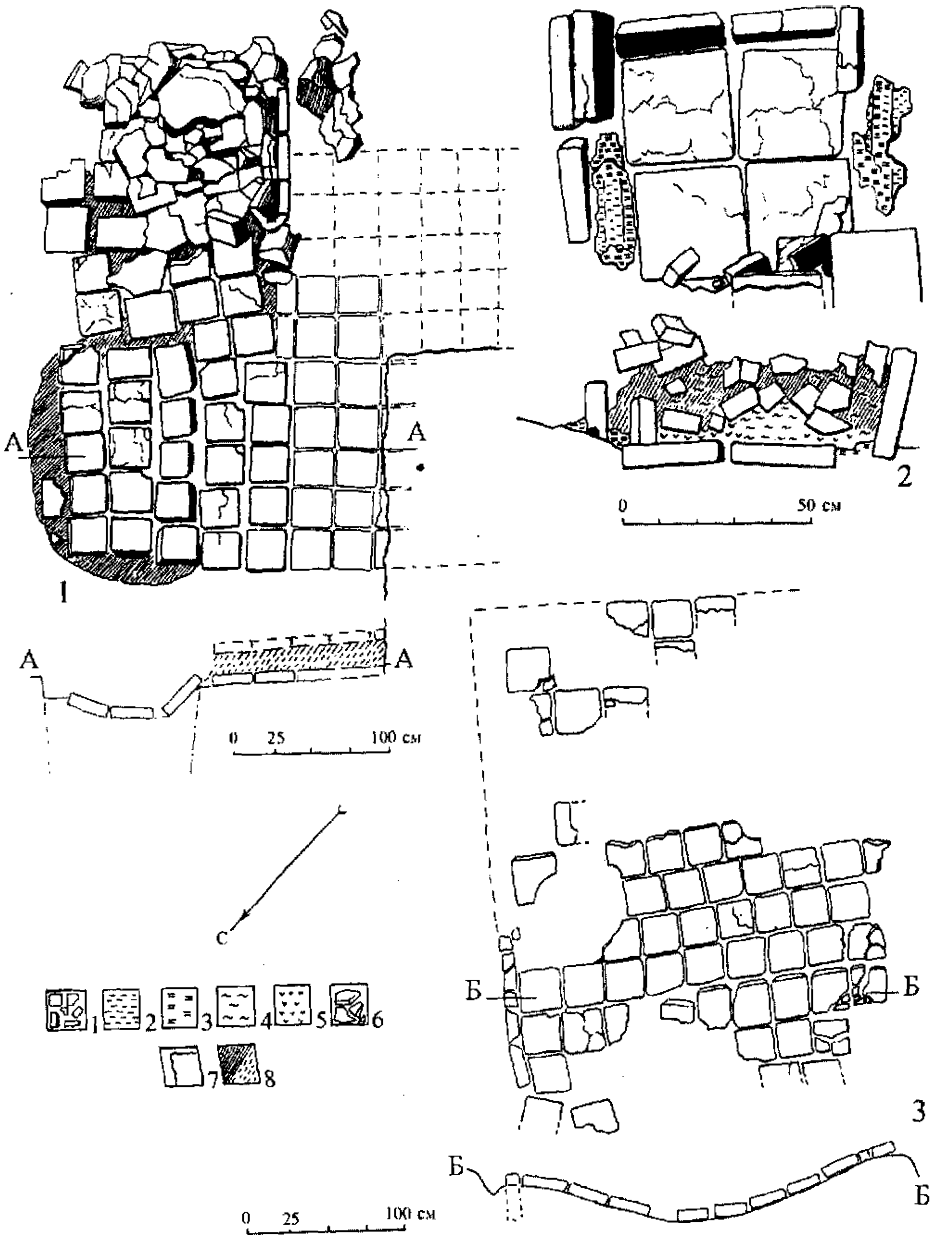


Рис. 29. Две кирпичные вымостки: *1* — вымостка № 1 с вероятной реконструкцией, разрез вымостки; *2* — план и разрез нижней части печи; *3* — вымостка № 2 и разрез. *Условные знаки: 1* — обломки кирпичей; *2* — глина; *3* — обожженная глина; *4* — зола; *5* — угольки; *6* — камни; *7* — целые кирпичи; *8* — заполнение ямы под кирпичной вымосткой

2

1

Рис. 30. Кирпичная вымостка № 1 (вид с северо-запада): *1* — первая стадия расчистки; *2* — окончание расчистки (фото)

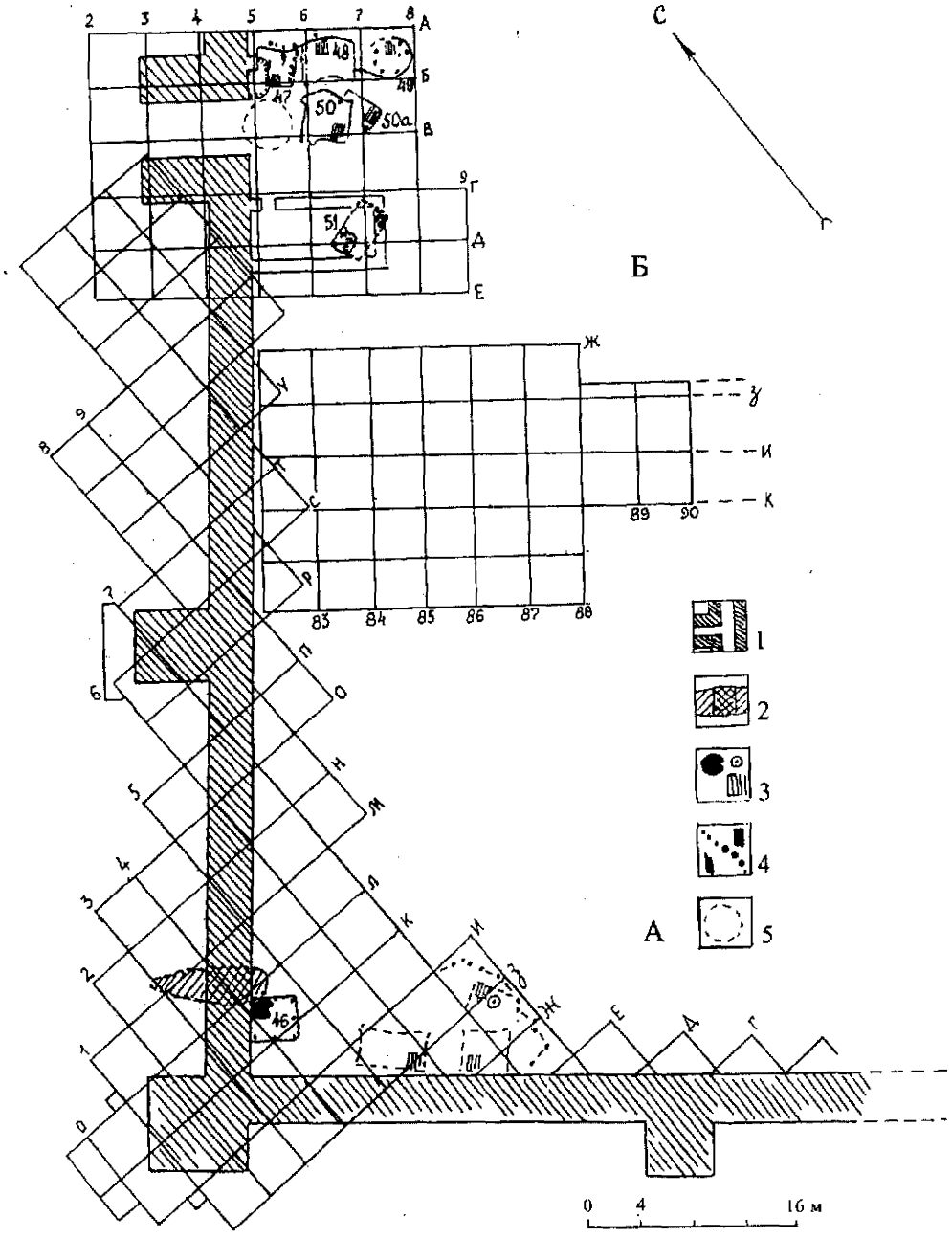


Рис. 31. Схематический план застройки северо-западного участка крепости во второй период: *А* — у юго-западной стены; *Б* — у Главных ворот. *Условные знаки: 1* — полуразрушенные кирпичные стены; *2* — заложенный проход в стене; *3* — печь, разрушенные остатки печей и жернов; *4* — ямки от столбов и жердей, сгоревшие плахи; *5* — пятно ямы от засыпанного белокаменного саркельского колодца

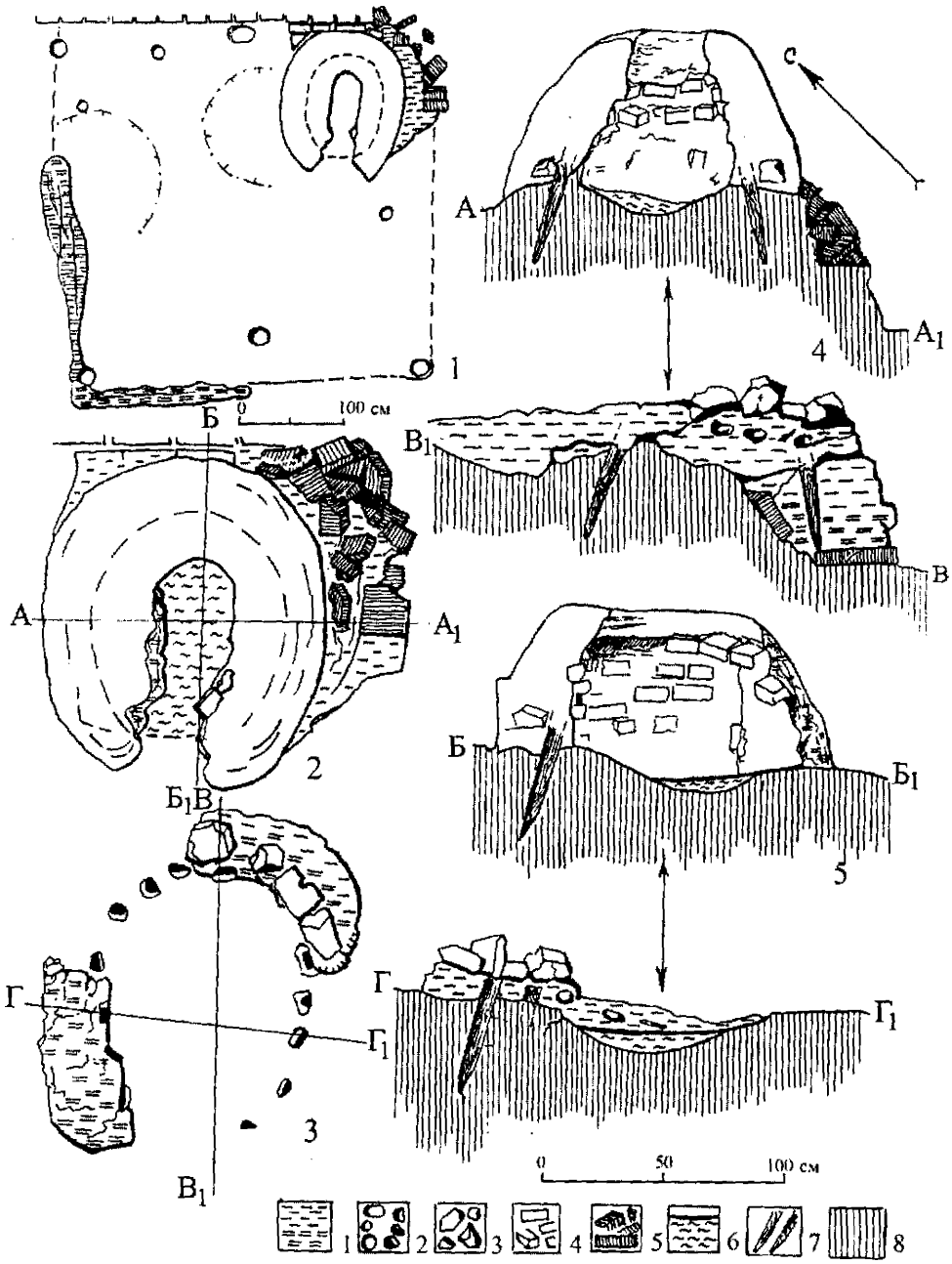


Рис. 32. Остатки полуземлянки № 46 с печью: *1* — план жилища; *2* — печь в плане; *3* — план основания печи; *4* — разрезы печи и ее основания по оси СВ—ЮЗ; *5* — разрезы печи и ее основания по оси СЗ—ЮВ. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — ямы от столбов и ямки от жердевого каркаса печи; *3* — камни; *4* — кирпичи; *5* — кирпичи от разрушенной печи; *6* — зола и угольный слой; *7* — вбитые в материк жерди; *8* — материковый суглинок

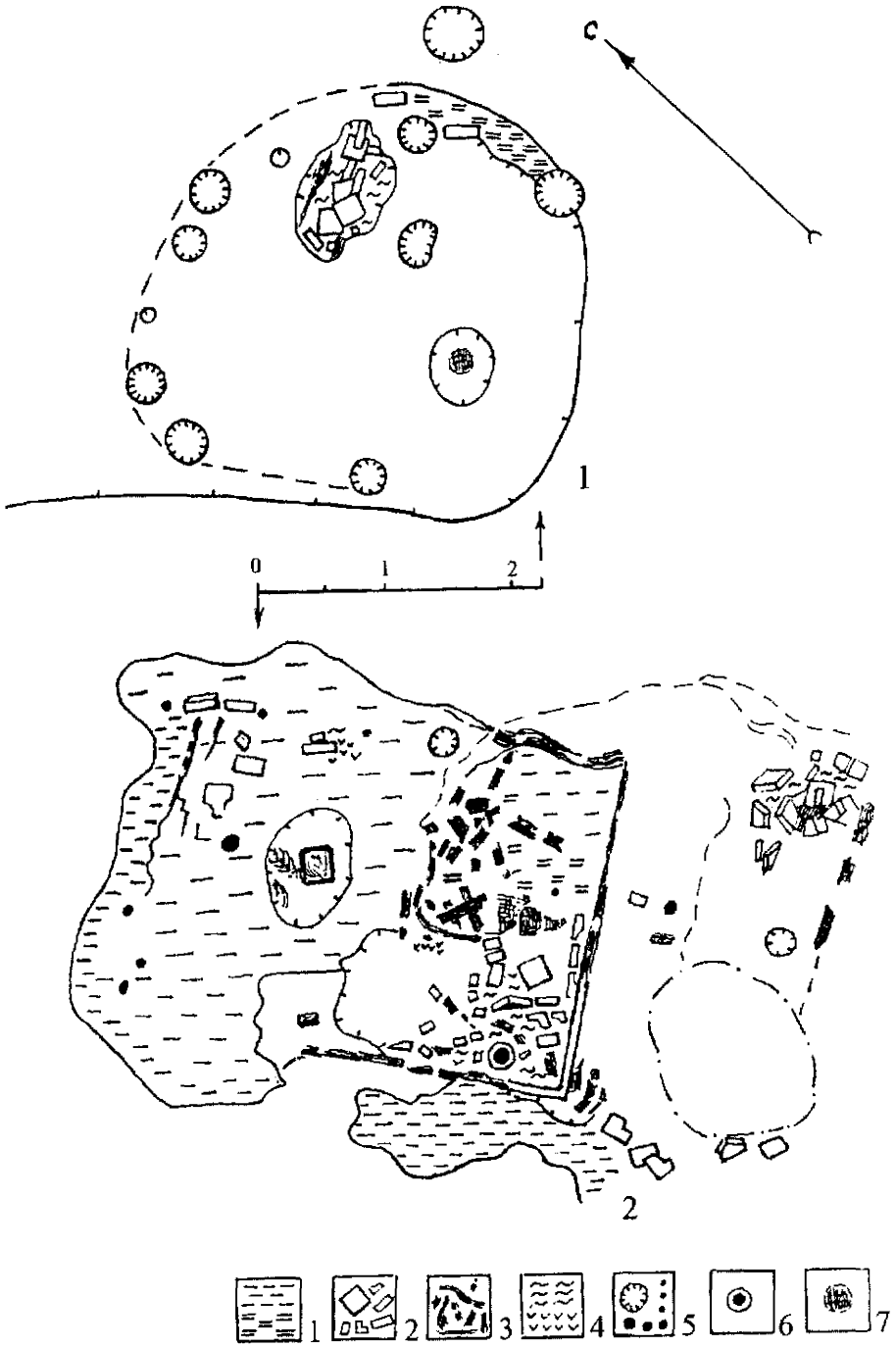


Рис. 33. Остатки сгоревших жилищ: *1* — № 49; *2* — № 50. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — кирпичи и их обломки; *3* — сгоревшее дерево; *4* — зола и угли; *5* — ямки от столбов и жердей; *6* — древнерусский горшок; *7* — дно деревянного сосуда

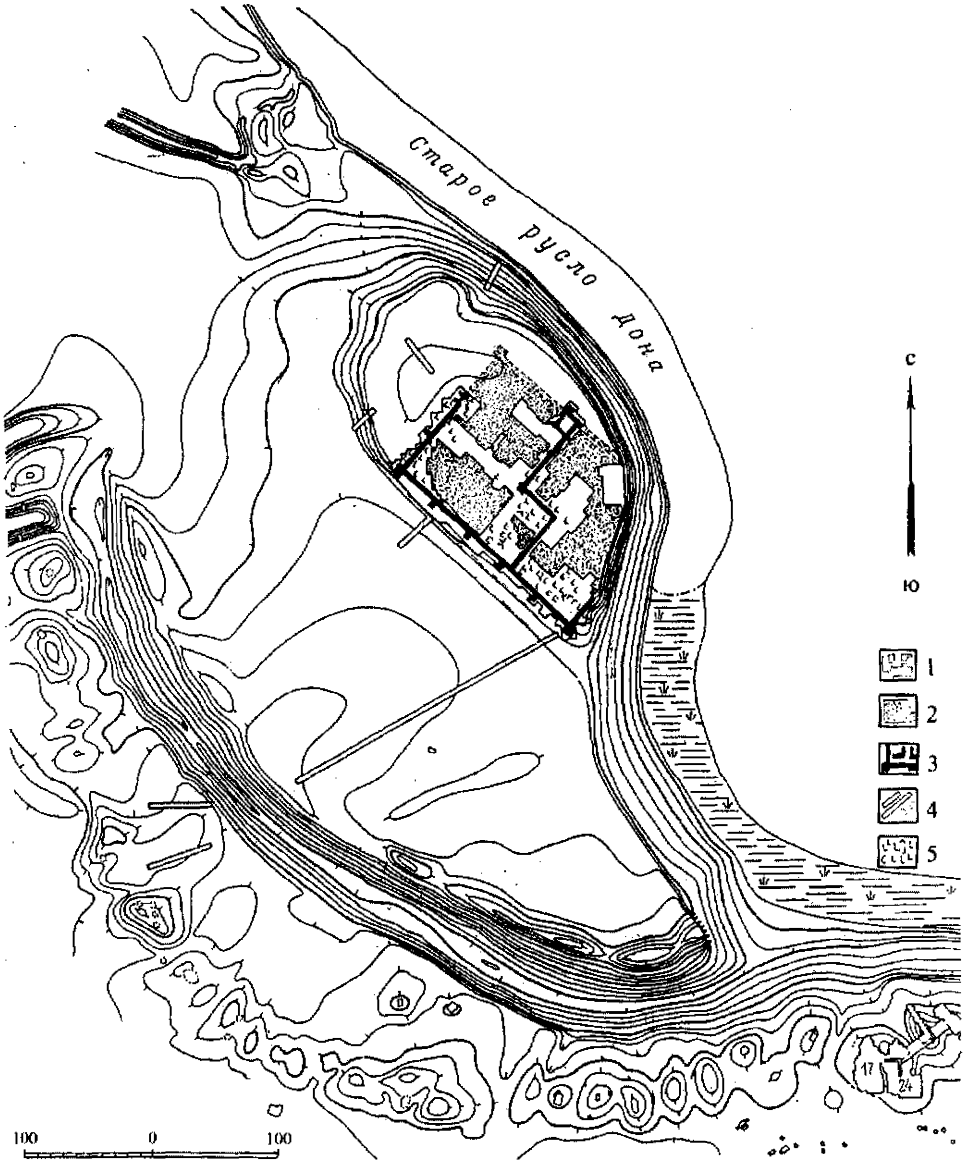


Рис. 34. Большой беловежский ров и схематический план синхронной ему крепости. *Условные знаки: 1* — границы раскопов; *2* — неисследованные участки крепости; *3* — сохранившиеся в беловежское время стены крепости; *4* — траншеи и ямы (старые шурфы?); *5* — наиболее сохранившиеся остатки домов в крепости времени сооружения рва

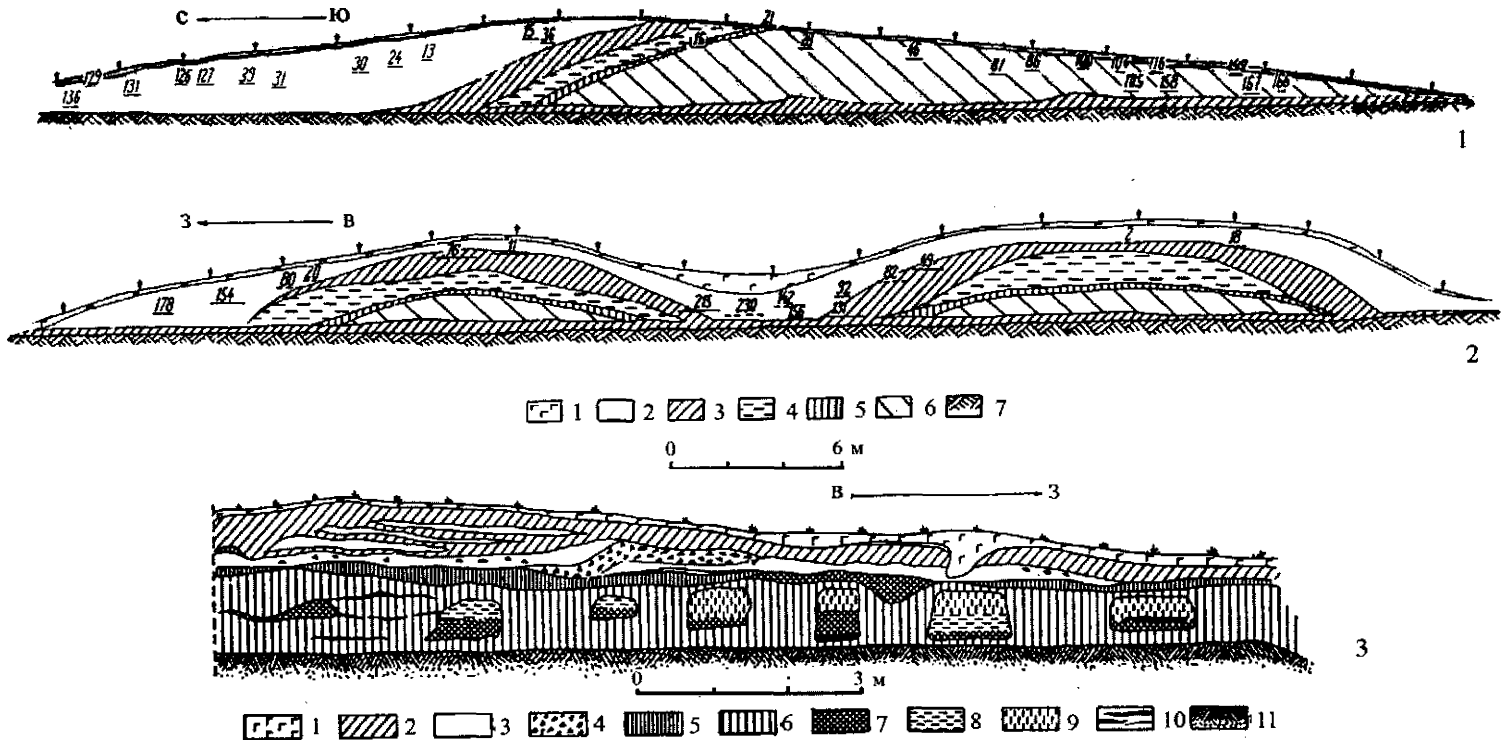


Рис. 35. Разрезы насыпей 17, 24 и слоя могильника у юго-западной стены: *1* — продольный разрез насыпи 17; *2* — поперечный разрез насыпей 17 и 24 (*условные знаки: 1* — гумус; *2* — суглинок; *3* — пойменная земля; *4* — светло-коричневая рыхлая глина; *5* — погребенная почва; *6* — желтая плотная глина; *7* — материк); *3* — разрез слоя у юго-западной стены крепости (*условные знаки: 1* — гумус; *2* — гумусированный мусорный слой XIX века; *3* — гумусный слой с большой примесью извести XIX века; *4* — битый кирпич; *5, 6* — рыхлый серовато-зеленый древний гумусированный слой; *7* — гумусированная темно-коричневая глина; *8* — желтая глина; *9* — зеленая глина; *10* — прослойка дерева и угля; *11* — материк) (Артамонова, 1963, рис. 18 и 26)

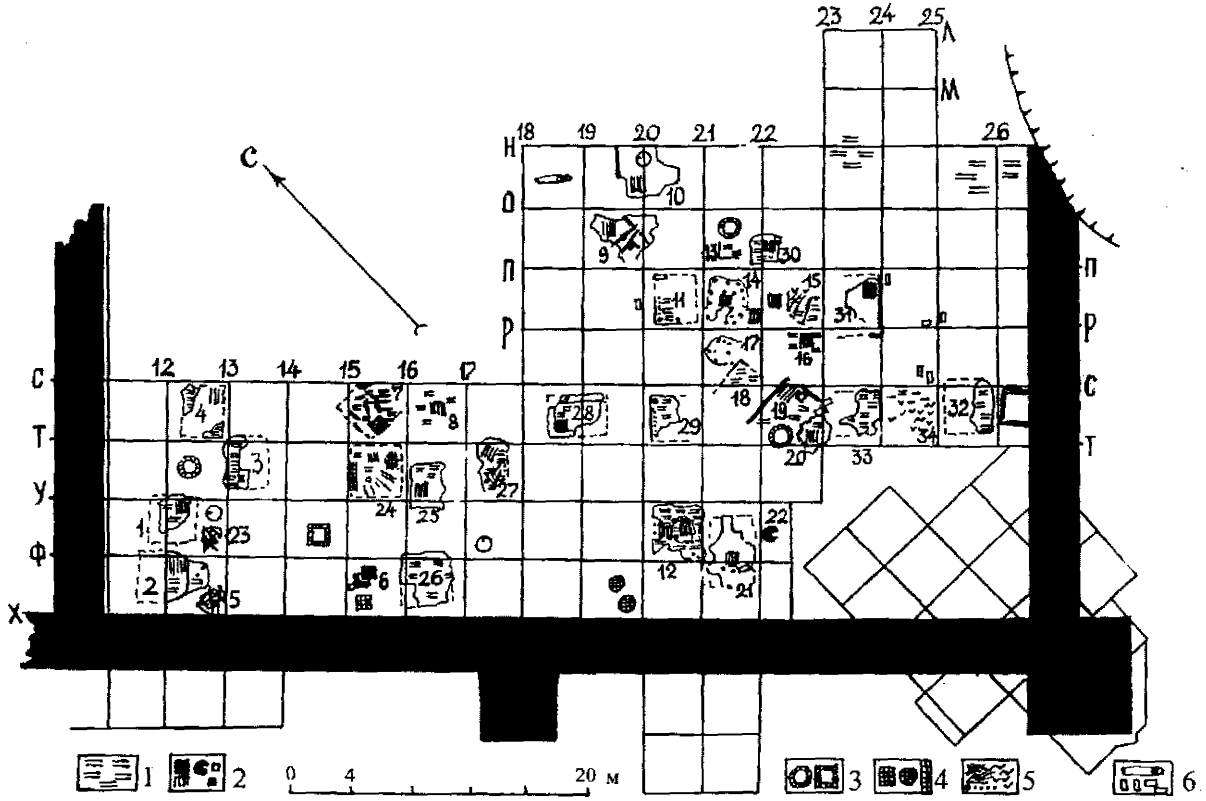


Рис. 36. Схематический план застройки цитадели в третий период. *Условные знаки: 1* — обожженная глина; *2* — печи различной сохранности и типа, остатки дымовых труб, очажки; *3* — ямы и погребок, облицованные кирпичами; *4* — вымостки из кирпича, днища ям, вымощенные кирпичом; *5* — остатки сгоревших деревянных конструкций и ямки от столбов и жердей; *6* — "коптильня" и мергелевые блоки

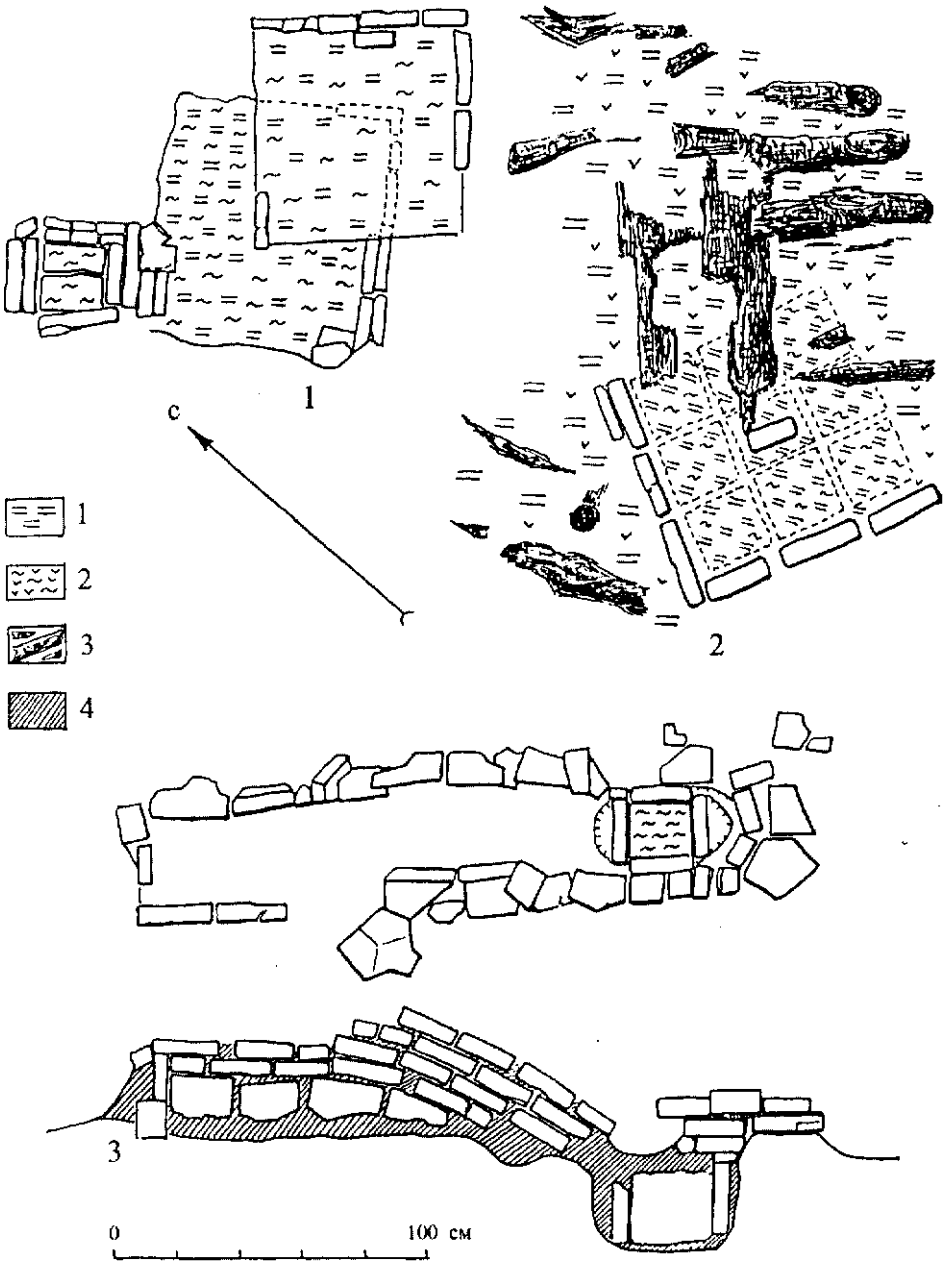


Рис. 37. Остатки печей и коптильни: *1* — сохранившиеся поды двух печей (одна с дымоходом); *2* — разрушенная печь и рухнувшие на пол сгоревшие обломки бревен и плах кровли; *3* — коптильня (план и разрез). *Условные знаки: 1* — обожженная глина; *2* — зола, угли; *3* — сгоревшие деревянные конструкции; *4* — серый мусорный слой

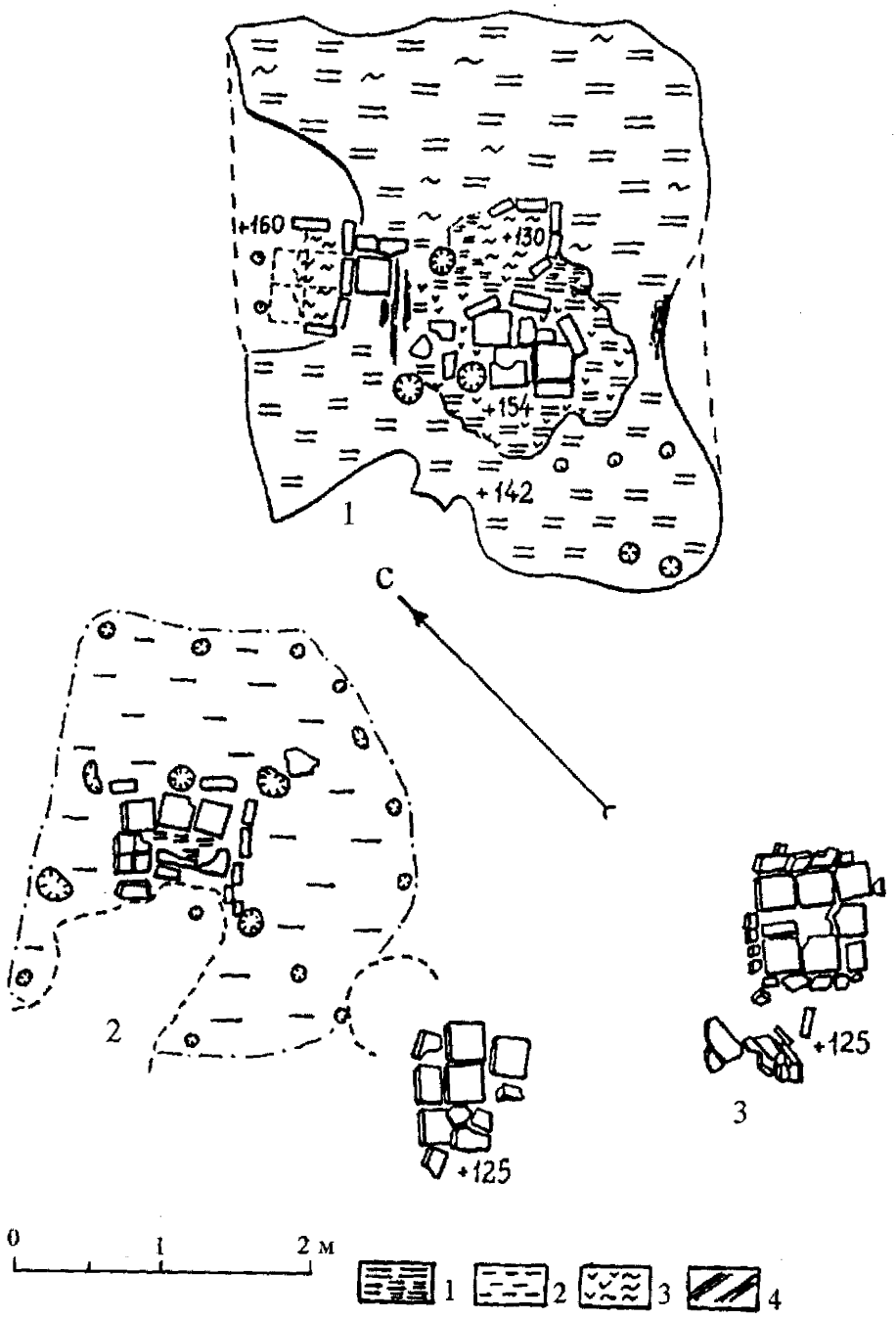


Рис. 38. Остатки сгоревших жилищ: *1* — № 12; *2* — № 14; *3* — остатки печей из полностью уничтоженных построек в кв. Р21—П22 и Р22—П23. *Условные знаки: 1* — обожженная глина; *2* — глина; *3* — зола и угли; *4* — следы сгоревших плах и жердей

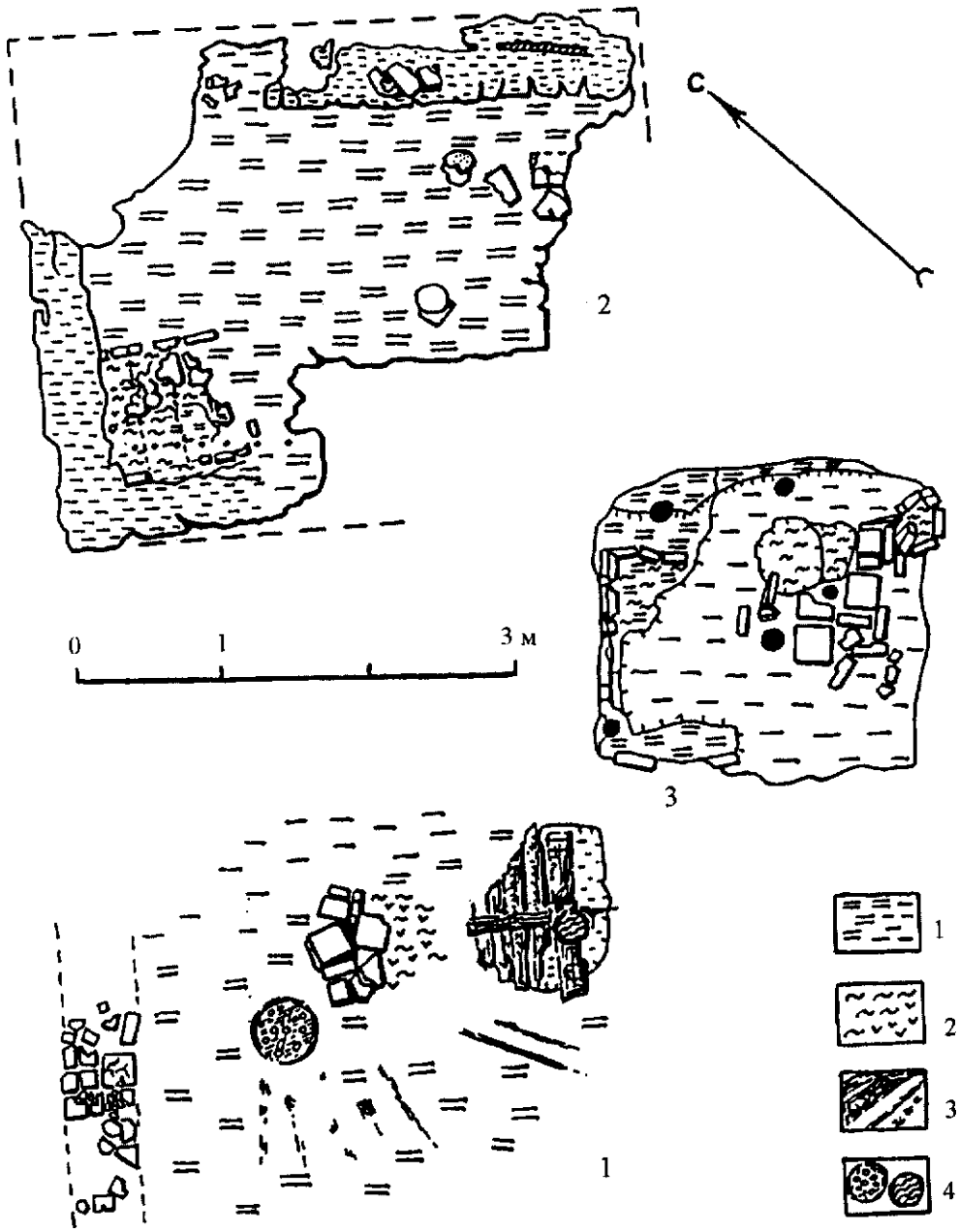


Рис. 39. Остатки сгоревших жилищ: *1* — № 24; *2* — № 28; *3* — № 30. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — зола и угли; *3* — сгоревшее дерево; *4* — миски с просом и маслом

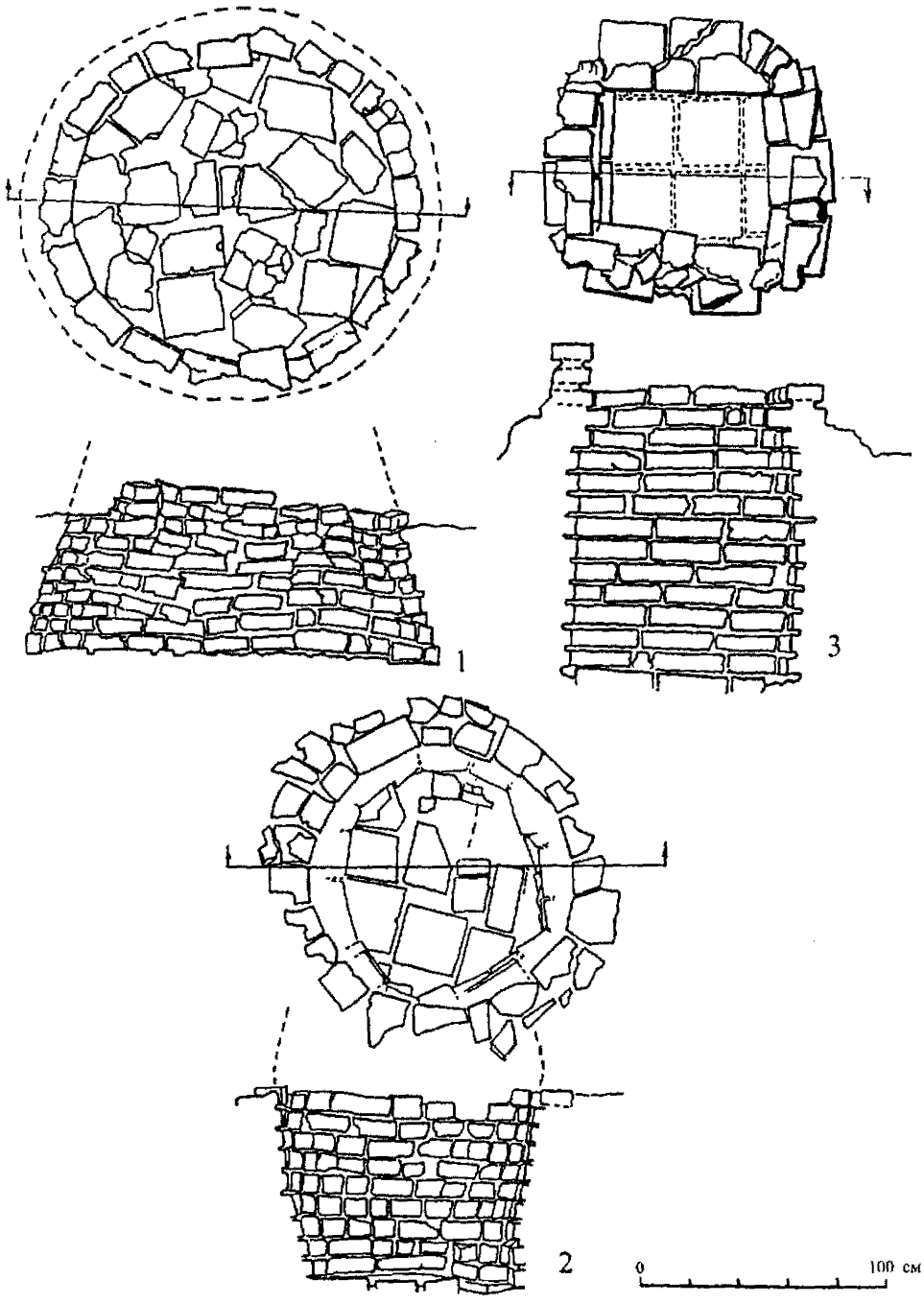


Рис. 40. Ямы и погреб, облицованные кирпичом: *1* — в кв. П21—О22; *2* — в кв. У12—Т13; *3* — в кв. Ф14—У15

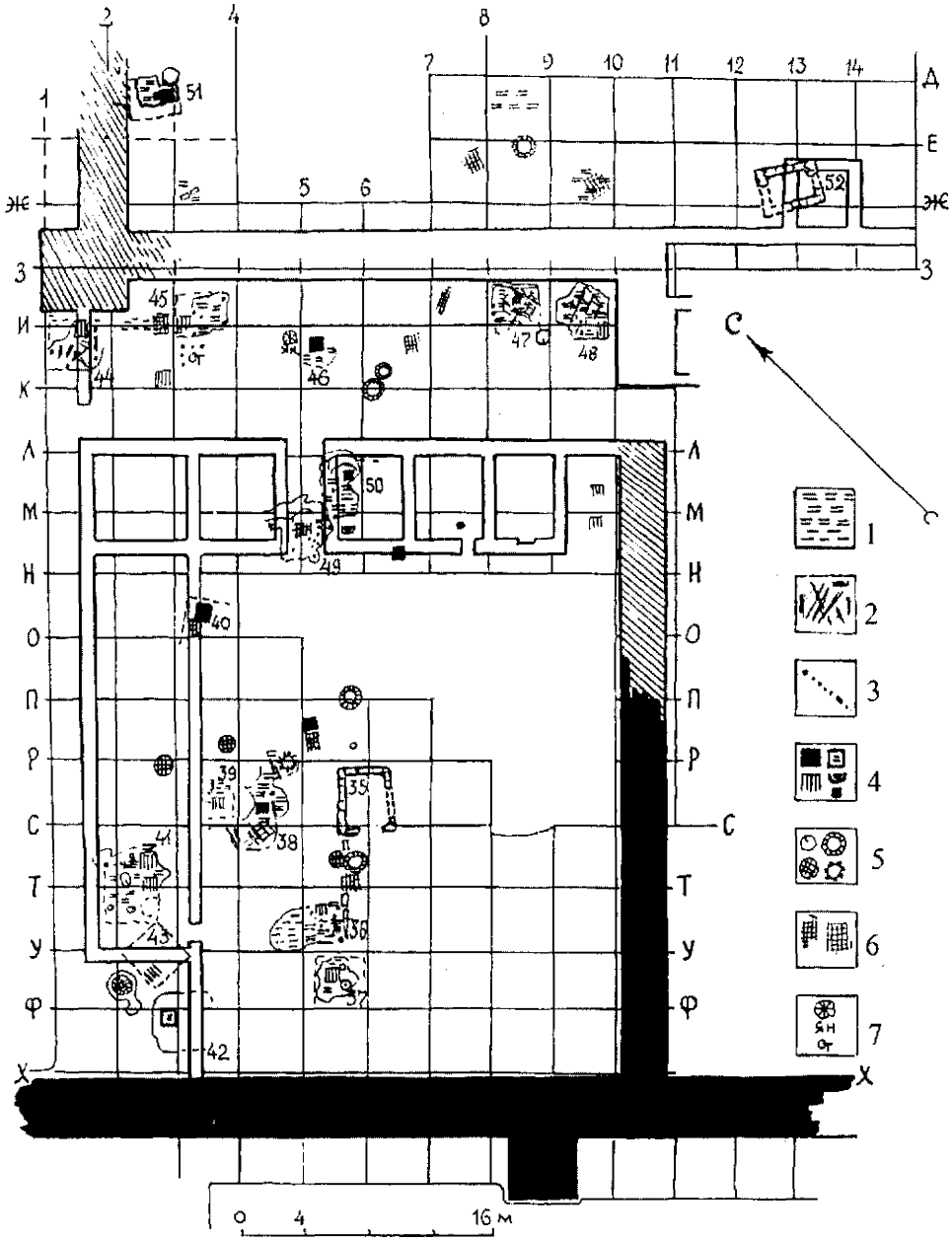


Рис. 41. Схематический план застройки бывшего "караван-сарая" и связанных с ним территорий в третий период. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — сгоревшие плахи и жерди; *3* — ямки от столбов и жердей; *4* — печи и очаги; *5* — ямы и облицованные кирпичом днища ям; *6* — кирпичные вымостки; *7* — янтарь и тандыр

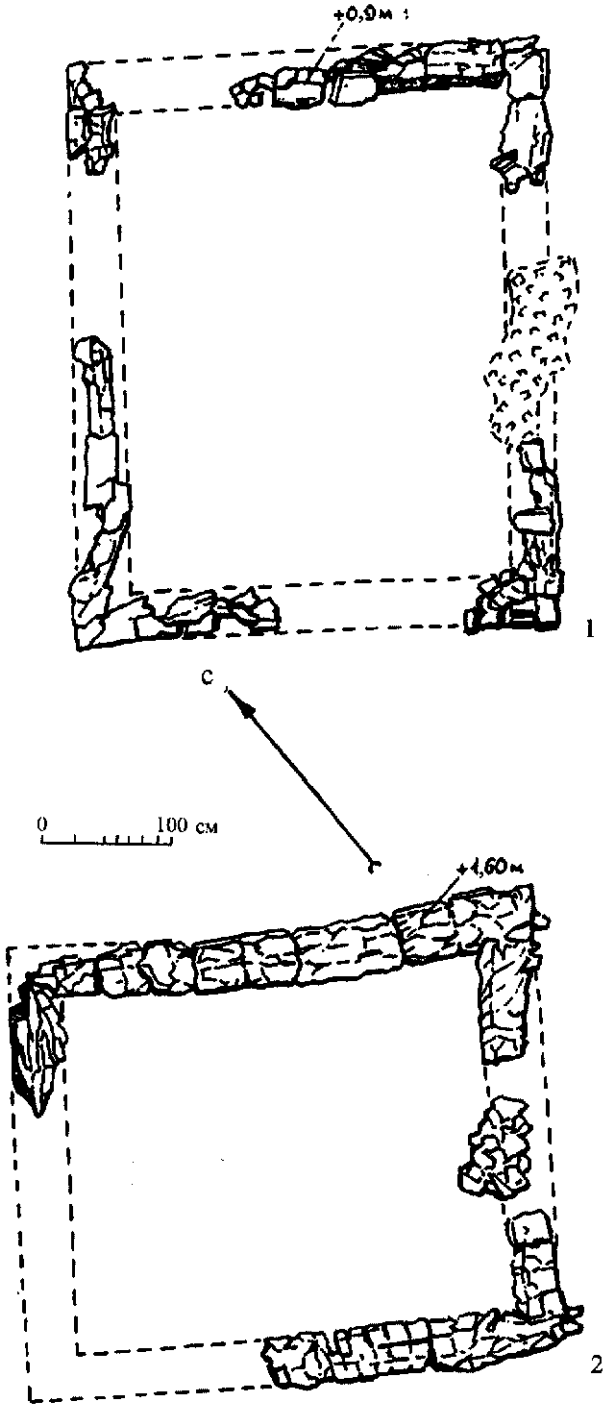


Рис. 42. Мергелевые цоколи двух зданий: *1* — здание № 35; *2* — здание № 52

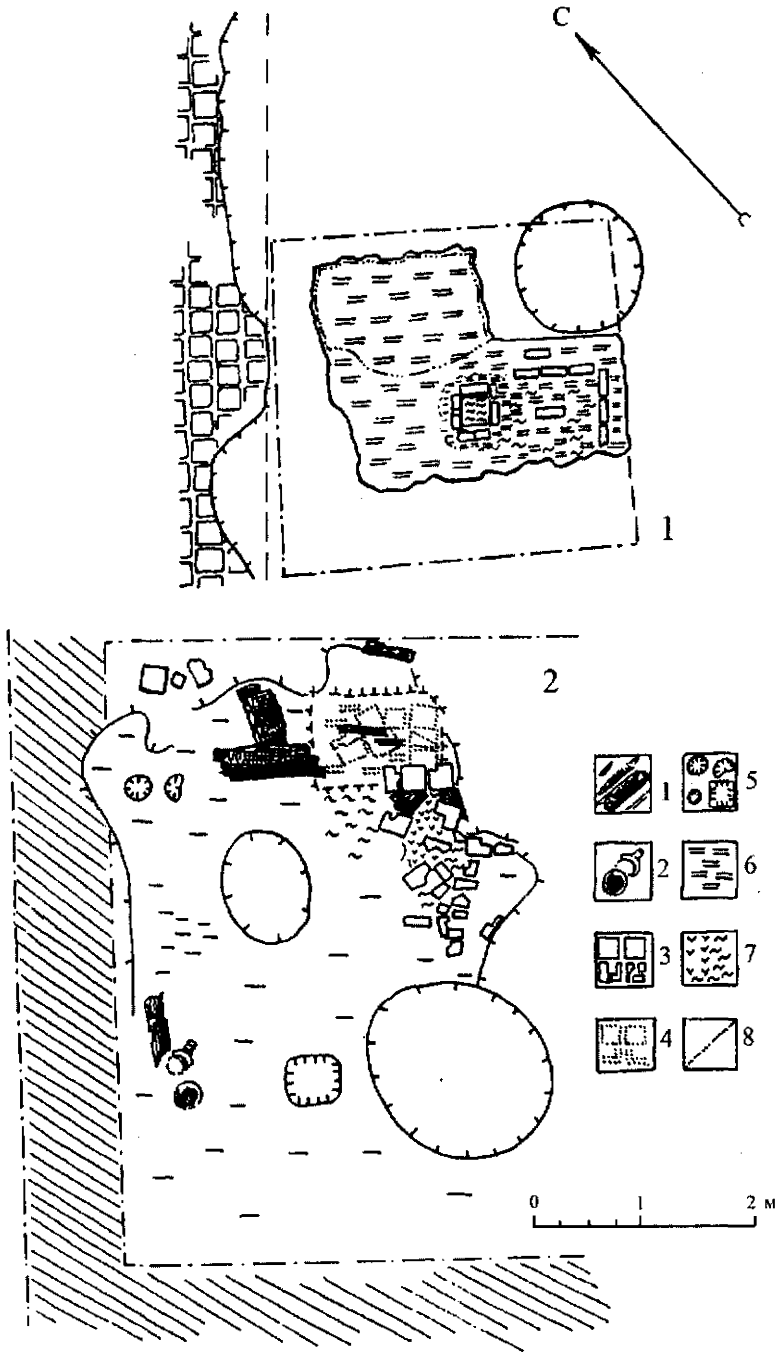


Рис. 43. Остатки сгоревших жилищ: *1* — № 51; *2* — № 41. *Условные знаки:* *1* — обломки сгоревших плах и жердей; *2* — амфоры; 3 — кирпичи; *4* — кирпичи, перекрытые полом; *5* — ямки от столбов; *6* — обожженная глина; *7* — угли и зола; *8* — границы участка более раннего пола, перекрытого полом жилища № 51

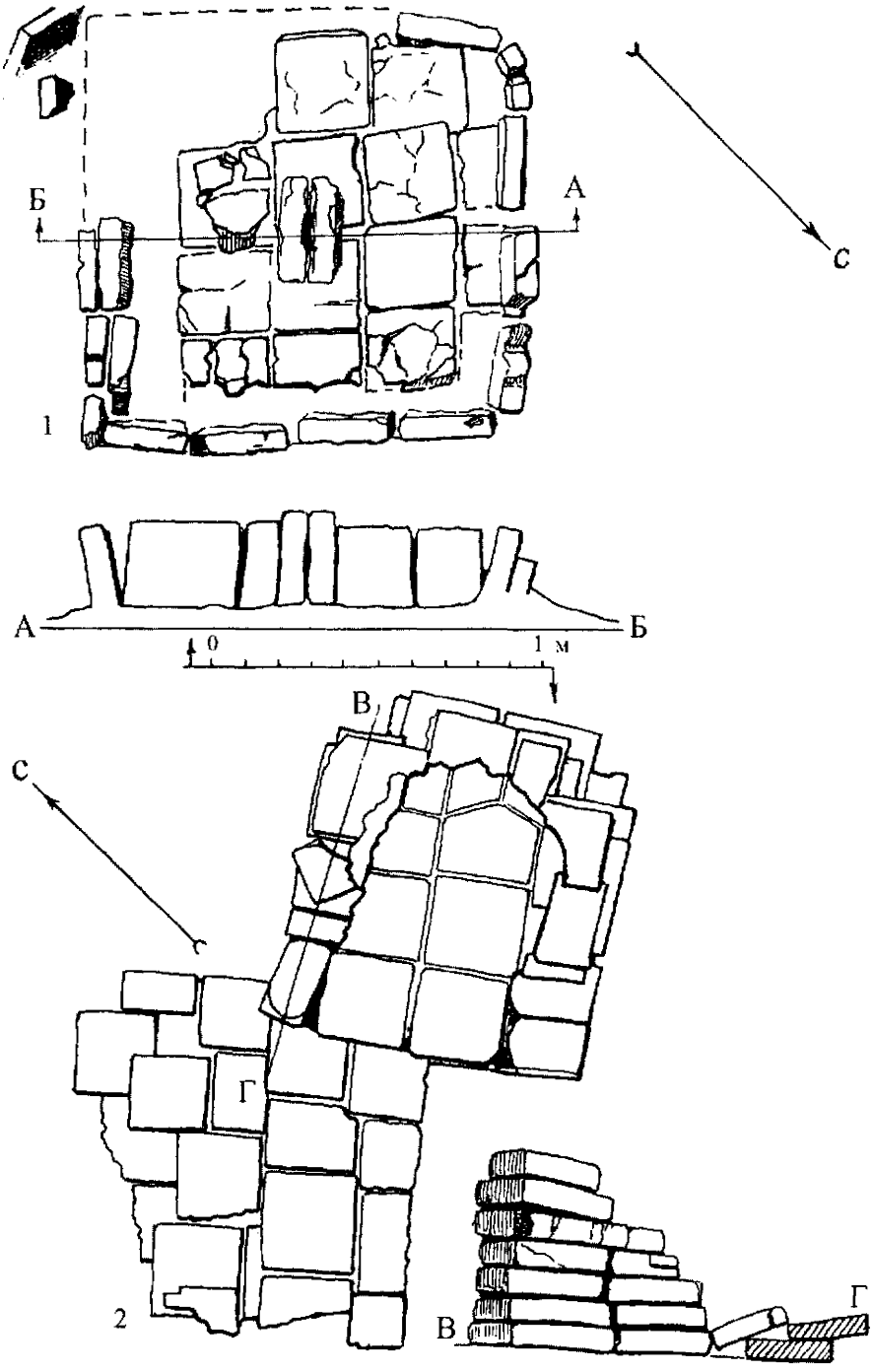


Рис. 44. Печи: *1* — жилище № 42; *2* — жилище № 40

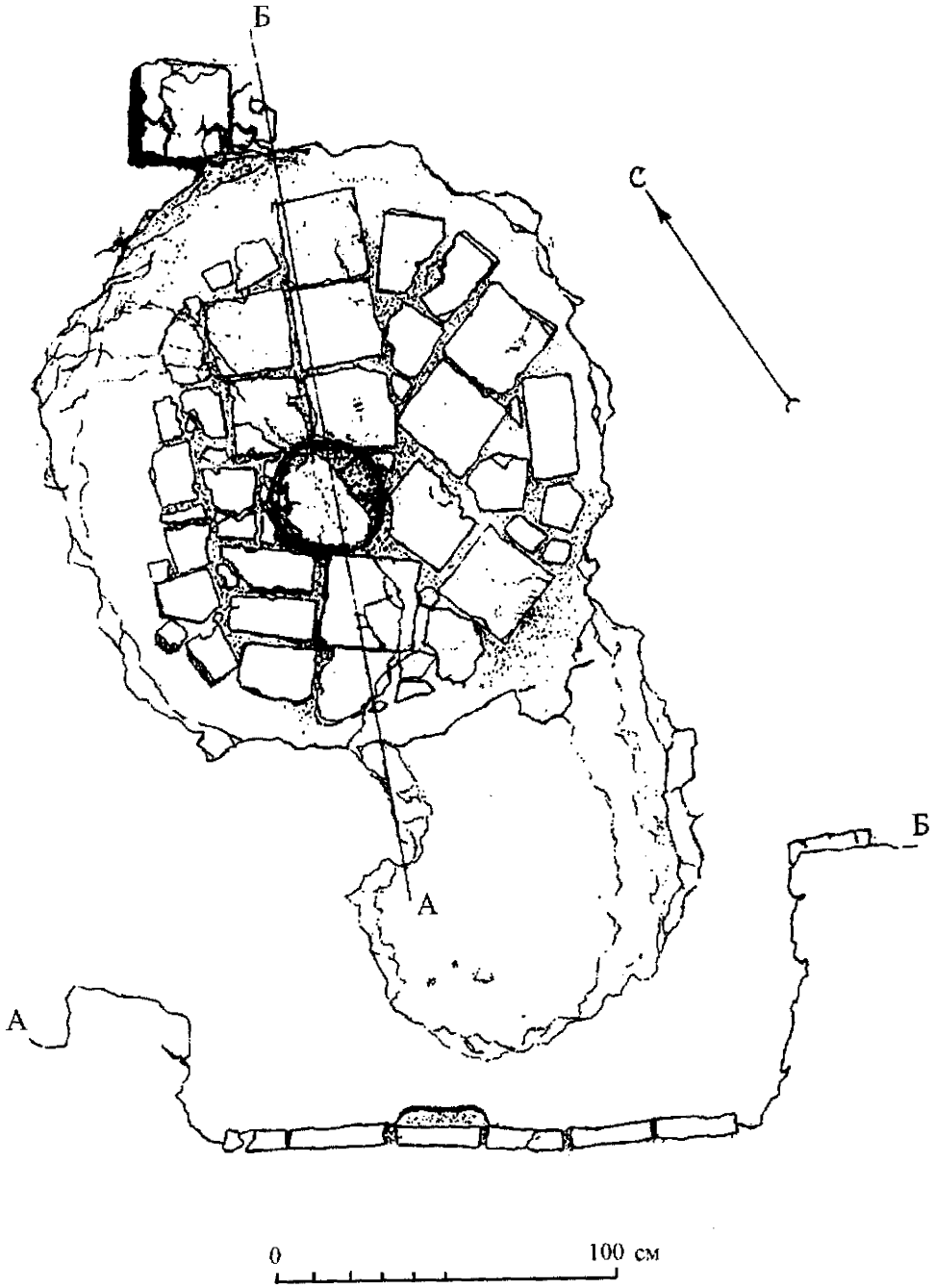


Рис. 45. Яма с чашей в кв. Ф1—У2, Ф2—У3 (ксерокопия с карандашного рисунка художника М. Девятова)

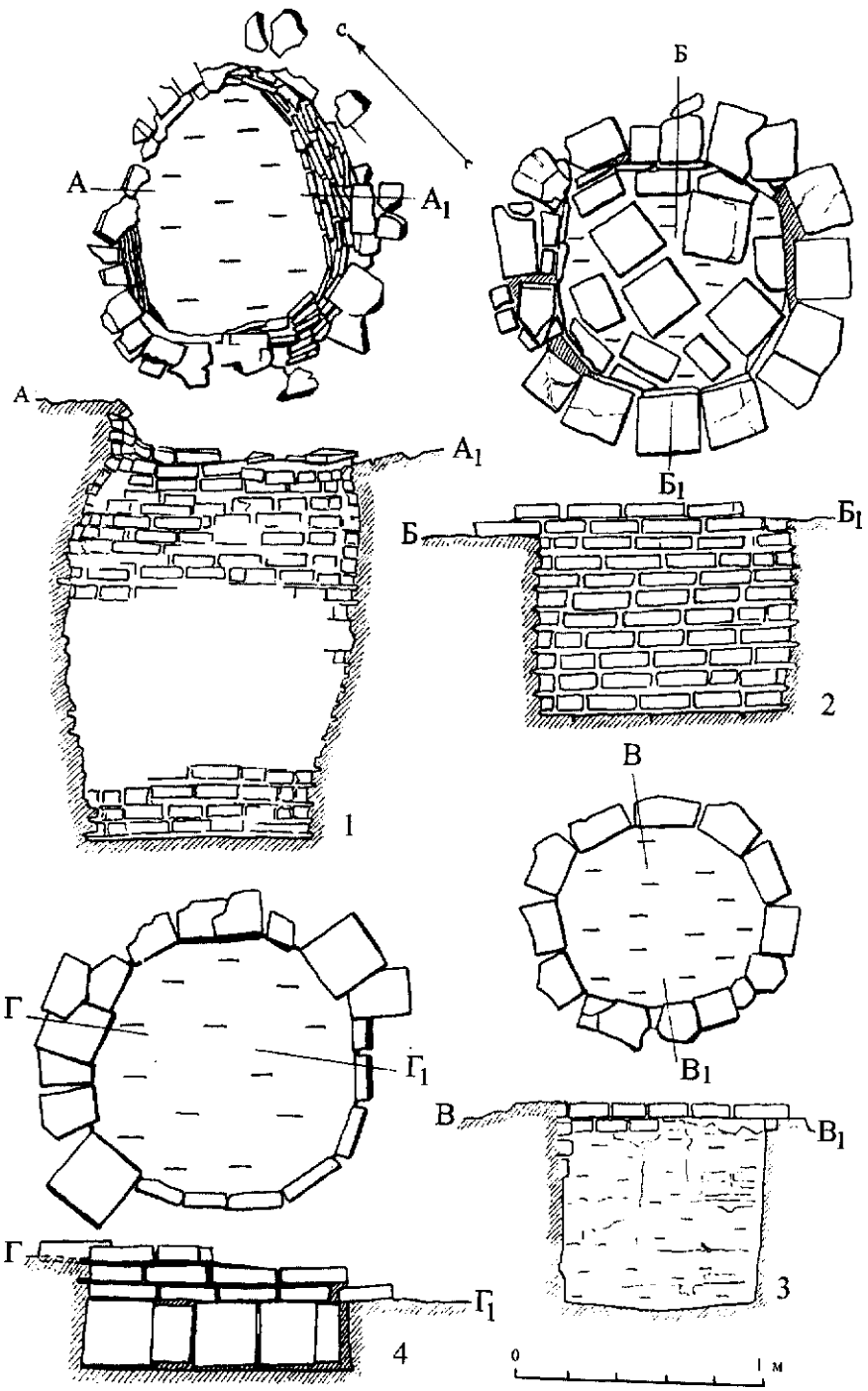


Рис. 46. Ямы, облицованные кирпичом в третьем периоде жизни Белой Вежи: *1* — яма в кв. Р5—П6; *2* — яма в кв. Ж8—Е9; *3, 4* — ямы в кв. К6—И7

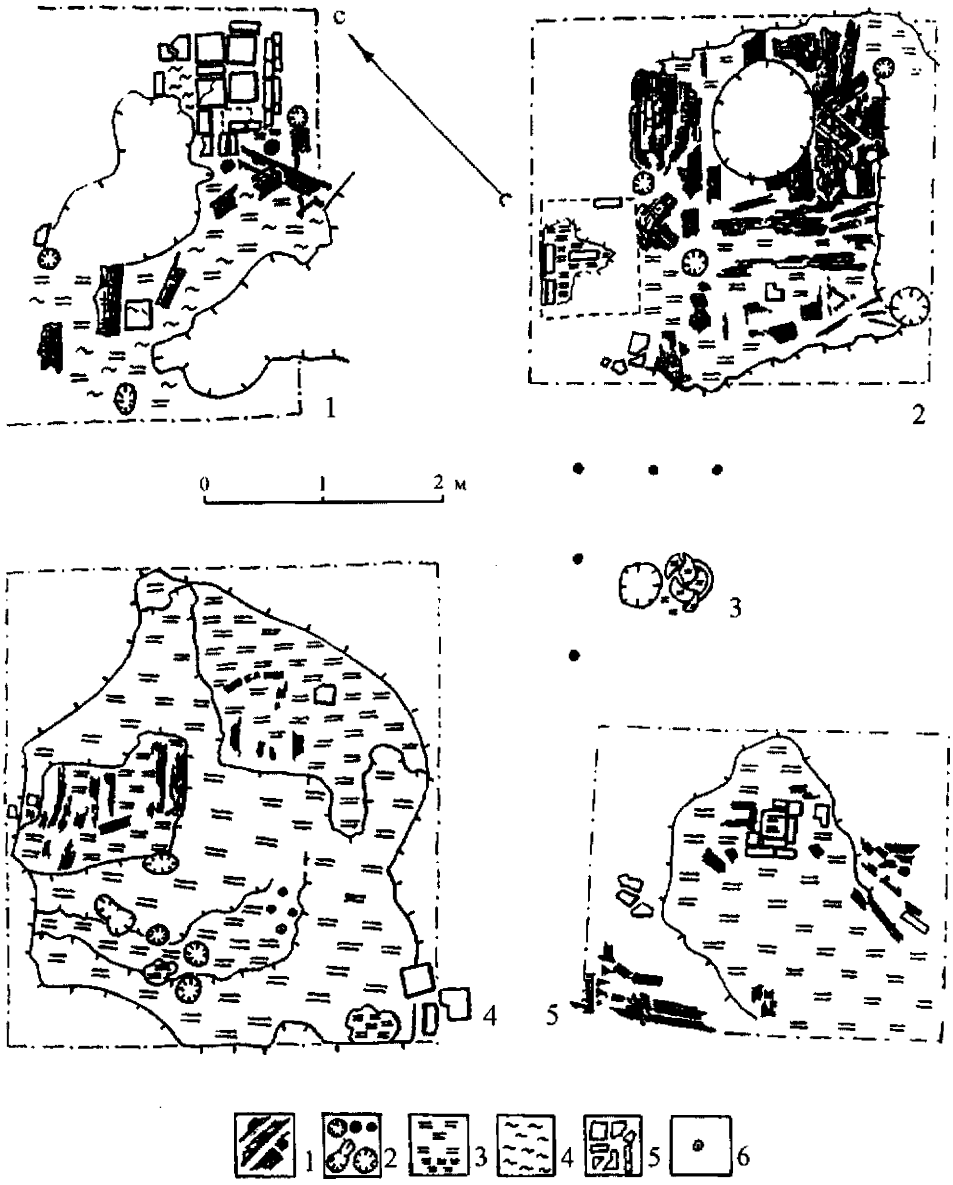


Рис. 47. Остатки жилищ: *1* — № 44; *2* — № 45; *3* — остатки навеса и разбитого тандыра под ним; *4* — несколько слоев подмазки жилища № 48 и разбитая печь в южном углу; *5* — пол с кочевническим очажком жилища № 47. *Условные знаки: 1* — рухнувшие на пол обломки сгоревших конструкций кровли и стен; *2* — ямки от столбов; *3* — обожженная глина; *4* — зола; *5* — кирпичи и их обломки; *6* — пряслице

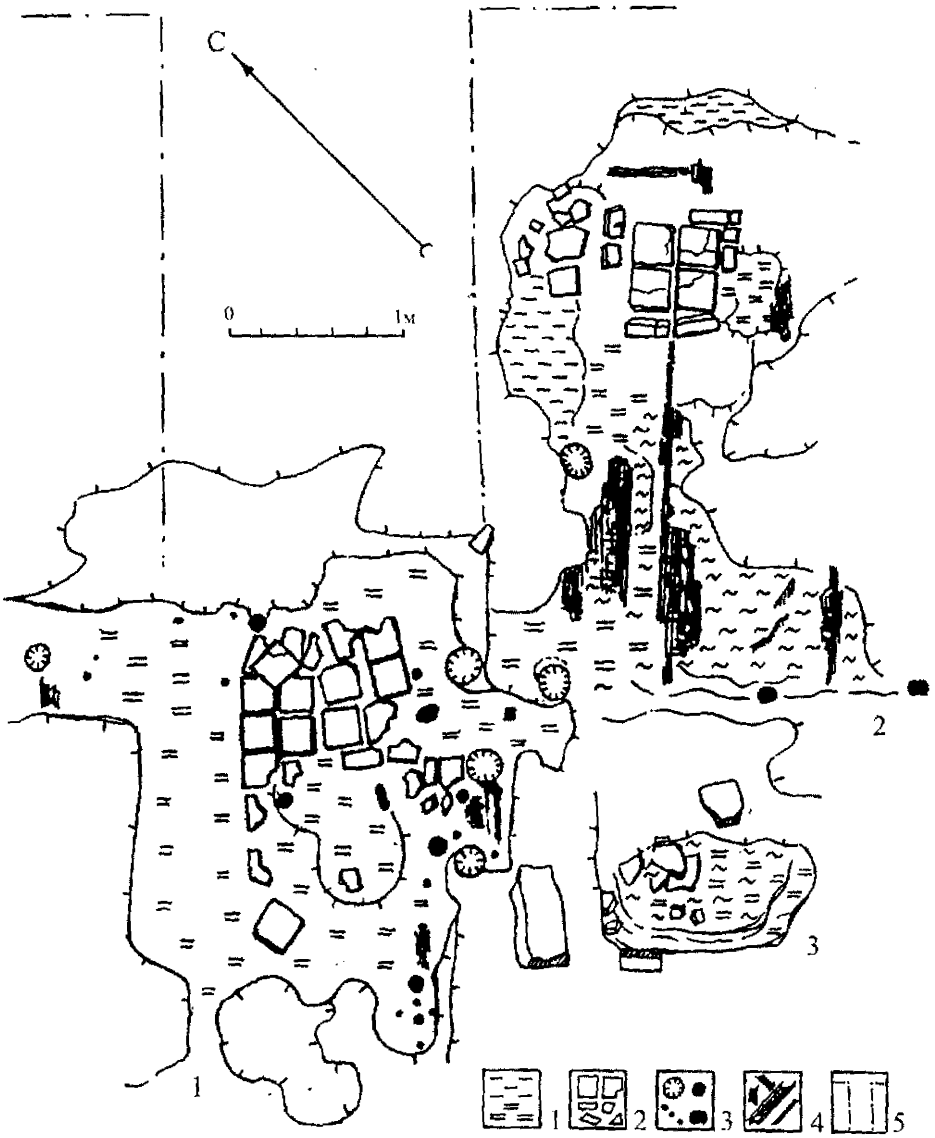


Рис. 48. Сгоревшие и разрушенные жилища, полностью перекрывавшие кладки стен "караван-сарая": *1* — № 49; *2* — № 50; *3* — очаг в кв. Н5—М6. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — кирпичи; 3 — ямки от столбов; *4* — обломки сгоревших стен и кровли; *5* — очертания уничтоженных кирпичных стен прохода в "караван-сарай"

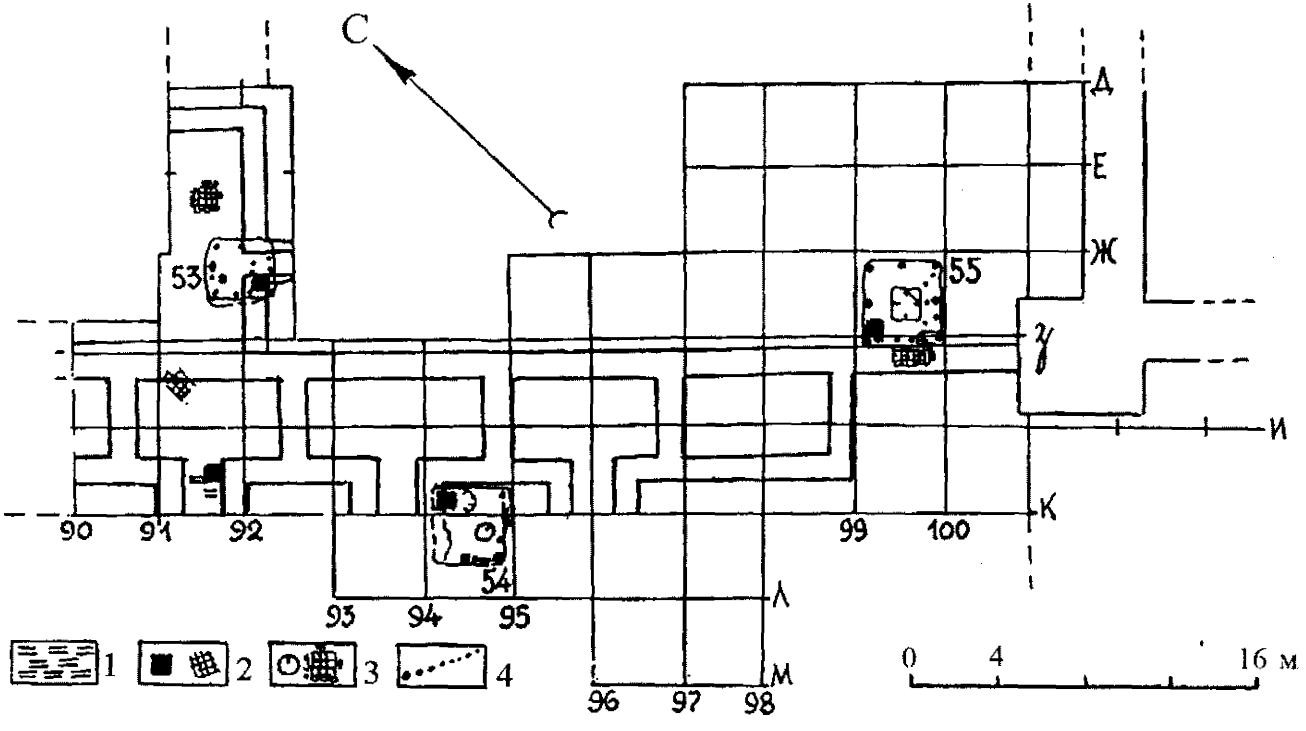


Рис. 49. Расположение жилищ на территории разрушенного "длинного здания" в третий период. *Условные знаки: 1* — обожженная глина; *2* — печи и кирпичные вымостки; *3* — ямы и погреб; *4* — ямки от столбов и жердей

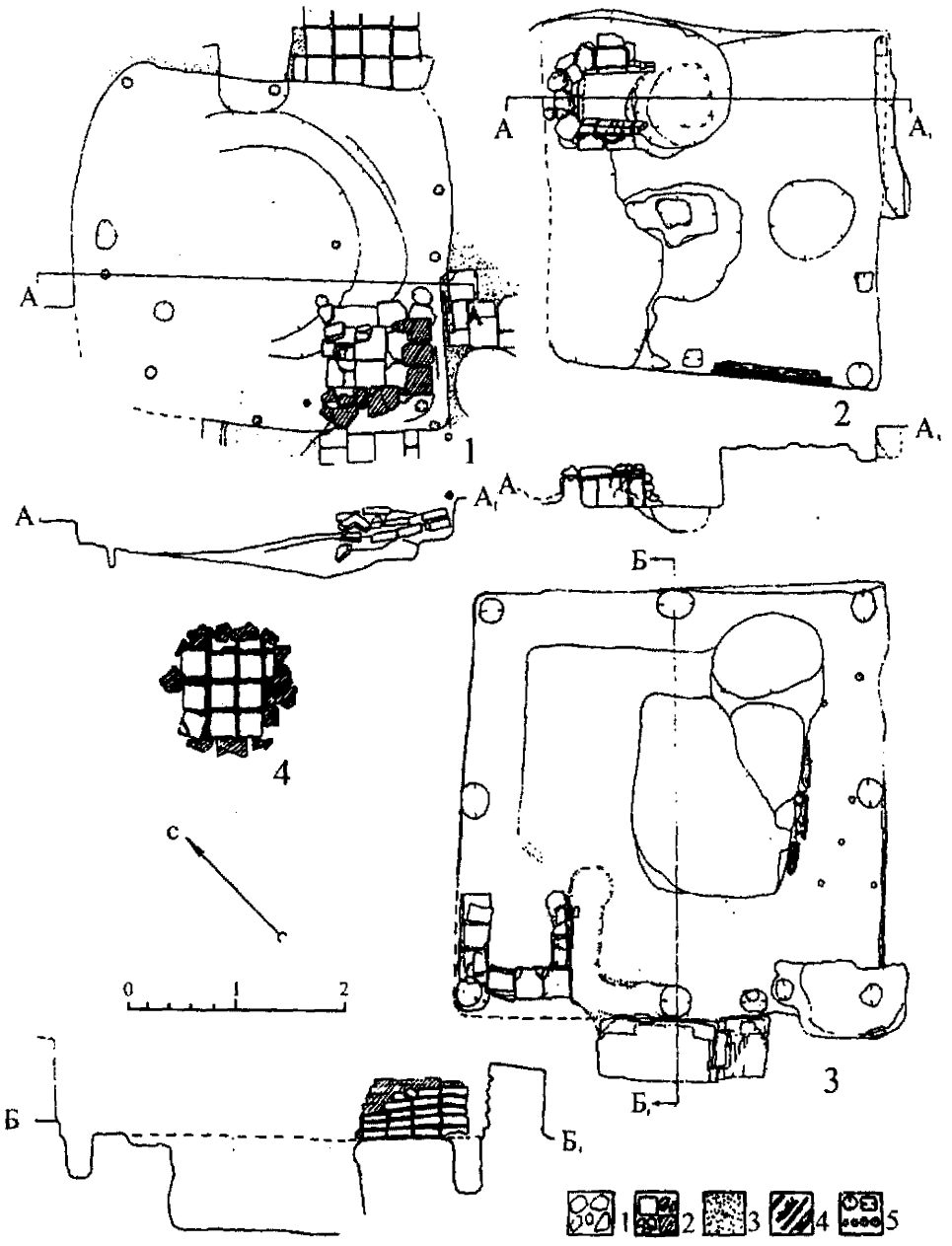


Рис. 50. Котлованы сгоревших полуземлянок: *1* — № 53; *2* — № 54; *3* — № 55; *4* — дно погребка, облицованного кирпичом. *Условные знаки: 1* — камни; *2* — кирпичи; *3* — остатки известковой "отмостки"; *4* — куски сгоревших бревен и жердей; *5* — ямки от столбов и жердей

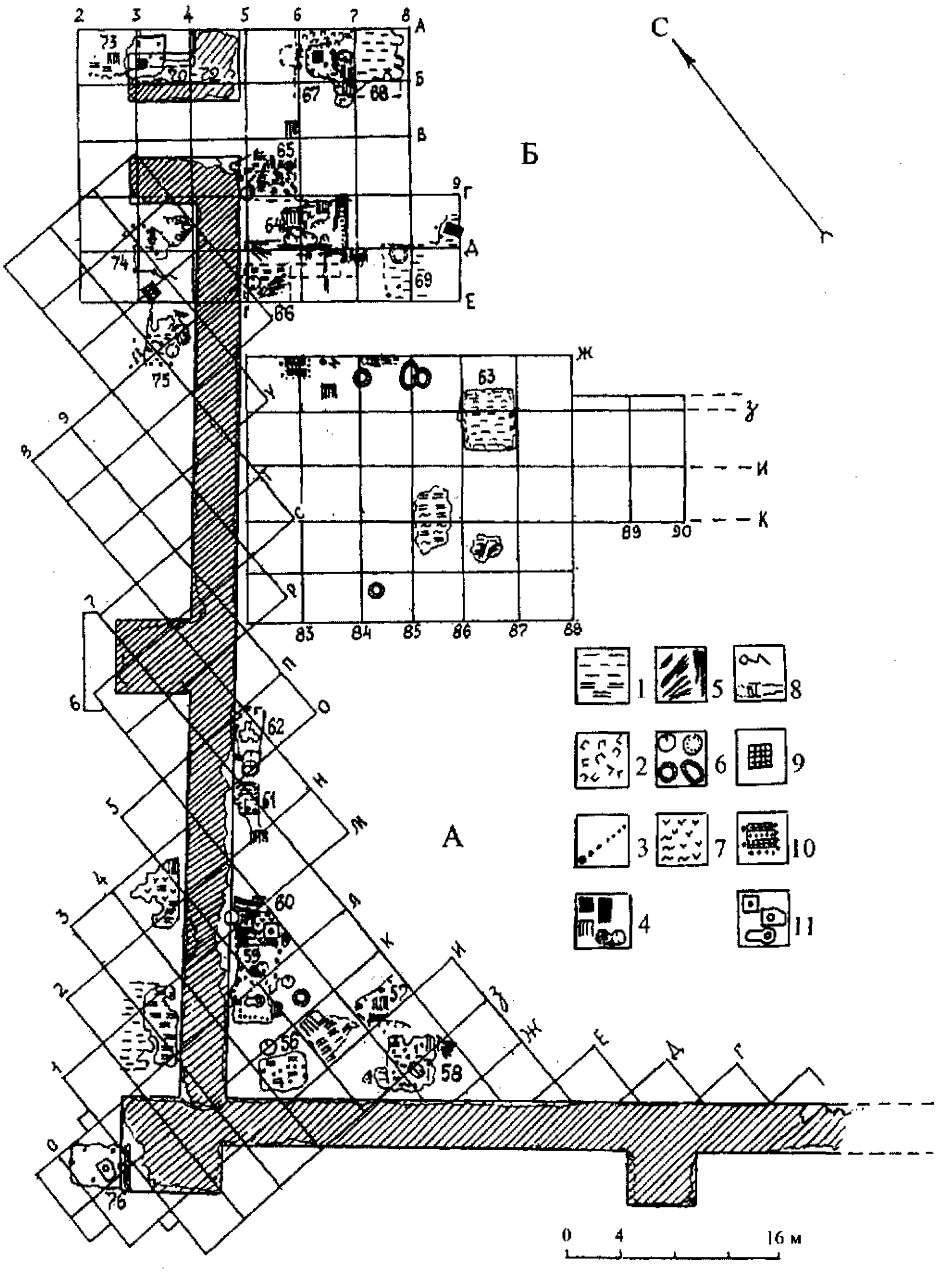


Рис. 51. Схематический план застройки западного угла и северо-западной крепостной стены в третий период: *А* — у юго-западной стены; *Б* — у Главных ворот. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — обломки кирпичей; *3* — ямки от столбов и жердей; *4* — печи и очаг; *5* — куски сгоревших бревен, досок, жердей; *6* — хозяйственные ямы с облицовкой, плетенной из камыша и с кирпичной облицовкой; *7* — уголь, зола; *8* — захоронения людей; *9* — погреб; *10* — вымостка из кирпичей; *11* — гончарная печь и горны

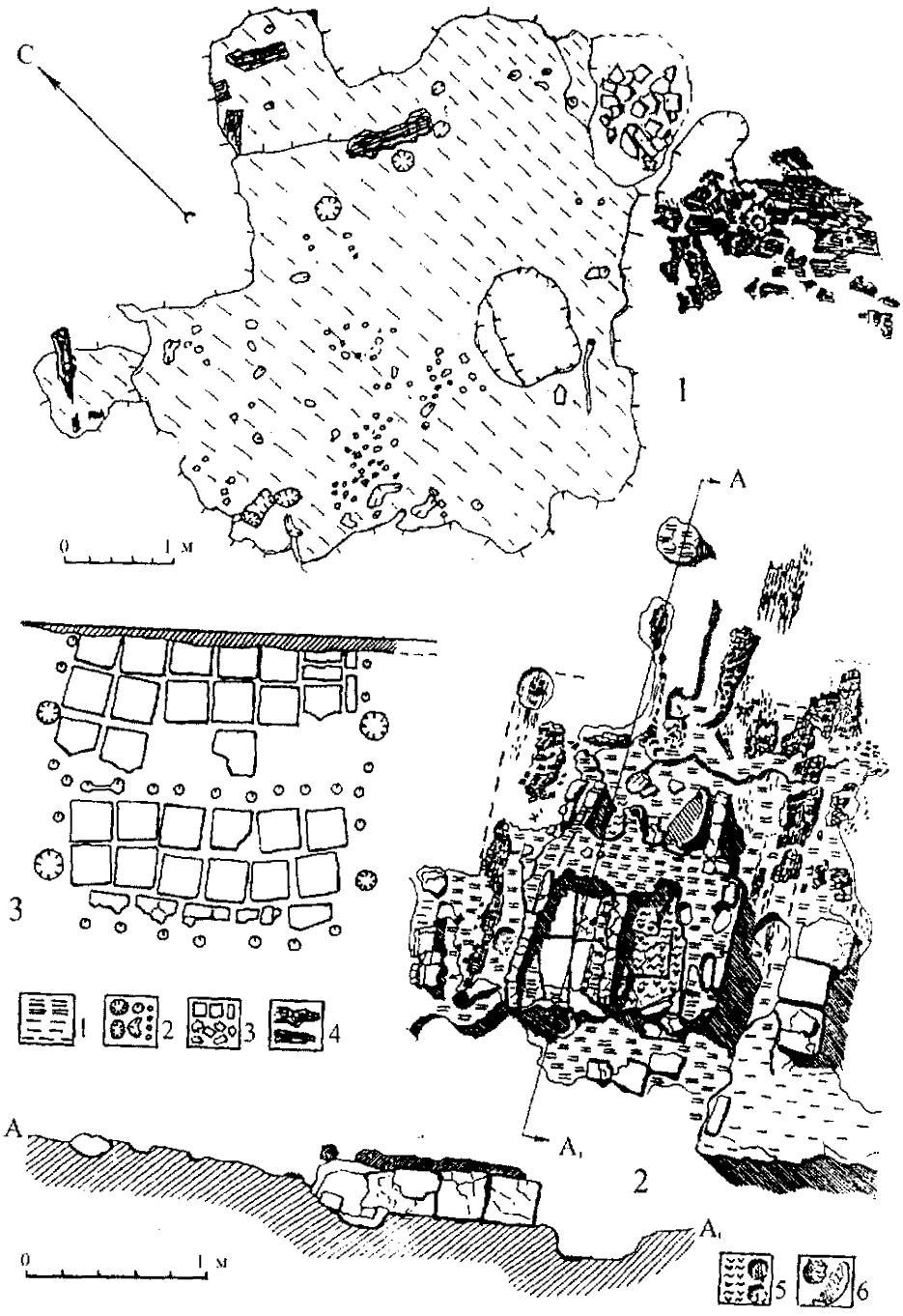


Рис. 52. Остатки жилища № 58 (*1*); печь (хлебная?) на участке "Б" в кв. Д8—Г9 (*2*). Копия с полевого чертежа (аксонометрия); кирпичная вымостка в кв. З82—Ж83 (*3*). *Условные знаки: 1* — обожженная и необожженная глина; *2* — ямки от столбов и жердей; *3* — кирпичи и их обломки; *4* — сгоревшие бревна и плахи; *5* — угли и зола; *6* — нижняя часть дымохода и обломок подницы

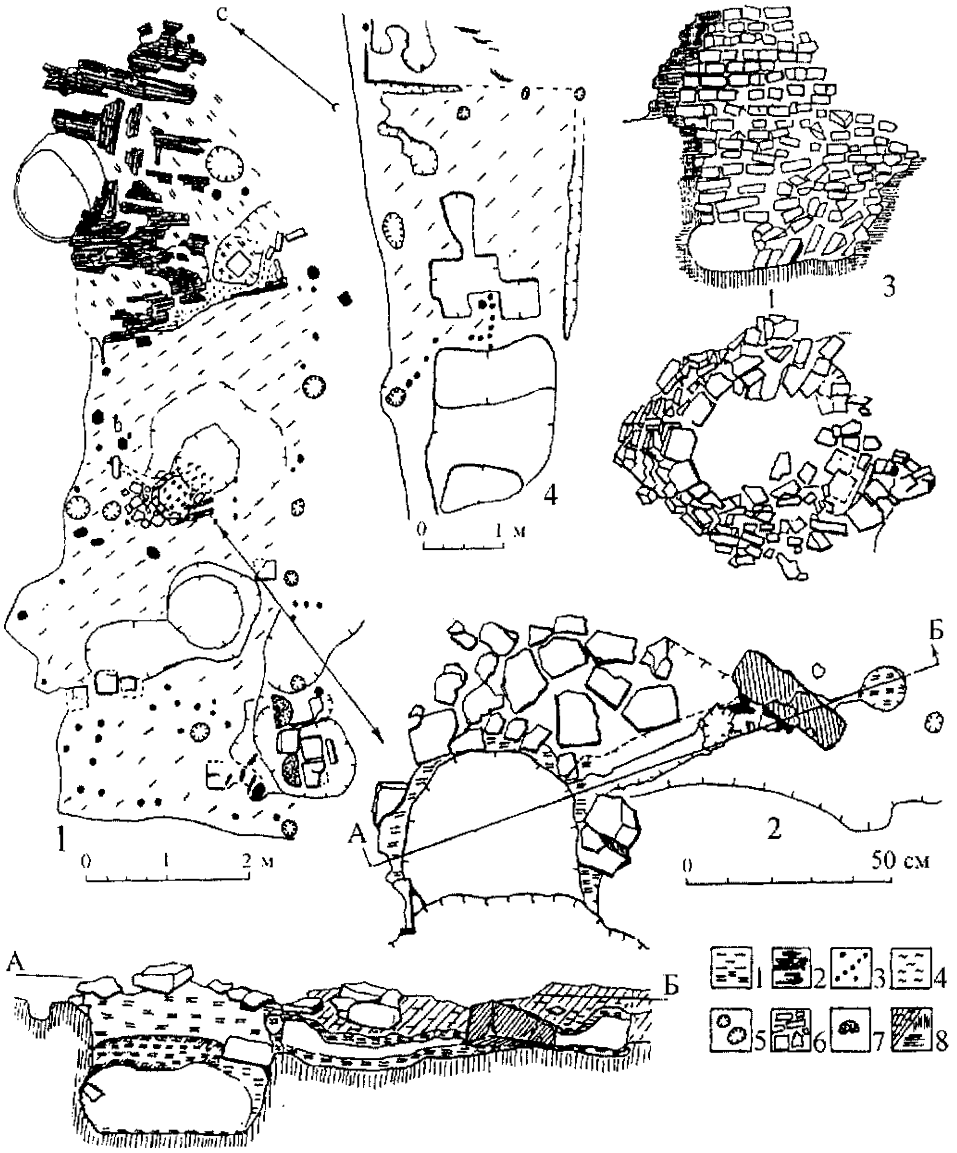


Рис. 53. Остатки построек № 59 и № 60 (*1*); горн в постройке № 59 (*2*); яма, облицованная кирпичом (рядом с постройкой № 59 (*3*); постройка № 62 (*4*). *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — обломки сгоревших плах постройки № 60; *3* — ямки со следами сгоревших жердей; *4* — зола; *5* — ямки от столбов без следов сгоревшего дерева; *6* — кирпичи и их обломки; *7* — жернов; *8* — культурный слой

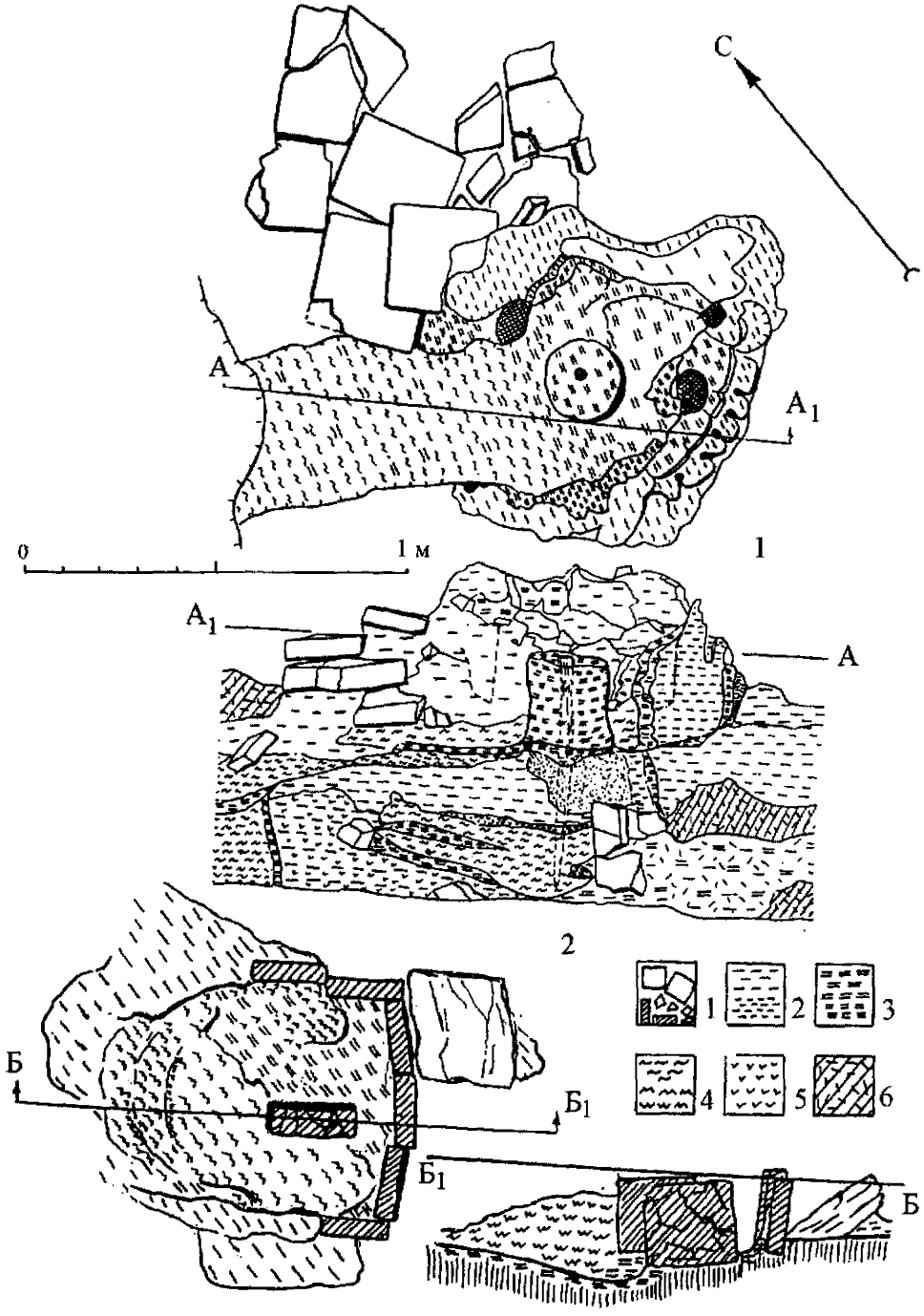


Рис. 54. Печи из постройки № 60: *1* — остатки гончарной печи; *2* — разрушенное основание печи под гончарной печью. *Условные знаки: 1* — кирпичи; *2* — глина; *3* — обожженная глина; *4* — зола; *5* — уголь; *6* — серый культурный слой

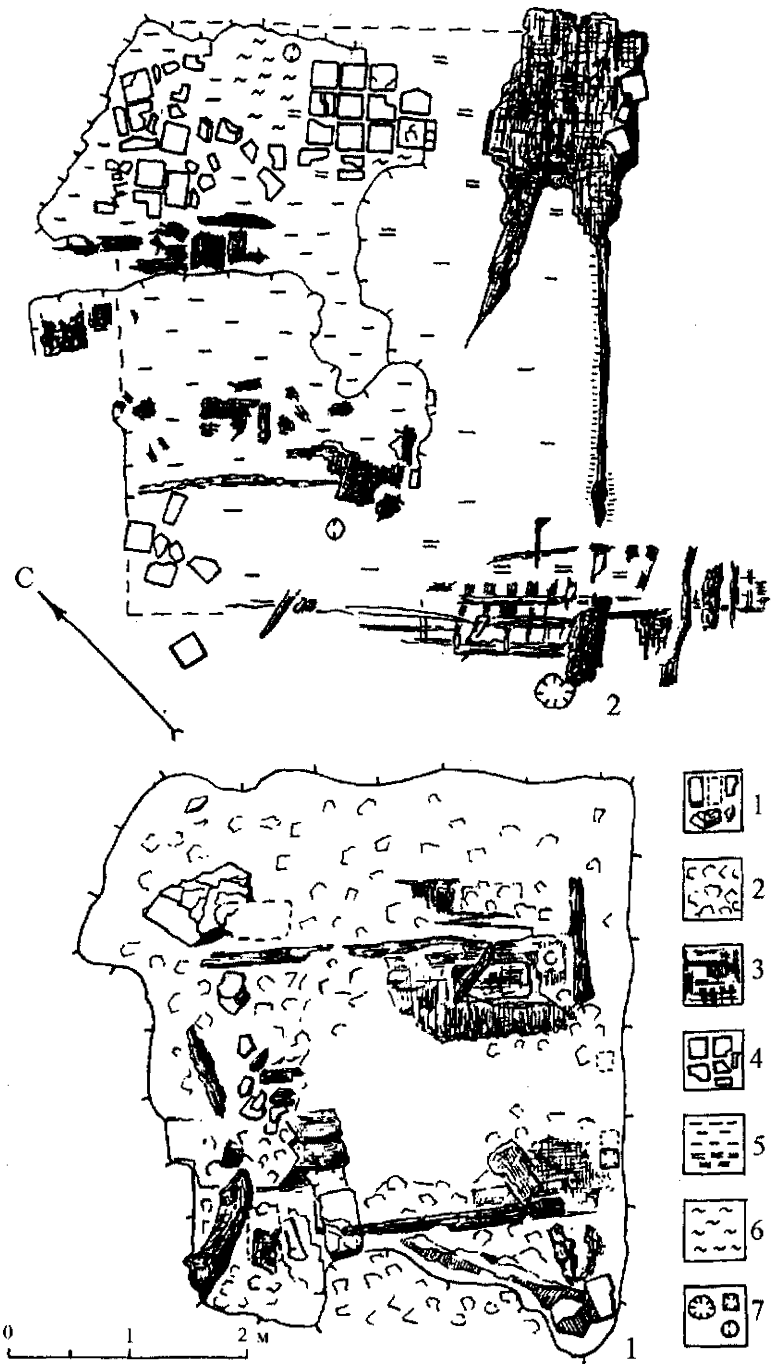


Рис. 55. Остатки жилищ: *1* — № 63 (с мергелевым цоколем); *2* — № 64. *Условные знаки: 1* — мергелевые блоки и обломки; *2* — мелкие обломки цоколя; *3* — сгоревшие деревянные детали кровли и стен; *4* — кирпичи и обломки; *5* — глина и обожженная глина; *6* — зола; *7* — ямки от столбов

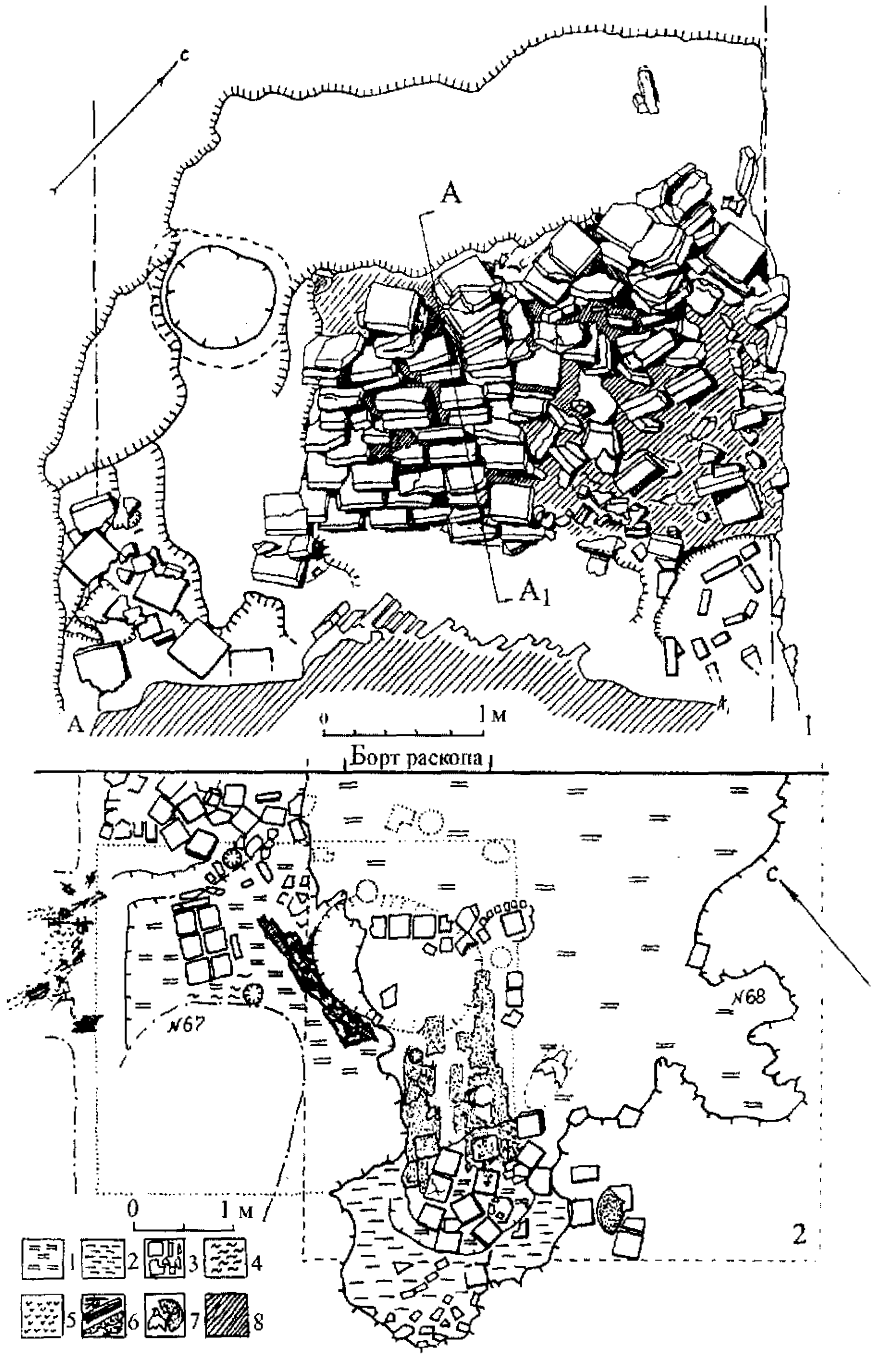


Рис. 56. Упавшая кирпичная стенка в проеме Главных ворот (*1*); остатки печей и полов жилищ № 67 и № 68 (*2*). *Условные знаки: 1* — обожженная глина; *2* — глиняный развал печи; *3* — кирпичи и обломки; *4* — зола; *5* — уголь; *6* — сгоревшие плахи; *7* — обломки амфоры и жернова; *8* — серый культурный слой

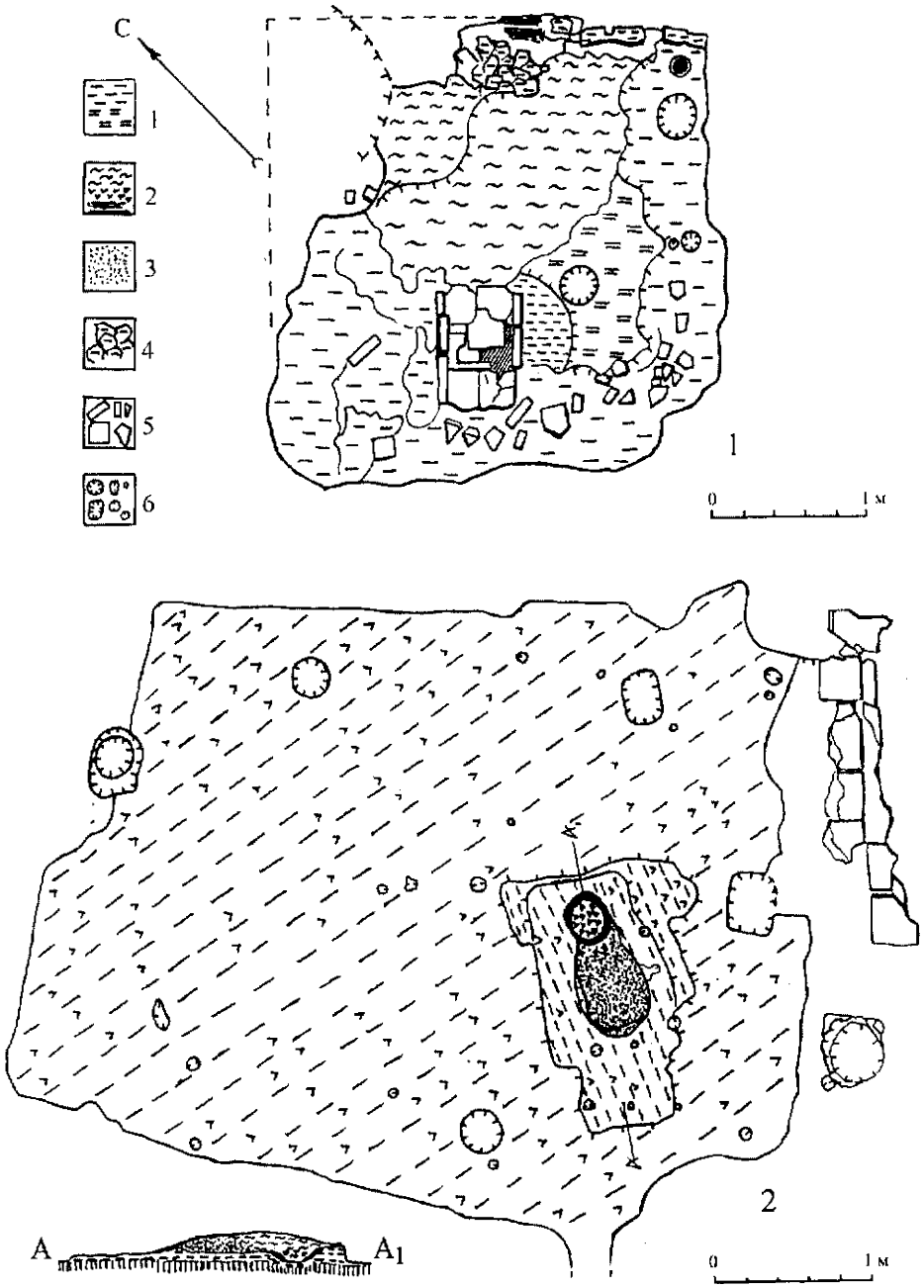


Рис. 57. Остатки жилища № 70 (*1*) и кузнечная мастерская № 76 (*2*). *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — зола, угли, сгоревшие обломки досок; *3* — песок; *4* — груда обломков глинобитной обмазки; *5* — кирпичи и обломки; *6* — ямки от столбов и жердей

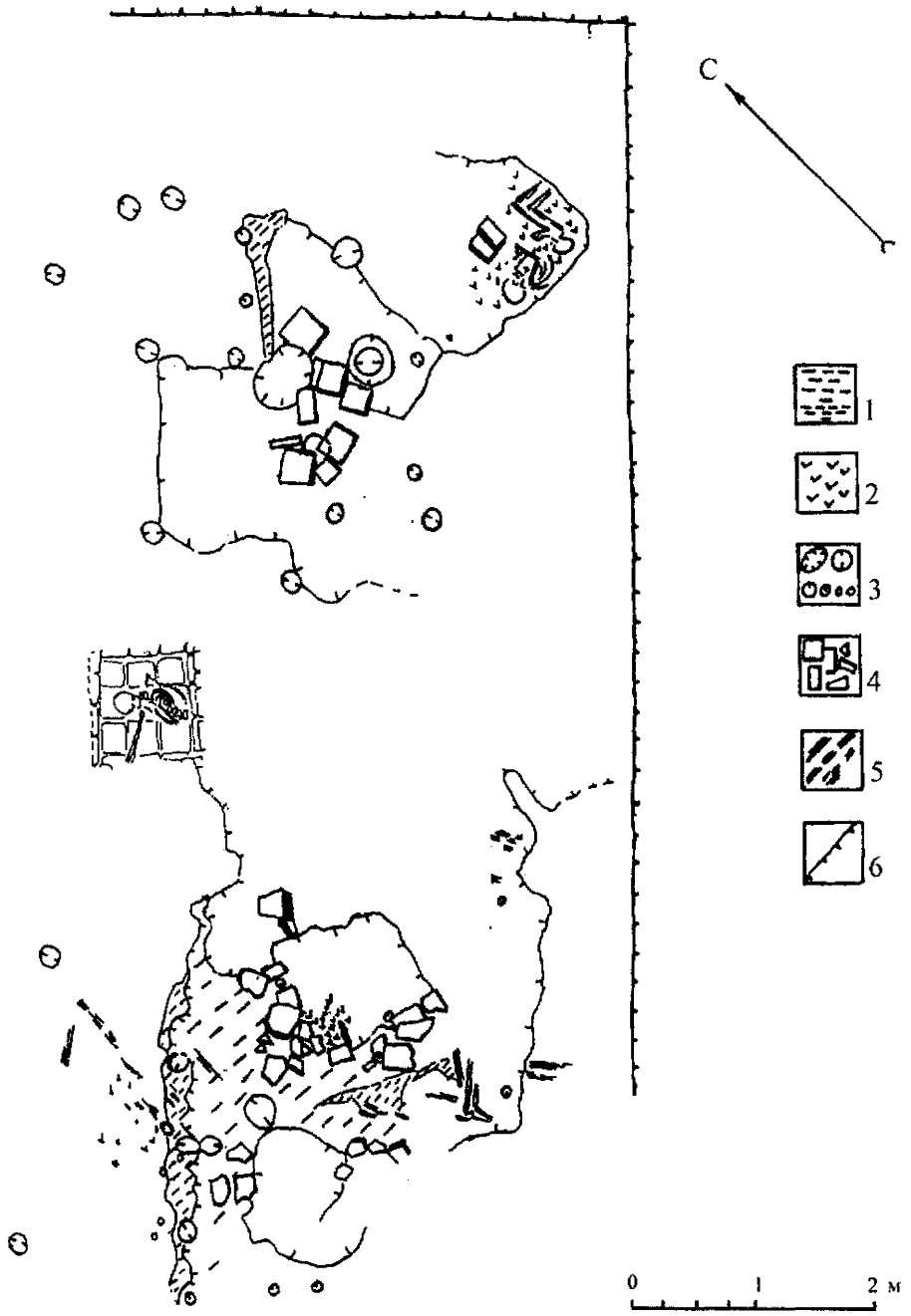


Рис. 58. Следы разгрома жилищ № 74 и № 75 у юго-западного пилона Главных ворот. *Условные знаки: 1* — глина; *2* — уголь; *3* — ямы и столбы от столбов и жердей; *4* — кирпичи; *5* — куски сгоревших плах и жердей; *6* — линия северо-западной стены и пилона

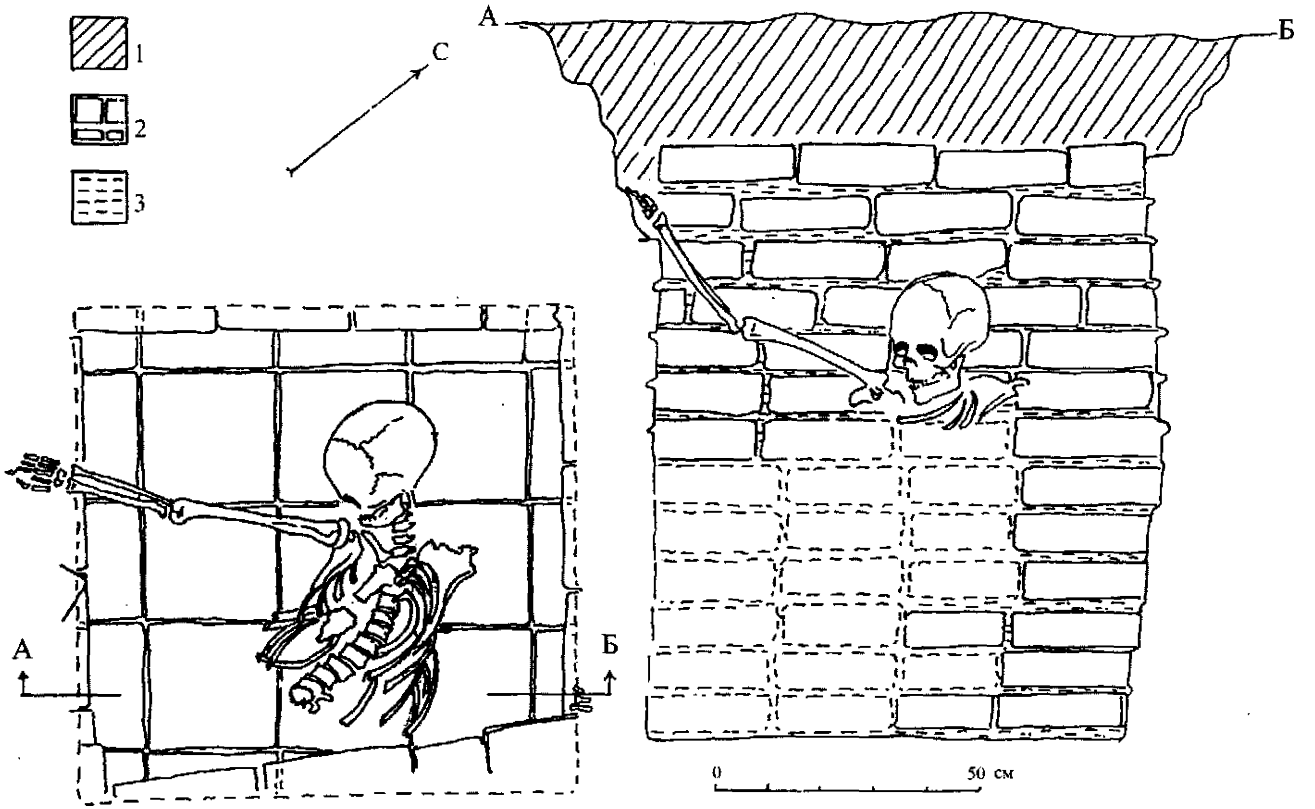


Рис. 59. Погреб со скелетом убитого мужчины. *Условные знаки: 1* — культурный слой; *2* — кирпичи; *3* — раствор глины

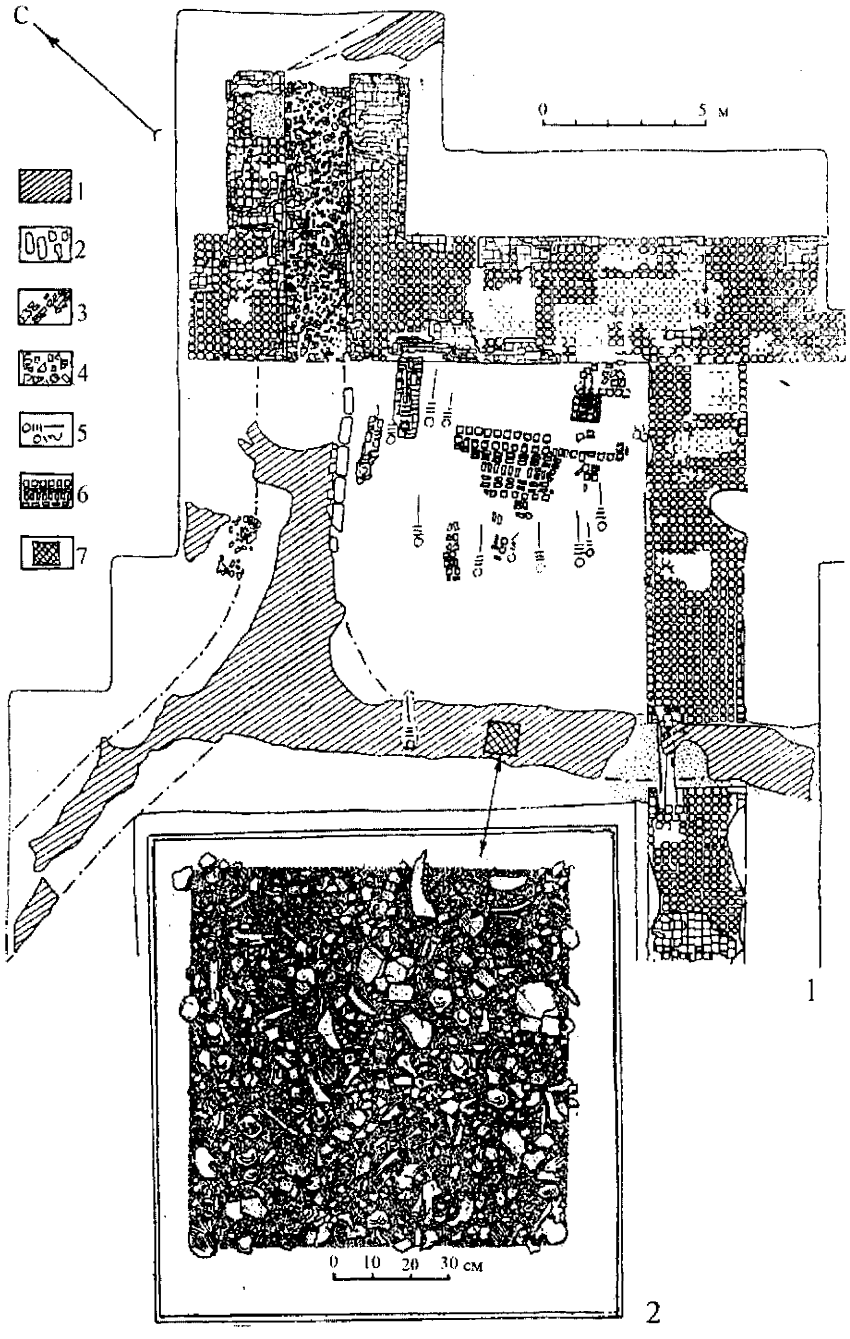


Рис. 60. Речные ворота и примыкающий к ним участок стены цитадели (*1*) (*1* — остатки мощеной дороги; *2* — мергелевые блоки; *3* — разбитые мергелевые блоки; *4* — разбитые кирпичи проезда в Речных воротах; *5* — погребения; *6* — "фигурная" кирпичная вымостка); квадрат мостовой крупным планом (*2*) (рисунок художника М. Девятова)

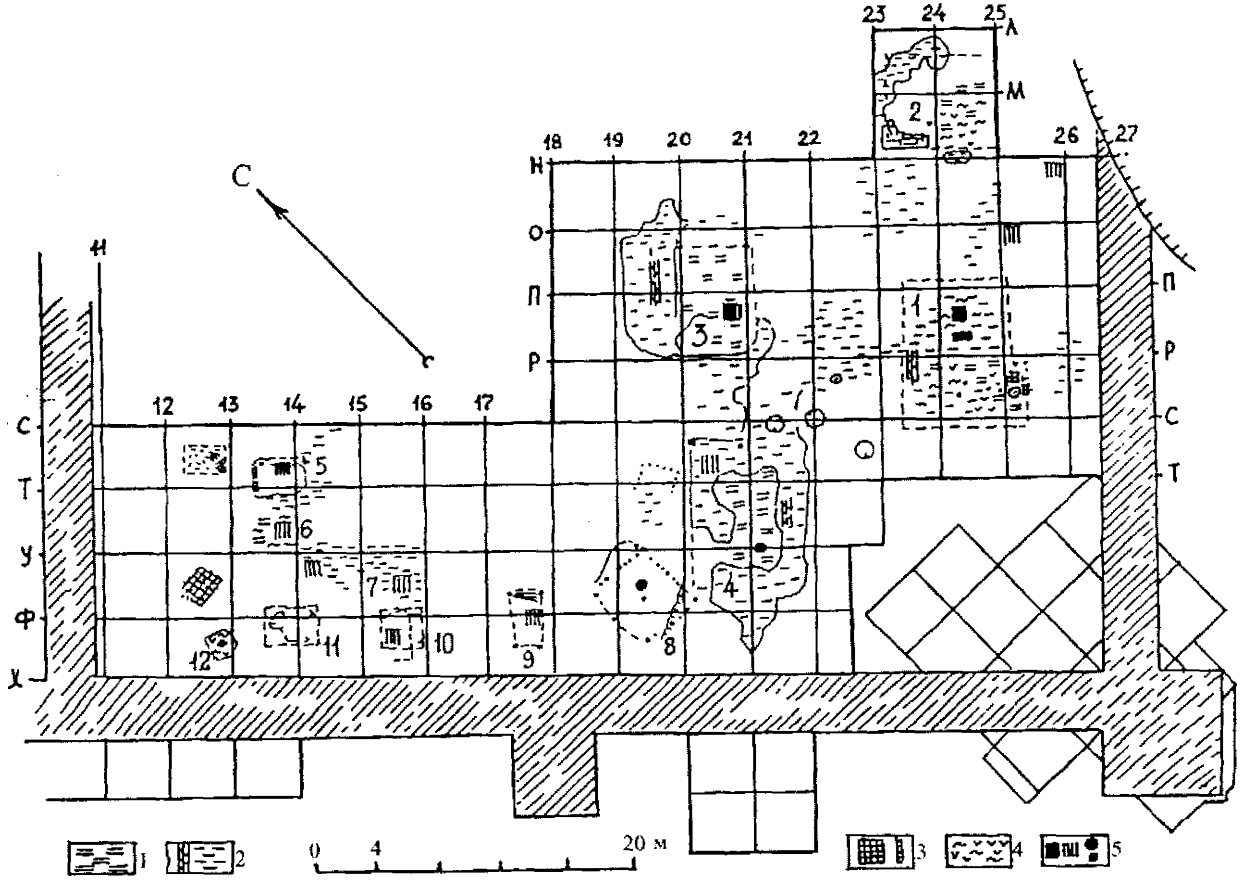


Рис. 61. Последняя беловежская застройка в цитадели. *Условные знаки: 1* — обожженная глина; *2* — блоки сырцовых кладок и "разливы" глины; *3* — кирпичные вымостки; *4* — угли и зола; *5* — печи, очаги и развалы печей

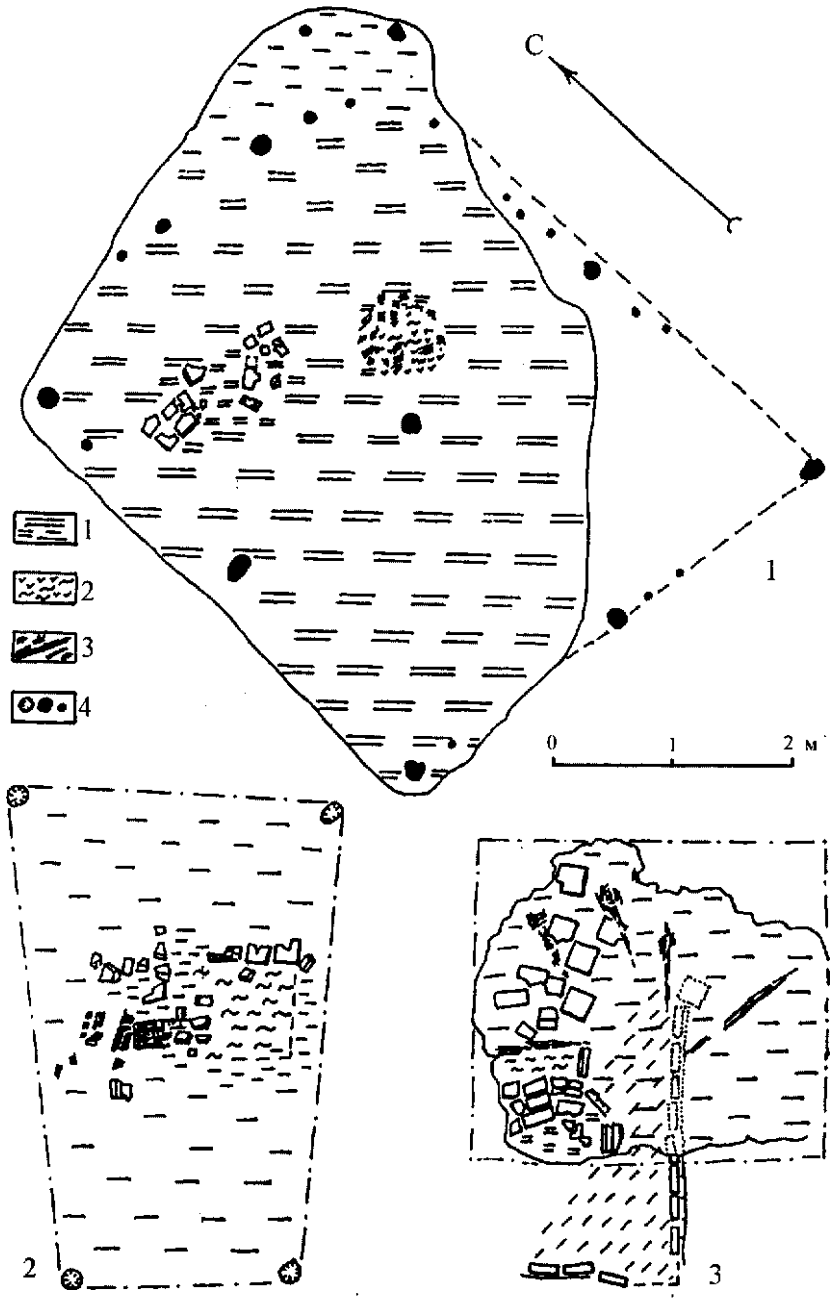


Рис. 62. Остатки наземных столбовых домов: *1* — № 8; *2* — № 9; *3* — № 10. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная поверхность глинобитного пола; *2* — угли и зола; *3* — остатки сгоревших деревянных конструкций; *4* — ямки от столбов и жердей

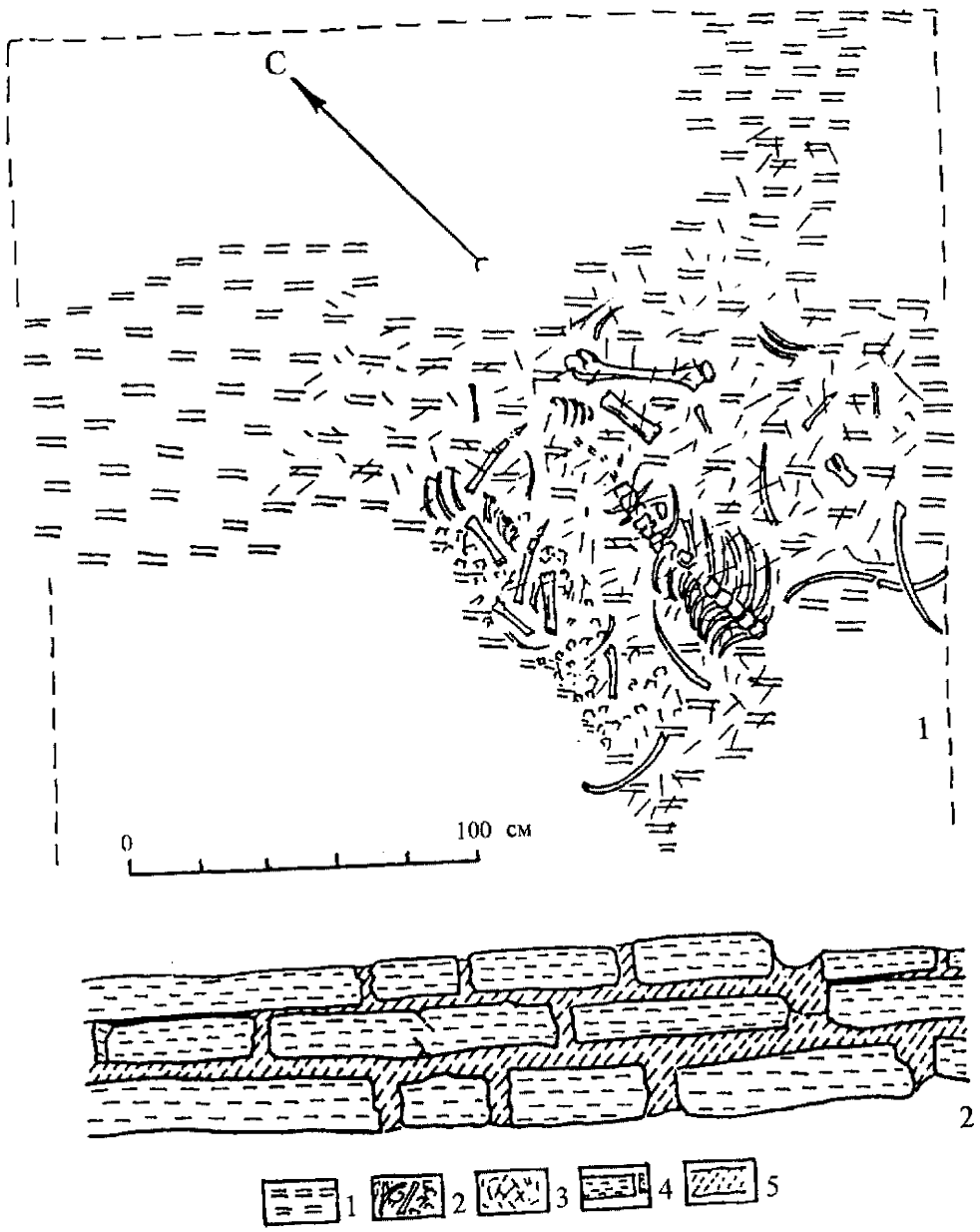


Рис. 63. Жертвенный "костер" (*1*); остатки сырцовой кладки жилища № 2 (кв. Н23—М24) (*2*). *Условные знаки: 1* — обожженная поверхность "пола"; *2* — кости животных и их обломки; *3* — чешуя и кости рыб; *4* — зеленовато-серые сырцовые кирпичи; *5* — раствор красной глины

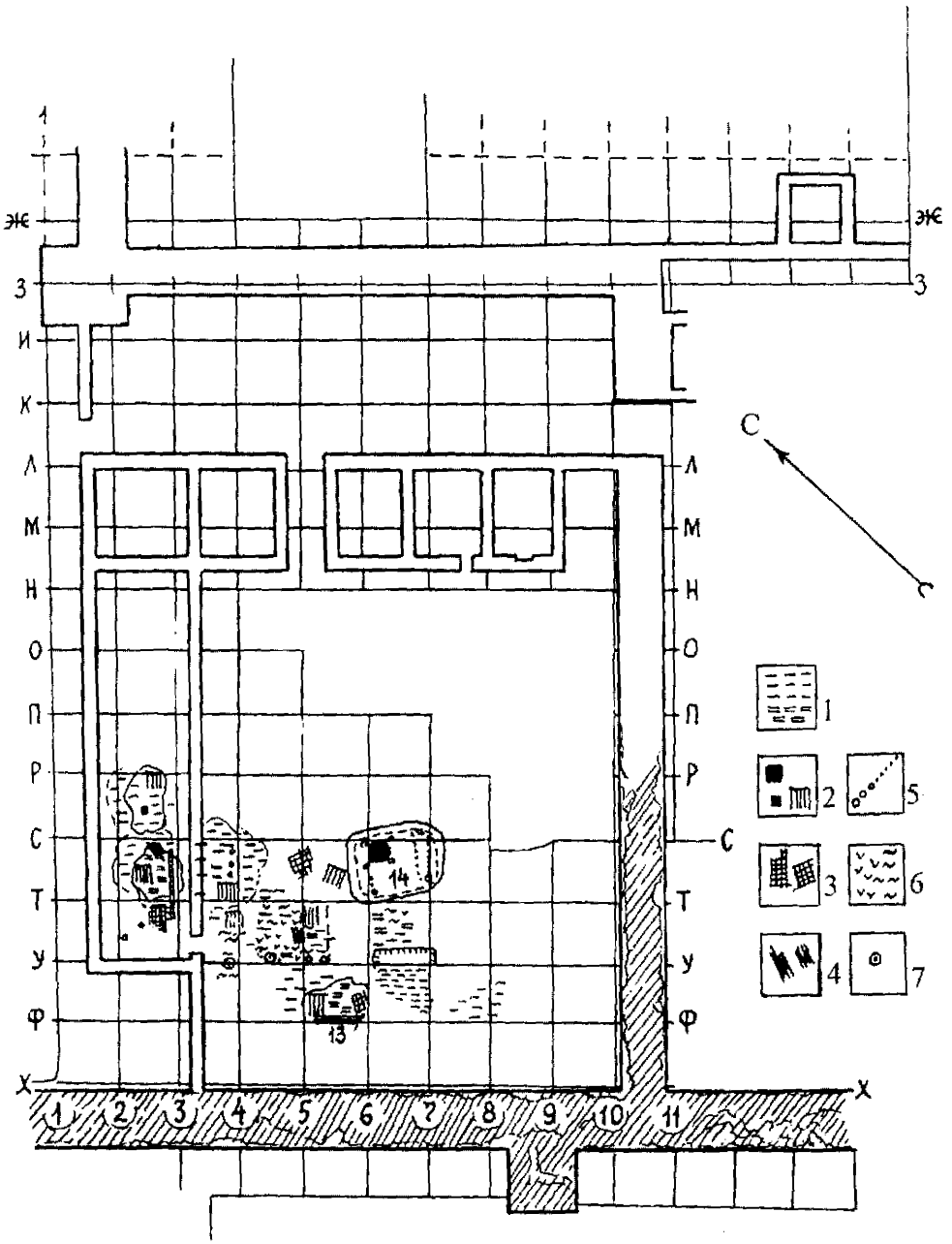


Рис. 64. Схематический план строительства во дворе "караван-сарая" в четвертый период. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — печи и очажок; *3* — вымостки; *4* — обгорелые плахи; *5* — ямки от столбов и жердей; *6* — уголь и зола; *7* — жернов

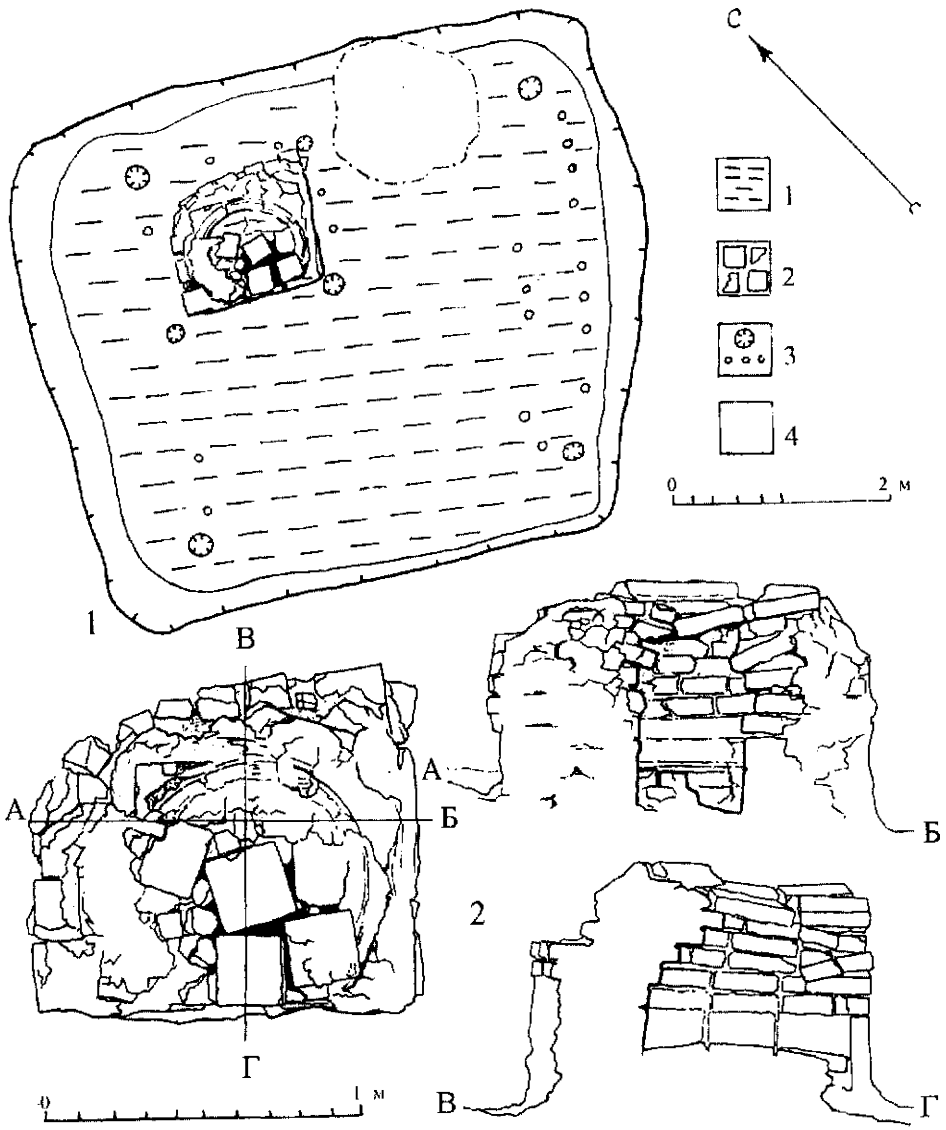


Рис. 65. Жилище (полуземлянка) № 14 (*1*) и печь в ней (*2*). *Условные знаки: 1* — глинобитный пол; *2* — кирпичи; *3* — ямки от столбов и жердей; *4* — поздняя яма, врезавшаяся в котлован

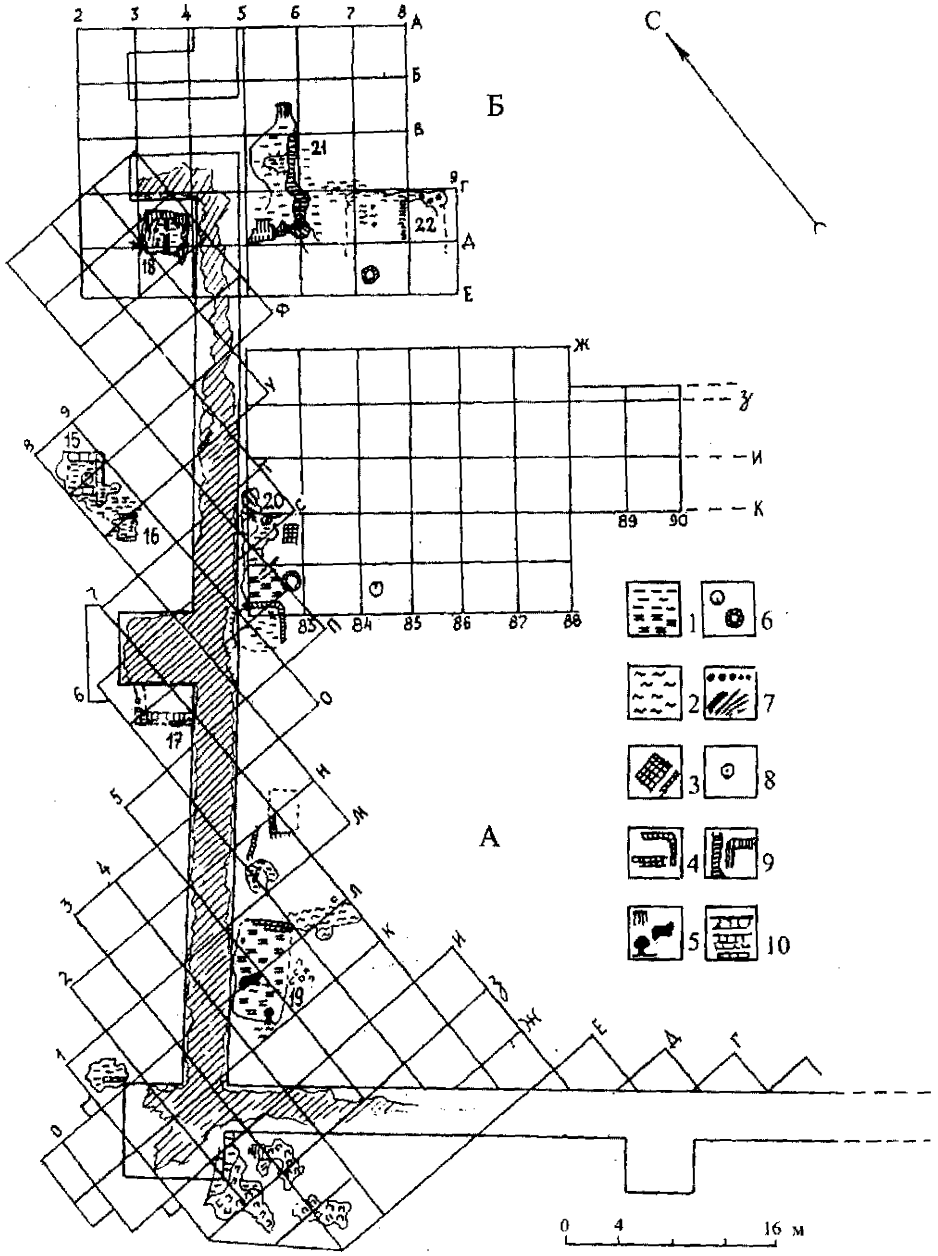


Рис. 66. Схематический план строительства у северо-западной стены в четвертый период: *А* — у юго-западной стены; *Б* — у Главных ворот. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — зола; *3* — кирпичные вымостки; *4* — стена погреба, сложенная из кирпича, и кирпичный цоколь глинобитной стены; *5* — печи и горн; *6* — хозяйственные ямы: грунтовые и облицованные кирпичом; *7* — куски сгоревших плах и жердей; *8* — жернов; *9* — расплывшиеся сырцовые стены; *10* — нижние сырцовые блоки, сохранившиеся в постройках

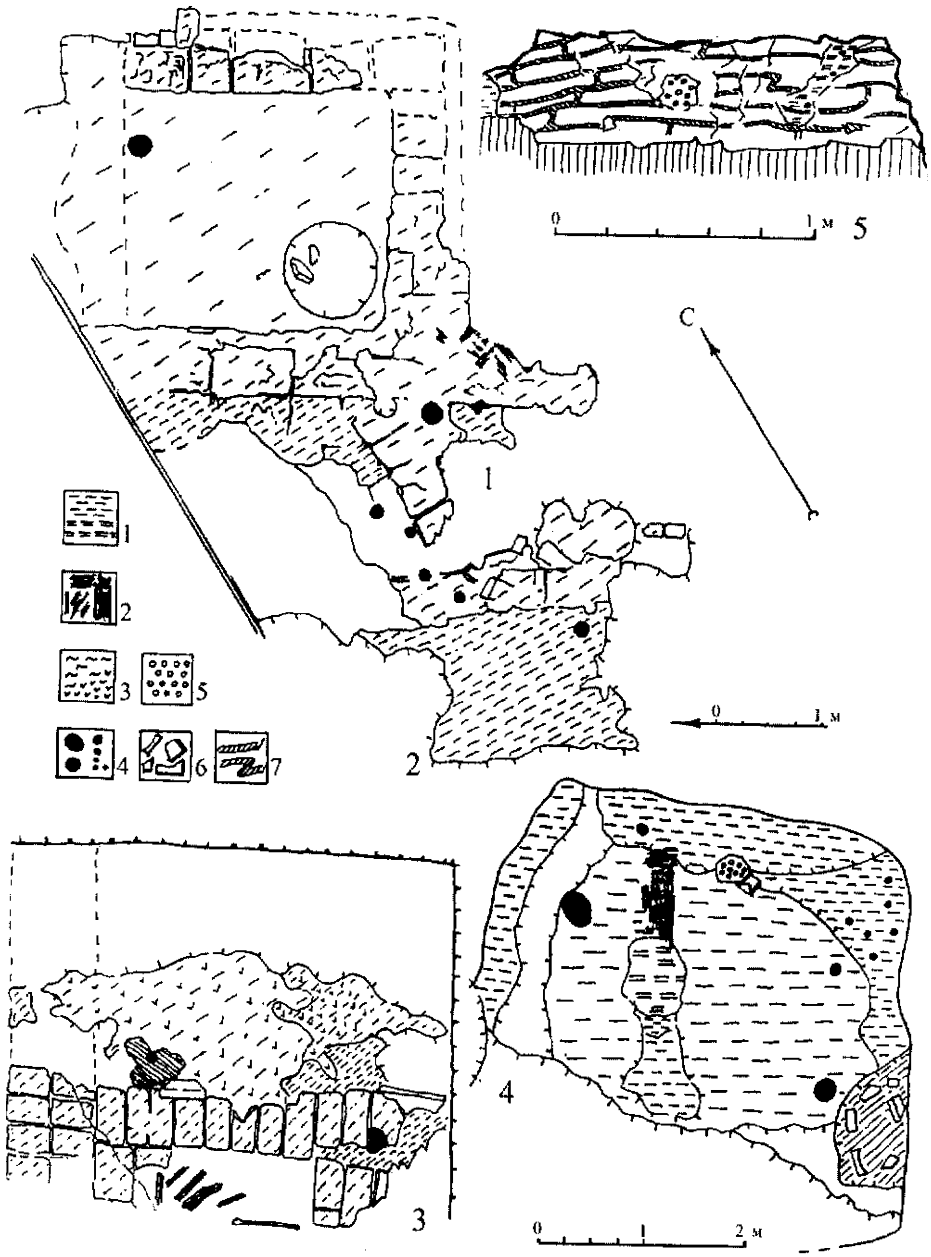


Рис. 67. Постройки с сохранившимися остатками сырцовых стен: *1* — № 15; *2* — № 16; *3* — № 17; *4* — № 18; *5* — кусок сырцовой стены в кв. Л1—М2. *Условные знаки: 1* — глина и обожженная глина; *2* — обожженные плахи; *3* — зола, угли; *4* — ямки от столбов; *5* — меловая щебенка; *6* — обломки кирпичей; *7* — гумусированные прослойки

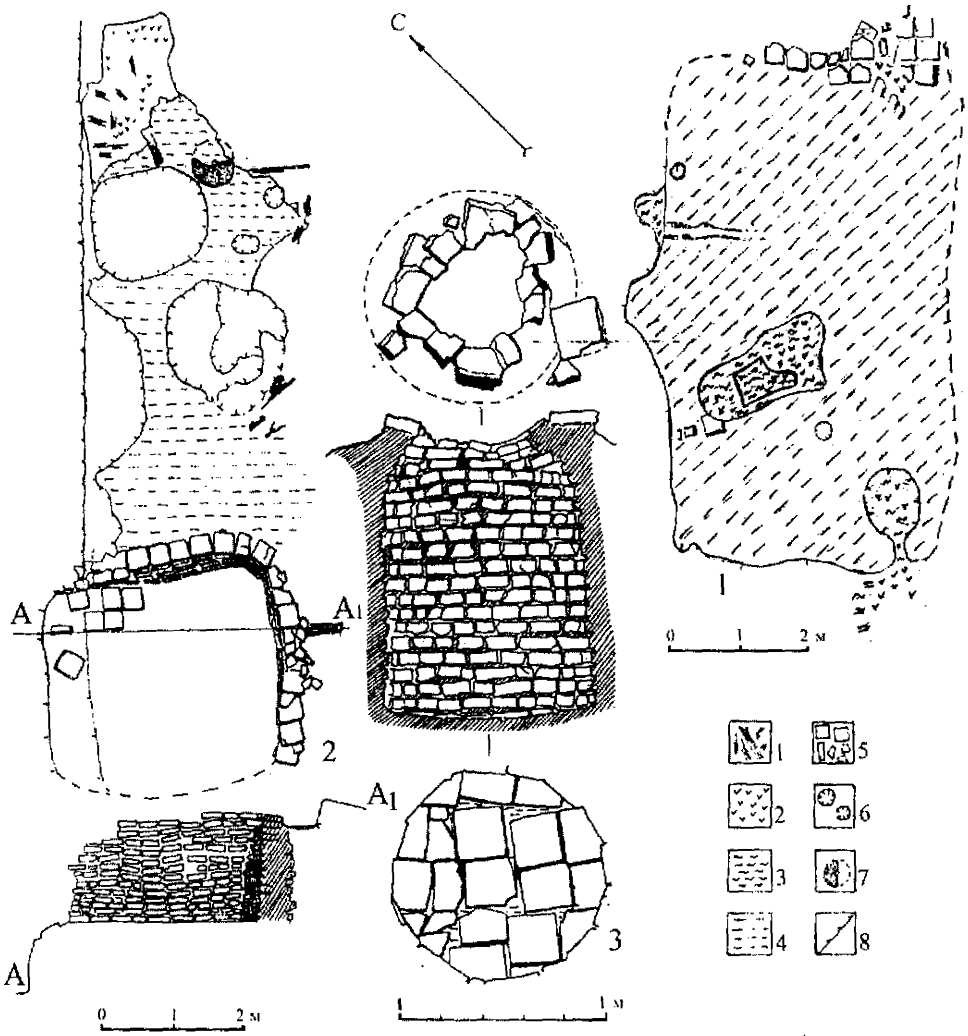


Рис. 68. Мастерская литейщика с горном и печью (*1*); остатки жилища № 20 с погребом (*2*); яма, облицованная кирпичом в кв. Е7—Д8 (*3*). *Условные знаки: 1* — сгоревшие куски дерева; *2* — уголь; *3* — зола; *4* — глина; *5* — кирпичи и их обломки; *6* — ямки от столбов; *7* — жернов; *8* — линия крепостной стены

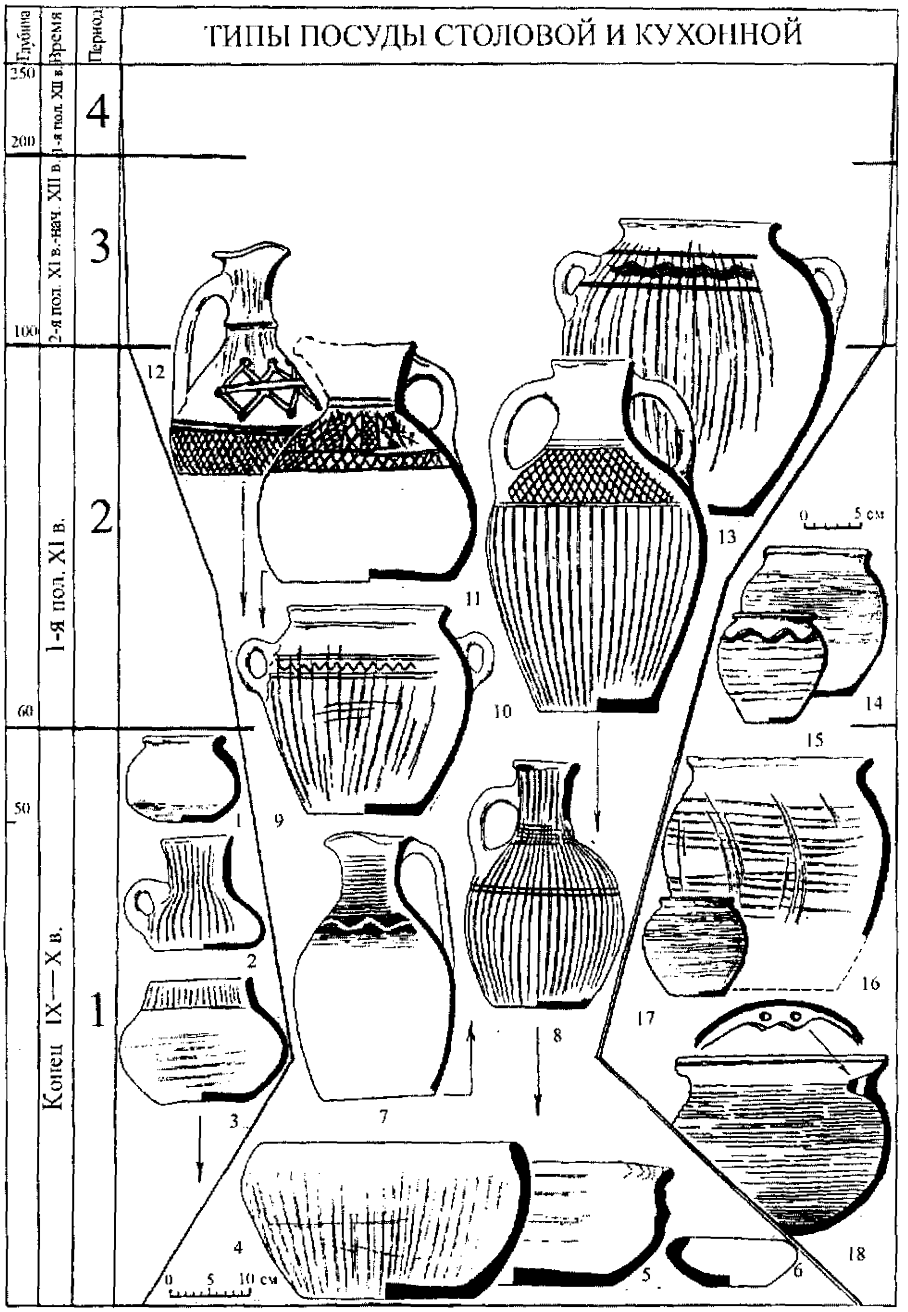


Рис. 69. Наиболее характерные формы и типы кухонной и столовой посуды, изготовлявшиеся в Саркеле-Белой Веже в IX—XII веках. Графы отражают процентное соотношение в слоях этой керамики: одинарная линия дает представление о распространении столовой посуды: *1, 3* — кубышки; *2* — кружка; *4—6* — миски; *7, 8, 10—12* — кувшины; *9, 13* — корчаги; двойная линия обозначает распространение кухонной посуды: *14—17* — горшки; *18* — котел с внутренним "ушком"

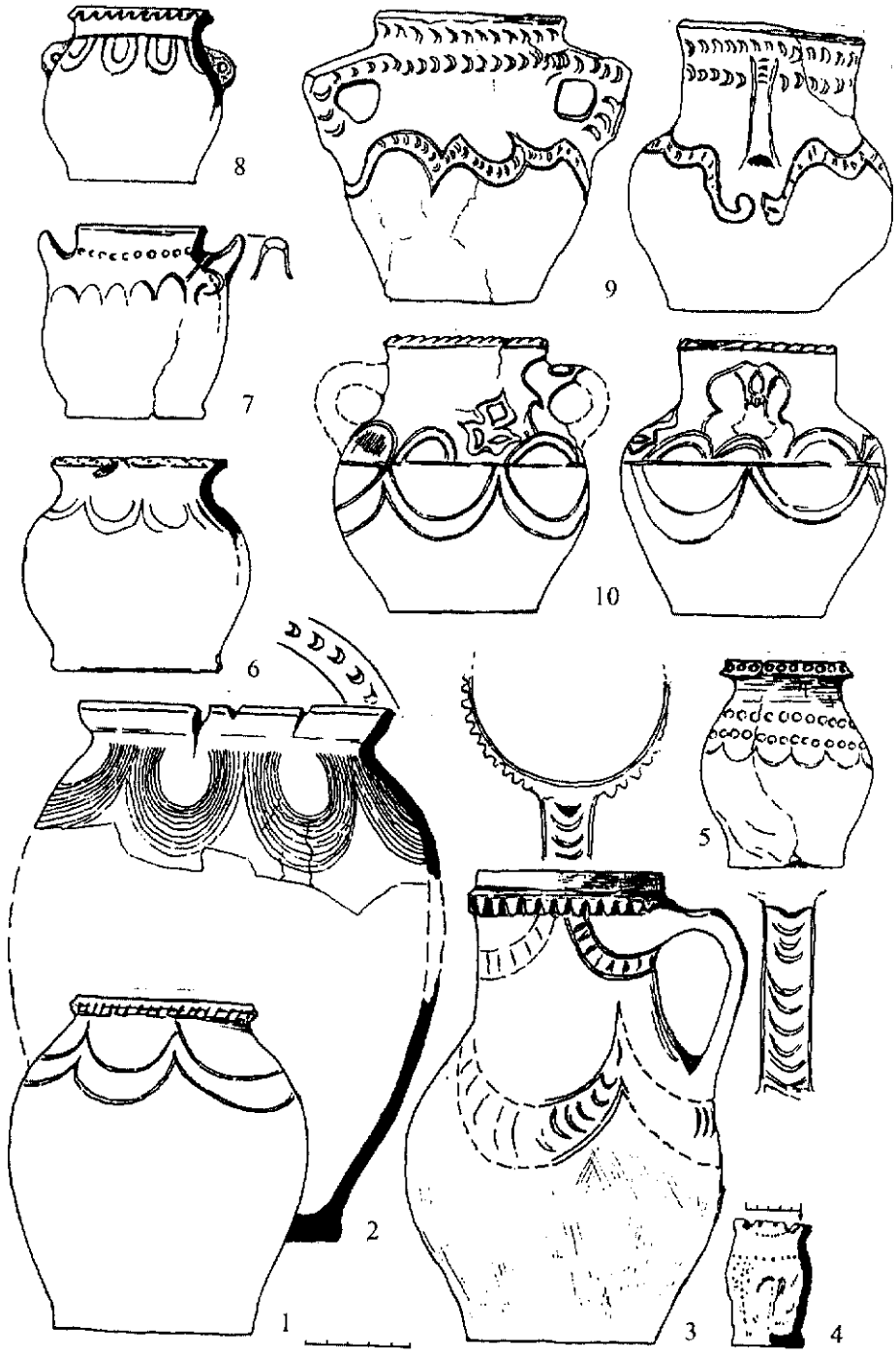


Рис. 70. Типы богато орнаментированной кочевнической керамики X — начала XI века: *1, 2, 4—8* — горшки; *3, 9, 10* — кувшины

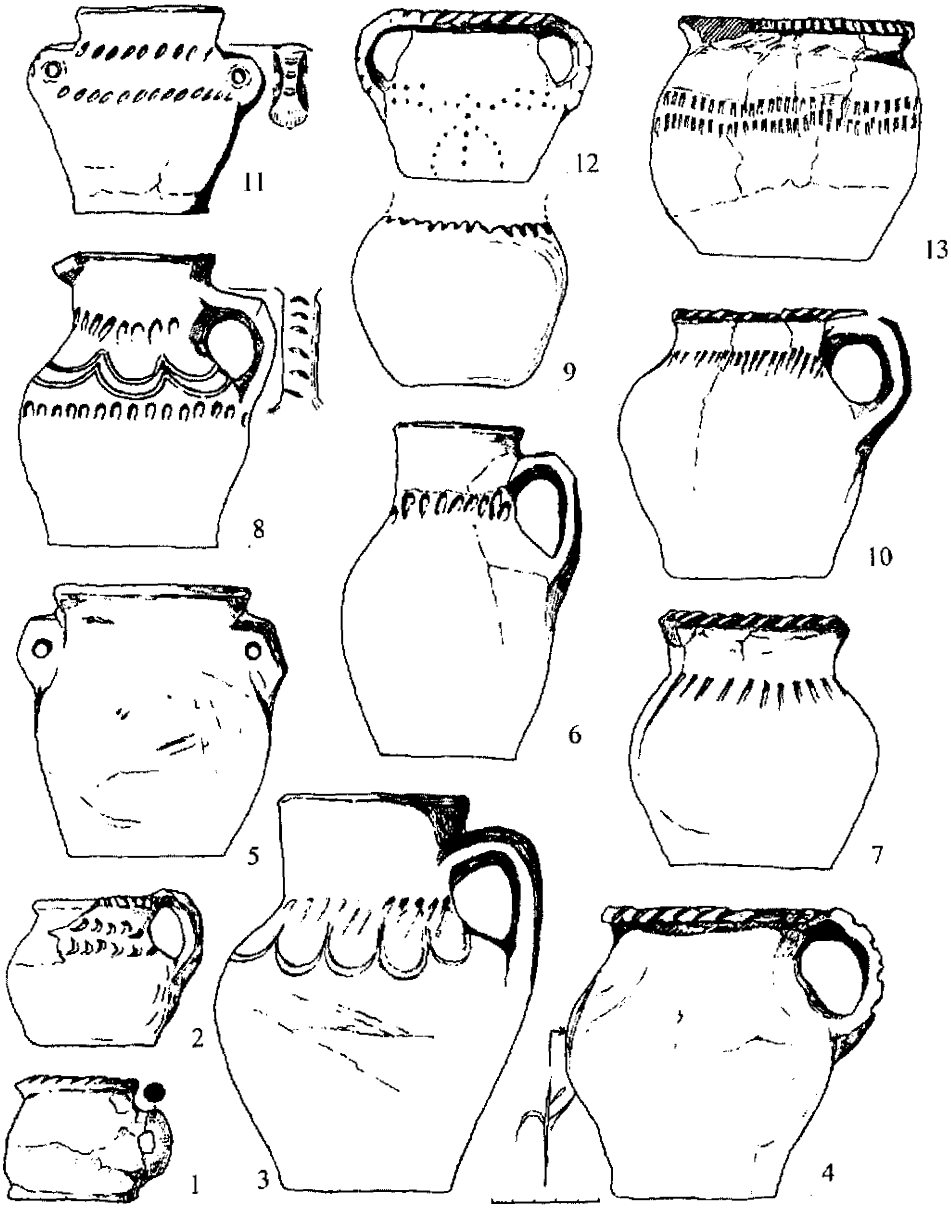


Рис. 71. Кочевническая керамика, распространенная во второй половине XI века: *1, 2, 4, 5, 7, 9—13* — горшки; *3, 6, 8* — кувшины

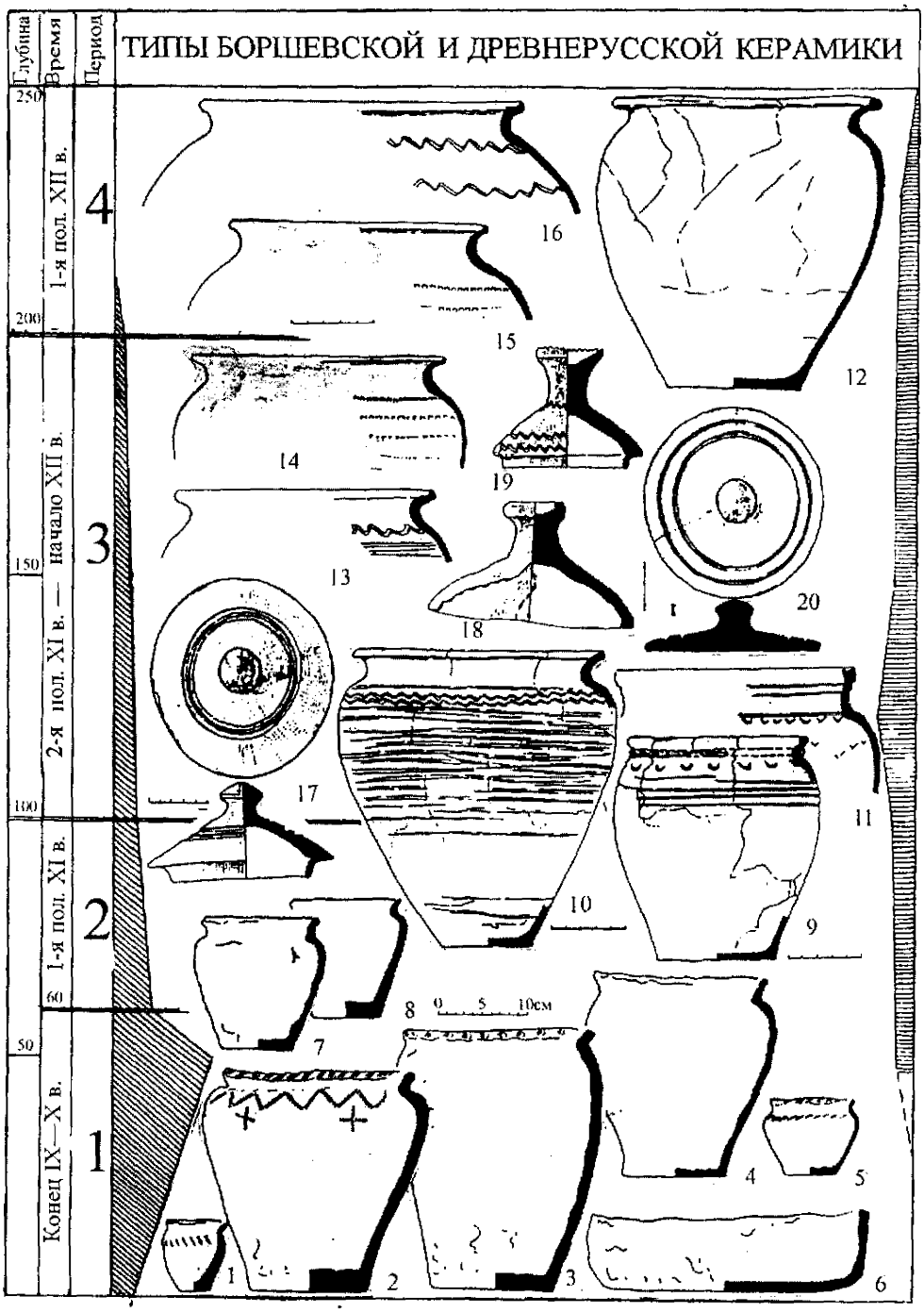


Рис. 72. Типы боршевской и древнерусской керамики в слоях Саркела-Белой Вежи: боршевские горшки — *1—5, 7, 8*; миска — *6*; древнерусские горшки и их обломки (венчики) — *9—16*; крышки — *17—20*

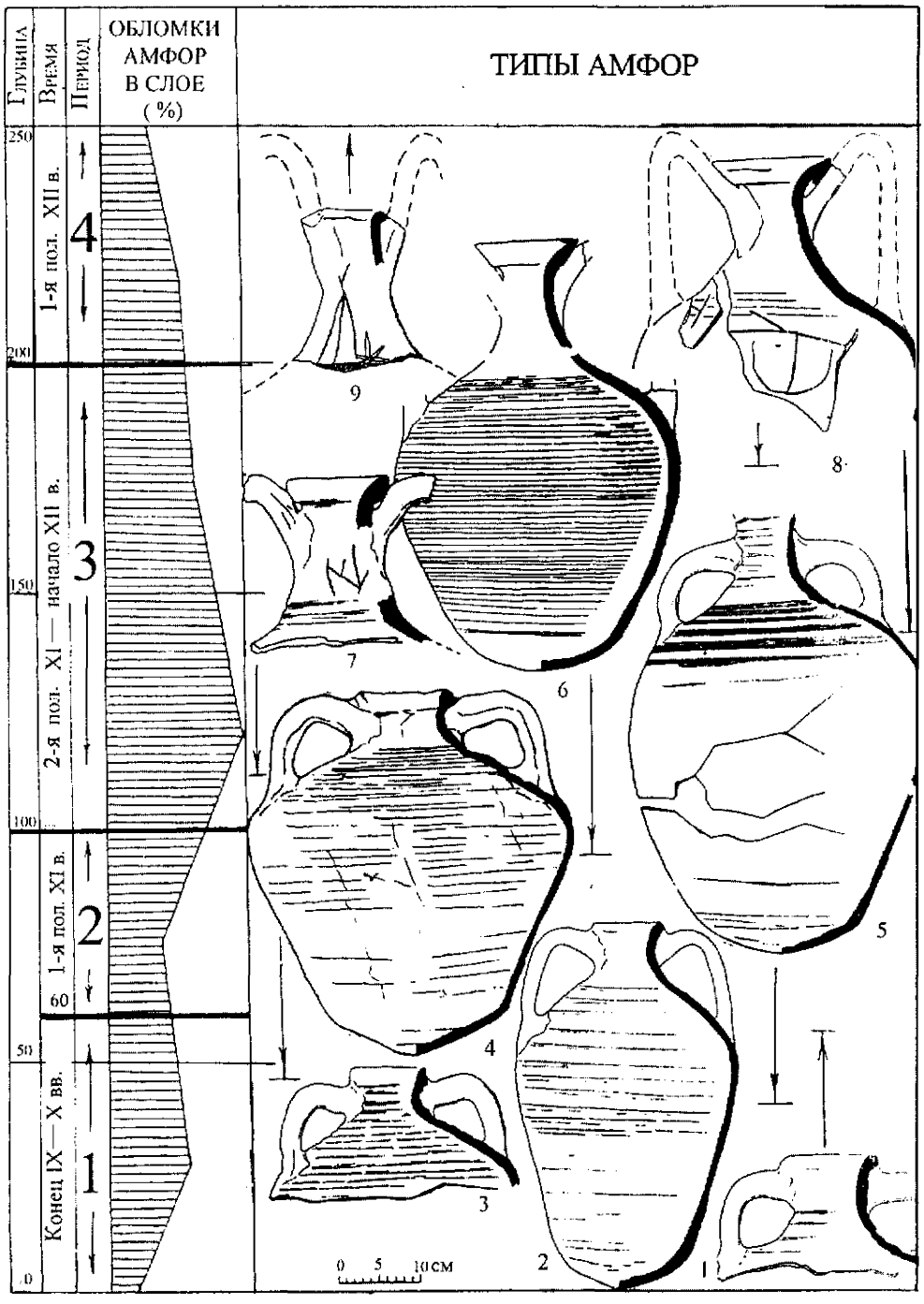


Рис. 73. Типы характерных амфор, распространенных в слоях Саркела-Белой Вежи. Граф представляет процентную встречаемость амфорных обломков в слоях города

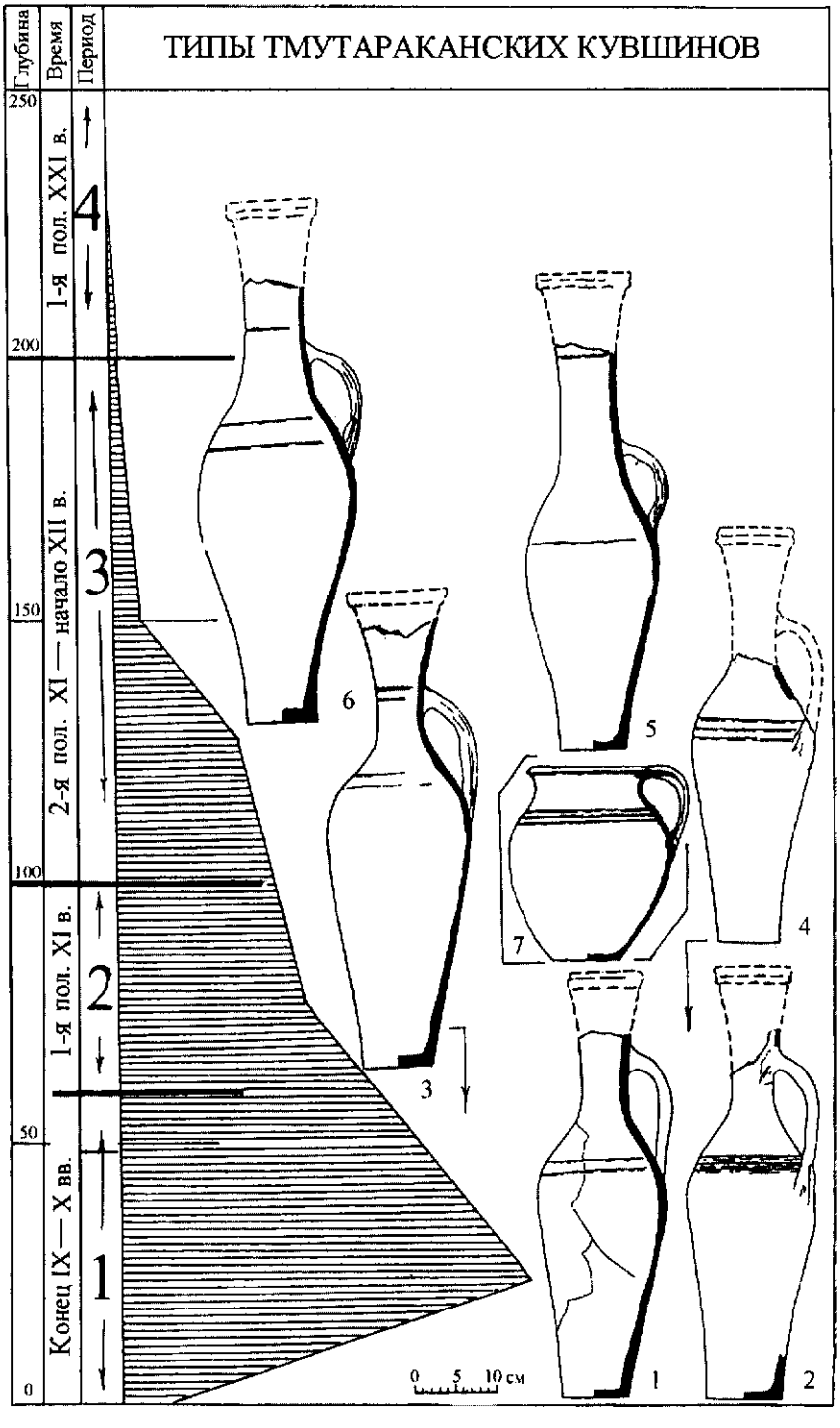


Рис. 74. Тмутараканские кувшины в слоях Белой Вежи: *1—6* — кувшины; *7* — красноглиняный горшок. Граф представляет процентную встречаемость обломков кувшинов в слоях города

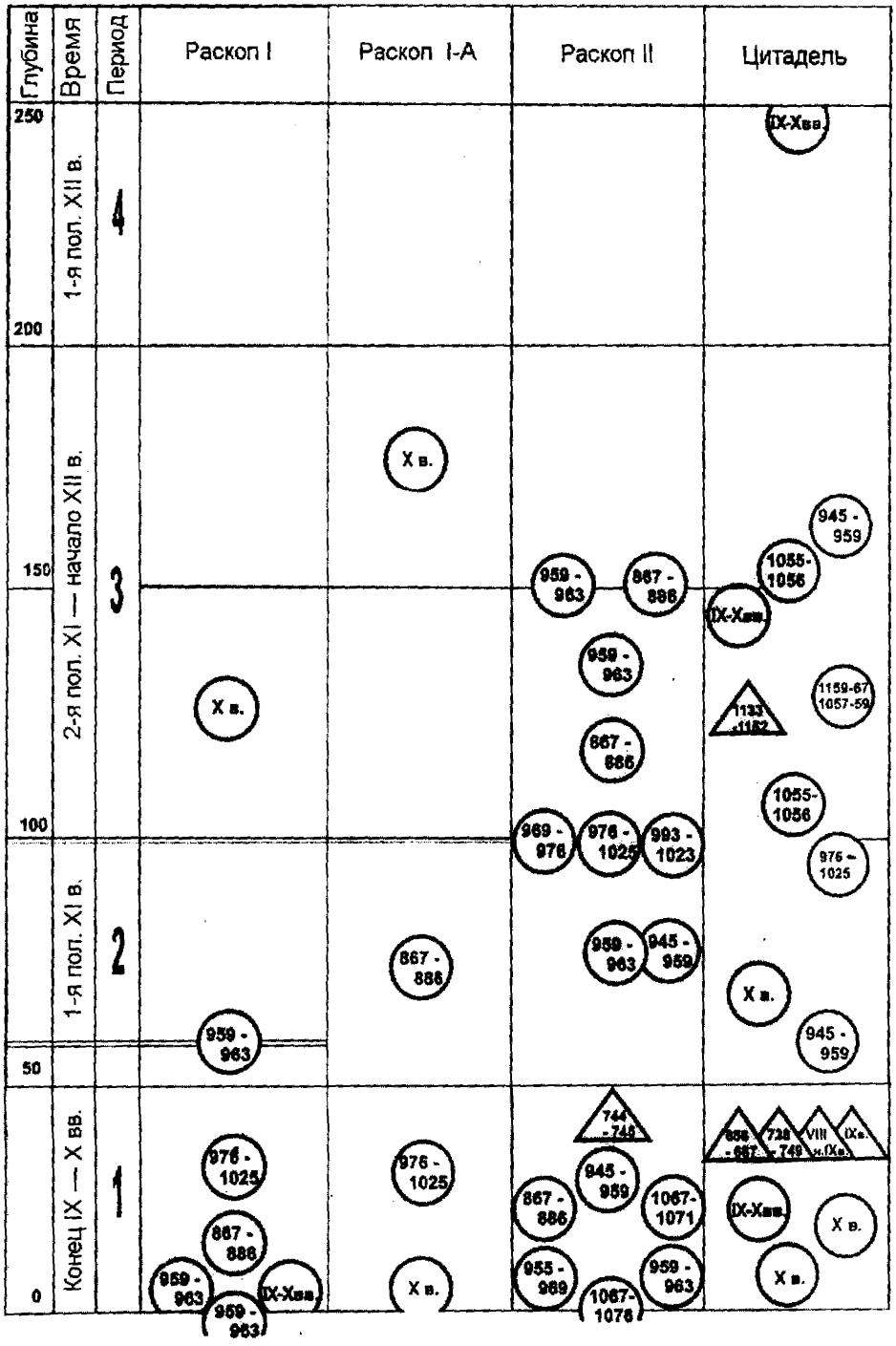


Рис. 75. Распространение монет в слоях Белой Вежи. Кружками обозначены византийские монеты, треугольниками — арабские (см. приложение 3)

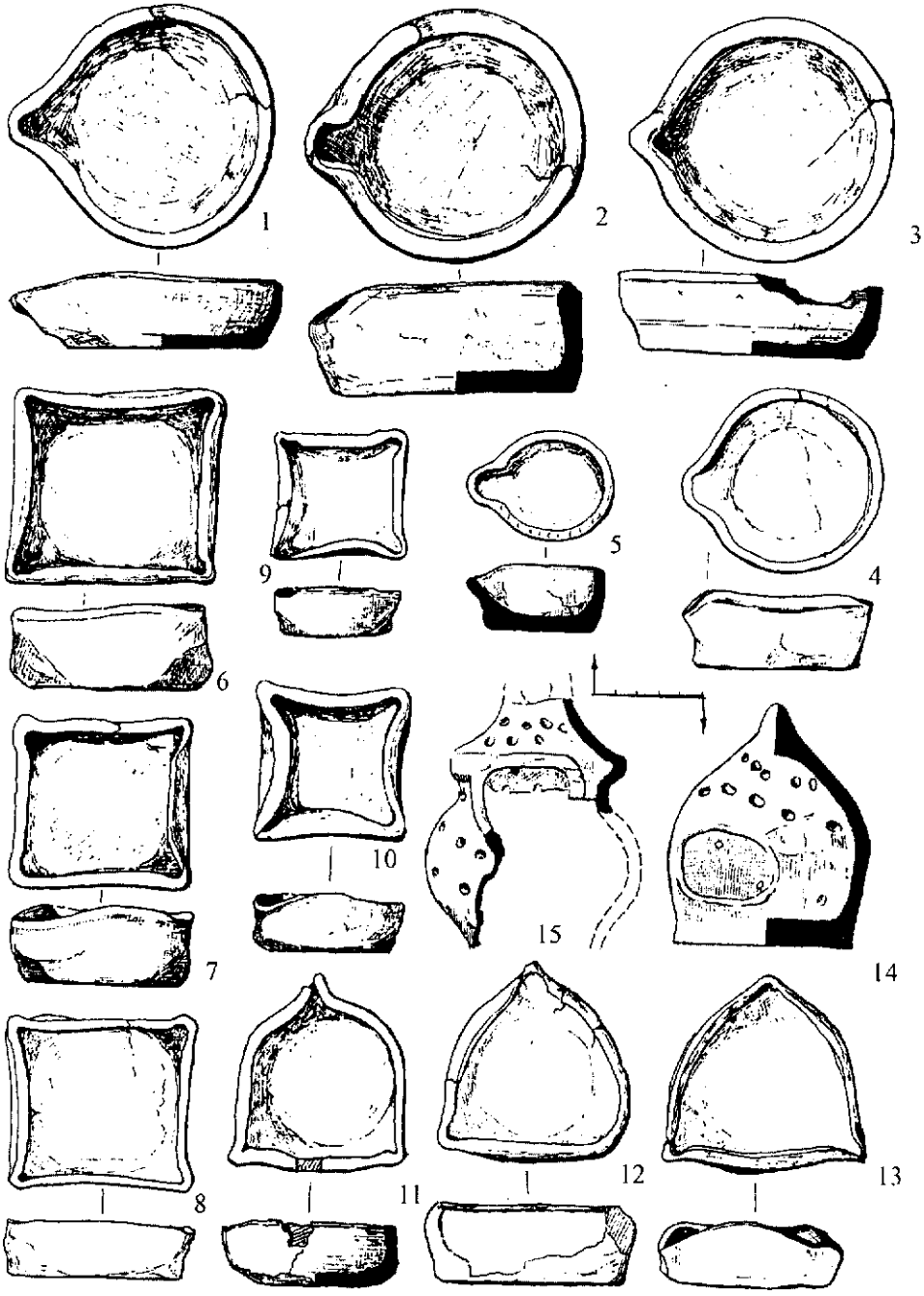


Рис. 76. Светильники: треугольные, квадратные, круглые — *1—13*; курильницы — *14, 15*

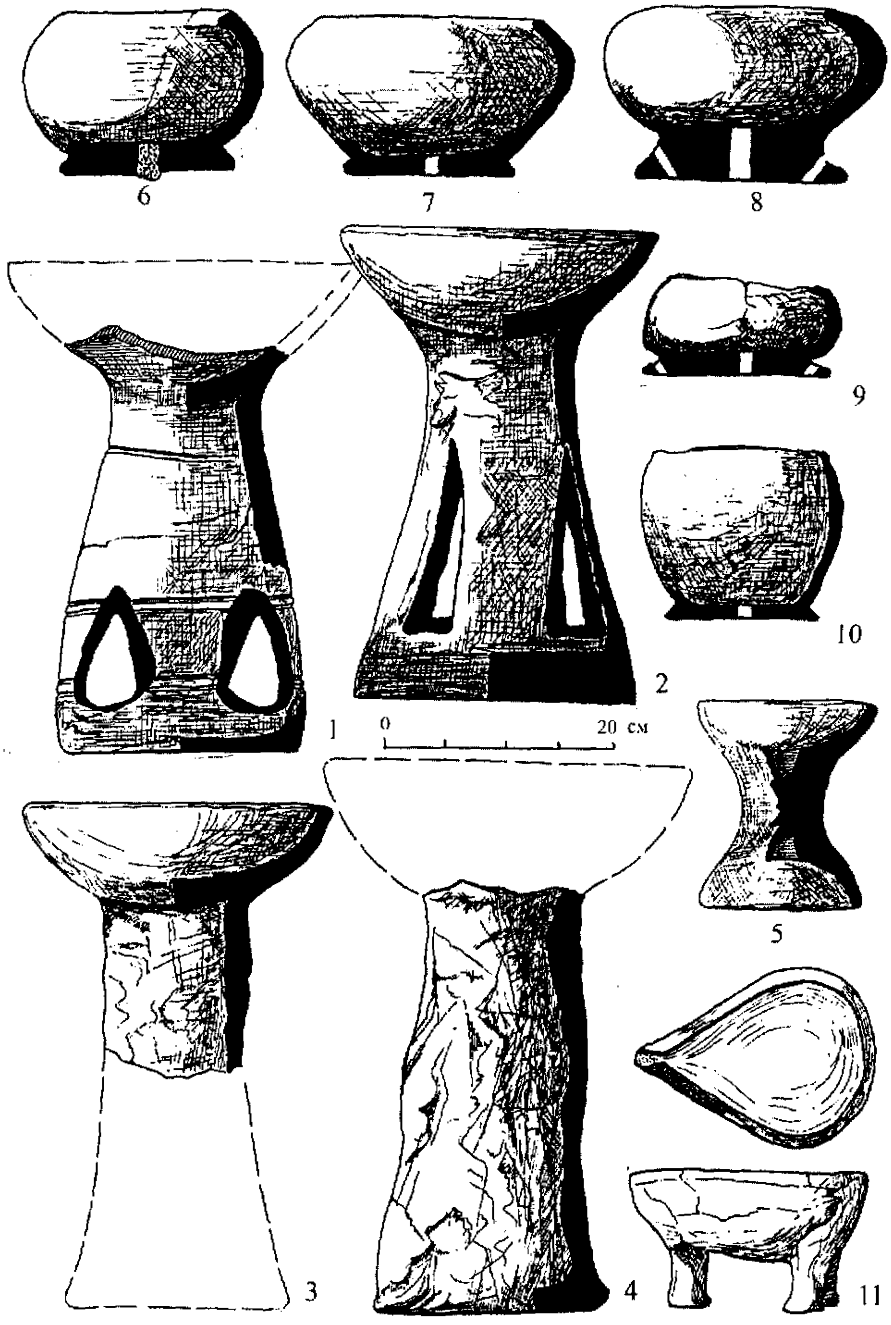


Рис. 77. Светильники и курильницы: *1, 2* — светильники на высокой резной подставке, сделанные на гончарном круге; *3, 4* — обломки лепных светильников на тяжелых грубых подставках; *5* — двусторонний подсвечник или курильница; *6—10* — светильники (или курильницы?) с отверстием на дне для крепления в нем крепкой железной или деревянной палки (ручки); *11* — светильник на "ножках"

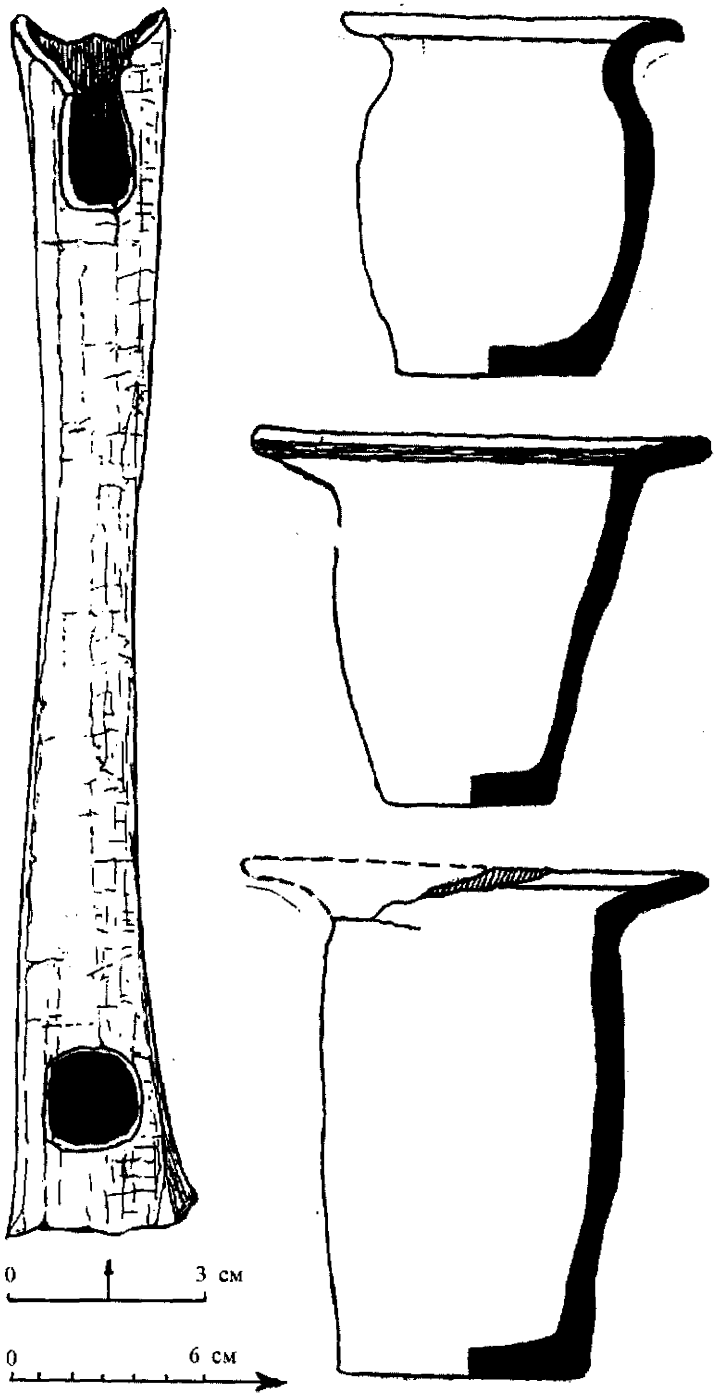


Рис. 78. Устройство для люльки: горшочек, вставлявшийся в отверстие дна люльки, и проведенная к нему костяная трубочка

Рис. 79. Литейные формы и льячка из цитадели. В левом нижнем углу врезка-схема раскопа в углу цитадели с нанесенными на ней находками литейных форм (черные треугольники) и льячка (белый кружок). Интерес представляет бронзовая литейная форма (№ 11)

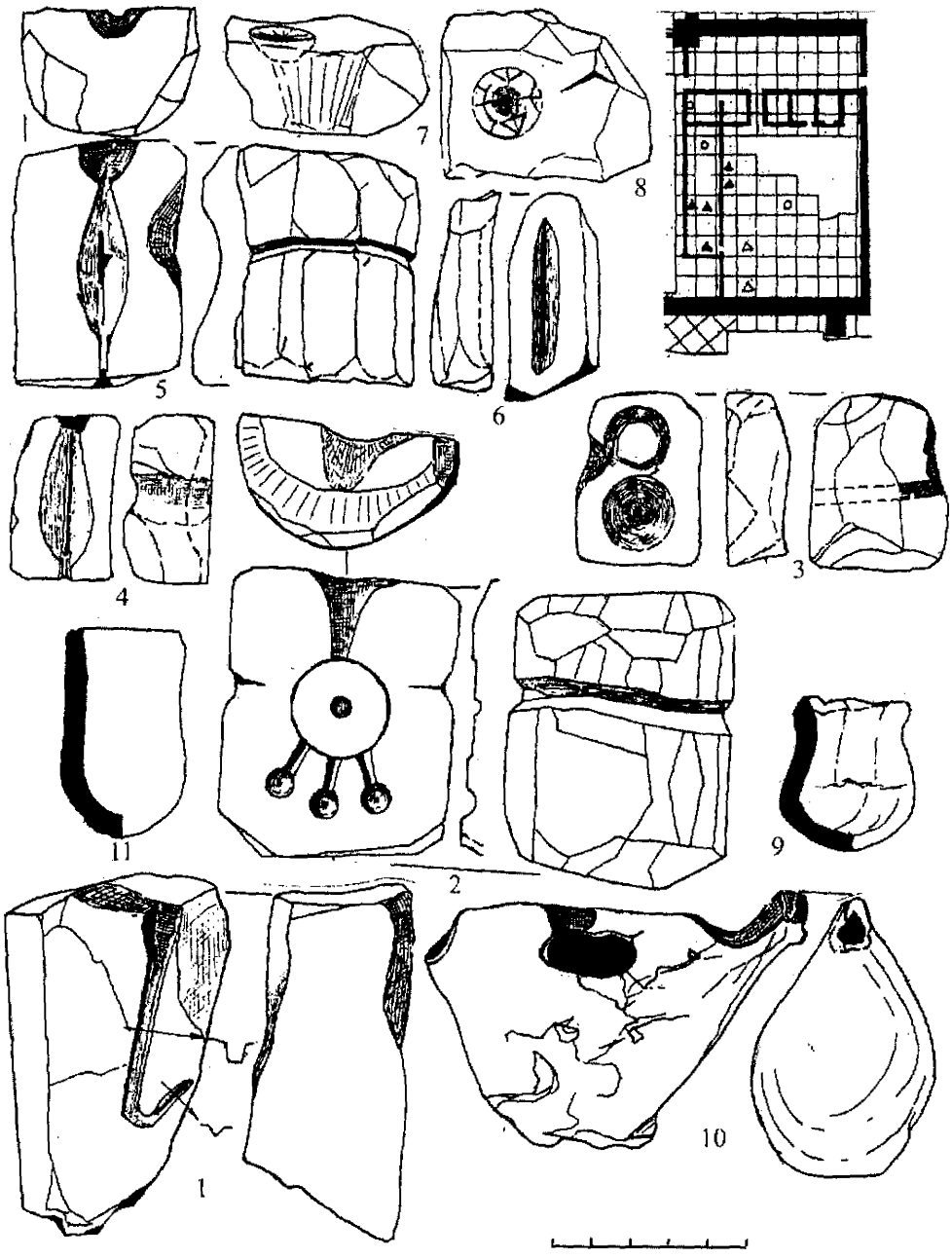


Рис. 80. Литейные формы во дворе бывшего "караван-сарая" (раскоп II). В верхнем правом углу помещена врезка-схема раскопа с находками форм и льячек. Черные треугольники — формы третьего периода, белые — более ранние (второй период). Белые кружки обозначают льячки

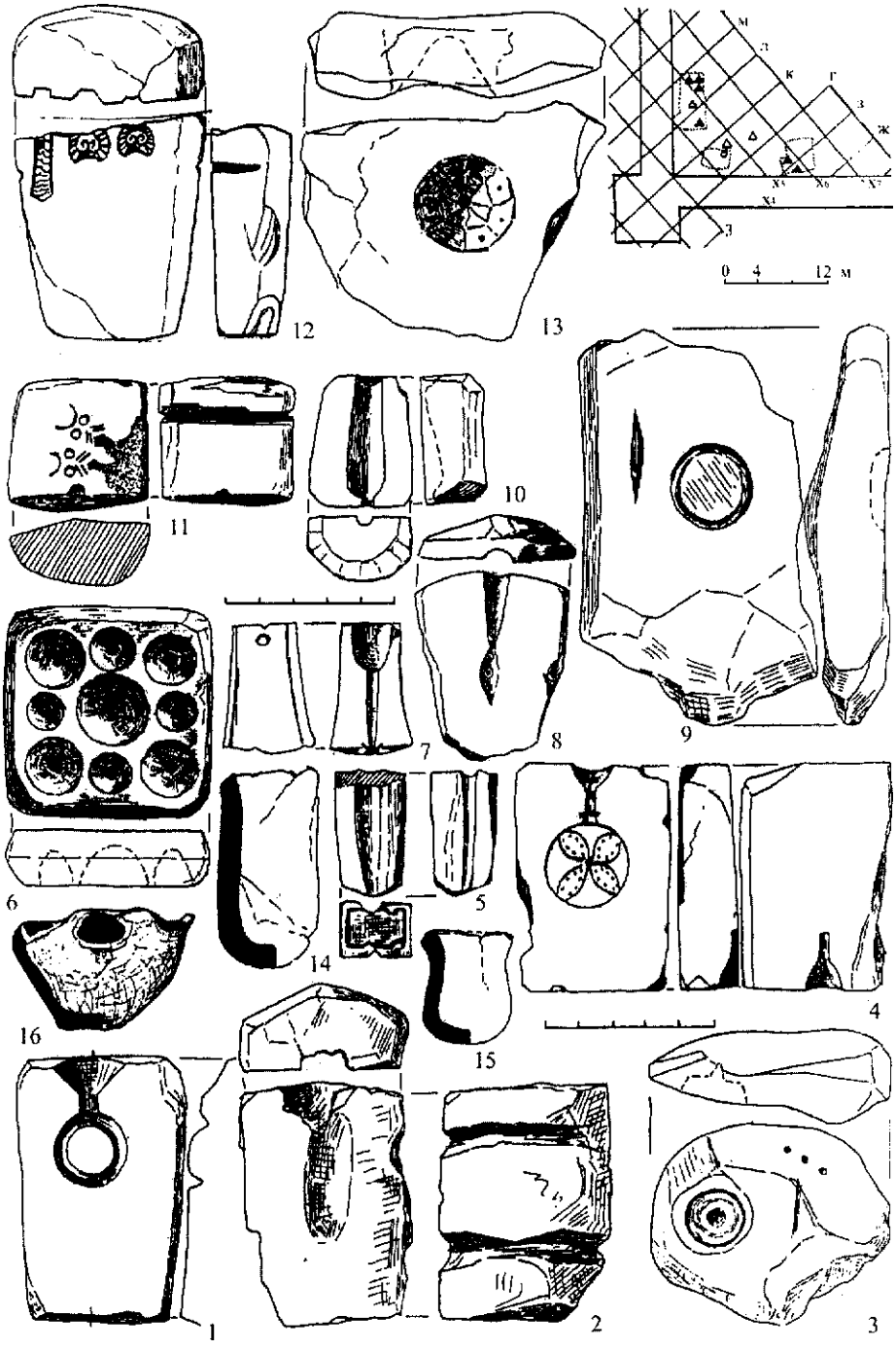


Рис. 81. Литейные формы в западном углу крепости. В верхнем правом углу врезка-схема раскопа с нанесенными на ней находками форм и льячек. Черные треугольники — формы из слоя третьего периода, белые — второго периода

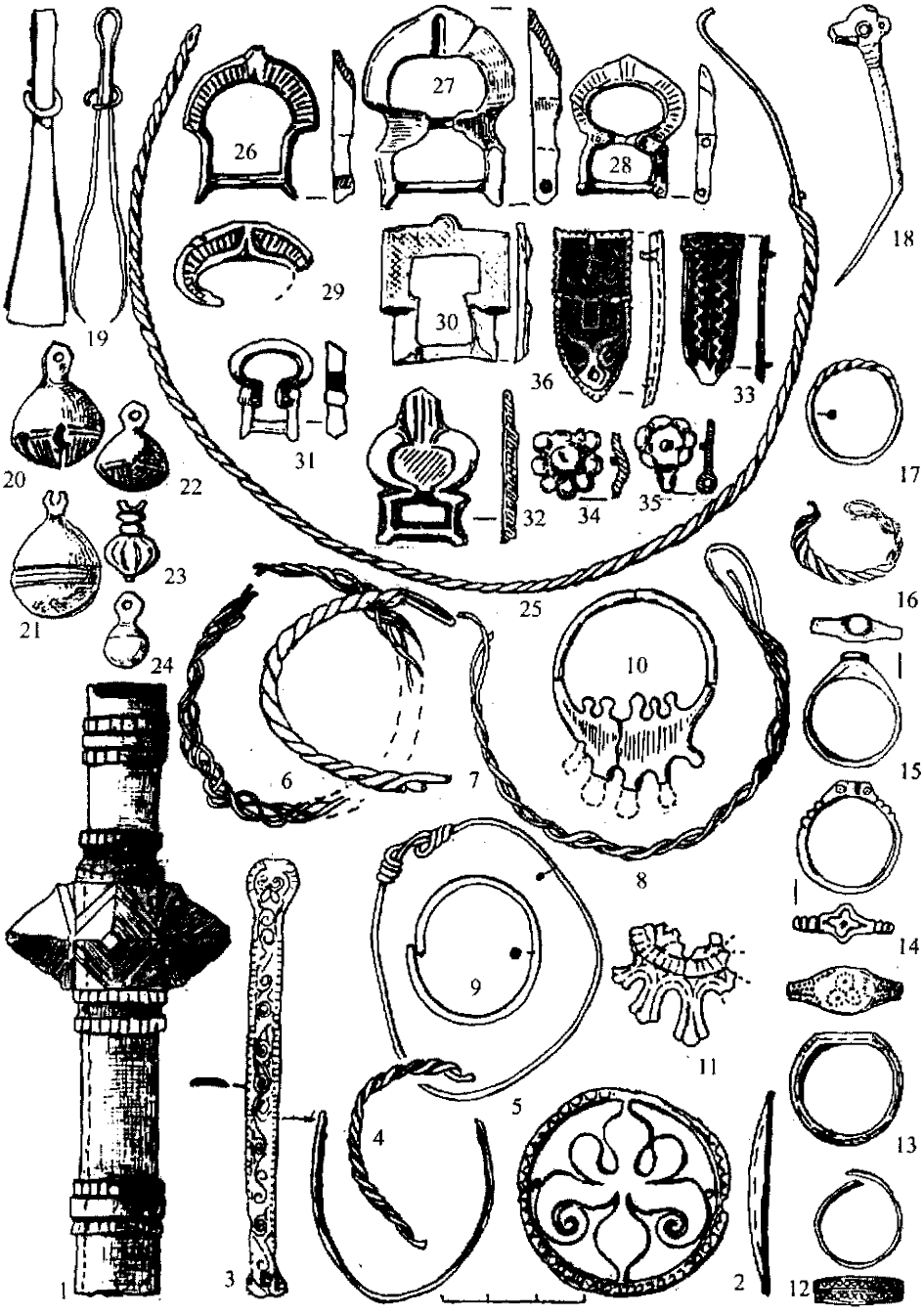


Рис. 82. Бронзовые вещи, обнаруженные в основном в слое третьего периода. Предметы № 18 и № 19 попали в поздний слой из перекопа (из первого слоя). Интерес представляет полуфабрикат пряжки (№ 32), свидетельствующий о производстве аналогичных пряжек в Белой Веже

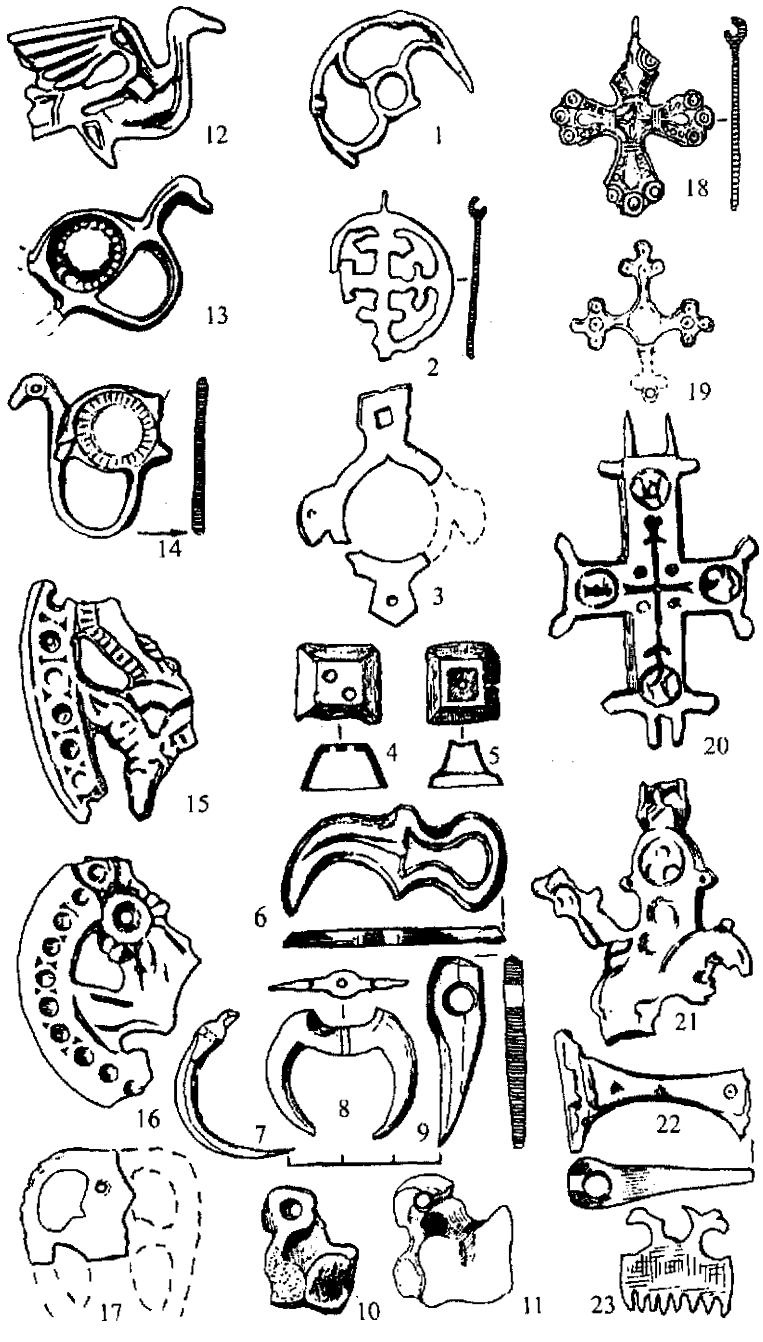


Рис. 83. Наборы трех групп вещей, принадлежавших трем основным этносам, заселившим город: *1—11* — остатки "саркельских" ритуальных предметов; *12—17* — обломки гузо-печенежских амулетов, подвесок, копоушек; *18—23* — славяно-русские ритуальные предметы: *18—21* — кресты и энколпионы, *22* — топорик Перуна (амулет), *23* — волшебный гребешок-амулет

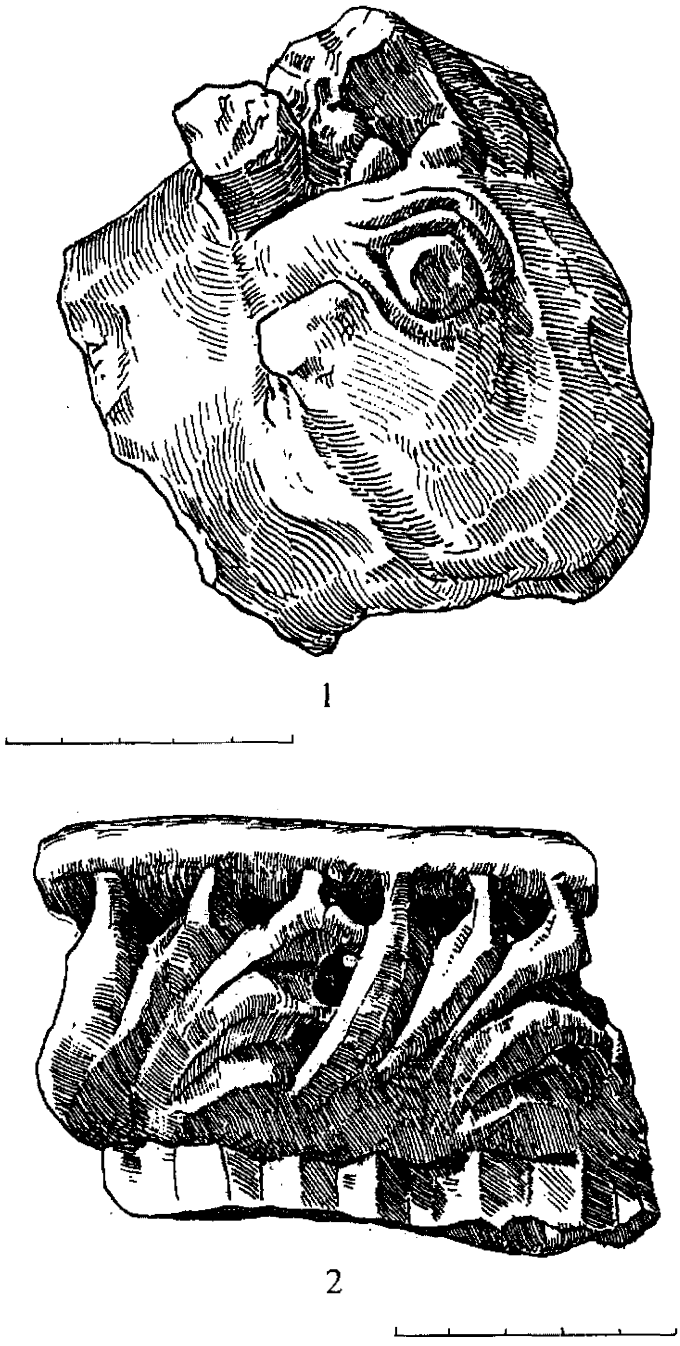


Рис. 84. Мраморные обломки церковного интерьера: *1* — голова быка; *2* — листья аканфа

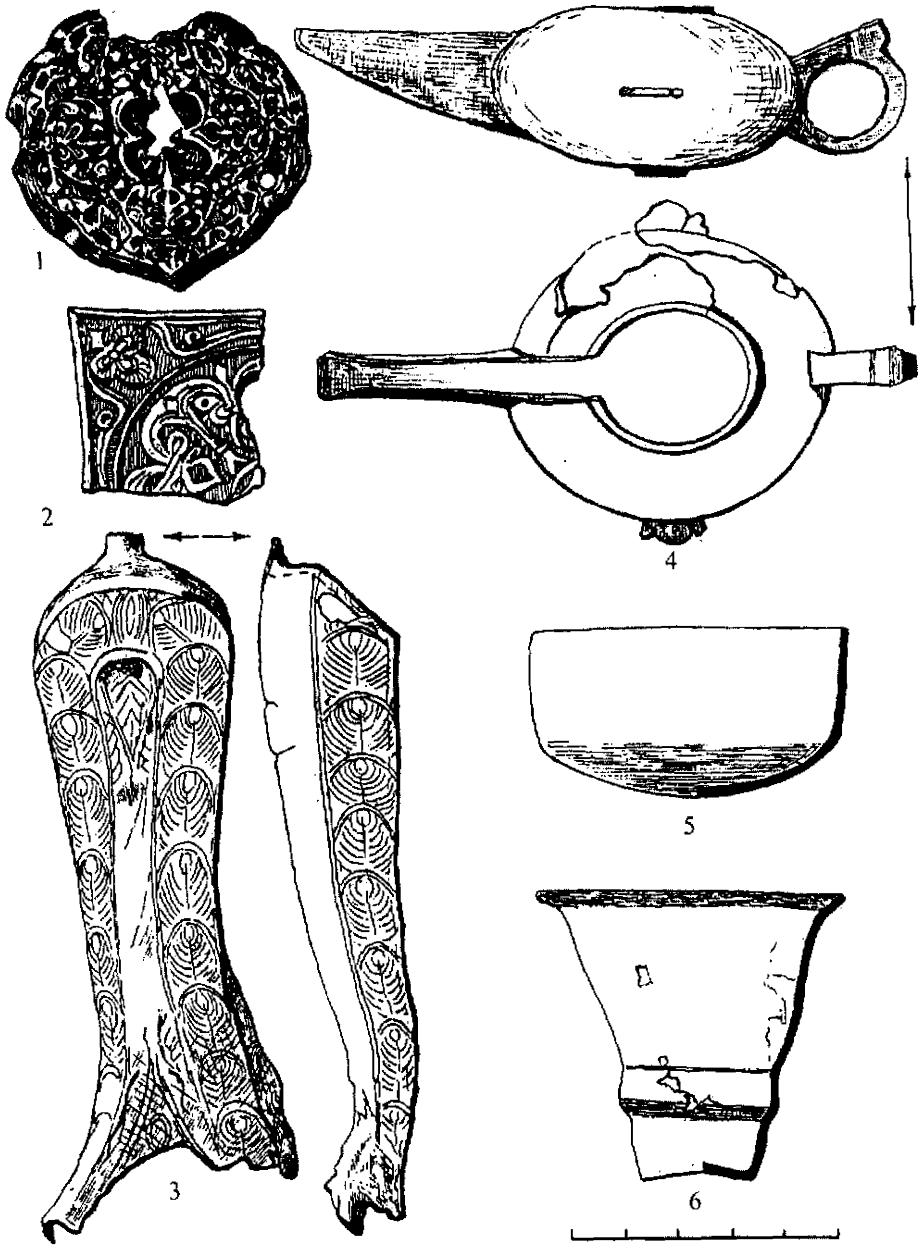


Рис. 85. Некоторые бронзовые привезенные в Белую Вежу вещи, видимо, изготовленные в одной из византийских провинциальных мастерских (вероятнее всего, в Херсоне)

Рис. 86. Вещи, свидетельствующие о связях Белой Вежи с Закавказьем и Передней Азией

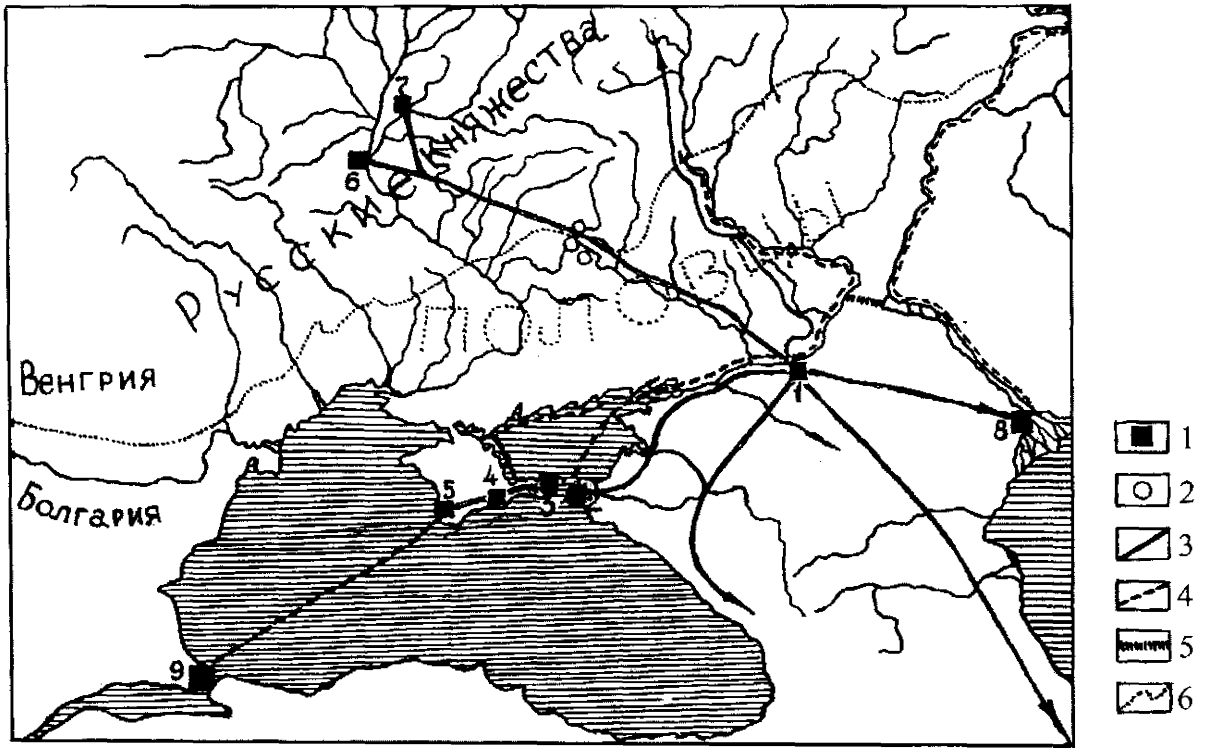


Рис. 87. Основные связи Белой Вежи и дороги, ведущие к ней (карта). Города: *1* — Белая Вежа; *2* — Тмутаракань; *3* — Корчев; *4* — Сурож; *5* — Херсон; *6* — Киев; *7* — Чернигов; *8* — Итиль; *9* — Константинополь. *Условные знаки: 1* — города; *2* — половецкие городки, взятые Владимиром Мономахом; *3* — сухопутные пути; *4* — речные и морские пути; *5* — "волок" из Дона в Волгу; *6* — северная граница степи

ЛИТЕРАТУРА

Артамонов М. И., 1935. Средневековые поселения на нижнем Дону // ГАИМК. Вып. 131. Л.

Артамонов М. И., 1940. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии // СА. № 6.

Артамонов М. И., 1958. Саркел-Белая Вежа // МИА. № 62. М.; Л.

Артамонов М. И., 1962. История хазар. Л.

Артамонов М. И., 2002. История хазар. 2-е изд. / Филологич. фак. СПбГУ.

Артамонова О. А., 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. № 109. М.; Л.

Артамонова О. А., Плетнёва С. А., 1998. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. VI. Симферополь.

Афанасьев Г. Е., 1984. Исследование южного угла Маяцкой крепости в 1977—1979 гг. // Маяцкое городище. М.: Наука.

Ахмедов Г. М., 1959. Неполивная керамика Орен-кала IX—XIII вв. (по материалам раскопок 1953—1955 гг.) // МИА. № 67. М.; Л.

Ахмедов Г. М., 2003. Ремесло и торговля // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV—XIII века. М.

Банк А. В., 1959. Гребень из Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.

Баранов И. А., 1990. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев.

Белецкий В. Д., 1959. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.

Бирюков Ю. П., 1959. Опыт металловедческого исследования фрагментов металлических изделий из Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.

Bunardzic Radovan, 1980. Izlozba menore iz Celareva. Beograd.

Винников А. З., 1995. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье VIII — начала XI в. Воронеж.

Винников А. З., Афанасьев Г. Е., 1991. Культовые комплексы Маяцкого селища. Воронеж.

Винников А. З., Плетнёва С. А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата (Маяцкое поселение). Воронеж.

Вуич Л. Г., 1963. Антропологическая характеристика черепов из ранних погребений Саркела // МИА. № 109. М.; Л.

Гадло А. В., 2002. Проблема Приазовской Руси как тема русской историографии: (История идеи) // Сборник русского исторического общества. № 4 (152). М.

Гинзбург В. В., 1951. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата // МАЭ. Т. XIII. Л.

Гинзбург В. В., 1963. Антропологический состав населения Саркела-Белой Вежи и его происхождение // МИА. № 109. М.; Л.

Граффербергъ Э. Г., 1953. Хазарейская юрта ханаи хырга (к вопросу об истории кочевого жилища) // МАЭ. Т. XIV. Л.

Donceva-Petkova L., 1990. Die protobulgarische Keramik in Bulgarien. Die Keramik der Saltovo-Mayaki Kultur und ihrer varianten. Varia Archaeologica Hungarica, III. Budapest.

Заходер Б. Н., 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.

Калантарян А. А., 2003. Торговля и ремесло // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.

Каргер М. К., 1950. Археологические исследования древнего Киева: Отчеты и материалы (1938—1947 гг.). Киев.

Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие // САИ. Е1-36. М.; Л. Вып. 2.

Коковцов П. К., 1932. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л.

Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.

Константин Багрянородный, 1989. Об управлении империей. М.

Корзухина Г. Ф., 1954. Русские клады IX—XIII веков. М.; Л.

Красильников К. И., 1998. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // СА. № 4.

Кудряшов К. П., 1948. Половецкая степь. М.

Кызласов И. Л., 1990. Древнетюркская руническая письменность Евразии. М.

Левина Л. М., 1966. Керамика и вопросы хронологии памятников джетыасарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М.

Левина Л. М., 1971. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тыс. н.э. М.

Левина Л. М., Болелов С. Б., 1993. Керамические курильницы из склепов могильников Алтыносар 4 // Джетыасарская культура. Ч. I: Склепы.

Левенок В. П., 1959. Пряслица городища Саркел-Белая Вежа // МИА. № 75. М.; Л.

Львова З. А., 1959. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.

Ляпушкин И. И., 1941. Славяно-русские поселения на Дону и Тамани по археологическим памятникам // МИА. № 6. Л.

Ляпушкин И. И., 1958. Городище Новотроицкое // МИА. № 74. М.; Л.

Макаров Н. А., 1992. Древнерусские амулеты-топорики // РА. № 2.

Макарова Т. И., 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X—XI веков // Археологический сборник ГЭ. № 4. Л.

Макарова Т. И., 1966. О производстве писанок на Руси // Культура Древней Руси. М.

Макарова Т. И., 1967. Поливная посуда: (Из истории керамического импорта и производства Древней Руси) // САИ. Е1-38. М.

Макарова Т. И., 1998. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Вып. 6. Симферополь.

Макарова Т. И., Плетнёва С. А., 1983. Пояс знатного воина из Саркела // СА. № 2.

Маяцкий археологический комплекс, 1990. М.
Маяцкое городище, 1984. М.
Медынцева А. А., 1979. Тмутараканский камень. М.
Михеев В. К., 1985. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков.
Могильников В. А., 2002. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX—XI веках. М.
Моргунов Ю. Ю., 1996. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.
Москаленко А. Н., 1965. Городище Титчиха. Воронеж.
Москаленко А. Н., 1981. Славяне на Дону. Воронеж.
Паромов Я. М., 2003. Поселения и дороги на Таманском полуострове // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.
ПВЛ, 1950. Ч. 1. М.; Л.
Плетнёва Л. М., 1977. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск.
Плетнёва С. А., 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.
Плетнёва С. А., 1963. Средневековая керамика Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.
Плетнёва С. А., 1964. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. № 3.
Плетнёва С. А., 1967. От кочевий к городам: Салтово-Маяцкая культура // МИА. № 142. М.
Плетнёва С. А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Е1—19. М.
Плетнёва С. А., 1987. Глиняный ритон из Корчева и бронзовая личина из Тмутаракани // СА. № 1.
Плетнёва С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
Плетнёва С. А., 1990а. Печенеги и гузы на нижнем Дону (по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи). М.
Плетнёва С. А., 1990б. Половцы. М.
Плетнёва С. А., 1992а. Стратиграфические исследования Плиски // Плиска-Преслав. № 5. Шумен.
Плетнёва С. А., 1992б. Древнерусская керамика с городища Саркел-Белая Вежа // Древнерусская керамика. М.
Плетнёва С. А., 1993. Саркел-Белая Вежа: Сложение городской многоэтничной культуры // Археология и история юго-востока Древней Руси: Материалы науч. конф. Воронеж.
Плетнёва С. А., 1994. О домашних оберегах в Саркеле-Белой Веже // РА. № 1.
Плетнёва С. А., 1995. Правобережное Цимлянское городище: Раскопки 1958—1959 гг. // МАИЭТ. Вып. 4. Симферополь.
Плетнёва С. А., 1996а. Металлургический и кузнечный комплексы Саркела // РА. № 2.
Плетнёва С. А., 1996б. Саркел и "шелковый путь". Воронеж.
Плетнёва С. А., 1997. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. № 1. Казань.
Плетнёва С. А., 2000. О заселении славянами Саркела-Белой Вежи //

Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Археология восточноевропейской степи, вып. 14. Воронеж.

Плетнёва С. А., 1999. Очерки хазарской археологии. М.; Иерусалим.

Попов Х. И., 1985. Где находилась хазарская крепость Саркел // Труды IX Археологического съезда, т. 1. М.

Продолжатель Феофана, 1992. Жизнеописания византийских царей. СПб.

ПСРЛ, 1962. М. Т. 2.

Рамишвили Р. М., 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья (X—XIII вв.) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. М.

Раппопорт П. А., 1959. Крепостные сооружения Саркела // МИА. № 75. М.; Л.

Раппопорт П. А., 1975. Древнерусское жилище // САИ. Е1—32. Л.

Рохлин Д. Г., 1963. Патологические изменения на костях людей XI и начала XII столетия по материалам могильника Саркела-Белой Вежи // МИА. № 109. М.; Л.

Рохлин Д. Г., 1965. Болезни древних людей. М.

Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв). М.

Сизов В. И., 1889. Раскопки на двух городищах близ Цимлянской станицы на Дону // Труды VI Археологического съезда в Одессе. Т. 4. М.

Сорокин С. С., 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.

Толстов С. П., 1947. Города гузов: (Историко-этнографические этюды) // СЭ. № 3.

Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Фирштейн Б. В., 1963. Черепа из погребений во дворе Левобережного Цимлянского городища // МИА. № 109. М.; Л.

Флёров В. С., 1993. Погребальные обряды на севере Хазарского каганата. Волгоград.

Флёрова В. Е., 1997. Граффити Хазарии. М.

Флёрова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы (IX—XII вв). СПб.

Чхаидзе В. Н., 2005. Средневековые амфоры VIII—XIV вв. // РА. № 2.

Шелковников Б. А., 1959. Поливная керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.; Л.

Шушарин В. П., 1997. Ранний этап этнической истории венгров. М.

Щапова Ю. Л., 1963. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М.

Эрдели И., 1983. Кабары (кавары) в Карпатском бассейне // СА. № 4.

Якобсон А. Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья: (Опыт хронологической классификации) // СА. № 5.

Якобсон А. Л., 1954. Раннесредневековые гончарные печи в восточном Крыму // КСИИМК. Вып. 54. М.

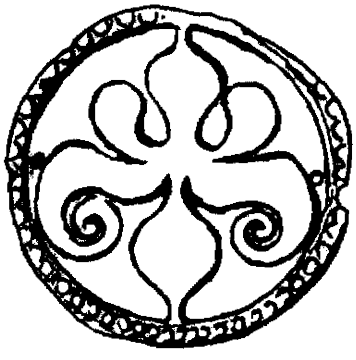
Якобсон А. Л., 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. № 63. Л.

Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГИМ	— Государственный исторический музей
ГЭ	— Государственный Эрмитаж
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАИЭТ	— Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии
МАЭ	— Материалы по антропологии и этнографии
МИА	— Материалы и исследования по археологии
ОПИ ИА РАН	— Отдел полевых исследований Института археологии РАН
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПВЛ	— Повесть временных лет
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
СЭ	— Советская этнография

ПРИЛОЖЕНИЯ



ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ ЖИЛИЩ ПЕРВОГО-ЧЕТВЕРТОГО ПЕРИОДОВ И НАХОДКИ В НИХ

Таблица 1

Основные признаки жилищ первого беловежского периода и состав керамических находок в них

Основные признаки жилищ												Обломки и целые керамические сосуды															
	Основные признаки жилищ, находки керамики в них	Полуземлянки	Наземные жилища	Печи тип 1	Печи тип 2	Печи тип 3	Печи тип 4	Печи тип 5	Очаги кострообразные или тарелкообразные	Кирпичный очажок		Борщевские	Хазарские горшки	Хазарский котел	Лощеные сосуды	Лощеный пифос	Лепные горшки	Сковорода	Лепной котел	Орнаментированные кочевнические сосуды	Кувшин с ангобом	Кувшин эноховидный	Кувшин бочковидный	Зеленый поливной сосуд	Тмутараканские кувшины	Амфоры
Цитадель	1	×		×								22 ①	3		2										27	2
	2	×			×							17													33	11
	3	×																								
	4	×				×						5 ①	①		3										70	4
	5	×				×						×	×												×	
	6	×							ж				10				5	1	1	1					28	9
	7	×			×							×	×													
	м												5		1					17 ①				1	24	
	9		×																	×						
	10		×										①		②					× ①						
	11		×																	× ①						
	12		×											1												

Двор "караван-сарая"	13	×				×								×												
	14	×				×																				
	15	×		×							×															
	16	×				×																				
	17	×					×?					×		×												
	18	×																								
	19	×				×																				
	20	×				×																				
Западный угол	21		×				×		※																	
	22		×				×				160 ①	32		11										1	92	×
	23		×				×				20	23①													45	3
	24	×									×		1													
Участок у разрушенных Главных ворот	25		×						※																	
	25а		×				×				×①	× ④		× ⑤	①							①			× ①	×
	26		×				×			□	×	×											①		×	①
	27		×								×	×		×								①		①		
	28		×					×				×				①									×	
	28		×									×			×										×	
	30		×																							
	31		×				×				×	×	×	×												×

Условные обозначения таблиц 1—7:

Δ — дымоход
※ — костровидный или тарелкообразный очажок
□ — кирпичный очажок
Цифры — количество обломков
х — наличие признака

хх — две печи или два очажка
М — литейная мастерская
с — сырцовый цоколь
м — мергелевый цоколь

ч — череп
m — печь для выпечки хлеба
☒ — кирпичная печь с камнями
① — целые сосуды

Таблица 2

Находки в развалах жилищ первого периода

Находки в развалах жилищ первого периода	Цитадель						Двор "караван-сарая"				Северо-западный участок							
	2	5	6	10	11	12	13	14	15	17	22	23	26	25а	27	28	29	31
Светильники				1				1	1									
Нож				×①														
Дужка от котла							1											
Обломок серпа																		1
Шиферные пряслица	1																	1
Амфорное пряслице						1							1					
Каменное пряслице						1						1						
Тигельки												1						
Точильные камни												1						
Обработанный рог оленя			1							1								
Бусы			×			2												
Стеклянные браслеты		1		1														
Бронзовая пряжка										1		1						
Бронзовый перстень																		1
Бронзовое кольцо																		1
Глиняные "лепешки"				1										4	2	5		
Лазуритовая подвеска					1													
Костяная рукоятка ножа										1								
Костяная накладка-конь																1		
Накладка с "кабанчиками"				1														
Рог оленя с рисунком ослика						1												
Игральная кость				1														
Альчик					1													
Костяная стрела (томар)											①							
Косточка алычи													1					

Основные признаки жилищ второго периода и состав "массового" материала в них

Участок	№ построек	Тип жилища		Тип стены			Тип печи			Керамика									Кости животных										
		Наземные	Полуземлянки	Доски-плахи	Жерди	Столбы	4	5	Очажки	Хазарские горшки	Лощеные сосуды	Кочевнические сосуды	Лепные сосуды	Боршевские сосуды	Древнерусские сосуды	Амфоры	Тмутараканские кувшины	Поливная	Красноглиняные горшки	Овца	Корова	Лошадь	Коза	Свинья	Собака	Бык	Олень	Сайга	Кабан	Птицы	Рыбы
Цитадель	1	×							□□	3		4					5			20	10	×								×	×
	2	×		×					□	①	①	×																			
	3	×							□	×		×	×			×	×			38	11	4			×				×		×
	4	×		×			×				1	24		3			60													
	5	×			×	×	×										1														
	6	×			×	×			□	1		1				×	×			×	×									×	×
	7	×			×				□			33				8	43			90	51	4						×	×		×
	8		×	×	×	×	×			11	6		×			1	29			×				×		×					
	9	×		×		×	×			①						9	16													×	
	10	×				×	×			①		①	×				×			×								×			
	11	×					m																								
	12	×								①										×								×			
	13	×					×						×			60	28			×	×								×		×
	14	×											×				×														
	15	×					×			2			25			3					×	×					×	×	×		
	16	×							□	1	1																				

Окончание табл. 3

Участок	№ построек	Тип жилища		Тип стены			Тип печи			Керамика										Кости животных									
		Наземные	Полуземлянки	Доски-плахи	Жерди	Столбы	4	5	Очажки	Хазарские горшки	Лощеные сосуды	Кочевнические сосуды	Лепные сосуды	Борщевские сосуды	Древнерусские сосуды	Амфоры	Тмутараканские кувшины	Поливная	Красноглиняные горшки	Овца	Корова	Лошадь	Коза	Свинья	Собака	Бык	Олень	Сайга	Кабан	Птицы	Рыбы
Цитадель	17	×			×	×	⊠		□																					
	18	×			×	×	×		□	3		24				9	53			×	×	×							×		
	19	×					××		□□							15	32													
	20	×					⊠ ×		□																					
	21	×				×																								
	22	×		Сруб			×			×			×	①5			22														
	23	×							□																					
	24	×			×			×					7			2	10													
	25	×								14		28				6	9													
	26	×					×																							
	27	×			×	×				4			17			27	32			174	119	14	3					7	7	×	×
	28	×											5			6	4	2													
	29	×																													
	30	×										①								×	×	×									×
	31	×																													

Двор "караван-сарая"	32		×	×		×	×		ж?								×		×													
	33	×				×		×?																								
	34	×		Сруб																										ч		
	35	×		×			×			×			×				②															
	36	×			×	×																										×
	37	×					××																									
	38	×					×																									
	39	×					×																									×
Северо-восток	40	×		Сруб			×						20		2	10	6			11										3	17	
	41	×			×	×	×						5		3	2	13															
	42	×			×		×																									
	43	×		×		×	×						12			15	6															
	44	×			×		×			12			3			2	5			×							×	×	×		×	
	45	×					×		□																							
Северо-запад	46		×	×		×		×		11	6		×			1	29			×				×		×				×	
	47	×			×		×			×	×		×	×		1	×														
	48	×			×		×			×				×		×	×														
	49	×		×		×																										
	50	×		×	×	×	×			×				4			①	1														×
	51	×		×		×					1			×	×	×	×															

Таблица 4

Находки в развалах жилищ второго периода

Находки в развалах жилищ второго периода	Цитадель																	Двор "караван-сарая" и северо-восток					Северо-западный участок				
	2	3	4	5	6	7	8	13	14	15	18	19	22	24	28	29	30	32	40	41	43	44	46	47	49	50	51
Светильники	1											2		1													2
Пробка от амфоры														1													
Ключ							1																1				
Нож							1																1				
Железный крюк																		1								1	
Деревянная посуда																									×	2	
Шиферные пряслица				1			1					1										1	1				
Каменные пряслица																	1			1							
Глиняные пряслица														1													
Тигельки														1		3											
Точильные камни										2			3						1					1			
Каменный пест																											1
Глиняное грузило																						1					1
Обломок янтаря																					1						
Заготовка янтарного крестика			1																								

Стеклянный "конус"						1																						
Лощило									1																			
Обработанный рог оленя										2																		
Рога сайги (заготовка)																14												
Бусы				1										1						1		1				1		
Стеклянные браслеты																				2	2							×
Бронзовое колечко											1				1													
Обломок бронзовой серьги IX—X вв.														1														
Бронзовая пуговка																		1										
Бронзовая круглая бляшка														1				1										
Бронзовые бубенчики																						2						
Бронзовый браслет																							1					
Глиняная "лепешка"																						1						
Псалий из рога		1																										
Медная ручка сосуда																												
Обломок бронзовой накладки					1																							
Медная монета X—XI вв.											1																	
Игрушечный горшочек								1																				
Глиняная фигурка животного																			1									
Игральная кость																						1						

Таблица 5

Основные признаки жилищ третьего периода и состав массового материала в них

Участок	№ построек	Тип жилища		Стены				Тип печи			Очажки	Керамика							Кости животных												
		Наземные	Полуземлянки	Доски, плахи	Жерди	Столбы	На поколе	4	5	С дымоходом		Древнерусская	Амфоры	Тмутараканские кувшины	Лепные горшки	Кочевническая	Хазарская	Поливная	Овца	Корова	Лошадь	Коза	Свинья	Кошка	Собака	Олень	Сайга	Кабан	Волк	Бобер	Птицы	Рыбы
Цитадель	1	×						×				×	×																			
	2	×																														
	3	×									□		11		2				143	66								×			×	×
	4	×						×																								
	5	×		×				×					39	12	24				43	16			×			×					×	×
	6	×								Δ																						
	7	×		×		×		×				①	98	9	①				313	93	32	1					7				×	×
	8	×						×					·																			
	9	×		×	×			×				1	35		2																	
	10	×			×			×	×																							
	11	×		×	×	×																										
	12	×		×	×	×		×			□	①	16		6																	
	13	×																														
	14	×			×	×		×							1			①×														
	15	×			×											1																
	16	×						×																								
	17	×			×																											

Цитадель	18	×		×									1		1		1																				
	19	×		×						Δ			×		1				9	9				1												
	20	×						×				×	10	1	×	1																				
	21	×		×	×	×		×				①	7	10	×				24	16																
	22	×						×	×																												
	23	×						×																												
	24	×		×	×							61	15	12	①43																				
	25	×						×				8	86		19				214	158		2	1			4		1	1		×				
	26	×										14	16	12	①13				×	×	×										×				
	27	×		×	×	×		×				×	×		①×				57	15	×	×	×		×	×	×			×	×				
	28	×					с	×				×	×		①×																				
	29	×			×	×									①				16	23	×														
	30	×				×				Δ																										
	31	×						×																												
	32	×																																		
	33	×																																		
	34	×																																		
Двор "караван-сарая"	35	×					м					×	×	×		×	×		Кости животных																
	36	×			×	×		×										①	Кости животных и рыб (чешуя)																×
	37	×								Δ																										
	38	×			×			×																												
	39	×						×																												
	40		×					×				×																								
	41	×		×		×		×					1																							
	42	×						×				23	1						Кости животных (43)																
	43	×						×				×	×		×				Кости животных (35)																

Окончание табл. 5

Участок	№ построек	Тип жилища		Стены				Тип печи		Очажки и дымоход	Керамика							Кости животных											
		Наземные	Полуземлянки	Доски-плахи	Жерди	Столбы	На мерцедевом сырцовом цоколе	4	Горны		Древнерусская	Амфоры	Тмутараканские кувшины	Лепные горшки	Кочевническая	Хазарские горшки	Поливная	Овца	Корова	Лошадь	Коза	Свинья	Кошка	Олень	Сайга	Кабан	Волк	Бобер	Птицы	Рыбы
Участок северо-восточного двора "караван-сарая"	44	×		×		×		×						①															
	45	×		×		×		×?				②	7	19				46		5					1				×	×
	46	×						×																					
	47	×			×					□	6																		
	48	×		×	×	×					4	18	3	3				Кости животных и рыб (чешуя)											
	49	×									×	9	21	×	17	4		×	×	×					×				×	×
	50	×						×			3	9	18		9														
	51	×						×																					
	52	×					м																						
"Длинное здание"	53		×		×	×		×																					
	54		×	×		×		×																					
	55		×	×		×		×																					

В западном углу и вдоль северо-западной стены (уч. А)	56	×			×	×		×																								
	57	×						×																								
	58	×		×	×	×		×																								
	59	×			×	×			2																							
	60	×				×		×	1						①																	
	61	×			×	×																										
	62	×		×	×	×																										
	63	×				×	м								2				×	×												
У Главных ворот (уч. Б)	64	×		×	×	×		×			×	×		①																		
	65	×		×							①																					
	66	×		×							1	×			×																	
	67	×				×		×			①×	×		1																		
	68	×			×	×		×		Δ		1																				
	69	×			×	×					①	×																				
Вне северо-западной стены	70	×		×		×		×			①																					
	72	×			×	×				※		×	1																			
	76	×			×	×			1			×																				

Таблица 6

Находки в развалах жилищ третьего периода

Находки в развалах жилищ	Цитадель																		
	1	5	7	9	10	12	14	18	19	20	21	24	25	26	27	28	29	30	32
Светильник			1								1			1	1		1		
Ножи											1					1			
Дужка железного котла											1								
Железное ушко котла																1			
Деревянные сосуды												2		1					
Шиферные пряслица			1			1						1						1	
Мергелевые пряслица														1					
Глиняные пряслица							1												1
Пряслице из стеклянного сосуда														2					
Тигельки		1	1		1		1												1
Шиферная литейная форма		1																	
Точильные камни							×		×		1								
Заготовка лазуритовой подвески													1						
Заготовка янтаря							1												
Обломки янтаря				1				×											
Коса-горбуша														1					
Кусок рога																		1	
Лощило	1																		
Костяные псалии		2																	
Бусы							1			1			1						1
Стеклянные браслеты			1	×			×				2		3				×		
Бронзовые браслеты			1																
Янтарное колечко				1														1	
Янтарная подвеска		1																	
Бронзовая накладка		1				×													
Бронзовый бубенчик				1		1	1											1	
Бронзовое височное кольцо						1											1		
Костяная накладка					1														
Астрагалы и бита																55			
Собачий клык-амулет																			1
Бронзовые ручки от сосудов		1												1					
Монеты								1			1								
Лом бронзовых предметов					×	×			×		×	×	×		×		×		

Окончание табл. 6

Находки в развалах жилищ	Двор "караван-сарая" и соседние участки									Северо-западный участок							
	35	36	42	43	45	48	49	50	56	63	64	65	66	67	69	72	76
Светильник					1								1		1		
Ножи					1								2				
Крючок													1				
Бронзовое кольцо										1							
Железное кольцо			1														1
Деревянные сосуды					2								1				
Мерная чашечка																	1
Шиферные пряслица				×		1											
Тигельки				1							1						
Точильные камни							×						1		1		
Обломки янтаря					1		1				1						
Грузило каменное														1			
Грузило глиняное														1			
Зубило							1										
Топорик																1	
Кусок рога								1									
Наконечник стрелы															1		1
Костяной наконечник стрелы				1							1						
Рукоятка костяная с монограммой				1													
Железная пряжка															1		
Бусы							1	2									
Стеклянные браслеты			×	×		4	×			2	×		1	×			
Бронзовые браслеты																	
Стеклянное колечко											1						
Белемнит (амулет)							1										
Бронзовый бубенчик																	
Бронзовая пуговка								1									
Бронзовая круглая бляшка							2								1		
Медные колечки													3				
Костяные кольца с орнаментом															2		
Костяной гребень									1								
Бита					1												
Крест серого шифера				1													
Бронзовые ручки от сосудов																	
Фаянсовый барельеф		1															
Монеты	1																
Лом бронзовых предметов							×							×			×

Таблица 7

Основные признаки четвертого периода и состав находок в них

	Основные признаки жилищ и находки в них	Цитадель												"Караван-сарай"		Северо-западный участок							
Основные признаки жилищ	Наземные жилища	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×	×		×	×	×	×	×	×	×	×
	Полуземлянки														×								
	Сырцовые стены	×	×	×	×	×	×	×						×		×	×	×	×			×	×
	Столбово-турлучные								×	×	×	×	×		×					×	×		
	Печи	××		×	×	×	×	××		×	×			××	×							×	
	Очаги				※				※			—	□										
	Горны																			×			
	Гончарные печи																			×			
	Гончарные круги	×																					
Керамика	Древнерусские горшки	360	5	×	×	×	①	×	39	3				2									
	Ленные грубые сосуды	31	5						39				4	3									
	Амфоры XII в.	23	75	×	×	×	×	×	33	5			6	6									
	Тмутараканские кувшины	4	5										3										
	Кочевнические орнам. сосуды				1					1													
	Хазарские горшки								16														
	Голубая полива													1									
Кости животных	Овца	×		×	×	65		×		3			81										
	Корова	×		×	×	45		×	×	14			34	9									
	Лошадь	×		×	×	9		×	×				7										
	Свинья								×														
	Коза								×														
	Собака					8																	
	Кошка							×															
	Сайга				×																		
	Кабан								×														
	Бобер												×										
	Птицы								×				×										
	Рыбы, чешуя	×				×			×				×										

Находки вещей в жилищах																								
	Светильники		2		1					1														
	Шиферное приспище	1																						
	Мергелевая литейная форма							1																
	Точеный камень							1																
	Кость с нарезкой			1																				
	Лощило					1																		
	Заготовка рога оленя							1																
	Топор		1																					
	Стеклянные браслеты	16			×								1											
	Хрустальная буса	1																						
	Сердол буса				1																			
	Бусина				1								1											
	Гребень костяной			1																				
	Астрагалы			12																				
	Обломки бронзовых чашечек										1													
	Наконечник стрелы							1																
	Костяная петля от колчана	1																						
	Обломок энколпиона	1																						
	Костяная шлифованная пластина												1											
	Обломок замка								1															
	Костяное кольцо												1											
	Обломок медной ручки												1											

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

МАТЕРИАЛЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОТЧЕТОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ФАУНЫ САРКЕЛА-БЕЛОЙ ВЕЖИ

Предварительный отчет по изучению фауны Саркела-Белой Вежи

Зоологические сборы проводились на городище на раскопах I и II (1949—1950 гг.).

Раскоп I (1949 г.)

	Взято	Оставлено	Всего
Бык	289	1328	1618
Лошадь	107		383
Овца	418	1720	2138
Свинья	59	258	317
Собака	42	3	45
Кошка	4	—	4
Верблюд	2	—	2
Коза	22	78	100
Лось	36	4	40
Олень	17	1	18
Бобр	8	—	8
Медведь	1	—	1
Птица	36	—	36
Черепаха	3	—	3
Рыба	397	34	431
Неопределенные мелкие хищники	12	1	13
Неопределенные	264	3228	3492
Итого:	1707	6936	8643

Раскоп I (1950 г.)

	Взято	Оставлено	Всего
Бык	140	678	818
Лошадь	173	350	523
Овца	257	758	1015
Свинья	108	328	436
Собака	69	17	86
Кошка	2	—	2
Коза	23	37	60
Осел	2	—	2
Лось	33	4	37
Олень	3	3	6
Бобр	17	2	19
Волк	1	—	1
Птицы	45	4	49
Рыба	1057	146	1203
Неопределенные мелкие хищники	33	—	33
Неопределенные	475	2471	2946
Итого:	2438	4799	7237

Раскоп II (1949 г.)

	Взято	Оставлено	Всего
Бык	686	2280	2966
Лошадь	213	620	833
Овца	1214	2868	4082
Свинья	296	594	890
Собака	90	—	90
Кошка	1	—	1
Верблюд	1	—	1
Коза	8	31	39
Лось	75	1	76
Олень	13	—	13
Бобр	32	1	33
Медведь	1	—	1
Птица	62	—	62
Черепаха	4	—	4
Рыба	290	30	320
Косуля	1	—	1
Сайга	1	—	1
Волк	4	—	4
Неопределенные мелкие хищники	29	1	30
Неопределенные	493	4484	4794
Итого:	3348	10922	14270

Под рубрикой "неопределенные фрагменты" имеются в виду неопределимые кости жвачных животных.

Как видно из приведенных данных, на первом месте среди домашних животных стоит овца, затем бык, лошадь и свинья. Интересно, что количество костей в хазарский период (в %) даже увеличивается.

Кости домашних животных часто раздроблены с целью извлечения костного мозга. Нередко кости применялись для разного рода поделок. Особенно употребительны были кости ног и ребра лошади, реже — быка.

Дикая фауна сильно отличается от современной, костей диких животных в хазарском слое больше, чем в древнерусском.

Фауна свидетельствует о наличии больших лесных массивов в Хазарии: лось, медведь, благородный олень, бобр, барсук, дикий кабан — лесные животные. Однако есть и степные виды: сайга, степной кот, дрофа.

Птицы представлены гусями, утками, курами, один раз — лебедем. Возможно, все птицы были еще дикими.

Фауна рыб представлена громадным количеством осетровых. Встречаются также кости сома и щуки, карповые. Особенно много чешуи карповых рыб.

Следует отметить несомненную связь фауны с Кавказом: попадаются поделки из рогов горных баранов.

Предварительно о породах домашних животных можно сказать следующее: лошадь, бык и овца принадлежат к крупным породам. Лошадь очень близка к своему дикому родичу. Собаки: борзые и овчарки.

Сравнительный анализ фауны по глубинам в раскопе I

	0—100	101—200	201—300
Лошадь	46	156	99
Бык	418	953	307
Овца	453	1288	379
Коза	1	—	—
Свинья	7	80	197
Кабан	—	2	—
Верблюд	—	1	1
Лось	3	9	24
Олень	4	4	11
Сайга	4	24	56
Собака	3	11	23
Лиса	—	—	2
Барсук	—	—	—
Медведь	1	—	—
Кошка	—	1	3
Бобр	—	5	3
Тур	—	—	1
Рысь	53	223	150
Птицы	4	19	10
Неопределенные	1	3	1
Итого:	998	2779	1267

Сравнительный анализ фауны по глубинам в раскопе II

	0—100	101—200	201—300
Лошадь	40	270	397
Бык	342	1290	1049
Овца	480	1917	1521
Коза	12	10	4
Свинья	14	212	336
Кабан	4	132	129
Лось	3	6	24
Олень	4	43	37
Сайга	3	23	26
Зубр	1	1	—
Тарпан	—	—	4
Кулан	—	1	1
Верблюд	—	1	—
Косуля	—	2	2
Собака	1	33	46
Волк	1	1	4
Лиса	—	—	2
Барсук	—	—	1
Медведь	—	—	1

Окончание

	0—100	101—200	201—300
Кошка	—	—	2
Бобр	—	16	14
Птицы	6	12	36
Рыбы	61	116	88
Неопределенные	—	5	16
Итого:	972	4091	3740

Предварительный отчет о палеозоологических сборах из раскопов 1951 года

В зоологический отряд входили К. Б. Юрьев и студенты-практиканты И. Терновой, Г. Храброва и А. Таттар. Работа велась с 6 июля по 3 октября 1951 года.

Всего за указанный период было просмотрено и подверглось определению более 100 тыс. костей различных животных. Из них примерно 14 тыс. взято для дальнейшей обработки.

Кости принадлежали 30 видам различных животных. Из прилагаемой таблицы видно, как изменяется видовой состав по соответствующим горизонтам культурного слоя. Следует учитывать, что в таблицу включены не все кости. В нее не вошли около 60 тыс. костей, не получивших точного определения ввиду их фрагментарности. Однако и они подвергались условному определению, которое позволяло говорить о том, что и эти кости принадлежали в основном домашним животным — лошади, быку и овцам.

Наряду с домашними животными отмечено довольно большое количество диких. Их можно разделить на две группы — степную и лесную. Степная представлена куланами, сайгой, лисой (степной), светлым хорем, зайцами, сусликами, лесная — лосями, косулями, оленями, медведями, барсуками. Бобр, кабан и выдра связаны с наличием больших приречных зарослей растительности.

Из приведенного количества видов в наше время здесь встречается всего 8 видов.

Во времена жизни в Саркеле-Белой Веже степь была иной: она была ковыльной, и в ней могли быть такие "лесные" звери, как тур, олень и барсук.

В пойме Дона были большие растительные заросли, бывшие обиталищем не только для указанных животных, но и для различных птиц.

Количество диких животных явно убывает в верхних слоях. Очевидно, это результат приближения климатических и ботанико-ландшафтных условий к современным. Уменьшается и общее количество костей в позднее время. Вероятно, это означает уменьшение населения в городке.

Из домашних животных преобладает рогатый скот (57—63 %). Скотоводство было одним из главных занятий населения во все время существования города. Охота и рыболовство — подсобные занятия. Интересно изменение процента костей лошади: в верхнем слое он увеличивается. Возможно, из-за повышения процента кочевого населения в городе.

Из рогов оленей и сайги делались разнообразные поделки. Не исключено, что в город попадало много сырья именно в виде рогов: не только от убитых животных, но и которые привозились со стороны.

Использовался и мех диких животных. Так, в одной из ям было обнаружено большое количество костей лисы (8 особей). Может быть, это остатки производства скорняка. То же относится и к суслику: в одной из ям обнаружено 30 черепов суслика.

Что касается птиц, то были обнаружены кости домашней курицы, домашнего гуся, дикого гуся, лебедя, дрофы, пеликана, цапли, орлана и каких-то "воробьиных" пород.

Рыба занимала довольно видное место. Кости попадаются в виде скоплений в ямах и в культурном слое. Скопления связываются с сезонностью уловов (обычно летом). После большого улова она сразу же шла в пищу как скоропортящийся продукт. Во всяком случае, всякие сопоставления скоплений рыб со сменой постов и мясоедов, характерных для христианства, неуместны. Материал этого не подтверждает: кости рыб обычно встречаются в виде примесей к костям других животных.

Кости представлены или целыми, или крупными обломками. Они плотные, крепкие, с гладкой поверхностью. Правда, часть костей побывала в пожаре — тогда они пористые и хрупкие.

Хозяйственные ямы — клады зоологов. Кости сохраняются в них отлично, изолируясь от внешних воздействий.

Есть некоторые данные о приручении населением города дикой кошки.

Лошади неоднородны в породном отношении: есть мелкая южная лошадь типа киргизской, а также рослая, тяжелая северного типа. Можно предполагать и приручение местной дикой лошадки — тарпана.

Сохранность костей

	Глубина					
	0—0,5 м	0,5—1	1—1,5	1,5—2	2—2,5	2,5—3 м
Всего костей	40182	31961	28917	15760	10979	2383
Лошадь			950	280		
Бык		8228	7468	4133		
Овца	17656	17376	17641	10051	5924	1113
Коза					20	—
Свинья				41		2
Верблюд	26	21				—
Собака		173	554	124		
Кошка			102			
Кулан		1	—	—		—
Тур		—	—	—	2	—
Лось						—
Олень	655		103	31		
Косуля		12		—	—	—
Сайга	500	280	144		61	
Кабан	2576		247		25	
Медведь		—		—	—	—

Продолжение

	Глубина					
	0—0,5 м	0,5—1	1—1,5	1,5—2	2—2,5	2,5—3 м
Волк	12	5	11	—	—	—
Лиса	1353	53	18	16	8	1
Хорек светлый	29	47	—	2	—	—
Ласка	1	—	—	—	—	—
Барсук	63	40	15	4	7	—
Выдра	12	1	1	—	—	—
Бобр	150	42	16	3	4	—
Заяц	34	15	3	1	5	—
Суслик малый	14	1	4	13	1	—
Слепыш	—	1	—	1	1	—
Еж	—	1	1	—	—	—
Птицы	1048	492	384	239	66	8
Рыбы	4091	2178	1086	651	392	161

	Глубина					
	0—0,5 м	0,5—1	1—1,5	1,5—2	2—2,5	2,5—3 м
Всего костей	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %	100 %
Лошадь	6,35	3,65	3,31	1,77	4,27	3,86
Бык	21,86	25,74	25,82	26,22	33,13	37,8
Овца	43,94	54,36	61,05	63,77	53,95	46,7
Коза	0,19	0,16	0,31	0,20	0,18	—
Свинья	2,39	0,76	0,24	0,26	0,67	0,08
Верблюд	0,06	0,06	0,003	0,01	0,009	—
Собака	0,86	0,54	1,91	0,78	2,20	2,72
Кошка	0,35	1	0,35	0,12	0,14	0,04
Кулан	0,01	0,003	—	—	0,009	—
Тур	0,002	—	—	—	—	—
Лось	0,14	0,05	0,01	0,01	0,01	—
Олень	1,63	1,03	0,35	0,19	0,20	0,58
Косуля	0,05	0,03	0,003	—	—	—
Сайга	1,24	0,87	0,49	0,4	0,55	1,006
Кабан	6,41	2,68	0,85	0,31	0,22	0,04
Медведь	0,009	—	0,003	—	—	—
Волк	0,02	0,01	0,03	—	—	—
Лиса	0,87	0,16	0,06	0,1	0,07	0,04
Хорек	0,07	0,14	—	0,01	—	—
Ласка	0,002	—	—	—	—	—
Барсук	0,15	0,12	0,05	0,02	0,06	—
Выдра	0,02	0,003	0,003	—	—	—
Бобр	0,37	0,13	0,05	0,01	0,03	—
Заяц	0,08	0,04	0,01	0,006	0,04	—
Суслик	0,03	0,003	0,01	0,08	0,009	—
Слепыш	—	0,003	—	0,006	0,009	—
Еж	—	0,003	0,003	—	—	—
Птица	2,60	1,53	1,32	1,51	0,60	0,33
Рыба	10,18	6,81	3,73	4,13	3,57	6,79

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

МОНЕТЫ ИЗ РАСКОПОК САРКЕЛА-БЕЛОЙ ВЕЖИ 1950—1951 ГОДОВ

Раскоп I 1950 года

№ 48*. Кв. Б3—В4, глубина 0,75 м от В3, +1,28 от 0. Медная византийская монета, диам. 24 мм. X в. Сохранность плохая.

№ 1011. Кв. Ж8—З7 (раскоп 1949—1950 гг.), глубина 2,2 м от З8 или +0,59 от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Романе II (959—963 гг.), диам. 20 мм. Сохранность средняя.

№ 1703. Кв. Ж6—З7, глубина 2,95 м от З8 или −0,16 м от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Романе II (959—963 гг.), диам. 18 мм. Сохранность средняя.

№ 1766. Кв. Е6—Ж7, глубина 2,75 м от З8 или +0,04 м от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Романе II (959—963 гг.), диам. 20 мм. Сохранность плохая.

№ 1768. Кв. Е6—Ж7, глубина 2,75 м от З8 или +0,04 от 0. Медная византийская монета, диам. 28 мм. IX—X вв. Сохранность очень плохая.

№ 1954. Кв. Г6—Д7, глубина 2,6 м от Д7 или +0,12 м от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Василии I (867—886 гг.), диам. 18 мм. Сохранность плохая.

№ 2241. Кв. раскопа 1949—1950 гг., яма 77. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Василии II (976—1025 гг.), диам. 18 мм. Сохранность плохая.

Раскоп II 1950 года

№ 317. Кв. Т4—С5, глубина +0,76 м от 0. Медная монета, чеканена при Константине Багрянородном и Романе II (945—959 гг.), диам. 19 мм. Сохранность средняя.

№ 329. Кв. У2—Т3, глубина +0,95 м от 0. Серебряная(?) монета, чеканена при Василии II и Константине VIII (975—1025 гг.), диам. 19 мм. Сохранность средняя, у края пробиты две дырочки.

№ 731. Кв. С6—Р7, глубина 1 м от Р6 или +1,51 м от 0, из мергелевой кладки. Медная монета, чеканена при Романе II (959—963 гг.), диам. 19,5 мм. Сохранность средняя.

№ 961. Кв. С5—Т6, у мергелевой кладки. Медная монета, чеканена при Василии I в Херсонесе (867—886 гг.), диам. 16,5 мм. Сохранность хорошая.

№ 994. Кв. Р5—П6, глубина 1,4 м от П7 или +1,17 от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Василии I (867—886 гг.), диам. 16 мм. Сохранность средняя.

№ 1164. Кв. Т7—С8, глубина 1,9 м от Т8 или +0,74 м от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Константине Багрянородном и Романе II (945—959 гг.), диам. 16,5 мм. Сохранность плохая.

---

* № полевых описей 1950 г.

№ 1252. Кв. С5—Р6, глубина 1,6 м от П7 или +0,97 м от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Иоанне Цимисхии (969—976 гг.), диам. 17,5 мм. Сохранность хорошая.

№ 1275. Кв. У5—Т6, глубина 2,77 м от Р4 или +0,17 от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Романе II (945—959 гг.), диам. 17,5 мм. Сохранность очень плохая.

№ 2034. Кв. Ф11—У12, глубина 0,65 м от С12 или +2,06 от 0. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Василии II (976—1025 гг.), диам. 18 мм. Сохранность плохая.

№ 2124. Кв. Х9—Ф10, подъемный материал. Медная монета, чеканена в Херсонесе при Романе II (959—963 гг.), диам. 16 × 18 мм. Сохранность плохая.

№ 3410. Кв. У8—Т9, глубина 2,5 м от С12. Византийская монета, чеканена при Романе IV (1067—1071 гг.), диам. 22—25 мм. Сохранность плохая.

Монеты, обнаруженные на раскопах в 1951 году

Шифр	Определение	Дата	Диаметр	Металл	Сохранность	Квадрат	Глубина
ВД-51 С1-407	Херсонес Василий I	867—886	20	АЕ	Хор.	—	30
ВД-51 С1-104	Херсонес Никифор II Фока	963—969	18,5	АЕ	Средн.	Яма	14
ВД-51 С1а-228	Херсоно-византийская	X век	18	АЕ	Плох.	83—И84	170
ВД-51 С1а-271	Херсонес Василий I	867—886	18	АЕ	Плох.	87—И88	75
ВД-51 С1а-305	Херсонес Василий II	976—1025	19	АЕ	Плох.	И87—З88	36
ВД-51 С1а-327	Византийская	X век	28	АЕ	Плох.	З91—Ж92	0
ВД-51 СII-481	Херсонес Роман II	959—963	17	АЕ	Средн.	М5—Л6	127
ВД-51 СII-565	Боспор Савромат I	93—123	27	АЕ	Средн.	Л7—8	90
ВД-51 СII-924	Херсонес Константин Багрянородный	913—959	17	АЕ	Средн.	Н5—М6	30
ВД-51 СII-1923	Херсонес Василий I	867—886	17	АЕ	Хор.	И8—З9	20
ВД-51 СII-2495	Херсонесская	IX—X века	20	АЕ	Плох.	В10—Б11	–75
ВД-51 СII-3410	Византийская Роман IV	1067—1071	22—25	АЕ	Плох.	У8—Т9	0
ВД-51 403	Херсоно-византийская	IX—X века	17,5	АЕ	Плох.	У15—Т16	210
ВД-51 426	Византийская Феодора, дочь Константина VIII	1055—1056	31 × 27	АЕ	Плох.	Х13—Ф14	154

Окончание

Шифр	Определение	Дата	Диаметр	Металл	Сохранность	Квадрат	Глубина
ВД-51 629	Херсонесская	IX—X века	17,5	AE	Плох.	Ф17—У18	143
ВД-51 636	Византийская Феодора, дочь КонстантинаVIII	1055—1056	31 × 27	AE	Плох.	Ф21—У22	108
ВД-51 640	Византийская Константин X Дука Исаак I Комнин	1059—1067 1057—1059	24	AE	Плох.	Х13—Ф14	125
ВД-51 1243	Херсоно-византийская	IX—X века	17,5	AE	Плох.	Т24—С25	19
ВД-51 1340	Херсоно-византийская	X век	19	AE	Плох.	Т14—С15	70
ВД-51 1440	Византийская Василий II и Константин VIII	976—1025	19	AR	Плох.	У2—Т3	95
ВД-51 1724	Херсонес Роман II	959—963	—	AE	Очень плох.	Ф15—У16	-62
ВД-51 1898	Херсоно-византийская	X век	21	AE	Очень плох.	Ф14—У15	25
ВД-51 1968	Херсоно-византийская	X век	19	AE	Очень плох.	Х15—Ф16	5
ВД-51 2171	Херсонес Константин Багрянородный и Роман II	945—959	18,5	AE	Плох.	У15—Т16	'61
ВД-51 2325	Херсонес Константин Багрянородный и Роман II	945—959	17,5	AE	Плох.	С21—Р22	162

Восточные монеты из раскопов 1951 года

ВД-51 СП-252	Омейяды, 127=744/45 гг., кв. У7—8, серебро. Кузница
ВД-51 СП-2010	Плохой сохранности Аббасиды, вторая пол. VIII в., кв. Г1—2, яма 108, серебро
ВД-51 2712	Сельджуки Ирана, Масуд, 1133—1152, кв. О22-Н23, медь
ВД-51 3037	Халифские наместники Ирана, серебро Убайдаллах ибн Зийад, 656—687, кв. Ф19—У20, У19—Т20
Погреб	Омейяды, 738—749, место чекана не сохранилось, серебро
Погреб	Аббасиды, VIII — нач. IX в. Имя халифа, город и год стерлись, серебро
Погреб	Обломок куфического диргема IX в.(?), серебро

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
о зерновых остатках Волго-Донской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР (1951 г.) в районе затопления Цимлянского водохранилища

Нами просмотрены 16 проб, каждая из которых представляет собой извлечение из различных мест и слоев раскопок.

П р о б а № 1, обозначенная экспедицией кв. $Е_{10}$—$Д_{11}$ и II/кв. $Д_{10}$ $Г_{11}$108, гл. 1,13 м.

Содержит свыше 100 обугленных зерен.

Анализ этих зерен показывает, что подавляющее большинство их относится к роду пшеница (Triticum) семейства злаковых. Кроме того, обнаружено одно зерно, принадлежавшее к роду ржи (Secale), и 2 зерна очень плохо развитых, родовую принадлежность которых трудно установить.

Основная масса пшеничных зерен выделяется укороченностью и округлостью. Эти зерна значительно мельче, чем современные зерна мягкой пшеницы (Triticum vulgare), возделываемые в районе Волго-Дона. Так, длина у наиболее крупных зерен всего лишь 4,5 мм, ширина 3 мм, толщина 3 мм. У наиболее мелких — соответственно 3,6 мм; 2,5 мм; 2,2 мм. По этим показателям найденные зерна скорее напоминают вид карликовой пшеницы (Triticum compactum), чем распространенный на Дону вид мягкой пшеницы (Triticum vulgare). Вместе с тем часть этих зерен по строению бороздки обладает чертами вида твердой пшеницы (Tr. durum) группы duro-compactum или horanicum.

Пока можно лишь установить, что в тот период, судя по этой пробе, зерна пшеницы были значительно мельче, чем у современных сортов, и что основная масса зерен этой пробы относится к мелкозерным формам карликовой пшеницы (Tr. compactum), а часть зерен приближается к типу твердой пшеницы.

Любопытно, что зерно ржи (Secale) очень крупное и представляет собой контраст с зернами пшеницы данной пробы, а также с зернами ржи из находок IV века из г. Азов.

П р о б а № 2, обозначенная экспедицией СII, кв. $И_{100}$—З, гл. 5 см.

Содержит около 75 зерен, представленных родом пшеницы (Triticum) и родом ячменя (Hordeum).

Пшеничные зерна напоминают по размерам и форме современный тип мягкой пшеницы (Tr. vulgare). В массе длина зерна 6 мм, ширина 3,7—3,4 мм, 2,9 мм, толщина 2,1 мм. Имеется фракция округлых укороченных зерен наподобие материала из пробы № 1. Можно констатировать, что большинство пшеничных зерен относится к виду мягкой пшеницы (Tr. vulgare), а часть укороченных зерен, возможно, следует отнести к виду карликовых пшениц (Tr. compactum) или к типу duro-compactum (твердой пшеницы). Кроме того, в данной пробе найдены 2 крупных зерна пленчатого ячменя (Hordeum sativum). Голозерных форм ячменя не обнаружено.

П р о б а № 3, обозначенная экспедицией городище $К_2$—$И_3$, гл. 35 см, ВД 51/Б.

Представлена преимущественно видом пленчатого ячменя (Hordeum sativum). Зерна крупные, по размерам напоминают современные культурные ячмени, длина зерна в массе 7,1 мм, ширина 3,7—5,4 мм, толщина 3 мм. Данная проба содержит также сильно обугленные зерна мягкой пшеницы (Tr. vulgare).

П р о б а № 4, обозначенная экспедицией ВД 51/Б-87 7/17—51 г., кв. Ж8—99, из жилища на гл. 0,6 м.

В этой пробе свыше 100 обугленных зерен; почти все они относятся к виду Hordeum sativum и представлены пленчатыми формами. Кроме того, в пробе содержится 3 зерна плохо развитых, видовую принадлежность которых трудно установить.

П р о б а № 5, обозначенная экспедицией кв. ВД 51/Б 86 7/XI—51 г., кв. Ж-8-Ед.

Содержит свыше 50 зерен, представленных главным образом видом мягкой пшеницы (Tr. vulgare). Возможно, мелкие зерна правильнее отнести к виду карликовой пшеницы (Tr. compactum). Зерна второго типа составляют половину образца. Одно зерно данной пробы определенно ячменное — представитель Hordeum sativum.

П р о б а № 6, обозначенная экспедицией кв. ВД 51/ кв. $Т_{10}$—13, гл. 0,01 м. Из обломка сосуда.

Представлена несколькими зернами вида Hordeum sativum — все зерна относятся к пленчатым ячменям.

П р о б а № 7, обозначенная экспедицией СII, кв. И100—3, гл. 5 см (А. Богданова).

Подавляющее большинство зерен этой пробы относится к виду мягкой пшеницы (Tr. vulgare) и напоминает по внешности современные формы, возделываемые в Ростовской области. 2 зерна — ячменные — относятся к виду Hordeum sativum. Около 20 мелких зерен условно относятся нами к виду мягкой пшеницы (Tr. vulgare), но они, возможно, представляют собой формы вида карликовой пшеницы (Tr. compactum).

П р о б а № 8, обозначенная экспедицией $К_5$ $И_6$ 14/IX 51 г., № 19, п. 1, к. 2.

П р о б а № 9, обозначенная экспедицией ВД 51/СII, кв. $К_5$, $И_6$, гл. 0,90 см, № 21, п. 1, к. 2.

П р о б а № 10, обозначенная экспедицией ВД 51/Б.87.

П р о б а № 11, обозначенная экспедицией ВД/Б 90, п.1, № 14, к. 2.

П р о б а № 12, обозначенная экспедицией ВД 51/Б 89, № 13, п. 1, к. 2.

Все вышеупомянутые пробы содержат хорошо сохранившиеся крупные зерна пленчатого ячменя (Hordeum sativum). Ни в одном из этих образцов не найден голозерный ячмень.

П р о б а № 13, обозначенная экспедицией ВД 50/ О.276 19/IX 50 г., Р 1 — кв. Д Е-8, гл. 1, 2.

П р о б а № 14, обозначенная экспедицией яма № 13, ВД 51/Б 20/С 1 $Д_6$—$Е_7$, к ЮВ от печи 8/VII—51 г.

П р о б а № 15, обозначенная экспедицией ВД 51/Б 91, кв. $Ж_{11}$—$Е_{12}$, II—1, 28/VIII.

Обозначенные выше три пробы в отличие от предыдущих представлены преимущественно родом просо (Panicum). Среди обуглившихся зерен проса имеется значительное количество обрушенных зерен — пшено.

П р о б а № 16, обозначенная экспедицией СII 11/100—3, гл. 5 см. Обгорелая пшеница из горшка.

Представлена большим количеством зерен мягкой пшеницы (Tr. vulgare), а также своеобразным типом, напоминающим твердую пшеницу (Tr. durum) группы duro-compactum или horanicum.

Кроме того, в небольшом количестве найдены в этой пробе зерна пленчатого ячменя.

В заключение укажем, что находки Волго-Донской экспедиции вносят ряд новых данных к познанию древности культуры на Дону, а именно:

а) в районе Волго-Донского канала близ Цимлянского водохранилища уже тысячу лет назад были известны различные хлебные злаки — пшеница (Triticum), ячмень (Hordeum), рожь (Secale);

б) род пшеницы в этот период представлен на указанной территории разнообразием форм;

в) есть основание предполагать, что земледельцы того периода знали не только вид мягкой пшеницы (Triticum vulgare), но и твердую пшеницу (Triticum durum) группы duro-compactum, а также карликовую пшеницу (Triticum compactum);

г) наряду с формами пшеничного типа, близкими к современным, можно предположить наличие в тот период особых форм, ныне исчезнувших из культуры или изменившихся под влиянием человека — это своеобразные укороченные зерна твердой пшеницы, напоминающие группу duro-compactum или horanicum среди вида Triticum durum (твердой пшеницы);

д) можно отметить новое и в ячменях: довоенные находки выявили мелкозерные ячмени, настоящая находка — крупнозерные пленчатые (Hordeum sativum);

е) судя по единичным зернам ржи, последняя культура играла там подчиненную роль; основной культурой на этой территории была пшеница.

Зав. лабораторией пшеницы ВИР,
канд. с.-х. наук М. Руденко

Summary

At the beginning of the XIX century scientists and specialists in regional studies paid attention to the hill rising on a former river-bed bank on the river Don flood-lands near stanitsa Tsimlianskaya. A lot of pit-holes were dug here, which resulted in the conclusion that the hill consisted of three meter depositions of a medieval monument cultural layer. The monument originally was named The Left-bank Tsimliansky settlement.

The further researches enabled to identify this settlement with the towns known in written sources. These were Khazarian Sarkel and ancient Rus' Belaya Vezha.

M.I. Artamonov conducting archeological prospects on the Lower Don banks concluded that more weighty data was needed to prove the localization of Sarkel-Belaya Vezha indisputably. For the first time he started the Left-bank Tsimliansky settlement excavations in 1934—1936. About one third of the settlement was disclosed and investigated by M.I. Artamonov's expedition during the Volga-Don channel construction in 1949—1951. These excavations put the fact that the monument was Sarkel-Belaya Vezha beyond any doubt.

According to Constantine Porphyrogenitus, a Khazarian khan requested the Byzantine emperor to send architects to build a fortress on the River Don. The request was satisfied and in the 830s powerful fortress built of fine moulded and baked bricks was erected at the crossroads of several roads and at the Don river-crossing. This rather small trade and customs fortress town grew rich and prospered until the Rus' prince Sviatoslav Igorevich with his armed force conquered and sacked it in 965 during the eastward campaign. Not only were all wooden constructions burned and ruined but walls, which seemed impregnable, were partly damaged.

Sviatoslav went away having left a small squad of the Slavs (the Borshevtsy) and the allied nomads (the Pechenegs and the Guzes) participating in the prince's campaign on a site of fire. The refugees (the Khazarians and the Bulgarians) who had abandoned Sarkel during Sviatoslav's conquest began to return to their native

town. A new construction was started. Dugouts were dug as well as pits, which destroyed the Sarkel layer completely. It merged with a new reconstruction layer. The settlement springing up on the site of fire acquired a new name – Belaya Vezha (loan-translation of Sarkel). Although, in the Turkic languages spoken by the steppe nomads it was still called Sarkel.

Each of the above-mentioned peoples built their dwellings in accordance with their knowledge and customs. The Slavs constructed dugouts, the Sarkelians cleared brick ruins to built ground-level dwellings there. The nomads lived in jurts, whose remains were unlikely to be found except for the five jurts with the floors carefully paved with bricks. Apart from the differences in house-building the three basic groups of the population differed from each other in beliefs, ornaments and preferred to place their constructions on separate sites.

Nevertheless living side by side, solving common problems of settlement fortification, the fact they faced permanent threat of unfriendly steppe nomads, taking care of their property, cattle, fields and the life itself made these heterogeneous groups merge and unintentionally they become "a single whole" – the Belovezhtsy (inhabitants of Belaya Vezha). The period of 960 – early XI century saw the first steps of the settlement transformation into a small town.

The first half of the XI century marked the beginning of the steppe town foundation; this resulted in the second layer formation, which did not exceed the depth of 0,6 m. It was composed of the remains of 50 ground-level dwellings with well-built brick stoves placed in one of the constructions' corners. The dwellings and yards were placed in rows (quarters), which represented a vivid example of urban design.

The structure of the pottery complex was almost similar to that of the lower layer merged with the Khazarian one. The imported tare ware items dominated there; among them the fragments of collar amphoras dated back to the XI century could be found. The kitchen utensils were obviously of local origin. Modeled Borshevskie (slavic) pots and modeled rich ornamented nomadic pottery still remained in the complex.

The third layer proved to be Belaya Vezha heyday period. Intensification of the town settling process resulted in rapid cultural bedding formation (up to 1 m thick). The remains of 72

ground-level dwellings and industrial constructions as well as four dugouts were disclosed in the layer. According to the pottery and other items found the layer dates back to the second half of the XI century — the beginning of the XII century.

This period witnessed thorough city fortification restoration; after the big fire badly damaged walls were restored (where it was possible) by the dwellers of Belaya Vezha. However it was not enough to protect the settlement. As the old ditch with running water was filled with the town wastes, a new ditch construction started, which required enormous working force efforts. The Big Ditch cut a vast area off the river bank. It was much wider and deeper than the old one and had a circulating water system. The ground dug out of the ditch formed an outside line of forty embankments preventing enemies from advancing too close to the ditch itself. At the beginning of the work the ground dug was placed on the inside line of the ditch too. However later the outside fortification line alone appeared to be strong enough.

In summer the vast territory framed by the ditch was used for caravans' rest; in winter the Pechenegs and the Guzes (militarized vassals) used it for camels and war horses, while in early spring this area served as a pastry for in-calf cows, sheep and horses.

Belaya Vezha grew into a trading and manufacturing center. The least populated north-west end hosted melting workshops, blacksmiths' workshops and pottery workshops. Other craftsmen such as jewelers, bone-carvers, archers were scattered across the town; they were not found though for the cultural layer as well as separate constructions were damaged badly.

Despite the fact that the layer is destroyed severely the remaining constructions' floor depths as well as the excavated numerous pottery items, glass bracelets and cattle bones prove that the accepted period division is justified.

At the beginning of the XI century Vladimir Monomakh, the prince of Pereyaslavl princedom, who owned the lands bordering on the steppe region, fought successfully against the nomads who looted the towns neighbouring on the nomads' camps.

In 1111 Vladimir Monomakh conquered three towns located on the river Severskiy Donets. In 1116 he sent his son to complete the defeat, which ended in the Sharukhanids' retreat. The Sharukhanids moved from the Verkhniy Donets steppe to the Middle Donets, then southward to the Lower Don where they had clashes with the Guzes

and the Pechenegs (supposedly the vassals of Belaya Vezha) and defeated them totally. The Guzes and the Pechenegs left for Rus' to ask for protection and patronage. Thus later both Kiev and Chernigov borders witnessed the formation of the Chorni Khlobuks' multiethnic alliance which subsequently proved to be stable defense of the Rus' lands.

Meanwhile, Belaya Vezha devoid of such defense fell a prey to the Polovetskaya horde and the town was razed to the ground as it had once happened in 965. In 1117 though part of the remaining population (presumably the Russichi) was freed for the ransom.

Later, however, a new life of Belaya Vezha started. Big adobe block houses were built instead of the ones of the previous period. They hosted the richest and the most powerful aristocrats while the average Polovets warriors' houses were smaller in size and were placed outside the fortress walls.

On the territory of the fortress the houses commonplace for both Sarkel and Belaya Vezha made of boards were built along with adobe ones. Fireplaces were located either in the center of the floor or along the middle of one of the walls.

This type of the house design marks the fact that the Sarkels were a constituent part of the fortress population. They were either craftsmen or traders, who used river boats for the external trade with the towns of Tmutarakan' and Korchev as steppe roads were destroyed.

The camp for winter spending was short-lived, it had existed no later than the middle of the XII century. Still massive thick walls made of high quality bricks had been dominating long over the surrounding landscape of the Don left bank flood-lands.

At the end of the XIV century this landmark was mentioned by metropolitian Pimen who moved down the river Don to Asov and farther to Konstantinopol. In his travel notes Pimen wrote he had learnt that these ruins used to be a site of ancient settlement called "Serklia". The town of Sarkel continued to live in the steppe inhabitants' memory.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. Саркел 13

Глава 2. Славянское поселение на развалинах крепости 36

Глава 3. Начало формирования города 80

Глава 4. Древнерусский город в половецкой степи 121

Глава 5. Белая Вежа в первой половине XII века 186

Глава 6. Культурный слой Белой Вежи (стратиграфия находок) .. 206

Глава 7. Город и степь (вместо заключения) 235

Иллюстрации 265

Литература 352

Список сокращений 356

Приложения 357

Приложение 1. Основные признаки жилищ первого—четвертого периодов и находки в них 358

Приложение 2. Материалы предварительных Отчетов по изучению фауны Саркела-Белой Вежи 374

Приложение 3. Монеты из раскопок Саркела-Белой Вежи 1950—1951 годов 380

Приложение 4. Заключение о зерновых остатках Волго-Донской археологической экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР (1951 г.) в районе затопления Цимлянского водохранилища 383

Summary 385

Научное издание

Плетнёва Светлана Александровна

ДРЕВНЕРУССКИЙ ГОРОД В КОЧЕВОЙ СТЕПИ:
историко-стратиграфическое исследование

Монография

Редактор *З. С. Фоменко*
Художественный редактор *Е. Ю. Бочарникова*
Электронная верстка *О. В. Нагаевой*
Корректоры *Г. И. Старухина, М. Г. Щигрева*

Подп. в печ. 19.08.2006. Форм. бум. 70×100/16
Бумага легкомелованная. Офсетная печать. Усл. п. л. 31,9
Уч.-изд. л. 24,8. Тираж 500. Заказ 4218

Издательство Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «ИПФ "Воронеж"»
394000 Воронеж, пр. Революции, 39

Плетнёва Светлана Александровна — доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. Научные интересы — история и археология народов юго-восточной Европы во второй половине I тысячелетия — начале II тысячелетия. Ведущий специалист в области хазарской истории и археологии. Активный участник Волго-Донской археологической экспедиции по исследованию Саркела-Белой Вежи в 1949—1951 гг. (рук. М. И. Артамонов). Руководитель ряда экспедиций по изучению памятников салтово-маяцкой культуры, в том числе Советско-Болгаро-Венгерской в 1975,1977—1982 гг. на Маяцком комплексе памятников.

Автор более 170 научных работ, среди них 16 монографий: От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура (1967 г.); Половецкие каменные изваяния (1974 г.); Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей (1982 г.); На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс (1989 г.); Саркел и "шёлковый путь" (1996 г.); Очерки хазарской археологии (1-е изд. — 1999 г., 2-е изд. — 2000 г.); Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (2003 г.) и др.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА